

**ПРОТИВ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ**

**ПРОТИВ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ**

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

*Издательство
социально-экономической литературы
Москва — 1959*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. (ответственный редактор),
МОЛОЧКОВ С. Ф. (зам. ответственного редактора),
КАЖДАН А. П., МИХАЙЛОВ М. И.*

*

Сборник статей подготовлен коллективом сотрудников Института истории Академии наук СССР. На основе большого фактического материала авторы статей опровергают антинаучные концепции буржуазных историков по некоторым основным проблемам всемирной истории. В статьях сборника дается марксистское освещение поставленных проблем, вскрывается ложный путь, по которому развивается буржуазная историография. Книга рассчитана на широкие круги советских читателей.

ИСТОРИЯ В «МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

(О некоторых концепциях новейших буржуазных
«всемирных историй»)

В. М. ДАЛИН, А. М. НЕКРИЧ, Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Более столетия назад К. Маркс и Ф. Энгельс выступили с обоснованием материалистического взгляда на историю развития человеческого общества. Основоположники марксизма по-новому гениально осветили весь ход всемирно-исторического развития человечества и, в частности, объяснили особенности зарождения европейского капиталистического общественного строя в недрах феодализма. Показав антагонистический характер новой общественно-экономической формации, они выявили и ее относительную прогрессивность по сравнению с предыдущей, феодальной формацией и ее историческую обреченность, поскольку она должна была стать тормозом дальнейшему развитию общественных производительных сил. Маркс и Энгельс гениально предсказали, исходя из строго научного анализа, что буржуазный период истории является только одним из этапов в развитии человечества, и притом во всемирно-историческом масштабе достаточно кратковременным. В «Манифесте Коммунистической партии», опубликованном накануне революции 1848 г., они доказывали «неизбежно предстоящее разложение современной буржуазной собственности»¹. Временное поражение революции и бурный расцвет капитализма, наступивший в 50-х годах, после открытия золотых приисков в Калифорнии и Австралии, не поколебали уверенности Маркса и Энгельса в безупречной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 601.

правильности сделанного ими исторического прогноза. «Нельзя отрицать,— писал Маркс 8 октября 1858 г.,— что буржуазное общество вновь пережило свой шестнадцатый век, который, как я надеюсь, так же сведет его в могилу, как первый шестнадцатый век вызвал его к жизни»¹. Гениальная прозорливость Маркса целиком и полностью была подтверждена всем ходом дальнейшего всемирно-исторического развития.

Нужно при этом иметь в виду, что Маркс никогда не рассматривал свою теорию как какую-то универсальную «отмычку», способную заранее определить все богатство и разнообразие событий, составляющих подлинную канву всемирной истории.

Маркс, Энгельс, как и позднее Ленин, не считали обязательным для всего человечества пройти через «кавдинские ущелья» капитализма. Наоборот, страстные революционеры и великие гуманисты, они всячески стремились положить возможно быстрее предел «варварству буржуазной цивилизации», предвидя огромные страдания и бедствия, которые принесет человечеству дальнейшее существование капитализма. Но независимо от дальнейших путей и темпов исторического развития Маркс и Энгельс никогда не сомневались в одном — в неизбежности гибели капиталистической системы.

Учение Маркса, как указывал Ленин, вызвало «во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки»². Все крупнейшие представители буржуазной исторической мысли считали своим долгом опровергнуть анализ Маркса как в целом, так и в отдельных деталях. И в этом, по словам Ленина, не было ничего удивительного: ««беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству»³.

Ход дальнейшего всемирно-исторического развития в XX в. принес полное подтверждение всем историческим предвидениям марксизма. Научный прогноз Маркса оказался совершенно правильным: «буржуазный период

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 362.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3.

³ Там же.

истории» закончился. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому периоду всемирной истории.

Буржуазная историческая наука пыталась и пытается опровергнуть это положение. После временного поражения западноевропейского пролетариата в ряде стран, окончания первого тура революционных движений и наступления временной частичной стабилизации капитализма буржуазные идеологи стремились доказать, что все эти движения, как и самая Октябрьская революция, были только временными конвульсиями, вызванными первой мировой войной. Однако история человечества в период между двумя войнами и в особенности после второй мировой войны, когда возник и успешно развивается социалистический лагерь во главе с Советским Союзом, показала тщетность этих надежд. Пришел конец колониальной системе капитализма, который также гениально был предсказан Марксом. Уже в 1850 г., после «опиумных войн», когда английской буржуазии представлялось, что она одержала крупную победу и открыла для своих товаров неисчерпаемый рынок, Маркс писал: «Все же отраднo, что самая древняя и самая прочная империя в мире под воздействием тюков ситца английских буржуа за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, во всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации. Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им в близком будущем бегстве в Азию доберутся, наконец, до Китайской стены, к вратам, которые ведут к архиреакционной и архиконсервативной твердыне, то, как знать, не прочтут ли они там надписи:

RÉPUBLIQUE CHINOISE.
LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ»¹

Почти ровно через 100 лет это гениальное предвидение сбылось: возникла Китайская Народная Республика, навсегда покончившая с «исторической спячкой» народов Востока и открывшая им новый путь всемирно-исторического развития.

¹ Китайская республика. Свобода, Равенство, Братство.— *Ред.*; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 234.

Кризис современной буржуазной исторической мысли состоит именно в том, что она не хочет и в силу своего классового характера не может признать, что всемирная история вступила в новый период своего развития, что чисто «буржуазный период истории» закончился. Отсюда тщетные попытки возродить буржуазный оптимизм путем доказательства жизнеспособности «атлантической цивилизации». Отсюда тенденция построить изложение всемирной истории как истории чисто материального, технического и культурного прогресса, стремление отвести классовой борьбе и революциям второстепенное, подчиненное место, изобразить их как своеобразные досадные «толчки», которые, как пытаются доказать буржуазные историки вопреки совершенно очевидным фактам, занимают все меньшее место в истории человечества. Отсюда у некоторых буржуазных мыслителей — от Шпенглера и Поля Валери до Арнольда Тойнби — возвращение к теории «цикличности». Но если в теории исторических кругов Джамбатисты Вико в XVIII в. были, по мнению Маркса, просветы гениальности, то у его последователей в XX в. под признанием теории цикличности скрывается прежде всего стремление доказать, что за упадком «европейской цивилизации» неизбежно последует какое-то ее новое «воскрешение», все на тех же принципах. Но все дело в том, что нет кризиса «европейской культуры». Никакие «грядущие гунны» не угрожают её вечным ценностям, свято сберегаемым и чтимым в социалистическом лагере. То, что происходит в действительности, — это общий все углубляющийся кризис капитализма, давно предсказанный марксизмом, возникновение и огромные успехи мировой социалистической системы.

I

Современная буржуазная историческая мысль переживает глубокий кризис. Кризис этот начался еще в XIX в. Уже первое открытое выступление французского пролетариата против буржуазии в июне 1848 г., а затем героическое, хотя и кратковременное, существование Парижской коммуны 1871 г. — первого пролетарского государства — глубоко повлияли на мировоззрение це-

лого ряда крупнейших буржуазных историков, таких, как Э. Ренан, Фюстель де Куланж, Ипполит Тэн, Якоб Буркгардт и др. Но состоянию растерянности, пессимизму (наиболее ярким отражением которого были «Всемирно-исторические размышления» Буркгардта), свойственному этой группе историков, противостояли заносчивость и уверенность в себе «прусской» исторической школы Зибеля, Дройзена, Трейчке, еще твердые традиции английской «вигской» историографии, шедшие от Маколея, а также поступательное движение американской буржуазной историографии, где в 90-х годах создавалась наиболее демократическая в тех условиях школа Тарнера и т. д.

Первая мировая война и главным образом Великая Октябрьская социалистическая революция вызвали еще более глубокий кризис буржуазной исторической мысли. Поколебались самые основы привычных для буржуазных ученых исторических концепций, оценок всемирно-исторического движения и его перспектив. «Если теперь говорят о кризисе исторической науки,— писал в 1922 г. известный германский буржуазный социолог и один из виднейших представителей школы так называемого историзма — Э. Трельч,— то это не кризис исторического исследования ученых и специалистов, но кризис исторической мысли человечества в целом». Пришло, по его мнению, страшное практическое испытание всех исторических теорий: «мировая война и революция были исторической школой мировоззрения... Мы теоретизировали и конструировали... во время бури, когда заново формировался мир... Почва колебалась под ногами»¹.

На этот раз раньше всего и наиболее глубоко была задета германская буржуазная историческая мысль. Наиболее видный представитель национально-либеральной школы Фр. Майнеке — в полную противоположность кичливым и самонадеянным историкам периода основания Германской империи, отстаивавшим провиденциальную миссию Германии в мировой истории,— уже в 1919 г. ставил перед буржуазной Германией «скромную» задачу довольствоваться внутри складывавшегося победонос-

¹ E. Troeltsch, Der Historismus und seine Probleme, Tübingen 1922, S. 1, 6.

ного англо-американского мира ролью греческих городов в «римском мире». Но если Майнеке, отказываясь от претензий Германии на «супрематию», не выражал еще никаких сомнений в прочности «английского мира», то Освальд Шпенглер в своей нашедшей в начале 20-х годов книге «Закат Европы» выдвинул со всей резкостью проблему упадка, который переживает весь западноевропейский мир.

Временная частичная стабилизация капитализма на короткий срок приглушила эти пессимистические настроения. Но весь дальнейший ход исторического развития между двумя войнами, огромные успехи социалистического строительства в СССР, с одной стороны, ослабление позиций мирового империализма, приход к власти фашизма в некоторых странах — с другой, никак не могли содействовать тому, чтобы вернуть наиболее вдумчивым буржуазным историкам их прежнюю уверенность в незыблемости «европейской цивилизации», так долго казавшейся историкам XIX в. конечным, нерушимым результатом всего всемирно-исторического развития человечества. Сомнения начали охватывать все более широкий круг буржуазных историков и мыслителей во второй четверти XX в. Этот страх за судьбы западноевропейской буржуазной цивилизации в наиболее яркой форме выразился в известной фразе французского философа-идеалиста и поэта Поля Валери: «Мы, цивилизации, теперь знаем, что все мы обречены на гибель»¹.

Сознание того, что «почва колеблется под ногами», которое Трельч и германские буржуазные историки так ясно ощутили в момент крушения Германской империи, в 30-х годах охватило и историков того самого англосаксонского мира, который казался Фр. Майнеке еще в 1919 г. незыблемым. Яркое выражение эти новые настроения получили в опубликованных перед второй мировой войной первых шести томах «Исследования истории» виднейшего английского историка Арнольда Тойнби². Концепция Тойнби, пытающегося объяснить

¹ Paul Valéry, *La crise de l'esprit* (Oeuvres, Paris 1945, p. 958).

² A. J. Toynbee, *A Study of History*, vol. I—VI, 1934—1939. Публикация последующих четырех томов закончилась в 1954 г. Сводное изложение первых шести томов Тойнби в одном томе «*A Study of History by A. J. Toynbee. Abridgement of vols. I—VI by D. C. Somervell*, London 1946.

исторический процесс развитием религии, подверглась самой резкой и основательной критике со стороны не только марксистских, но и ряда видных буржуазных историков¹. Порочность методологии Тойнби обрекала на полную неудачу его попытку дать цельное объяснение всемирной истории. Однако его исходное положение, что вся новая европейская история уже с XVI в. шла под знаком неотвратимого движения к упадку, при всей его фантастичности и неправильности не может не быть расценено как любопытное свидетельство краха (если следовать терминологии самого Тойнби) целого ряда основных положений общепринятой схемы всемирно-исторического развития.

Нужно, однако, признать, что, несмотря на все симптомы кризиса накануне второй мировой войны, западноевропейская буржуазная историческая мысль продолжала еще в основном оставаться на более или менее традиционных позициях построения и понимания основных проблем всемирной истории. Именно об этом свидетельствовал целый ряд изданий «Всемирной истории», выпущенных во Франции и в Германии в период между двумя мировыми войнами, в том числе «Всеобщая история» под редакцией Г. Глотца, «Всемирная история» под редакцией страсбургского профессора Е. Кавеньяка, двадцатитомная серия «Народы и цивилизации» под редакцией Альфана и Саньяка, десяти томная «Propyläen Weltgeschichte», издававшаяся Вальтером Гецом и законченная накануне прихода Гитлера к власти².

Для этих изданий, участниками которых были виднейшие историки XX в., как Анри Пиренн, Г. Глотц,

¹ См. Е. А. Косминский, *Историософия Арнольда Тойнби*, «Вопросы истории» № 1, 1957 г.; Э. А. Араб-оглы, *К критике культурно-исторической концепции Арнольда Тойнби*, «Вестник истории мировой культуры» №4, 1957 г.; там же, *Обзор дискуссии о книге Тойнби*; P. Geyl, *From Ranke to Toynbee*, Northampton 1952; *ego же*, *Debates with Historians*, Haague 1955; L. Febvre, *Combats pour l'histoire*, Paris 1953; «Toynbee and History», ed. by M. F. Ashley Montagu, Boston 1956.

² «Histoire générale», publ. sous la direction de G. Glotz, Paris 1925—1931; «Histoire du monde», vol. 1-13, publ. sous la direction de E. Cavagnac 1922—1948; «Peuples et civilisations», Histoire générale publiée sous la direction de Louis Halphen et Ph. Sagnac, vol. I—XX, Paris 1926—1945; «Propyläen Weltgeschichte», B. 1—10, hrsg. von W. Goetz, Berlin 1929—1933.

Ф. Ло, М. Гандельсман, А. Озе, Ф. Саньяк, П. Ренувен, Э. Перруа, Ж. Вейль, Э. Бранденбург и др., характерно было прежде всего сохранение старого, по существу чисто «европоцентристского» построения всемирной истории. Этот основной принцип был сформулирован еще Л. Ранке в его известном курсе «Об эпохах новой истории»: «По существу все покоится на европейской истории». «История учит нас,— утверждал Ранке в середине XIX в.,— что некоторые народы совсем неспособны к культуре... С точки зрения общечеловеческой, для меня является вероятным, что идея человечества... исторически представлена лишь в великих нациях»¹. Правда, Ранке тут же оговаривался, что не исключает гипотетической возможности того, что этот процесс охватит и все человечество. Но история, с его точки зрения, «не противоречит этому воззрению, но и не доказывает его»². Что касается, например, Азии, то со времени завоевания монголами ее охватило «варварство», которое «царит там и поныне, и мы здесь убеждаемся на блестящем примере в том, как неосновательно говорить о всеобщем прогрессе человеческого рода»³.

Три четверти века спустя это построение, основанное как на незнании истории Азии, так и на специфическом «пруско-протестантском» пренебрежении ко всему кругу «нехристианских» народов за пределами Западной Европы, продолжало все еще оставаться доминирующим почти во всех указанных публикациях. Характерно, например, что в соответствующих разделах «Всеобщей истории», редактировавшейся одним из крупнейших знатоков истории древности Г. Глотцем, изложение истории древнего Востока ограничено географическими границами от Нила до Анатолийского плато. «Египет, Сирия, Месопотамия,— обосновывалась эта позиция,— несомненно, не самые древние народы, но по крайней мере первые исторические народы, т. е. такие, история которых связывается без перерыва с нашей европейской... Именно там создавалась культура, которая, будучи вначале локальной, стала универсальной, распространилась в сторону Западной Европы, где она составляет базу

¹ Л. Ранке, Об эпохах новой истории, пер. под ред. П. Г. Виноградова, М. 1898, стр. 8.

² Там же, стр. 7—8.

³ Там же, стр. 89.

нашей цивилизации»¹. На этом основании и «Всеобщая история» Глотца, и «Кембриджская древняя история» (наиболее значительная английская публикация XX в. по всемирной истории) вовсе не рассматривали древней истории ни Ирана, ни Индии, ни Китая, ни Закавказья — ярчайший пример проявления «европоцентристского» высокомерия².

Характерно, что и Э. Трельч в своих попытках обобщения возможности всемирно-исторического культурного синтеза считал необходимым ограничивать всемирную историю только европейской частью человечества: «...для нас имеет значение только одна всемирная история европейцев. Старая мысль о всемирной истории должна принять новые и более ограниченные формы». Попытка синтеза всемирной истории нового времени должна ограничиваться судьбами «европеизма», ибо только у этой части человечества выработалась потребность в создании философии истории, существует «историческое сознание». «Для нас существует только всеобщая история европейской культуры»³, — гласил категорический вывод Э. Трельча в 1922 г. Единственное отличие его в этом отношении от Ранке, для которого, собственно, содержание всемирной истории составляли взаимоотношения между германскими и романскими народами, заключалось в том, что Трельч в понятие «европейская часть человечества» включал уже и американцев, разумеется, только северной части континента.

Непомерно малое место отводилось во всех этих публикациях и истории России. Во «Всемирной исто-

¹ «Histoire générale», t. I, p. 2. См. также критику «европоцентризма» в очень обстоятельной статье Н. М. Лукина «Основные проблемы построения «Всемирной истории»» («Историк-марксист» № 3, 1937г.).

² О. Шпенглер очень ядовито высмеивает этот «огромный оптический обман, благодаря которому исторический материал целых тысячелетий, отделенный известным расстоянием, например, Египет или Китай, принимает миниатюрные размеры, а десятилетия, близкие к зрителю, начиная с Лютера и особенно с Наполеона, приобретают причудливо-громадные размеры... Это давало бы право китайскому историку со своей стороны составить такой план «Всемирной истории», в котором обходились бы молчанием как нечто неважное крестовые походы и Ренессанс, Цезарь и Фридрих Великий» (О. Шпенглер, *Закат Европы*, М.—Пгр. 1923, стр. 15).

³ E. Troeltsch, *Der Historismus und seine Probleme*, S. 705, 708 — 710, 713, 721.

рии» Кавеньяка история Московской Руси оказалась втиснутой в VIII том рядом с Тимуром, а всему последующему историческому развитию России отведено было всего около двух страниц в X томе. Это было продолжением традиционного отношения буржуазных европейских историков к истории нашей страны. Они не хотели видеть, сознательно закрывали глаза на тот факт, что с перемещением центра революционного движения в Россию русский пролетариат стал в первом ряду мирового революционного движения.

Другой важнейшей отличительной чертой всех указанных публикаций было преимущественное изучение политической истории. Разумеется, по сравнению с публикациями XIX в., со «Всеобщей историей» Лависса и Рамбо был сделан известный шаг вперед: и экономической и социальной истории было уделено несравненно больше внимания, особенно в серии «Народы и цивилизации» Альфана и Саньяка. Некоторые тома этой серии, в особенности «Великая французская революция» и «Наполеон», написанные крупнейшим знатоком аграрных вопросов революции профессором Ж. Лефевром, отчасти тома по истории XIX в., написанные специалистами по экономической истории Франции и Германии Ш. Пута-сом и М. Бомоном, представляли несомненную ценность и продолжают переиздаваться и в настоящее время. Однако в подавляющем большинстве томов даже этой серии вопросы экономической и социальной истории рассматривались в отдельных разделах вне связи с традиционной нитью исторического повествования так называемой описательной истории. Особенно это относится к истории рабочего и социалистического движения, которая выносилась как бы за рамки общей истории, причем совершенно не выявлялась та огромная роль, которую играл пролетариат в определении всего хода исторического развития той или иной страны.

Господствующее направление в этих буржуазных «Всемирных историях» 30-х годов оставалось буржуазно-либеральным. Однако в освещении наиболее спорных вопросов, особенно внешней политики каждой страны, явственно обнаруживалась националистическо-империалистическая направленность, как это ясно сказалось, например, в XIX томе серии «Народов и цивилизаций», написанном известным французским буржуазным ис-

ториком Пьером Ренувеном, а в особенности в X томе «*Proyälän Weltgeschichte*», где Э. Бранденбург пытался оправдать внешнюю политику германского империализма накануне 1914 г. и снять с него всякую ответственность за возникновение первой мировой войны. Такой же ярко выраженный буржуазно-апологетический характер носили и главы, посвященные истории колониальной политики. Внутренняя история колониальных народов авторами почти совершенно не освещалась, во всемирную историю человечества они включались только постольку, поскольку становились объектом европейской экспансии.

Во всех этих публикациях проявилось резко враждебное, сугубо классовое отношение к Великой Октябрьской социалистической революции. Ее всемирно-историческое значение категорически отрицалось, при изложении ее истории буржуазные историки не проявляли ни малейшей объективности. Напротив, они прибегали к прямой фальсификации ее истории. Даже в наиболее либеральной серии — «Народы и цивилизации» — главы, написанные в последнем, XX томе («Неудача мира») М. Бомон, поражают грубой тенденциозностью. Признавая, что В. И. Ленин был «бесспорно великим человеком», М. Бомон сравнивает его с Петром Великим, «тоже большевиком по своим методам»¹. Пытаясь всеми силами принизить гений В. И. Ленина, автор заявляет, например, что вдохновителем политики нэпа был Красин (?!). Именно это огульное отрицание мирового значения огромных сдвигов, осуществленных Октябрьской революцией, и явилось важнейшей причиной, в силу которой основная часть реакционных западных историков в 20—30-х годах XX в. совершенно превратно представляла себе перспективы всемирно-исторического развития. Действительный ход истории оказался для них совершенно неожиданным.

II

За годы, прошедшие после окончания второй мировой войны, появился целый ряд новых «Всемирных историй». Во Франции под редакцией Мориса Крузе поя-

¹ М. *Baumont*, *La faillite de la paix*, «Peuples et civilisations» vol. XX, Paris 1945, p. 205.

вилась семитомная «Всеобщая история цивилизации», в которой принял участие ряд виднейших историков — А. Эймар, Э. Перруа, М. Молла, Р. Мунье, Э. Лабрусс, Р. Шнерб и др. Под редакцией ныне уже покойного академика Р. Груссе начато было издание трехтомной «Всеобщей истории», предназначенной для более широких кругов читателей. Бельгиец Ж. Пиренн (сын известного историка Анри Пиренна) в течение 1946—1957 гг. издал семитомную «Всемирную историю», являющуюся печальным образцом приспособления науки к нуждам и потребностям Североатлантического блока. Под эгидой майнцкого «Института европейской истории» с 1952 г. начала выходить десятитомная «*Historia mundi*», к составлению которой привлечен ряд крупных европейских историков, причем основное ядро сотрудников составляют западногерманские историки. В Германии же под редакцией эмигрировавшего в 1939 г. из Румынии А. Ранда вышел двухтомный «*Handbuch der Weltgeschichte*». В Англии, где в 1954 г. Арн. Тойнби закончил свою десятитомную работу, начато переиздание «Кембриджской новой истории». Наконец, в Соединенных Штатах под руководством Макса Савеля начала выходить «История мировой цивилизации»¹.

Огромные всемирно-исторические сдвиги, происшедшие за последние десятилетия: гигантские успехи социализма в СССР и в странах народной демократии, победа китайской революции, распад колониальной системы, борьба народов Африки за свое освобождение — все это

¹ «*Histoire générale des civilisations*», publ. sous la direction de M. Crouzet, vol. I—VII, 1953—1957; «*Histoire universelle*», publ. sous la direction de R. Grousset et E. G. Léonard, vol. I—II, Paris 1956—1957; J. Pirenne, *Les grands courants de l'histoire universelle*, vol. I—VII, Neuchatel — Paris 1946—1957; «*Historia mundi*», Ein *Handbuch der Weltgeschichte in zehn Bänden* (вышли т. I—VII), begr. v. F. Kern, hrsg. v. Fritz Valjavec, Bern 1952—1957; «*Handbuch der Weltgeschichte*», hrsg. v. A. Randa, Bd. I—III, 1954—1958; «*The New Cambridge Modern History*», vol. I, II, VII, London 1957—1958; Max Savelle, *History of World civilisation*, vol. I, New York 1957. Продолжалось также переиздание отдельных томов серии «*Peuples et civilisations*». Вторым изданием вышла, в частности, «*La Révolution française*» Ж. Лефевра (1951) в его собственной переработке (в первом издании книги соавторами Лефевра были скончавшиеся Ф. Саньяк и Р. Гюйо). Вышла третьим изданием его же книга «*Napoléon*» (Paris 1947). О новейших тенденциях в западноевропейской историографии см. интересный обзор О. Л. Вайнштейна «Новейшая буржуазная литература по истории исторической науки», «Вопросы истории» № 3, 1956 г.

не могло не сказаться на развитии буржуазной исторической мысли. Старая концепция всемирной истории, выработанная в период утверждения и победы европейского капитализма, явно обнаружила свою несостоятельность. Это выявилось на послевоенных публикациях буржуазных «Всемирных историй». Удержаться, как в 30-х годах, на старых, буржуазно-либеральных позициях оказалось уже невозможно.

Наиболее общей чертой для большинства из них является новый подход к «европоцентризму». В «птолемеевскую концепцию», исходившую только из развития европейского мира, ходом всемирной истории властно внесен был ряд изменений, с которыми пришлось считаться даже самым консервативным буржуазным историком. Та точка зрения, которую еще в 20—30-х годах отстаивали Глотц и Трельч, ныне оказалась неприемлемой. Об этом свидетельствует, в частности, позиция чрезвычайно враждебно относившегося к марксизму инициатора «*Historia Mundi*» Фрица Керна, утверждавшего, что «распад нашей старой Европы никем сейчас не оспаривается»¹. Это явственно сказалось и на построении «Всемирной истории» и на освещении отдельных ее периодов.

Наиболее последовательно это изменение обозначилось во французской серии «Всеобщей истории цивилизации», наиболее интересном из всех указанных изданий. Во введении к первому тому редактор публикации Морис Крузе обосновал свою позицию следующим образом: «Долгое время мир игнорировал свое единство: между тем существовала не одна цивилизация, а цивилизации... XIX век принял *свою* цивилизацию за цивилизацию вообще»². С этой стороны «История цивилизаций», несомненно, выгодно отличается от всех предшествовавших французских изданий. Характерно, например, что третий том, посвященный средним векам, озаглавлен «Расширение Востока и рождение европейской цивилизации», причем в первой половине тома большое внимание уделяется внеевропейской культуре: «До конца X в. Восток и Дальний Восток содержат

¹ F. Kern, Die Lehren der Kulturgeschichte über die menschliche Natur, «*Historia mundi*», B. I, S. 12.

² M. Crouzet, Préface générale, «*Histoire générale des civilisations*», vol. I, p. VII, IX.

лучшие ценности цивилизации, о чем свидетельствует блеск Индии, сохранение Византии, распространение Ислама»¹.

Целая треть тома Роберта Шнерба «XIX век» посвящена истории внеевропейских стран, причем автор пытается довольно добросовестно изложить внутреннюю историю не только азиатских стран, более известную, но и африканских народов, до сих пор совершенно выпадавшую из поля зрения буржуазных «всемирных историй»².

Показательно, что руководство изданием более популярной «Всеобщей истории» было поручено виднейшему французскому ориенталисту Рене Груссе. В первом томе этой публикации тем разделам, которые Г. Глотц, специалист по истории Греции, считал возможным вовсе опустить (по древней истории Индии и Китая), отведено сейчас довольно значительное место. Выпустить ныне «Всемирную историю» без истории Индии и Китая стало невозможным; уже одно это является своеобразным отражением великих всемирно-исторических сдвигов, происшедших за время, истекшее с Октября 1917 г.

Однако приходится подчеркнуть, что ослабление европоцентристской тенденции в построении и изложении всемирной истории далеко не является еще полным отказом от этой концепции, она зачастую принимает только совершенно новые формы. Характерно, что Арнольд Тойнби, начавший в 30-х годах с резкого подчеркивания положения о безоговорочном упадке западноевропейской цивилизации, в последних томах выступил в защиту точки зрения, что венцом человеческой культуры, «важнейшей субстанцией» всемирной истории

¹ Ed. Perroy, J. Auboyer, C. Cahen, G. Duby, M. Mollat, L'expansion de l'Orient et la naissance de la civilisation occidentale, «Histoire générale des civilisations», vol. III, P. 1957. Рецензент данного тома Э. Бутруш, одобряя эту новую тенденцию, отмечал, что следовало идти дальше и самое изложение в томе начать с Дальнего Востока и только после этого перейти к «варварской» Европе V в.: «Сожалею, что автор отступил перед революцией, которая потрясла бы привычки «западных читателей» («Revue historique», t. CCXVIII, 1957, p. 130). Интересно отметить, что соответствующий V том в серии «Народы и цивилизации» был озаглавлен Л. Альфаном «Варвары, великие нашествия до турецких завоеваний XI в.» («Les Barbares, de grandes invasions aux conquêtes turques du XI-e siècle»).

² R. Schnerb, Le XIX-e siècle, «Histoire générale des civilisations», vol. VI, 1955.

является христианство, что именно оно в новой, синтезирующей все мировые религии форме является тем искомым «ответом», по терминологии Тойнби, которым человечество только и может ответить для своего спасения на «вызов», брошенный ему всем ходом истории. Но ведь христианство — это все та же «западноевропейская цивилизация»!

Несомненный интерес представляют в этом отношении высказывания Рене Груссе. В докладе, прочитанном им по поручению ЮНЕСКО в Японии в 1949 г., Груссе подчеркивал, что собственно самостоятельных великих цивилизаций существовало только три: греческая цивилизация, «которая была призвана впоследствии стать западной цивилизацией», индийская, «высшим расцветом которой является буддизм», и цивилизация Дальнего Востока — Китая и Японии¹. Весь ход всемирной истории был бы иным, если бы греко-римский мир вошел в соприкосновение с буддистским. Но Цезарю и Траяну, которые шли к выполнению этой задачи (!), осуществить ее не удалось. Греко-римский мир не узнал буддистской философии; Индии и Дальнему Востоку не привелось ознакомиться с греческой философией... «Великие цивилизации, созданные для того, чтобы понять друг друга, великие цивилизации Запада, Индии и Японии, между которыми имелась предустановленная гармония, должны были на протяжении веков только догадываться друг о друге». Запад и Восток были созданы для того, чтобы понять друг друга, только сейчас пришло время, когда они должны войти в соприкосновение. «Только духовные ценности имеют значение. Века и их испытания проходят, остаются души великих наций, воспитанные в идеалистическом духе»².

Из того факта, что Р. Груссе включил в редактированную им «Всеобщую историю» разделы по древней истории Китая и Индии, отнюдь однако не следует, что он изменил основы своего буржуазно-идеалистического понимания всемирной истории. Не случайно западно-германский историк В. Гофер относит Тойнби и Груссе вместе с Б. Кроче, К. Ясперсом, Т. Литтом, испанцем Ортегой-и-Грассетом, Раймоном Ароном и др. к числу

¹ R. Grousset, *L'homme et son histoire*, Paris 1954, p. 77.

² Там же, стр. 88, 98.

защитников «западного понимания истории»¹. Но это «западное понимание истории», из которого открыто исходят, например, авторы «*Historia mundi*», является только новой оборонительной линией прежних защитников старой концепции «европоцентризма», примата западноевропейской цивилизации. Их реакционная роль состоит в том, что, говоря о Западе, они всячески мешают выявить происходящие всемирно-исторические процессы: упадок *капиталистической* Европы, а не «упадок Европы», закат *империалистической* цивилизации, а не «закат европейской цивилизации». Совершенно искусственным противопоставлением Запада и Востока они затушевывают и искажают действительно происходящую смену различных общественных формаций. В этой связи приходится отметить и еще одну тенденцию в современных буржуазных «Всемирных историях» — стремление рассматривать целый ряд исторических эпох в свете так называемой «европейской общности».

Для европейской историографии XIX и начала XX в. было характерно совершенно обратное стремление. Оно особенно типично было для германской историографии, с ее чрезвычайно резко выраженным, гипертрофированным национализмом. «Меня несколько не трогают,— писал один из известнейших немецких историков — Дройзен в 1882 г.,— интересы Англии, Франции, Австрии и *tutti quanti*. Я слежу только за прусской политикой во всех этих блужданиях целого мира, исполненного не любви, а ненависти, страха, зависти и подлости»². Но эта направленность «озлобленной», как ее метко и остроумно окрестили, истории Дройзена отнюдь не была только его отличительной особенностью. В тех или иных вариантах она была обща всей — и консервативной и национально-либеральной — германской историографии, вплоть до упомянутой нами выше «*Propyläen Weltgeschichte*». Но и в более либеральных французских и английских публикациях «Всемирной истории» ход исторических событий рассматривался в первую очередь под углом зрения противоречий и борьбы между европейскими государствами. «Испанское преобладание»,

¹ W. Hofer, *Geschichte zwischen Philosophie und Politik*, Stuttgart 1956.

² Цит. по: F. Ernst, *Zeitgeschehen und Geschichtsbildung*, «Die Welt als Geschichte», 1957, S. 165.

«Французское преобладание», «Английское преобладание» — так были озаглавлены целые тома в серии «Народы и цивилизации».

В современных буржуазных публикациях совсем не по научным, а по политическим соображениям преобладает другая тенденция. На это обстоятельство недавно обратил внимание Э. Дардель. «Есть разные манеры «ориентировать» историю,— пишет он в одном из последних номеров органа ЮНЕСКО «Diogène»,— можно ее рассматривать, как когда-то, со строго национальной точки зрения «истории Франции», «истории Англии» и т. д. Но наша эпоха является свидетельницей появления «историй», рассматриваемых с европейского или даже всемирного горизонта. С точки зрения «истории Франции» империя Карла Великого является каким-то противоестественным образованием, распадение которого является актом рождения Франции; но с точки зрения «истории Европы» это распадение помешало политической организации континента и открыло эру десяти веков «провинциальных» антагонизмов»¹.

Именно так расценивает каролингскую эпоху Э. Кавеньяк, редактор уже упомянутой нами выходившей в 30-х годах «Всемирной истории» и автор краткого очерка «5000 лет истории. Синоптическая картина цивилизаций». С его точки зрения, и Наполеон и Карл Великий ставили перед собой одну и ту же задачу. Наполеон в общем «восстановил империю Карла Великого, это каролингское единство, которое по существу является подлинной политической формой европейского единства, формой, к сожалению, чисто платонической»². Стремление Кавеньяка включить и Наполеона и Карла Великого в одно и то же прокрустово ложе мнимых «организаторов европейского единства» является грубой исторической натяжкой; автор пытается с полного одобрения Дарделя не изучать историю, а «ориентировать» ее под углом зрения потребностей некоторых империалистических держав.

Но и в гораздо более серьезной попытке всемирно-исторического синтеза, в «Истории цивилизаций», круп-

¹ E. Dardel, L'histoire et notre temps, «Diogène» № 21, 1958, p. 22—23.

² E. Cavaignac, 5000 ans d'histoire. Tableau synoptique des civilisations, Paris 1955, p. 203.

ный знаток экономической истории Франции М. Молла утверждает, что к концу средних веков «над экономическим национализмом и политическими границами» начинает устанавливаться западное единство с подлинно «европейской экономикой», полюсами которой остаются Нидерланды и Северная Италия¹. Такой компетентный историк-экономист, как Молла, не может не знать, что в отмеченный им период только начинают складываться европейский и мировой капиталистические рынки и что еще целые столетия спустя этот процесс происходил при самом резком, непрерывном столкновении между отдельными европейскими капиталистическими странами, менее всего склонными отказываться от защиты своих собственных интересов во имя мнимой «европейской общности».

Совершенно очевидно, что здесь анализ исторической действительности принесен в жертву политическим интересам империалистических государств, создавших так называемое европейское сообщество. При этом характерно, что в это понятие «европейской общности», даже в историческом аспекте, по тем же политическим мотивам никогда не включается Россия.

III

Очень существенной особенностью разбираемых публикаций, в частности французских, является новое соотношение между вопросами политической и экономической истории.

Для классика европейской буржуазной историографии XIX в. Л. Ранке основными «носителями исторической жизни» были нация, государство и церковь. В наше время, когда народные массы во всем мире играют все возрастающую роль в истории, оставаться на этих позициях стало уже невозможно. Недаром один из английских консервативных историков — Роуз недавно признал, что «сегодня, для того чтобы быть хорошим историком, нужно быть немного марксистом»². Эконо-

¹ E. Perroy, *Le moyen âge*, «Histoire générale des civilisations», vol. III, Paris 1957, p. 564 («au-dessus des nationalismes économiques et des frontières politiques, l'Occident s'éveillait à une économie vraiment européenne»).

² A. L. Rowse, *The Use of History*, London 1946, p. 139.

мическая и социальная история в крупных буржуазных публикациях по всемирной или национальной истории, как отмечалось, уже стала трактоваться в отдельных разделах, хотя по-прежнему и не связанных с общим ходом исторического повествования, как это было, например, в многотомной коллекции по истории Франции, издававшейся Э. Лависсом.

«История цивилизаций» М. Крузе разрывает с этой традицией. Идя в направлении, указанном Люсьеном Февром и Марком Блоком еще в 20-х годах XX столетия¹, Крузе в своем общем введении отмечает: «Читатель заметит, что многие события, составляющие обычную основу исторических произведений, обойдены молчанием или только упомянуты». Политическим, военным и дипломатическим фактам, которым до сих пор уделялось преимущественное, если не исключительное, внимание, в новой «Истории цивилизаций» отводится второстепенное место. «Мы особенно настаиваем,— подчеркивает Крузе,— на экономических и социальных формах, ударение у нас поставлено на развитии техники и, поскольку это позволяла документация, на демографических проблемах»².

Нужно отметить, что этот принцип достаточно последовательно проведен во всем издании. Об этом свидетельствуют названия отдельных глав той части тома, которая посвящена первой половине XIX в.: «1. Национальные войны в Европе и война с Конфедерацией в Соединенных Штатах; 2. Век науки; 3. Исследование земли и распространение европейских идеалов; 4. Демографические сдвиги и переселение европейцев; 5. Индустриальный гений — апогей угля и появления стали; 6. Развитие транспорта в эпоху пара; 7. Расцвет капитализма на Западе; 8. Колониальные предприятия европейцев и рождение империализма»³.

Во всем этом, несомненно, много неверного («рождение империализма» в первой половине XIX в.), но в об-

¹ Созданная ими школа представляла значительный шаг вперед по сравнению с А. Берром, стремившимся к созданию культурно-исторического синтеза. В начале XX в. Л. Февр, несомненно, испытал на себе сильное влияние А. Берра.

² M. Crouzet, Préface générale, «Histoire générale des civilisations», vol. I, p. XI.

³ R. Schnerb, XIX-e siècle, «Histoire générale des civilisations», vol. VI.

щем здесь очевиден некоторый отход от традиционного изложения, авторами принимаются во внимание отдельные факторы экономической истории. Однако одна тенденция, значение которой становится ясным при знакомстве с теми методологическими основами, которым следовали составители другой французской публикации «Всеобщей истории», крайне обесценивает эти суждения.

Хотя сам Рене Груссе не дожид до выхода в свет первого подготовлявшегося им тома «Всеобщей истории», нынешний ее редактор Эмиль Леонар в своем общем введении целиком исходит из взглядов Груссе, изложенных последним в книге «Человек и его история».

Груссе категорически отрицал традиционное изложение истории. «То, что мы называем историей,— писал он,— все это чередование империй, сражений, политических революций, дат, по большей части кровавых,— является ли это действительно историей? Я признаю, что в это не верю, и часто, просматривая школьные учебники, мысленно вычеркиваю добрую их четверть. Нет, действительная история не является историей передвижения границ. Это история цивилизаций»¹.

Политическую историю Груссе достаточно резко характеризует как «паразитирующую историю», существующую за счет технического прогресса, которому по большей части она только препятствует. «Подлинная история — таков вывод Груссе, к которому целиком присоединяется в своем введении к первому тому «Всеобщей истории» и Э. Леонар,— с материальной точки зрения является историей техники, маскируемой политической историей, подавляющей, узурпирующей ее место и даже ее имя». Если бы история была бы только нынешней «видимой историей», следовало бы «закрывать эту книгу». Тем не менее эти заявления Р. Груссе не следует рассматривать как признание примата материальных факторов. В действительности для него «подлинная история — это история духовного прогресса, прогресса человека в духовной области». История человечества в конечном счете оказывается «движением... к галилейской горе, откуда девятнадцать веков назад были произнесены слова, которые не исчезали и никогда не исчезнут»².

¹ R. Grousset, *L'homme et son histoire*, p. 146.

² Там же, стр. 149—151.

Груссе отвергает «видимую историю», «историю-сражение». Но он отвергает ее потому, что это «история-конфликт», «антиевангельская история», и он резко осуждает то место, которое занимают еще в жизни человечества «конфликты расовые, идейные, *классовые*» (курсив наш.— *Авт.*).

Авторам «Истории цивилизаций» чужда эта спиритуалистическая, фидеистическая проповедь Р. Груссе. Однако им далеко не чужда тенденция ограничиваться при изложении истории цивилизаций только фактами преимущественно поступательного развития чисто материальной и идейной истории. При этом элиминируется не только политическая история в той или иной форме, но вместе с ней устраняется или отодвигается на задний план история классово-борьбы. Конечно, авторов нельзя упрекнуть в том, что они вовсе не касаются этой истории, но она занимает в их схеме подчиненное, второстепенное место. Так, в очень интересной, во многом оригинальной книге Р. Шнерба, одного из наиболее серьезных исследователей экономической и социальной истории Франции XIX в., тому, что он называет «европейскими толчками», т. е. революциям 1830 и 1848 гг., уделено около полутора страниц, а Коммуне — всего лишь 13 строк — и это в томе, занимающем около 500 страниц! Стремление умолчать о периодах истории, наполненных самой острой классово-борьбой, далеко не случайно: чем напряженнее протекает борьба мирового пролетариата с буржуазией в современных условиях, чем яснее ощущает империализм приближение своей гибели, тем сильнее страх у господствующих классов, тем неохотнее вспоминают о революциях некоторые буржуазные историки.

Весьма любопытно высказывание по данному вопросу французского историка Л. Жирара, упрекавшего Шнерба в том, что получилась своеобразная история, из которой удалены кризисы, своего рода «история уличного движения без упоминания о несчастных случаях», «история, лишенная современных ее страстей», «роман без героя»¹.

Однако было бы неправильно причислять историков, участвовавших в издании «Истории цивилизаций», к сторонникам чисто идеалистической, фидеистической концеп-

¹ «Revue historique», t. CCXVII, 1957, p. 380.

ции Р. Груссе, хотя совершенно несомненно, что в их «Истории цивилизаций» классовой борьбе отведено непропорционально малое место.

Эта тенденция вообще характерна для школы Люсьена Февра. Начав с подчеркивания необходимости изучения именно экономической истории, сам Л. Февр в последний период своей жизни все чаще говорил об изучении «*histoire vivante*» — расплывчатое понятие, которое, однако, давало возможность уделять все меньше внимания истории классовой борьбы. В этом сказывается несомненная буржуазная ограниченность авторов «Истории цивилизаций», несмотря на то, что их работа должна быть признана наиболее серьезной и интересной из всех публикаций по всемирной истории за последнюю четверть века.

С этой стороны интересен отзыв на это издание в «*American Historical Review*». По мнению рецензента, «главной темой книги является изучение культурного равновесия, которое требует социальной уверенности, в свою очередь являющейся результатом расширяющейся экономики, стимулируемой техническими усовершенствованиями, но для этого общество должно быть в состоянии избегать гражданской войны, сопротивляться завоеваниям, сохранять общественный порядок... Несомненно, главное впечатление при чтении этой книги — чувство непрерывности. Становишься уверенным в постепенном взаимодействии различных явлений в культурном прогрессе»¹. Эта оценка очень любопытна. С точки зрения авторов рецензии, самый главный симптом кризиса, охватившего современную зарубежную историческую мысль, — это чувство «неуверенности» в всемирно-исторических перспективах, столь сильно распространенное сейчас в самых широких кругах западноевропейской буржуазной интеллигенции.

Появление серии Крузе, безусловно, свидетельствует о наличии глубокого размежевания среди зарубежных историков. Среди них, несомненно, имеются лица, желающие учиться на опыте гигантских всемирно-исторических изменений². Однако наиболее значительная часть

¹ «*American Historical Review*», vol. LXII, p. 111.

² Седьмой том «Истории цивилизаций», написанный самим М. Крузе, встретил в общем очень положительные отзывы во французской прогрессивной научной печати («*Pensée*» № 77, 1958).

буржуазных историков продолжает еще придерживаться прежних, буржуазно-либеральных позиций, что ясно обнаружилось при переиздании первых томов (I, II и VII) «Кембриджской новой истории»¹. Изучение последних публикаций буржуазных «Всемирных историй» свидетельствует также о наличии очень активного ядра крайне реакционно настроенных историков. Наиболее ярким их представителем может быть признан бельгийский историк Пиренн, опубликовавший семитомную работу «Главные тенденции мировой истории».

IV

Пиренн начал свою работу в период германской оккупации Бельгии. Это отразилось на первом томе его истории, явно направленном против идеи германского расизма. «Через все периоды подъема и спада истории,— писал он во введении к первому тому,— шло образование огромного сокровища, мира моральных ценностей, в образовании которого участвовали *все* расы и *все* поколения»². Однако так мыслил историк только в период германской оккупации, все дальнейшие тома его публикации являются образцом приспособления к определенным политическим задачам, ничего общего с исторической наукой не имеющим.

Пиренн выступает как будто бы противником «европоцентризма» — «единство цивилизации не образуется европейским континентом»³, но только потому, что в основу всей его работы положена концепция «атлантической цивилизации». Пиренн считает, что он открыл главную «антиномию» в развитии всемирной истории — «антиномию между морской и либеральной цивилизацией и антииндивидуалистической, авторитарной, континентальной цивилизацией»⁴. Во всей всемирной истории идет

¹ Новая серия «The new Cambridge modern history» рассчитана на четырнадцать томов. Пока появились: т. I — «The Renaissance» (1493—1520) ed. by G. R. Potter, т. II — «The Reform ation» (1520—1559) ed. by J. R. Elton и т. VII — «The Old Regime» (1713—1763) ed. by J. O. Lindsay.

² J. Pirenne, *Les grands courants de l'histoire universelle*, t. I, p. XIX.

³ J. Pirenne, указ. соч., т. V, стр. IX.

⁴ J. Pirenne, указ. соч., т. VI, стр. 150—151.

борьба между «морем» и «сушей», в которой «море», несущее с собой индивидуализм, свободу, либерализм и «своего рода капитализм», в тяжелой борьбе одерживает все-таки победу над «авторитарной сушей». При этом Пиренн пытается проследить эту «антиномию» в самых разных периодах истории: в войнах Рима против «огромной империи Антиоха III», в войнах начала XIX в., когда олицетворением духа морского индивидуализма выступает Англия, (о чем, правда, Пиренн умалчивает, так как это противоречит его схеме — в союзе с континентальными «авторитарными» государствами), в столкновениях с Германией XX в. «Море» победило Антиоха, Наполеона, Вильгельма II и Гитлера.

Таким образом, не европейский континент создал «западную цивилизацию», эта цивилизация — атлантическая — прямое продолжение средиземноморской. «Атлантический океан, — писал Пиренн в 1950 г., — стал центром западной цивилизации, которая развивается на его берегах, как в свое время Средиземное море стало центром эллинистической цивилизации». Море, таким образом, накануне христианской эры, как и в конце XVIII в., выступает как центр притяжения для централизаторской тенденции. «Не ближневосточный континент, а Средиземное море придало единство эллинистической цивилизации, подобно тому как не европейский континент, а Атлантический океан образовал западную цивилизацию»¹.

«Море» и «суша» выработали два совершенно разных типа всемирно-исторического развития. «Запад ориентируется все более в сторону либерализма, к которому прибегают также Соединенные Штаты, Канада и к которому тянутся американские колонии Испании и Португалии. Континентальные государства, наоборот, ...развиваются в сторону все более жесткого консерватизма»².

Открыв эту извечную «антиномию» и установив два типа развития, Пиренн в полном соответствии с политикой Североатлантического блока проводит между ними географическую границу — это, разумеется, линия Эльбы. Новшество Пиренна состоит в том, что он в качестве исторического оруженосца Атлантического блока относит

¹ *J. Pirenne*, указ. соч., т. IV, стр. XVI—XVII.

² Там же стр. 228—229.

эту линию еще ... к XVII в. Именно тогда, по его мнению, Эльба стала водоразделом между западной и континентальной цивилизациями¹.

Пиренн, который еще в первом томе утверждал, что в создании мировой цивилизации участвовали «все расы», в последующих томах категорически отрицает, что в создании западной и даже собственно европейской культуры принимали участие восточноевропейские страны. «Великие континентальные страны — Австрия, Польша, Пруссия и Россия — не участвовали в создании того, что называется европейской культурой, которая на базе христианства, данного ей Римской империей, была выработана исключительно морскими странами: Италией, Францией, Испанией, Бельгией, Голландией и Англией; под их влиянием страны Центральной Европы в свою очередь стали вслед за ними на их путь развития»².

Поляку Копернику нечего, таким образом, рассчитывать на то, что ему отведут какое бы то ни было место в развитии европейской культуры. Альбрехту Дюреру придется предварительно доказать, что он не перемещался к востоку от Эльбы. Роль Лессинга, Гердера, Гете, Шиллера поставлена под вопрос, так как неизвестно, началось ли уже в XVIII в. шествие «Центральной Европы» по пути «атлантического развития». Но Льву Толстому в ней во всяком случае не отведено никакого места, европейской культуре нечего делать в Беловежской пуще «восточноконтинентального авторитаризма»!

При малейшей добросовестности Пиренну нетрудно было бы обнаружить зияющие противоречия в этой «морской» схеме. Атлантическая, западная цивилизация несет с собой, по его словам, невиданную свободу человеческой мысли, индивидуализм, либерализм, парламентаризм. Но тогда как же объяснить исторические судьбы Португалии или Испании, достаточно прочно расположившихся по берегам Атлантического океана и Средиземного моря, но также прочно являющихся цитаделью европейского консерватизма и самого доподлинного «авторитаризма»?

В затруднительное положение попадает Пиренн и с Германией. Она, естественно, должна быть отнесена к

¹ *J. Pirenne*, указ. соч., т. III, стр. 134, 141.

² Там же, стр. 346.

числу континентальных, «авторитарных» империй. Фихте, Гегель и почему-то Вальтер Ратенау (вероятно, в отместку за Рапалло!), эти «духовные дети Лютера», характеризуются Пиренном безоговорочно как представители антииндивидуалистической идеологии и прямые предшественники тоталитаризма Гитлера. Но состав Атлантического блока обязывал Пиренна к иной оценке нынешней Западной Германии. Он смело проецирует поэтому существование двух Германий на протяжении почти всей ее истории. Идеи великой французской революции получили, оказывается, поддержку в западной части Германии и встретили резкое сопротивление в восточной. В эту схему, правда, никак не умещается хотя бы Кант, как известно, живший все-таки по ту сторону Эльбы! Но такие «мелочи» Пиренна не останавливают.

Совершенно бесцеремонен он в оценке бюловской политики, которая, как Пиренн считает, могла предотвратить европейскую войну. Решительную оппозицию Бюлову, по его мнению, составляли восточнопрусские юнкера, в то время как его защитники находились именно в той части Германии, куда доносятся «либеральные ветры» Атлантического океана. Но Пиренн должен был бы знать, что политику германского империализма, его пресловутую морскую — отнюдь не либеральную — программу вооружений определяли и направляли как раз руководители вестфальско-рейнских концернов.

Так же грубо искажает Пиренн и всю историю западноевропейских, «атлантических» держав, особенно их внешнюю политику. Целый том отведен им периоду 1830—1904 гг. как эпохе «триумфа либерализма». «Никогда, ни в одну эпоху, ни в какой другой стране человеческая личность не была так свободна», «если государство господствовало, то только для того, чтобы гарантировать свободу личности»¹. Либерализм положил конец непрерывным войнам, тянувшимся от Карла Великого до Наполеона: «либерализм дал миру эпоху великого мира»², между «либеральными нациями» не было никаких враждебных столкновений. Но при этом Пиренн совершенно умалчивает, что эти «либеральные нации» вели непрерывно бесчеловечные, позорные войны

¹ J. Pirenne, указ. соч., т. VI, стр. V.

² Там же, стр. XI—XII.

в Китае, Индии, Индокитае, Алжире, Тунисе, Египте, Южной Африке и т. д. и что на этой почве между ними шли непрерывные столкновения, поставившие в 90-е годы две самые «либеральные нации» на грань войны (Фашода!).

Пиренн категорически отрицает положительное значение революций в мировой истории: «невозможно насиловать историческую эволюцию»¹. Он, правда, признает «либеральную революцию» 1789—1791 гг., которая не нарушила «долгой индивидуалистической и либеральной эволюции» Франции после XVI в., но он беспощаден к Конвенту с его «режимом тоталитаризма и авторитарной диктатуры»². Драгонады, отмена Нантского эдикта, регентство, войны и весь прогнивший режим Людовика XV вполне соответствовали, оказывается, духу «индивидуалистической и либеральной эволюции», и только Конвент нарушил ее, впервые внося во Францию дух «авторитаризма»! Пиренн совершенно отрицает какое бы то ни было положительное значение деятельности Конвента (кроме вопросов народного образования) и идет в этом направлении гораздо дальше самых реакционных историков. Не удивительно, что Пиренн решительно предпочитает Конвенту Наполеона, который хотя и сохранил диктатуру, но зато возвратился к «индивидуальной свободе». Ненависть Пиренна к революции и бесцеремонность в обращении с фактами приводят к тому, что он считает Наполеона в противовес Конвенту вплоть до 1802 г. «инструментом либеральной эволюции»³.

Один американский рецензент Пиренна подсчитал, что в его 7 томах имеется 4941 страница и 320 глав⁴. «Философия» всех этих 5 тыс. страниц с поразительной ясностью раскрывается, когда Пиренн переходит к истории России.

Злобные выпады следуют один за другим; оруженосец Североатлантического блока, задыхаясь от ярости, ставит историю России с ног на голову. Вся его сложная «антиномия» преследует только одну задачу: доказать, что Советский Союз представляет собой продолжение и

¹ *J. Pirenne*, указ. соч., т V, стр. XIV.

² Там же, стр. X.

³ Там же, стр. XIII.

⁴ «*The American Historical Review*», vol. LXIII, p. 77.

увенчание многовековых «тоталитарных тенденций» царской деспотии. Пиренн совершенно безапелляционно утверждает, что русская внешняя политика начиная с XVII в. и нынешняя политика СССР «сохраняют один и тот же характер»¹. Казалось бы, что, исходя из «морской теории» Пиренна, выход России к Балтике, Черному морю, Тихому океану должен был как-то приблизить ее к европейской, «западной цивилизации». Но применительно к России все общие положения Пиренна совершенно модифицируются. Здесь «море» становится совершенно бессильным. Оказывается, что «нет никакого преувеличения в утверждении, что Россия со времен Ивана IV все более удаляется от европейской цивилизации»². Объяснение этому Пиренн находит в том, что русская экспансия была делом рук авторитарного правительства, а не самого населения. Русская буржуазия вступила в борьбу с этим консервативным, континентальным государственным режимом. И вот тут, по Пиренну, русский авторитарный режим спасла от либеральной, свободомыслящей буржуазии... Октябрьская революция! «Буржуазия, которая возникла после Петра,— пишет Пиренн,— могла развиваться только в противоречии с государственным режимом. Вот почему великая тоталитарная революция 1917 г., бывшая завершением реформ Петра Великого, ...осуществилась путем радикального искоренения русской буржуазии, образовавшейся под влиянием западных либеральных обществ»³. Поистине, кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает. Советские историки привыкли относиться с уважением к трудам отца Ж. Пиренна — Анри Пиренна, несмотря на то, что их разделяли серьезные методологические расхождения. Самого Ж. Пиренна они тоже считали крупным знатоком древней истории. Однако «*Les grands courants de l'histoire universelle*» наносят непоправимый ущерб научному имени и авторитету Ж. Пиренна. Утверждением, что Октябрьская революция была последним шансом спасения русского авторитарного режима — т. е. царизма! — от «свободолюбивой» русской буржуазии, Пиренн ставит

¹ *J. Pirenne*, указ. соч., т. III, стр. 152.

² Там же, стр. 161.

³ Там же.

себя вне науки. А ведь только для доказательства этого нелепого, невежественного, абсолютно антиисторического положения и создана была Пиренном вся эта «антиномия», разъяснение которой заняло около 5 тыс. страниц!

V

Отказ от подлинной науки в большой мере характеризует и десяти томное «руководство по всемирной истории» — «*Historia mundi*»¹.

Это предприятие было задумано и начато боннским профессором Фрицем Керном. Сам Керн скончался в 1950 г., успев подготовить к печати только первые четыре тома издания. После его смерти ответственным редактором «Истории мира» стал Фриц Вальявек — заместитель директора Мюнхенского института исследований по истории культуры, специалист по истории культуры стран Юго-Восточной Европы. Большинство членов редколлегии — историки культуры, как, например, Франц Шнабель — профессор Мюнхенского университета, член Баварской Академии наук и член-корреспондент Германской Академии наук в Берлине; известный американский археолог, Уильям Фоксвелл Олбрайт, в течение многих лет возглавлявший археологические раскопки в Палестине и в других ближневосточных странах, член многих академий, имеющий среди своих многочисленных степеней и званий также степень доктора теологии. В редколлегии участвуют французский специалист по палеолиту католический профессор Анри Бройль, известный английский историк Г. П. Гуч, а также некоторые другие историки.

Публикация томов происходит довольно быстро. Первый том («*Historia mundi*») вышел в свет в 1952 г., а в конце 1957 г. появился седьмой том. Оставшиеся три тома должны были выйти к концу 1958 г. Каждый том написан группой авторов, главным образом западногерманских, но среди авторов есть также и несколько

¹ Отдельные темы этого издания были подвергнуты разбору и критике в советской периодике (см., например, *М. Левин*, *Б. Поршнев* и *В. Струве*, Против антинаучных теорий возникновения и развития человеческого общества, «Коммунист» № 9, 1955 г., стр. 107—116).

французских, английских, американских, итальянских и испанских историков; главы по истории славян и Руси написаны русским белоэмигрантом, реакционным историком профессором Г. Вернадским.

Каковы задачи, которые поставили перед собой авторы и издатели этого труда? Читатель узнает это из программной вводной статьи, написанной Фрицем Керном.

Речь идет о том, чтобы указать людям спасительный путь для выхода из «кризисов, войн, катастроф». Показать истинную природу человека такой, какой она выявилась в течение отдаленной предыстории и всей истории человека, чтобы, определив болезнь, найти лекарство для «исцеления, надежды»,— такова задача, провозглашенная инициатором создания «*Historia mundi*».

300 лет тому назад, напоминает теолог Керн, люди видели бы в этих катастрофах великий суд божий, наказание «за грехи, за недостаток любви или моральной смелости, за коллективную жадность народов и классов» и сделали бы «глубокие выводы о природе человека и его исторических задачах и обязанностях»¹. Явное сожаление сквозит в словах Керна, когда он говорит, что потом люди стали смотреть на вещи иначе— и в этом виноват... Вольтер! В течение последних двух-трех веков вера в божественный суд была «опровергнута» (это слово взято в кавычки самим Керном), и в конце концов ее стали «отрицать все более широкие массы»².

Что же возникло взамен этого объяснения? Наименее рискованной Керн считает теорию цикличности. Хотя он сам и не разделяет взглядов Арнольда Тойнби, но отзывается о его работах с большой симпатией. Он, впрочем, оговаривается, что не собирается заниматься профессиональной критикой работы Тойнби. Однако Керн не может обойти молчанием резкую критику, которой подверглось многотомное «Исследование истории» со стороны ряда буржуазных историков и публицистов. После появления первых трех томов, вызвавших восхищение «маленькой группы эллинистов и германистов», утверждает Керн, наступило разочарование, ибо в по-

¹ «*Historia mundi*», В. 1, S. 11.

² Там же, стр. 12.

Следующих томах проявилась тенденция к «новому открытию Бога», стали указывать на «припадок слабости» у гуманиста Тойнби. Но именно это-то и по душе Керну. С удовлетворением констатирует он, что в последних томах своего труда Тойнби «все яснее признает христианство как важнейшую субстанцию истории человека» (имеется в виду «Civilisation on trial», 1948). Теологу Керну, конечно, больше по душе эта последняя установка как основной взгляд на историю человечества. Именно с этой позиции Керн критикует теорию циклов и призывает освободиться от циклического детерминизма. Взамен Керн выдвигает не что иное, как... божественный промысел. «Вместе с этим углубленным убеждением в сверхъестественной силе природа человека обязательно выступит также яснее в своем историческом развитии»¹, — утверждает Керн.

Затем Керн рассматривает то, что он именует «просветительным историческим эволюционизмом», т. е. теорию о постепенном облагораживании первобытно-грубого человеческого существа в ходе истории, пока он не достигнет морального уровня «викторианского гражданина», его культуры и материального благосостояния. Керн с явным удовлетворением констатирует, что эту теорию постигла смерть от ужасной реальности — первой мировой войны².

Удовлетворение Керна вполне понятно: с его точки зрения, дающей генеральную установку всему изданию, война — вполне нормальное явление, предопределенное самим творцом человеческого рода. Поэтому-то Керн и доволен, что обанкротилась теория эволюционизма, которая пытается понять человеческую природу, не исходя из веры в божественное сотворение человека³.

Другое направление эволюционизма Керн именует «пессимистическим брутализмом»⁴. Что это такое? Если судить по лексическому смыслу, это означает «жестокый (зверский) пессимизм», т. е. систему взглядов, выражающих как неверие в хорошие свойства человеческой природы, так и взгляд на людские массы, как на обреченный, безвольный объект порабощения в руках некоей

¹ «Historia mundi», В. 1, S. 12.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 14.

высшей группы избранных. Как видно из дальнейших пространственных рассуждений Керна, он пытается этот термин применить и к марксизму.

Вот где сразу раскрывается истинная природа мнимой «объективности» издателя «*Historia mundi*». Керн считает возможным поставить в один ряд Сореля, Ницше и... Ленина! Зачем ему это нужно? Ведь всякий человек, мало-мальски разбирающийся в истории, прекрасно знает, какая огромная дистанция лежит между идеалистическими историко-философскими воззрениями Сореля и марксизмом, не говоря уже о том, что установки Ницше с его культом сверхчеловека глубоко враждебны марксизму-ленинизму. Керну это необходимо, для того чтобы запутать читателя, создать у него ложное представление о самом гуманистическом учении — марксизме.

Достаточно привести характеристику исторического материализма, данную Керном: «Хотят освободить нынешнее человечество от религии, хотят отменить частную собственность... Бог, совесть, любовная жертвенная общность души и моральные порывы — это будто бы только иллюзии средних веков, когда священники отупляли массы своей болтовней. Освобожденный народ возвращает себе право на инстинктивную первобытную брутальность наиболее умного хищного зверя»¹. И хотя суждения Керна во многом определяют все направление предпринятого им издания, некоторые авторы вынуждены, пусть со значительными оговорками, признать большую силу марксизма. Так, автор главы «Основные вопросы первобытной истории» (т. I) Освальд Менгин признает, что материалистический эволюционизм... стал научной базой марксизма и тем самым «духовной мировой державой» и что «марксистский социализм ставит себе высокую цель — снова восстановить на земле глубоко потрясенную экономическую справедливость»².

Но, поспешно продолжает Менгин, это «поистине трагично». Почему? Потому, видите ли, что учение о возникновении и развитии общества и собственности «оказалось почти целиком ошибочным». И здесь особенно достается Моргану, ведь на его исследования опира-

¹ «*Historia mundi*», В. 1, С. 15.

² Там же, стр. 231.

ся Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Не удивительно, что в «*Historia mundi*» игнорируются и крупнейшие достижения советской археологии и этнографии. Как бы мимоходом, снисходительно признаются их «достойные внимания раскопки и исследования... от которых выигрывает и этнология»¹.

Нападки на марксизм не могут скрыть беспомощности автора. «Подкрепляется ли действительно эта теория историей последнего времени, или оскорбляет она наше чувство человеческого достоинства,—воскликает Керн, — во всяком случае это утверждение (т. е. марксизм) как таковое представляет собой историческую силу громадного значения для настоящего времени»².

В ввводной статье Керна, как в зеркале, отражен тот дух, который преобладает в последующих томах, в особенности по мере приближения к нашей эпохе великих социальных переворотов, обнимающих действительно все народы и все континенты, а не довольно узкий мир католического универсализма. В «*Historia mundi*» господствует методология, основанная на принципах, искажающих историческую правду. Беспочвенность этой методологии, направленной на «опровержение» марксизма, прикрывается нарочито запутанной формой, в которую Керн вкладывает свою мысль. Как бы в недоумении он вопрошает: «Должны ли мы склониться перед этим изображением истории как приемлемым или даже доказанным фактом, или здесь делались и еще делаются ложные выводы, т. е. губительные указания для нашего практического и морального поведения», которые являются результатом «ложных предпосылок, т. е. сфальсифицированных исторических фактов?»³

В соответствии с клерикальной тенденцией вышеназванного издания автор одной из глав Франческо Габриэли заявляет, что нельзя «первостепенное значение религиозного элемента в его миссии оттеснить в пользу политических, экономических и социальных элементов, как пытались это сделать в недостаточно хорошо продуманных исторических концепциях»⁴. В таком тоне выдер-

¹ «*Historia mundi*», В. 1, S. 378.

² Там же, стр. 15.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 346.

жана аргументация авторов издания там, где их ориентация на божественный промысел вступает в конфликт с исторической правдой.

Одной из наиболее характерных черт «*Historia mundi*» является попытка совместить религию и науку. Оставаясь на почве средневековых воззрений о примате религии в истории народов, современные последователи Фомы Аквинского, так называемые неотомисты, проявляют гораздо больше ловкости и осторожности, чем их средневековые предки.

Так, авторы «*Historia mundi*» даже считают нужным подчеркнуть, что «творение и развитие» вовсе не несоединимые понятия, отвергая то, во что «упорно и твердо верили»¹ их средневековые предшественники; но даже при такой, так сказать, уступке современности они считают нужным оговориться, что первое место все-таки занимает «акт созидания», т. е. божественный акт².

Попытка совместить несовместимое — науку и религию — весьма распространена в наше время величайших научных открытий, которые уже невозможно истолковать как простой акт божественного творения. Не так давно католическая церковь признала ошибку (1), совершенную церковью по отношению к Галилею. Тем не менее авторы «*Historia mundi*» постоянно подчеркивают, что примат сохраняется за творением божественного промысла; процесс развития занимает в этой схеме второе, подчиненное место.

Прямым следствием таких воззрений является стремление принизить по возможности роль науки, отвергнуть ее способность дать правильное объяснение различным явлениям истории, а тем более историческому процессу, ходу истории. «Наука ведь не истина, а страстное искание истины зондом критики»³, — утверждают авторы «*Historia mundi*». А отсюда возникает и желательный вывод: истина в вере, в повиновении церковным догматам.

Заявление о совместимости «творения и развития» на самом деле есть не что иное, как попытка прикрыть стремление свести историю человечества «к актам тво-

¹ «*Historia mundi*», В. 1, S. 16—17.

² Там же.

³ Там же, стр. 232.

рения», т. е. к богу, отрицая на деле эволюцию, постепенное движение от низших форм к высшим.

Один из ведущих авторов издания — патер П. В. Шмидт (кстати, он же автор реакционнейшей 12-томной «Истории религии»), в главе о доисторических культурах утверждает, что в те времена, когда еще не было и признаков письменности, в бесчисленные десятки тысяч лет до этого, уже была заложена основа «всех элементов человеческой культуры в экономике, религии, этике, искусстве»¹. Смелое утверждение! Хотя и не очень новое.

П. В. Шмидт по существу переносит на почву общественных отношений «теорию зародышевой плазмы» А. Вейсмана, утверждавшего, что некое неизменное «вещество наследственности» несет в себе все наследственные свойства организма. То же самое говорит и Шмидт, развивая далее свою мысль: общественные отношения древности «сохранили свое значение и для всех дальнейших времен истории человечества»².

Чем же обосновывает Шмидт свои «открытия»? Главным образом «интуитивными» ощущениями и наблюдениями католических миссионеров, живших среди некоторых народов Азии, Африки, Океании и кое-каких остатков племен в районе Больших озер и в Калифорнии у индейцев, в Юго-Восточной Австралии, особенно у пигмеев.

Быт этих племен изображается в самых ярких положительных красках. С какой целью? Для того, чтобы произвольно приписывать этот же быт людям, жившим в отдаленные доисторические эпохи. Сами факты, которыми должна иллюстрироваться «райская» жизнь наших отдаленных предков, отобраны крайне тенденциозно и предвзято. Так, на стр. 391 прямо перечисляется ряд народов, которых не следует привлекать к описанию быта.

На протяжении 80 страниц (т. I, стр. 391—469) рисуется весьма привлекательная жизнь. Чего тут только нет — моральное совершенство, идеальные отношения среди членов семьи, высокий уровень воспитания детей! Разногласия и споры, если они есть, разрешаются не в драке, тем более не в войне, а мирным посредничеством.

¹ «Historia mundi», В. 1, S. 379.

² Там же.

Впрочем, автор спешит оговориться: «Разумеется, эти древнейшие люди не были ангелами и имели свои ошибки и недостатки»¹. Но эти же недостатки он превращает в апологию, приписывая их горячему темпераменту.

Шмидту требуется, как видно, утвердить две «истины», прежде всего, что происхождение человека является актом Творца — волей божьей. Вот как сам Шмидт об этом пишет: «То были торжественные моменты, когда с созданием человека началась история человечества. Мы все еще пребываем в неизвестности относительно того, где, в каких частях земли это произошло, и уже потому мы не можем себе представить и еще меньше почувствовать наравне с ними, какими глазами первые люди смотрели на обширную землю и какие чувства их волновали при этом. Это, наверное, не был тупой страх перед миром, который парализовал бы их: еще теперь (!), например, все племена пигмеев полны живости и жадности к знанию и пользуются всяким случаем для шуток и смеха»².

Вторая истина, которую стремится обосновать П. В. Шмидт, — извечность и неизменность частной собственности. В перечислении качеств первобытных народов особо подчеркивается, что «порядок собственности стоял на заметной моральной высоте»³.

Весь же большой раздел завершается описанием «ангельского» быта первобытных людей, славословием порядку «*meum et tuum*» («мое и твое»), в котором в те времена, по уверению автора, содержалось «много любви и теплоты». Как полагается церковнику, он считает нужным сослаться при этом на проповеди Иоанна Златоуста.

Таким образом, в основе основ — творец на небесах и полное отрицание всеисилия науки. Многократно и подробно, совсем как в катехизисе, говорится о вере в бога, в высшее существо, в творца на небесах, о признательности ему за созданную счастливую жизнь, хотя и у них, у наших отдаленных предков, авторы отмечают недовольство установленным порядком, «порой открытый бунт... против высшего законодателя».

¹ «*Historia mundi*», В. 1, S. 462.

² Там же, стр. 390—391.

³ Там же, стр. 459.

Пожалуй, наиболее наглядное свидетельство обскурантизма некоторых авторов «*Historia mundi*» представляет собой глава Штауфера «История Иисуса»¹. Все изложение ведется с позиций «мифологической школы», причем делается это совершенно серьезно. Автор говорит об анализе источников. Однако никаких новых источников у Штауфера нет. «Метод» его примерно такой же, как у его средневековых предшественников. Последние утверждали, что одним из наиболее убедительных доказательств божественности Христа служат заявления его сторонников: «*Esse deus*» («Се есть бог») — в противоположность его врагам, утверждавшим: «*Esse satanus*» («Се есть сатана»). Штауфер же безапелляционно утверждает: «Чудотворство Иисуса исторически неоспоримо»². Подраздел о смерти Иисуса — трогательный роман. Удивительно лишь, как современный историк может ссылаться на то, что «было достаточно свидетелей», которые слышали слова Иисуса.

Какие же это слова? «Отец небесный, прости им, бо не ведают, что творят». В стремлении внушить читателю убеждение в подлинности именно этих слов Иисуса есть своя определенная цель — призыв к классовому миру, к прекращению борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров, поработенных против поработителей.

Разумеется, такого рода «система доказательств» вряд ли может облегчить читателю понимание сущности исторического процесса. О «*Historia mundi*» недостаточно сказать, что ее направление реакционное, имеющее целью внушить читателям веру в незыблемость и извечность существующих буржуазных социально-политических категорий. Это многотомное издание отличается от других буржуазных исторических произведений чисто теологической направленностью, при которой основное содержание истории, материальные условия жизни общества рассматриваются лишь как приводящий элемент, а на первое место ставятся душевные эмоции, т. е. душа. Такой взгляд, доведенный религиозной пропагандой до крайних пределов, позволяет внушать измученным, угнетенным массам, что их усилия не должны направляться к улучшению своей участи на земле, ибо «мое царство не от мира сего».

¹ «*Historia mundi*», В. 4, S. 129—190.

² Там же, стр. 138.

Особенно выпукло проявляется реакционность авторов «*Historia mundi*» в их суждениях о тех, кто творит историю.

Массы, народ, трудящиеся — истинные творцы истории, оставляются где-то в тени. Главное и единственно значащее — властители, их роли уделяется значительное внимание уже в первом томе при восхвалении первобытной культуры¹. Например, указывая, что у сохранившихся до нашего времени примитивных народов «нет недостатка в вождях», П. В. Шмидт безапелляционно утверждает, что это относится и к старейшим народам пракультуры, хотя «мы не можем представить определенных доказательств. До нас не дошли сведения о руководителях и других выдающихся деятелях древности, мы не имеем и собственных имен этих личностей»².

В третьем томе роль Филиппа, царя Македонского, а затем и Александра возносится до небес. О Филиппе приводится отзыв греческого историка Теопомпа, что это был «сильнейший из людей, которых Европа до сих пор знала»³.

В главе о Филиппе очень ярко выступает одна из наиболее характерных черт всего издания «*Historia mundi*» — стремление к модернизации. Иногда кажется, что перед нами не история отдаленных времен, а статья из некоей буржуазной газеты наших дней: «И рядовому человеку в Афинах и в остальной Греции становилась понятной вся серьезность опасности»⁴, грозившая со стороны Филиппа свободному проходу судов через Дарданеллы в Мраморное море.

В явно пропагандистском тоне восхваляется роль греческих полисов в «ограждении Европы от нивелирующей мировой державы Востока»⁵.

Подразделы об Александре переполнены повествованиями о его личности, о его исторической роли. О бунте в армии, его кровавом подавлении и казни 13 вожаков автор пишет так: «Македонская армия подчинилась своему возвышающемуся над всеми и всепо-

¹ «*Historia mundi*», В. 1, S. 392.

² Там же.

³ «*Historia mundi*», В. 3, S. 289.

⁴ Там же, стр. 286.

⁵ Там же, стр. 284.

давяющему вождю; под давлением его личности была признана македоно-персидская империя»¹.

Александр был велик, спору нет, но почему не указать на тот бесспорный исторический факт и не проанализировать его должным образом, что походы, победы Александра, быстрое создание империи были подготовлены всем ходом событий в Восточном Средиземноморье, что гениальные способности его остались бы втуне, если бы не было перед ним этой исторической задачи? Но церковная концепция требует обязательно царя, властителя, господина, поставленного самим творцом.

Особенно изобилует этим царепреклонением четвертый том, включающий эллинизм и Рим. В большой главе «Мир и культура эллинизма» (статья Андрэ Эймара, обработанная Фрицем Шницером) имеется раздел, достаточно характерный самим своим названием «Цари как строители». В главе подробно описываются средства — армия, флот, арсеналы и полная казна, посредством которых преемники Александра обеспечили себе власть. Об экономике говорится с точки зрения личных интересов эллинистических государей. «И здесь,— пишет автор,— мы должны начать с того, что господствует над всем этим развитием,— с государства, т. е. с фискальных интересов правителей»². Все находится на должном уровне, «пока неутомимые короли бдительно следят за правильным ходом дел». Они, оказывается, проявляют даже «полное любви попечение»³. О рабстве говорится в весьма мягком тоне.

В не менее панегирическом тоне описывается роль властителей в Риме в главе «Роль личности в императорскую эпоху». «Не вечно меняющиеся годовые руководители республики оптиматов, а выдающаяся активность Сципиона-старшего сумела померяться с гением Баркида, победы которого сейчас же означали для простых людей божественные и руководимые богом чудоподвиги. Шаг за шагом в течение 200 лет возвышалось демоническое господство личности над государством... Личность вождя была всемогуща» (автор перечисляет

¹ «Historia mundi», В. 3, S. 301.

² «Historia mundi», В. 4, S. 59.

³ Там же, стр. 62.

Цезаря, Августа, Траяна, Клавдия и других и славословит каждого) ¹.

Автор отмечает, что, к сожалению (научная объективность!), не малое действие в качестве императоров оказали также «самые невозможные создания», и грустно добавляет: «Самый маленький камешек, сброшенный с такой высоты, может наделать большое зло». К их числу автор относит Нерона, Калигулу и др. Но тут же автор замечает: «Около и позади трона почти всегда стояли также значительные мужи, а нередко и значительные женщины».

Все эти короли, цари, вожди, религиозные реформаторы трактуются всюду в «*Historia mundi*» как личности, сила которых и восхождение к власти носили какой-то таинственно-мистический характер.

Раз все дело в правителях и судьба народов зависит по преимуществу от их качеств, то роль самих народов, подвластных этим высшим существам, сводится к роли покорных подданных. В соответствии с этой тенденцией их жизни уделено крайне мало внимания. Например, в ряде глав «Истории мира» на основании большого и часто свежего материала подчас весьма интересно характеризуется торгово-хозяйственная деятельность эллинских государств, Римской империи (например, главы А. Эймара и А. Альфеди), но о бедственном положении масс, особенно в наиболее угнетенном классе рабов, почти не упоминается (а если и упоминается, то их положение рассматривается с точки зрения интересов правителей и господствующих классов). В разделе о римской государственности рабам посвящены три страницы. «По римскому праву,— сообщает автор,— раб был вещью, а не личностью. За жестокое обращение или убийство его виновный не преследовался. Тем не менее судьба не всех поработанных была одинаково мрачна» ². О подавляющей массе поработанных авторы не пишут ни слова.

О восстании рабов под руководством Спартака не говорится ничего, если не считать слов «восстание рабов в Италии» ³. Это упоминание делается в связи с

¹ «*Historia mundi*», В. 4, S. 296—297.

² «*Historia mundi*», В. 5, S. 246.

³ «*Historia mundi*», В. 4, S. 113.

претензиями Марка Красса в 71 г., позволяющими догадываться, что речь идет именно об этом огромном событии, которое потрясло все социальное здание Рима. Зато подробно повествуется о высших группах рабов — об образованных греках, услугами которых пользовались римские аристократы и власти, о рабах, которых стали принимать в армию, если они успешно проявляли свои способности в военном искусстве и которым удавалось выкупить себя и т. д. В качестве примера приводят обычно Горация, отец которого, бывший раб, возвысился до должности трибуна.

Но обратимся к более поздней эпохе. Крестьянские восстания (Жакерия во Франции в середине XIV в., восстание Уота Тайлера в Англии в этот же период, ряд крестьянских восстаний в Германии во второй половине XV в., восстание «бедного Конрада» в начале XVI в. — мы назвали только наиболее значительные) совершенно игнорируются. Исключение составляет только Великая крестьянская война 20-х годов XVI в., и то, по-видимому, только потому, что надо было выпятить роль Лютера, о святости и высоких моральных качествах которого так подробно повествуется в главе «Реформация».

Автор старается умалить социальный смысл движения, по возможности замалчивает отчаянное положение крестьянства, представляя в качестве разбойников левое крыло движения под руководством Томаса Мюнцера. По утверждению автора, Лютер занимал вначале как бы позицию арбитра, угрожал феодалам божьим судом (на том свете); в обращениях же к крестьянам он призывал повиноваться не только своим феодальным мучителям, но и Obern, т. е. поставленным над ними сельским начальникам, разъясняя, что «право христианина — страдания и крест», что общество не может существовать без неравенства, «где одни свободны, другие в заключении, одни господа, другие подданные и т. д.»¹ Однако авторы принуждены отметить, что вскоре крестьяне были объявлены бунтарями и Лютер призвал князей «взяться за меч»². Автор, конечно, не пишет о том, что Лютер призывал уничтожать крестьян, «как бешеных собак».

¹ «Historia mundi», В. 7, S. 61.

² Там же, стр. 62.

Всюду, где речь идет о событиях революционного характера, авторы проявляют странную лаконичность. Например, в седьмом томе имеется небольшой раздел, посвященный истории Англии в эпоху абсолютизма¹. Казалось бы, что английская революция XVII в. должна была занять, коль скоро издатели не решились отвести ей отдельную главу, важное место в этом разделе. Но читатель, внимательно прочитав и перечитав этот раздел, вообще не поймет, была ли в Англии революция со всеми теми глубокими социальными, экономическими и политическими последствиями, о которых мы достаточно хорошо знаем.

Но зато в другом месте воспевается методистское движение в Англии, которое «сыграло эпохальную роль во всей истории Англии» «и укоренило мир Христа в индустриальном рабочем классе». Автор с удовлетворением добавляет: «Если Англия не переживала ужасов (!) французской революции и если английский социализм относится к христианству по-другому, чем континентальный, то это в значительной степени заслуга методизма»².

Почти абсолютное игнорирование народных движений, с одной стороны, невероятное преувеличение роли властителей и господствующих классов — с другой, отнюдь не случайность; не показывать активности поработанных масс, не выводить эту активность на арену истории, не включать ее в свой «Geschichtsbild» (картину истории) — все это находится в полной гармонии с задачами, которые ставит себе «Historia mundi». Как мы уже выше писали, Керн в своей вводной программной статье давал ясно понять, что все это издание имеет целью оборону от марксизма, «опровержение», отрицание эволюции человечества. Как огня, боятся они поэтому определения исторических закономерностей, столь опасных для современной империалистической буржуазии. Даже там, где авторы в какой-то мере вынуждены признать существование некоторых общих предпосылок и тенденций развития, они оговариваются, что цель развития остается «скрытой от нашего разума»³.

¹ «Historia mundi», В. 7, S. 318—324.

² Там же, стр. 247.

³ «Historia mundi», В. 5, S. 455.

Нельзя пройти и мимо того факта, что по многим вопросам в «*Historia mundi*» излагается не господствующая в науке или признанная большинством специалистов точка зрения, а сугубо личный взгляд автора данной главы или раздела. Мы полагаем, что в изданиях типа «Всеобщей» или «Всемирной» истории неправильно и нецелесообразно излагать частные точки зрения, ибо такой метод может ввести в заблуждение читателя, посеять неправильные представления о характере того или иного явления. На наш взгляд, во «Всемирной истории» должна излагаться принятая большинством историков точка зрения. В случае серьезных расхождений составители издания обязаны изложить различные взгляды на этот вопрос или во всяком случае сделать какую-то оговорку. Совсем нежелательно, чтобы главы или разделы такого рода издания не были основаны на научном исследовании.

Рецензент известного американского буржуазного исторического журнала ядовито заметил по поводу одной из таких глав (Шнейдер «Раннегерманская духовная культура»), что эта глава — «больше плод воображения, чем здравая история».

Невольно вспоминается французский сатирический персонаж Жозеф Прюдом, заявлявший с апломбом: «Это мое мнение, и я его разделяю».

«*Historia mundi*», задуманная как всемирная история, несмотря на то, что к ее составлению был привлечен ряд крупных специалистов и некоторые ее главы представляют несомненный интерес, не находится на уровне современной исторической науки, более того, она глубоко враждебна ей, ибо исходит из ошибочных принципов. История представляется авторами этого большого издания в виде параллельных, мало связанных между собой процессов. Существование же единого всемирно-исторического процесса, движение человечества от низших ступеней развития к высшим, закономерная и необходимая смена одних общественных форм жизни другими решительно отвергаются.

Не удивительно поэтому, что «*Historia mundi*» встречает отрицательное отношение не только со стороны историков-марксистов, но и со стороны серьезных буржуазных исследователей.

Подготовка многотомных «Всемирных историй» давно заняла видное место в британской исторической науке. Значительное количество монографий, подготовленных британскими историками, создало необходимые предпосылки для написания коллективных трудов, а выход их в свет повлек за собой в свою очередь поток специальных исследований. С точки зрения опыта в издании многотомных публикаций (в том числе различных официальных «синих» и «белых» книг) авторитет английской исторической науки в буржуазной историографии стоял довольно высоко в начале нашего столетия. В 1902—1911 гг. вышла в свет «Кембриджская новая история», которая выдержала два издания¹.

Эта работа снискала широкую известность не только в Великобритании, но и за ее пределами. Она сосредоточила сумму знаний, накопленных британской буржуазно-либеральной историографией к концу XIX в., и стала «стандартным» курсом, основным критерием для оценки исторического процесса. В глазах буржуазных исследователей значение ее заключалось не только и не столько в сообщаемых фактах (в результате дальнейшей работы исследователей в архивах и частных собраниях документов «Кембриджскую новую историю» постигла судьба многих исторических трудов: она устарела). Значительно более важными западным исследователям представлялись идеи, пронизывающие это издание, которые, по мнению некоторых британских историков, созвучны и нашему времени.

Любой обзор английской литературы по истории будет неполным без упоминания «Кембриджской новой истории», однако рассматривать последнюю нельзя, не указав имени историка, задумавшего это издание и создавшего его план. Речь идет о патриархе британской историографии прошлого столетия лорде Эктоне. Несмотря на то, что он скончался до выхода в свет первого тома «Кембриджской новой истории», его философия истории определила все направление этого издания и

¹ «The Cambridge Modern History», planned by the late lord Acton, ed. by A. W. Ward, vol. 1—13, Cambridge University Press 1902—1911; second ed., vol. 1—14, 1907—1924.

оказала длительное воздействие на британскую историографию вообще. Коллектив составителей счел необходимым особо подчеркнуть это обстоятельство, указав в подзаголовке: «Спланирована покойным лордом Эктоном». Это не только формальное признание автора плана, но и указание на духовного отца составителей этого издания, ибо Эктон долгое время стоял у истоков буржуазно-либерального направления в британской историографии.

Основные особенности и цели этого направления хорошо известны и не нуждаются в объяснении, необходимо только подчеркнуть различие, которое вкладывается в понятие «либеральный» в странах континентальной Европы и Великобритании. Если либерал в представлении интеллигенции континента является человеком, в той или иной степени отрицательно относящимся к церкви или по крайней мере ставящим под сомнение некоторые ее догматы, то на Британских островах это совсем необязательно: многие историки либерального направления в Великобритании были видными служителями церкви, а сам Эктон — ревностным католиком.

Философия истории Эктона тесно связана с его религиозным мировоззрением. Длительное время он был издателем журнала, духовное кредо которого формулировалось так: «Поддерживать дело религии открытием истины... Ложная религия боится правды, истинная религия ищет и признает ее, где бы она ни находилась»¹. Эрудиция Эктона неоспорима; Гладстон обычно заявлял, когда возникал какой-либо сложный вопрос: «Давайте спросим лорда Эктона». Эктон не оставил после себя ни одной крупной работы. Единственным трудом, в котором воплощены его идеи, в Англии считают «Кембриджскую новую историю», хотя она и была создана руками других.

Цели исторической науки Эктон определял следующим образом: «Политика и история тесно переплетаются друг с другом, однако они не аналогичны. Историческая наука не ограничивается изучением политической истории государств. Наша задача заключается в том, чтобы проследить развитие идей, которые являются не

¹ *T. Thompson and B. J. Holm, A history of historical writing, vol. 2, New York 1942, p. 331.*

следствием, а причиной совершающихся событий»¹. В соответствии с этим создавалась структура «Кембриджской новой истории»: в каждом томе группировались события, объединенные какой-либо «идеей», например, Ренессанс, Французская революция, Наполеон.

Новой историей был признан период с конца XV в. «Под всемирной историей,— писал в предисловии к изданию профессор А. Уорд,— мы имеем в виду нечто отличное от объединенной истории всех стран, другими словами, мы имеем в виду изложение не эпизодов, а непрерывного процесса исторического развития². Однако всемирной истории не получилось, ибо в центре внимания оказалась история стран Европы, остальной мир затрагивался лишь постольку, поскольку речь шла о влиянии Европы на другие континенты. Движущей силой исторического процесса был объявлен некий загадочный «дух современности», который появился на рубеже XV—XVI вв. Он возник из применения идей к обстоятельствам, вызвал к жизни политические институты, а следовательно, и современную историю. Что касается объединяющих факторов последней, то в качестве основных были указаны: понятный язык для людей нашей эпохи и рост национального сознания.

Такова была идеалистическая концепция Эктона, положенная в основу «Кембриджской новой истории». Когда в последние годы в Англии встал вопрос о ее переиздании, эта концепция подверглась значительным изменениям. Видные британские историки указывают, что в наше время нельзя ограничиваться изучением истории Европы. Профессор Д. Барраклоу (автор работы «История в изменяющемся мире») далек от того, чтобы объяснять это задачами академического исследования, напротив, он подчеркивает роль истории как орудия политики. «Можно прямо утверждать, не боясь возражений,— пишет Д. Барраклоу,— что подавляющее большинство наших исторических сочинений не подготовило нас к появлению мира, в котором мы живем, и не дает возможности понять его». Он выносит беспощадный приговор концепции «европоцентризма», как не только устаревшей, но и положительно опасной для правящих кругов

¹ G. Gooch, *History and historians in the nineteenth century*, London 1952, p. 361.

² «The Cambridge Modern History», vol. I, Cambridge 1903, p. 5.

Западной Европы. «Такая история (т. е. сосредоточение внимания на Европе.— *Авт.*), хотя, возможно, и усилит наши предрассудки и укрепит нас в убеждении в превосходстве своих традиций и ценностей, в то же время способна ввести в опасное заблуждение относительно действительного соотношения сил, существующего в нашем мире».

Д. Барраклоу выступает за расширение масштабов исторического исследования, обращая внимание на необходимость выяснить роль России и Советского Союза во всемирно-историческом процессе. «Сейчас необходимо не столько подробное изучение истории России, сколько включение этой истории в наши концепции европейской и всемирной истории... Чем шире взгляд историка, чем больше он старается освободить себя от тенденции рассматривать историю только одной страны или группы стран, тем ближе он к концепциям прошлого, которые необходимы для настоящего»¹. Точку зрения Д. Барраклоу в определенной степени разделяют составители рассматриваемого издания «Кембриджской новой истории». Приведенные суждения о важности самого широкого охвата фактов весьма здравы, и их можно было бы только приветствовать, если бы призыв к составлению всемирной истории был самоцелью и преследовал задачу просто расширить границы познания. К сожалению, это не так.

Интерес к всемирной истории в наши дни, как ни странно, является проявлением релятивизма и презентизма, захлестнувшего современную буржуазную историографию. Выход в свет первых двух томов (они появляются в зависимости от готовности тома к печати, а не в хронологическом порядке; осенью 1957 г. поступили в продажу I и VII тома, в 1958 г. — II том) служит наглядным подтверждением сказанного. Хотя в общем предисловии к изданию профессор Д. Кларк подчеркивает верность идеям Эктона, он вносит существенную оговорку: «Нынешнее издание «Кембриджской новой истории» не ставит своей задачей стать вехой на пути к созданию абсолютной истории, равно как не преследует цели обобщить все наши знания по этому периоду. Это последовательное собрание суждений, соот-

¹ G. Barraclough, The Larger View of History, «The Times Literary Supplement», 6. I. 1956, p. 2.

ветствующих фактам. В значительной части цели данного издания совпадают с теми, которые были сформулированы лордом Эктоном для предшествующего, однако следует отбросить один из принципов Эктона»¹, а именно: Д. Кларк откровенно отказывается от попытки создать объективную, или, по его терминологии, «абсолютную», историю.

Эктон, впрочем, также признавал невозможность создания «абсолютной» истории, однако совершенно по другим причинам. С его точки зрения, трудность заключалась в сборе необходимых фактов, «ибо для данного поколения таких возможностей нет»². Но он выражал твердую уверенность в том, что, хотя «Кембриджская новая история» не сможет обобщить все факты, тем не менее события в ней будут излагаться так, как они, происходили. Этот принцип и выбрасывают за борт составители нового издания. На место него ставится презентизм и идеалистический «историзм» Б. Кроче, с положениями которого («любая истинная история идеальна современна») и солидаризируется Д. Кларк³.

Д. Кларк прямо указывает, что презентизм нового издания определяется особым положением исторической науки в капиталистическом мире: «Все деятели, борющиеся за власть или контролирующие общественное мнение, хотят иметь на службе историю»⁴. Трудно говорить об академической свободе, ибо «большая часть историков современной Европы либо находится на гражданской службе ...либо работает в университетах, которые субсидируются или частично контролируются государством»⁵. Эктон считал, что историческая наука является «картой и компасом» для людей, Д. Кларк уточняет: «В нашем изменившемся мире этот взгляд не выдерживает критики. Многие ученые в области общественных наук пришли к выводу, что они не могут вести исследовательскую работу, не рассказывая о своих целях. Они готовят карты, но они также сравнивают один путь с другим»⁶.

¹ «The New Cambridge Modern History», vol. I, 1957, p. XXXIV.

² G. Gooch, History and historians in the nineteenth century, p. 364.

³ «The New Cambridge Modern History», vol. I, p. XIX.

⁴ Там же, стр. XXXI.

⁵ Там же, стр. XXXII.

⁶ Там же, стр. XXXIII.

Хотя составители последнего издания «Кембриджской новой истории» считают ее «всемирной», по существу главное место в работе по-прежнему занимает Европа, правда в несколько расширенном варианте¹. Это случилось не потому, что британская буржуазная историография не понимает важности освещения всемирной истории, это результат узкого понимания коллективом составителей понятия, которое они сводят преимущественно к истории «атлантической цивилизации». Что дело обстоит именно так, видно из определения основной задачи труда: «Наша задача — сообщить конечные выводы исследований истории той «цивилизации» (!), которая начиная с XV столетия распространилась по миру из своего первоначального европейского очага, ассимилируя по мере своего расширения разнородные элементы, пока более или менее не утвердилась во всех частях света»².

В новом издании значительное место уделяется истории России. Если в первом издании Россия появлялась только в V томе, то в нынешнем — в первой главе I тома («Европа накануне великих географических открытий»); изложение начинается с востока — с России. Автор главы особо указывает на огромную территорию Русского государства, прибегая для характеристики географических условий Восточной Европы к описанию степей Гоголем. В последующих главах история Восточной Европы открывается не Польшей, как обычно бывало в работах западноевропейских авторов, а историей России. Особое место отводится показу «агрессии» России, как именуют авторы объединение русских земель вокруг Москвы начиная со времени Ивана III. В этой связи спекулятивно используются

¹ Это отмечено английскими буржуазными историками как существенный недостаток. Оценивая VII том нового издания, журнал профессиональных историков «The English Historical Review» отмечает: «Следует подчеркнуть, что редакторы не внесли изменений в это издание, которые напрашиваются сами собой. В последнем издании «Кембриджской новой истории», как и в прошлом, в центре внимания находится Европа. Не ввязываясь в спор относительно ценности и уникальности европейской цивилизации, тем не менее следует указать, что в наше время то, что раньше считалось историей Европы, следует превращать в историю всего мира» («The English Historical Review», IV. 1958, p. 303—304).

² «The New Cambridge Modern History», vol. I, 1957, p. XXXV.

рассуждения современников-теологов о «третьем Риме»¹. Последнее необходимо для подготовки конечного политического вывода: Россия играла значительную роль во всемирно-историческом процессе, но неизменно как сила, противостоявшая уже в те отдаленные времена «атлантической цивилизации».

VII том (1713—1763 гг.) весьма любопытен для выявления некоторых сторон методологии историков кембриджской школы. Политическая и дипломатическая история теперь признаются недостаточными без освещения экономической и социальной жизни. Поэтому этот том не столько политическая история XVIII столетия, сколько социально-экономическая. Об этом прямо заявляет редактор тома профессор Д. Линдсей: «В работе сделана попытка рассмотреть исторические события в свете соответствующих экономических условий, государственных институтов, социальной структуры и господствующих идей, хотя все они могли возникнуть до 1713 г. или существовали после 1763 г.»²

С одной стороны, это показывает огромное, растущее влияние материалистического взгляда на историю развития человеческого общества, с другой — совершенно очевидно, что буржуазная историческая наука обращается к экономике, чтобы изыскать дополнительные аргументы для доказательства положения о том, что раскол мира на два лагеря якобы неизбежен. Истоки современного положения вещей, т. е. существования двух лагерей, авторы пытаются проследить на различных путях экономического развития Востока и Запада. Однако выводы, которые они делают, являются самой неприкрытой фальсификацией. Идеи века просвещения, утверждают авторы, имели якобы успех только в тех странах, где были средние классы, обладавшие «осязаемыми экономическими и политическими свободами». Что касается остального мира, т. е. стран Восточной Европы и Азии, то «просвещению еще предстоит одержать свои великие победы, спустя два столетия его работа еще не завершена»³. Тем самым вся духовная жизнь человечества в этот период сводится к достиже-

¹ «The New Cambridge Modern History», vol. I, p. 369.

² «The New Cambridge Modern History», vol. VII, p. 1.

³ Там же, стр. 111—112.

ниям западноевропейской буржуазной мысли и полностью игнорируются социально-политические мыслители как России, так и Востока. Больше того, из приведенных слов ясно, что буржуазная наука объявляется вершиной, которой может достичь человек своей интеллектуальной деятельностью; любая иная идеология, по мнению авторов, в наши дни уступает буржуазной.

О направлении, в котором будет развиваться дальнейшая работа, пока можно судить лишь по названиям некоторых томов, которым предстоит увидеть свет: т. VIII — «Революции в Америке и Европе», т. IX — «Новые режимы и промышленная революция (1793—1830—1832 гг.)», т. X — «Зенит мощи Европы», т. XI — «Материальный прогресс и мировые проблемы (1870—1898—1901 гг.)», т. XII — «Эра насилия 1898—1945», т. XIII — «Обзор современной истории». Нет оснований полагать, что составители откажутся от релятивизма (точнее, от иногда крайне грубой модернизации истории), который ясно виден в I и VII томах. Если так, тогда задуманная большая работа едва ли будет иметь значительную научную и познавательную ценность, ибо 13 объемистых томов авторского текста издания «Всемирной истории» сведутся к попытке доказать знакомый тезис пропагандистов НАТО — об исторической обоснованности раскола мира на два лагеря, враждебности «атлантической цивилизации» и Советского Союза.

Вышедшие в свет I, II и VII тома последнего издания «Кембриджской новой истории» были весьма настороженно встречены в кругах буржуазных историков Англии и США. С точки зрения профессионального мастерства и стиля изложения они были единодушно оценены отрицательно. Профессор Тревор-Ропер в журнале «New Statesman» отметил: несмотря на заявления составителей о том, что история будет рассматриваться как единый процесс с учетом экономики, социальных и идейных факторов, структурно тома мало отличаются от первого издания, т. е. не прослеживается связь между экономикой и политическими вопросами. Основной упрек Тревор-Ропера: «Когда выходило первое издание, на английском языке было мало книг по европейской истории. Теперь их много, и составителям нового издания следует подумать о том, чтобы выдержать конкуренцию с ними», ибо для массового читателя мате-

риал изложен скучно и малодоступно¹. «The English Historical Review» в уже упоминавшейся рецензии заметил: «Ни один из очерков (ибо это скорей очерки, а не систематическое изложение) в этом томе (VII) не поднимается выше посредственного изложения фактов и убогого стиля»².

Американский рецензент дал еще более нелестную оценку, заявив, что в целом он «испытал чувство разочарования», ознакомившись с последним изданием. Под огонь его критики составители попали за то, что они недостаточно последовательные релятивисты. «Новых точек зрения, более глубокого анализа или попыток взглянуть на события шире разочаровывающе мало», — пишет критик на страницах главного американского исторического журнала «The American Historical Review». И тут же дает совет, как следует писать историю в наши дни: «Даже если не обнаружено каких-либо новых материалов, мы испытываем необходимость пересмотра старых оценок. Но вопрос о том, соответствует ли наш взгляд на историю в большей степени объективной истине, чем историков предшествующих поколений, к делу не относится»³. Американская оценка весьма симптоматична и проливает яркий свет на общее направление современной исторической науки, и не столько в Англии, сколько в Соединенных Штатах.

VII

Как ни странно, вплоть до середины XX в. в Соединенных Штатах не было ни одной публикации «Всемирной истории», что имело, конечно, свои исторические причины.

Если в странах Старого Света расцвела концепция «европоцентризма», то в США настойчиво и последовательно канонизировалась история страны «бога и моей», создание которой будто бы было высшей точкой в поступательном развитии человечества. Доктрины «естественного права», созданные в «век просвещения», на американской почве приняли иную, мессианскую окрас-

¹ «New Statesman», 19. X. 1957, p. 400.

² «The English Historical Review», IV. 1958, p. 303.

³ «The American Historical Review», IV. 1958, p. 649—650.

ку. В Соединенных Штатах они получили название теории «явного предназначения». Джон Джей в 1777 г. указывал, что американцы были первым народом, отмеченным богом, который предоставил им возможность рационально избрать форму правления и, следовательно, право толкования, что «включает в себя понятие великих и равных прав человека». Эта посылка явилась исходной точкой для американской фальсификаторской концепции о том, что им будто бы ниспослана свыше миссия избранных защитников прав всего человечества¹.

Пока США оставались слабыми, дело ограничивалось пропагандой американского «превосходства» в мире, фальшивой проповедью морального примера Америки для всего человечества. Как сказал Д. К. Адамс на праздновании Дня независимости 4 июля 1821 г.: США «стоят и всегда должны стоять на вершине горы, на которую могут устремить свои взоры все обитатели земли и увидеть истинный и спасительный свет, пока время не канет в вечность и сама земля не исчезнет, не оставив следа»². В этой оценке интересно не только то, что ее дал Д. Адамс, будущий президент США (1824—1828 гг.), значительно важнее тот факт, что она отражала точку зрения правителей США на роль своей страны в мировой истории. К концу XIX в. США, покончившие с гражданской войной и окрепшие, перешли к империалистической экспансии. Кумир тогдашних американских экспансионистов Д. Фиске выступил в 1885 г. с книгой «Американские политические идеи». Главы из его книги, в том числе одна — под названием «Явное предназначение», широко перепечатывались массовыми американскими журналами. Он заявлял, что пробил час, когда американская федеративная система распространится «от полюса до полюса»³. Создатель теории «границы» Ф. Гарнер писал на рубеже XIX—XX вв.: «Ныне, спустя четыре столетия после открытия Америки и столетие развития при конституции, граница исчезла и первый период американской истории пришел к за-

¹ A. Weinberg, *Manifest Destiny*, Baltimore 1935, p. 17.

² «An address delivered at the request of a Committee of citizens of Washington on the occasion of the reading of the Declaration of Independence on the 4th of July 1821 by J. Q. Adams», Washington 1821, p. 22.

³ J. Fiske, *American Political Ideas*, New York 1885, p. 144.

вершению»¹. Следовательно, маститый буржуазный ученый, который объяснял все особенности развития США «границей», т. е. складом жизни на вновь осваиваемых поселенцами территориях континента Северной Америки, заглядывал уже за пределы собственной страны. Английский профессор Г. Ласки отмечал: «С самого начала психологические истоки американской идеи основывались на экспансионизме»². К концу XIX в. континент в общем был освоен, и правящие круги США выдвинули программу экспансии в других частях света.

Отсюда происходил повышенный интерес американских ученых к дипломатической истории, появление целой библиотеки работ по международным отношениям. Однако проблемы всемирной истории по-прежнему находились на заднем плане. Что касается американской истории, то вышедшая в 1904—1907 гг. «История американского народа» в 26 томах под редакцией профессора А. Харта подвела итоги. Оценивая значение этого издания, английский исследователь профессор Х. Беллот подчеркивает: «Оно суммировало все предшествующие работы, и отныне историку нет необходимости, за исключением сбора документальных данных и биографических деталей, обращаться к иным источникам. Другим следствием была изоляция американской истории. Исследователь обращался только к ней, оставаясь почти в полном неведении относительно остального мира»³.

Объем исследований по истории США настолько возрастает, что в 1912 г. три маститых американских историка — профессора Е. Чаннинг, А. Харт и Ф. Тарнер составили подробное «Руководство к изучению американской истории»⁴. Историки США работали и в европейских архивах, но главной целью их было подобрать новые материалы к американской истории. Д. Перкинс в 20-е годы изучает внешнеполитические архивы в Лондоне, Париже, Берлине и в Мадриде, касающиеся доктрины Монро, и публикует трехтомную

¹ F. Turner, *The frontier in American History*, New York 1920, p. 38.

² H. Laski, *American Democracy*, New York 1948, p. 5.

³ H. Bellot, *American History and American Historians*, London 1952, p. 35.

⁴ E. Channing, A. B. Hart and F. J. Turner, *Guide to the study and reading of American History*, Boston 1912.

монографию¹. Ф. Гольдер в канун первой мировой войны и летом 1917 г. работает в русских архивах и составляет подробное обозрение материалов по американской истории до 1870 г.² Многие другие американские исследователи проделали аналогичную работу в архивах других иностранных государств, которую венчает выход в свет в 1935 г. «Указателя по дипломатической истории США», составленного профессорами С. Бемисом и Г. Гриффином³.

Бурное экономическое развитие Соединенных Штатов вплоть до кризиса 1929—1933 гг. служило питательной почвой для теорий американской «исключительности» и наложило отпечаток на американскую историографию в оценке внутренних проблем. Эти объективные условия также способствовали дальнейшему углублению пропасти между изучением истории США и остального мира американскими историками. Но если подавляющее большинство американских историков, возводя в абсолют особенности развития Соединенных Штатов, объявляло объективные законы развития человечества неприменимыми к стране «вечного прогресса» — США, то некоторые вдумчивые исследователи с начала XX в. ставят под сомнение, так ли обстояло дело в действительности. Тот же Ф. Тарнер, исходя из фактов реальной жизни, задает в 1903 г. вопрос: «Не создается ли в условиях американской демократии такой концентрации экономической и социальной власти в руках сравнительно небольшого числа людей, которая превратит политическую демократию из реальности в воображаемую категорию?»⁴

Влияние материалистического понимания истории постепенно пробивает дорогу. Оно сказалось, хотя и с целым рядом отступлений, в работе Ч. Бирда, выступившего в 1913 г. с критическим исследованием «Экономическое истолкование конституции США»⁵, в котором по-

¹ *D. Perkins*, *The Monroe Doctrine. 1823—1826*, Cambridge 1927.

² *F. Golder*, *Guide to materials for American History in Russian Archives*, vol. 1—2, Washington 1917—1937.

³ *S. Bemis*, *G. Griffin*, *Guide to the Diplomatic History of the United States, 1775—1921*, Washington 1935.

⁴ *F. Turner*, *The frontier in American History*, p. 261.

⁵ *Ch. Beard*, *An economic interpretation of the Constitution of the United States*, New York 1913.

казано, что конституция США была создана богачами для богачей. Книга подверглась ожесточенным нападкам со стороны академических кругов, и сам Ч. Бирд в дальнейшем отказался от своих «заблуждений» молодости, став ведущим проповедником релятивизма в буржуазной исторической науке. Много позднее он заметил в связи с этой работой, которая, между прочим, завоевала ему известность: «История? Так это всего навсего кот, которого тащат за хвост в места, куда ему редко хочется идти. Другой исследователь, работающий с теми же материалами, мог бы сделать выводы, противоположные моим»¹.

Годы кризиса, вторая мировая война, всемирно-исторические изменения, совершающиеся на наших глазах, разбили многие иллюзии, в том числе иллюзию об «исключительности» Соединенных Штатов. Теперь всем реалистически мыслящим людям ясно, что Соединенные Штаты — лишь одна из стран, входящих в мировую семью народов, которые тесно связаны с остальным миром. После войны США становятся центром ослабленной капиталистической системы и ищут союзников за океаном.

Интересы правящего класса Соединенных Штатов повелительно требуют создания идеологических связей со своими союзниками, в первую очередь по линии НАТО.

Это было одной из главных причин пробуждения в США интереса к проблемам мировой истории. В 1948 г. увидела свет «Энциклопедия всемирной истории» под редакцией председателя Американской исторической ассоциации профессора В. Лэнжера. Этот объемистый том представляет по существу первое издание в США по всемирной истории². На 1200 страницах дается краткая хронология всемирной истории с объяснением важнейших фактов. В томе рассматриваются события от возникновения человеческого общества до окончания второй мировой войны. Хотя составители избегают давать обобщения и формулировать

¹ «Journal of the History of Ideas» № 2, 1952, p. 249.

² Но даже «Энциклопедия всемирной истории» не является в строгом смысле трудом американских историков. Издание 1948 г. основывается на работе немецкого историка Карла Плотца, которая вышла в середине XIX в. и с тех пор неоднократно переиздавалась и дополнялась как в Германии, так и в Англии.

общие выводы, основные тенденции в оценке исторического процесса хорошо видны на примере изложения новейшей истории.

Великая Октябрьская социалистическая революция рисуется как «заговор», который был организован «экстремистами» во главе с В. И. Лениным (!). Составители считают необходимым подчеркнуть, что германское правительство пропустило некоторых руководителей большевиков через Германию «с расчетом, что эти экстремисты подорвут просоюзническое временное правительство»¹. Изложение гражданской войны и иностранной интервенции ведется с самых реакционных позиций. «Всемирный империализм,— указывал В. И. Ленин,— ...вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну...»² Составители, однако, силятся доказать противоположное. «Непоследовательная позиция,— пишут они,— союзных правительств постоянно затрудняла операции белых»³. Дальнейшая история Советского Союза предстает в кривом зеркале. Принятие конституции 1936 г., например, «объясняется» стремлением Советского правительства сблизиться с западными державами⁴.

Приход к власти фашизма в ряде европейских стран фальсификаторски извращается, составители всеми силами стремятся затушевать истинное положение вещей, а именно, что фашизм был диктатурой монополистической буржуазии: «в какой степени нацистское движение финансировалось состоятельными классами и крупным капиталом, нельзя определенно установить»⁵. И это написано в 1948 г., когда крах гитлеровской Германии дал в распоряжение историков документальные доказательства неоспоримых связей фашистской партии с монополистическим капиталом!

Гнусный сговор в Мюнхене Чемберлена и Даладьё с фашистскими главарями имел целью направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза. В основе его лежали антисоветские устремления

¹ «An Encyclopedia of World History», ed. by W. L. Langer, Boston, 1948, p. 1028.

² В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 149.

³ «An Encyclopedia of World History», p. 1031.

⁴ Там же, стр. 1036.

⁵ Там же, стр. 1000.

англо-французских правящих кругов и стоявших за их спиной американских монополий. Составители, беззащитно фальсифицируя историю, бегут от правды, как черт от ладана, они пытаются «объяснить» мюнхенский сговор только «военной неподготовленностью» Англии!¹ В разделах, посвященных истории США в канун войны, непропорционально много места уделяется «миролюбию» Соединенных Штатов. Составители в этой связи акцентируют внимание на послании президента США императору Хирохито с предложением «помочь поддержанию мира» от 2 декабря 1941 г.² и опускают известный меморандум правительства США Японии 26 ноября 1941 г., который, по мнению многих американских историков, был непосредственным толчком к войне.

Составители «Энциклопедии всемирной истории», однако, не изложили свои взгляды на всемирно-историческое развитие, хотя в предисловии и подчеркивается, что они понимают важность не только политической, но и экономической, социальной и культурной истории человечества. Издание в лучшем случае может рассматриваться как справочник. Главное внимание уделено освещению внешнеполитических проблем, которое делается с точки зрения известной концепции «баланса сил». В конечном итоге весь процесс исторического развития сводится к попытке показать соответственную мощь каждого государства. Эти утилитарные соображения периода «холодной войны» обусловили однобокое, искаженное изложение, игнорирование основных движущих сил развития человеческого общества.

Теоретические изыскания в плане «баланса сил», попытки рассматривать весь исторический процесс в терминах этой концепции приводят к появлению на книжном рынке США не только многочисленных работ историков и публицистов, но и совершенно своеобразных «всемирных историй». В 1955 г. в США была издана «Всемирная история» на одном большом листе! Предприимчивый делец, некто Д. Спаркс (совершенно неиз-

¹ «An Encyclopedia of World History», p. 971.

² Там же, стр. 1138. В объяснении причин первой мировой войны составители также придерживаются концепции, от которой давно отказалась даже буржуазная историография. В «Энциклопедии всемирной истории», в разделе, посвященном первой мировой войне, вступление США в войну объясняется «возмущением американских монополистов подводной войной, которую вела Германия (там же, стр. 936).

вестный в академических кругах американских историков), составил карту-схему под названием «Историческая карта истории»¹. В ней подсчитывается и показывается соответственная сила главных государств и цивилизаций (народов) на протяжении последних 4 тыс. лет. Различные цвета секторов на карте соответствуют тому или иному государству или цивилизации.

В объяснительной записке к схеме издательство указывает: «Для истинного понимания истории необходимо иметь в виду не только хронологические рамки, но и мощь каждого государства сравнительно с другими... Мы ожидаем вопроса: «Но как подсчитывается эта мощь?» Наш ответ — речь идет об эффективной силе, т. е. о том, что достигнуто данным государством». О научной ценности такого издания говорить не приходится, но оно показывает возрастающее влияние теории «баланса сил» в современной Америке.

Только в 1957 г. в Соединенных Штатах появился, наконец, первый том американской «Всемирной истории», выходящей под редакцией профессора М. Савеля². Хронологические рамки тома — от доисторических времен до конца XVIII в. В составлении I тома приняли участие 18 авторов. Объясняя цель издания, М. Савель пишет в предисловии: «В наше время для человека уже недостаточно знать историю только своей собственной страны, как бы она ни была важна, равным образом недостаточно знать историю только западной цивилизации. Современный мир по существу является тесным сотрудничеством народов, и граждане любой страны вынуждены во все возрастающей степени размышлять о событиях и народах в тех частях мира, которые до второй четверти XX в. были сравнительно малоизвестны. Эта работа является попыткой дать основу для такого понимания»³.

Заявление серьезное и ко многому обязывающее. Но ближайшее рассмотрение основных теоретических посылок авторского коллектива лишней раз показывает бесплодность современной буржуазной исторической

¹ «The Histomap of History. 4000 years of history in a single page. The March of civilisation», by John B. Sparks, New York 1955.

² «A history of world civilisation», ed. by M. Savelle, vol. I, New York 1957.

³ Там же, стр. V.

мысли. Всемирная история рассматривается как рост соответствующих цивилизаций. Понятие «цивилизация» определяется следующим образом: общность культуры, территории, экономического строя (хотя политический строй может быть различным), общность идей, единая письменность и наличие городов. Авторы оставляют без ответа важнейший вопрос: каковы движущие силы развития человеческого общества? Являются ли они общими для всего человечества?

Савель утверждает, что «цивилизация не проявляет одинакового количества энергии во все периоды. Каждая из них поднимается до золотого века, но затем происходит падение или застой»¹. Невольно напрашивается аналогия с псевдонаучными концепциями А. Тойнби. Однако составители немедленно подчеркивают, что они не являются сторонниками его «циклов». Вместо этого, приведя различные объяснения — от теологических до концепции А. Тойнби — и, конечно, умолчав о марксистском, они заключают: «Как бы то ни было и каково бы ни было объяснение, цивилизации, по-видимому, различаются по степени своей энергии» (?).

Пока в нашем распоряжении только I том, доводящий изложение до конца XVIII в., т. е. до возникновения Соединенных Штатов. Однако уже сейчас можно предположить, что в дальнейшем составители будут иллюстрировать идею исторического прогресса примером Соединенных Штатов. В этом существенное отличие американской буржуазной исторической науки от западноевропейской. Последняя, констатирует британский буржуазный исторический журнал «History», «считает прогресс во всемирной истории недостижимым. Нам (буржуазным историкам.— Авт.) предлагаются объяснения, соответствующие схемам Шпенглера и Тойнби. Цивилизации имеют ограниченный срок существования, все они испытывают неизбежное ослабление после упадка «творческих сил»»². В Соединенных Штатах, напротив, идея исторического прогресса, конечно ограниченная рамками Америки, поднимается на щит. Американский историк Г. Люс, неустанно пропагандирующий идею, что XX век — «век Америки», заметил, что «дело

¹ «A history of world civilisation», vol. I, p. 7.

² «History», X. 1957, p. 271.

Америки — прогресс, прогресс — этим занята Америка. Мы государство, находящееся в стадии непрерывного развития»¹. Всякий, кто усомнится в этом, считается еретиком. Понятно, что М. Савель далек от того, чтобы попасть в их число.

Что касается методологии, то составители отмечают известный тезис Л. Ранке: писать так, как было в действительности, ибо «не остается места для интерпретации историком событий. А без нее история неинтересна и приносит мало пользы»². Однако составители тут же оговариваются, что «история — социальная наука, которая стремится в максимальной степени воссоздать лучшие помыслы и деяния человечества». Под этим тезисом охотно подписался бы любой представитель либерально-академических школ историографии XIX столетия. По существу же это хорошо знакомый прием, к которому недавно прибегали реакционные историки, чтобы фальсифицировать, исказить исторические события, интерпретировать их в удобном правящим классам и партиям духе. И действительно, структура первого тома показывает, что необходимость «интерпретации» истории привнесена авторами для того, чтобы, говоря об отдаленных событиях, исподволь подвести читателя к пониманию концепции «баланса сил» и попытаться историческими аргументами подкрепить современный раскол на два лагеря. Первый раздел озаглавлен «Древние цивилизации бассейна Средиземного моря», второй — «Древние цивилизации древнего Востока», третий — «Атлантическая цивилизация и век феодализма», четвертый — «Эра торговли». Помимо этих разделов, том содержит две отдельные главы «Возвышение России» и «Атлантическая цивилизация в мире». Итак, уже самой группировкой событий составители отказываются от рассмотрения всемирно-исторического процесса как единого для всего человечества, а пытаются проследить различное развитие Запада и Востока.

Величайшее событие «в истории Запада, если не всего мира», — продвижение человечества через Атлантику. «Коротко говоря, оно означало расширение цивилизации, существовавшей в Западной Европе, превращение ее в

¹ «New Republic», 6. I. 1954, p. 19.

² «A history of world civilisation», vol. I, p. 1.

цивилизацию, которая охватила весь бассейн Атлантического океана»¹. Конечный вывод: «Из европейской цивилизации цивилизация Запада стала атлантической цивилизацией»². К этой искусственной схеме и подгоняется история стран Европы вплоть до конца XVIII в. В этом состоит основной тезис первого тома.

Рассмотрению истории России уделено значительное место. «История развития России,— указывают составители,— тесно связана как с Западной Европой, так и с Византией. Она также являлась звеном, связывавшим Европу и Дальний Восток. Больше того, русская цивилизация имела определенные черты, которые отличают ее от любой другой цивилизации». Однако, выделяя историю России в отдельную главу, авторы обособляют историю России от общен исторического процесса развития человеческого общества и делают тем самым попытку противопоставить русский народ всему остальному миру.

Это становится ясным при ознакомлении с содержанием глав и разделов по русской истории.

Составители стремятся так изложить историю Русского государства, чтобы дать возможность идеологам НАТО говорить о том, что СССР нарушил «баланс сил» и Западу настоятельно необходима гонка вооружений. Основной тезис — в какой-то степени уже был у Пирена — состоит в том, что на всем протяжении своего существования Россия была сильным и «загадочным» государством, противоположным Западу. Уже в период феодализма «русские, приняв на себя удар монголов, не допустили азиатских захватчиков в Европу»³. Следовательно, уже тогда русские обладали очень сильной военной организацией. В отличие от традиционной оценки буржуазной историографией Ивана IV как занятого преимущественно истреблением своих подданных, составители подчеркивают другую сторону вопроса — значение Русского государства в те времена во внешних делах. С этой целью они уточняют и перевод «Ivan Terrible» («Иван Ужасный»), «перевод неправилен, по-русски значит пользующийся уважением или наводящий страх»⁴. При освещении истории царствования Ивана Грозного

¹ «A history of world civilisation», vol. I, p. 412.

² Там же.

³ Там же, стр. 656.

⁴ Там же, стр. 661.

они сосредоточивают все свое внимание на «экспансии» Ивана, угрожавшей Европе.

В основу оценки личности Петра I авторы кладут ленинскую характеристику: «...Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹. Но, приведя ее, составители делают клеветнический вывод в отношении всего русского народа: «Да, Петр представляет собой парадокс, но такой же парадокс представляет и русский народ. Русские никогда не знали умеренности или дисциплины. Подобно бесконечным равнинам России с непостоянным климатом, их история полна внезапных взрывов жестокости и крайностей»². В качестве доказательства «неустойчивости русского характера» приводятся народные восстания С. Разина и Е. Пугачева. Таким образом, авторы создают искаженную историю русского народа, отрицают его богатое революционными традициями историческое прошлое. Подобными фальсификаторскими приемами изобилует глава, посвященная России.

В томе очень подробно рассказывается о духовной жизни Европы, о Ренессансе, философах и историках, художниках и идеологах Англии, Франции, Германии, Италии. Освещение культуры России ограничивается рассмотрением религии, особенно истории раскола и деятельности Никона. Но, однако, и здесь конечный вывод авторов — «христианство оказало лишь поверхностное влияние на русский народ»³. Эта невиданная модернизация истории России смыкается с современной американской пропагандой, утверждающей, что с СССР нельзя вести переговоры, ибо в этой стране господствует атензм.

Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о том, насколько далека «История мировой цивилизации» от сколько-нибудь научного освещения истории России, истории русской культуры, ее мировых связей и ее вклада в мировую цивилизацию.

Таким образом, основная задача авторов первого тома «Всемирной истории» — показ противоположности между «атлантической цивилизацией» и Россией. Враждеб-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 307.

² «A history of world civilisation», vol. I, p. 668.

³ Там же, стр. 666.

ный истинной науке, глубоко реакционный смысл этой концепции тот же, что и у Пиренна. Нечего и говорить, как губительно отражается эта предвзятая концепция, продиктованная интересами определенной империалистической группировки держав, на научном уровне первого американского издания «Всемирной истории».

Данный краткий обзор новейших зарубежных «Всемирных историй» дает возможность убедиться в том, что среди буржуазных историков Запада под влиянием все углубляющегося кризиса мировой капиталистической системы идет процесс интенсивного брожения. «Об историческом смысле и о смысле истории» — так гласило название одного из последних послевоенных выступлений крупнейшего представителя германской буржуазной историографии XX в. Ф. Майнеке. В поисках этого «смысла истории» начался пересмотр старых, традиционных, привычных схем всемирно-исторического развития, происходит дифференциация среди зарубежных историков.

Значительная часть буржуазных историков, как мы это видели из обзора новейших зарубежных «Всемирных историй», всячески стремится уйти от признания коренного перелома, происшедшего в истории человечества. Другая часть историков, пока еще не многочисленная, начинает становиться на позиции марксизма.

Советские историки охотно отмечают каждое «честное признание», исходящее из лагеря зарубежных историков, они с живейшим интересом приветствуют каждое исследование, добросовестно освещающее то или иное частное событие во всемирно-историческом развитии человечества. Но они не могут не констатировать основного факта: буржуазная историческая наука в целом всячески пытается затушевать, обойти, скрыть, фальсифицировать смысл происшедших в мире изменений. Вести против этого беспощадную борьбу — долг и обязанность советских историков.

РЕАКЦИОННАЯ ИСТОРИСОФИЯ АРНОЛЬДА ТОЙНБИ

Е. А. КОСМИНСКИЙ

На борьбу со всепобеждающей силой научного социализма общественная мысль буржуазного Запада двинула десятки «новых» социологических, историософских (лучше сказать историко-философских), экономических систем, в которых обычно очень мало нового. Одни из них предназначены для широкого пользования, другие рассчитаны на рафинированные умы, стоящие на вершине современного «западного» просвещения.

Среди попыток создания «нового» исторического мировоззрения наиболее шумным успехом у западной буржуазии пользуется одна, принадлежащая Арнольду Тойнби¹, маститому ученому, члену Британской Академии наук, почетному доктору Оксфордского, Бирмингемского и Принстонского университетов, в течение многих лет бывшему профессором истории международных отношений в Лондонском университете и директором Королевского института международных отношений. Он плодовитейший писатель на исторические и политические темы. Тойнби не только ученый, он старый и опытный работник Форейн-оффис, специалист по делам Ближнего Востока; он много путешествовал, побывал в различных странах обоих полушарий, одно время был военным корреспондентом. Он имел возможность познать историю

¹ На русском языке см. о нем: Э. А. Араб-оглы, *Философия истории Арнольда Дж. Тойнби*, «Вопросы философии» № 4, 1955 г.; его же, *К критике культурно-исторической концепции Арнольда Тойнби*, «Вестник истории мировой культуры» № 4, 1957 г.; Е. А. Косминский, *Историософия Арнольда Тойнби*, «Вопросы истории» № 1, 1957 г.

не только за своим письменным столом, но и за столом международных конференций. Словом, это не кабинетный ученый, не отвлеченный мечтатель, а человек с большим жизненным и политическим опытом, приобретенным на службе у британского правительства.

Громкую славу в буржуазном мире доставили ему десять объемистых томов его главного труда «Исследование истории» («A Study of History») ¹. Три первых тома вышли в 1934 г., три следующих — в 1939 г. Шум вокруг имени Тойнби начался, собственно, после окончания второй мировой войны. В 1946 г. вышло в свет сокращенное изложение этих шести томов, подготовленное Д. Сомервеллом ² и получившее от Тойнби полное одобрение. Это сокращенное издание много содействовало славе Тойнби. В октябре 1954 г. вышли еще четыре тома (VII—X); сделанное тем же Сомервеллом сокращение этих томов появилось в 1957 г. ³ В вышедших десяти томах «Исследования истории» 6290 страниц, насчитывающих 3150 тыс. слов. Одни указатели к этим томам содержат 332 страницы и включают около 19 тыс. имен и предметов. Выпуская свой главный труд, Тойнби одновременно развивал и дополнял его содержание в ряде книг, статей, лекций ⁴.

Многотомное произведение Тойнби до сих пор не закончено. Им обещаны еще два тома, один из которых должен включать карты к вышедшим томам, в другом он намерен вернуться к некоторым обсуждавшимся ранее темам и дать ответ критикам.

Произведения Тойнби, как и сокращение Сомервелла, вызвали в буржуазной печати нескончаемый поток от-

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. I—X, London 1934—1954.*

² «A Study of History by A. J. Toynbee», Abridgement of vol. I—VI by D. C. Somervell, London 1946. Цитируется дальше как «Abridgement of vols. I—VI». Сомервелл не только сократил опус Тойнби, сведя его к одному компактному тому, но и дополнил некоторыми новыми материалами и комментариями.

³ «A Study of History by A. J. Toynbee», Abridgement of vols. VII—X by D. C. Somervell, London 1957. Цитируется дальше как «Abridgement of vols. VII—X».

⁴ См. особенно его книги «Civilization on Trial», New York 1948; «The World and the West», London 1953; «An Historian's Approach to Religion», London 1956. См. библиографию его работ: *M. Popper, A Bibliography of the Works in English of Arnold Toynbee, 1910—1954, London—New York 1955.*

кликов. Тойнби стал оракулом прессы и радиовещания. Его лекции, передававшиеся в конце 1952 г. Би-би-си, вызвали своего рода сенсацию. Тойнби много раз бывал в Америке и выступал там с лекциями. В ряде журналов в США печатались его соображения относительно перспектив «западной цивилизации», которые сопровождались помпезной рекламой¹. Американский журнал «Look» в аннотации к его статье объявил, что Тойнби — величайший историк нашего времени и что имя его завершает список великих историков, начиная с Геродота. Поклонники Тойнби сравнивали его «открытие» с открытиями Коперника, Галилея, Ньютона и Дарвина². Метод, введенный им в исследование истории, ставили по значению наряду с открытием квантовой механики³. Появление его произведений превозносилось как «знаменательная дата в истории западной цивилизации». Тойнби восхваляли не только как творца совершенно нового понимания истории, но и как великого прозорливца, указавшего человечеству путь к лучшему будущему. Издатель сборника, посвященного Тойнби, выражает убеждение, что и будущие поколения будут заниматься экзегетикой и герменевтикой трудов Тойнби — эти термины обычно прилагают к толкованию священного писания⁴.

Не было, впрочем, недостатка и в остро критических выступлениях. Не говоря уже о статье редактора «Daily Worker» Д. Р. Кемпбелла⁵ и ряде отзывов в прогрессивной прессе⁶, даже многие консервативные буржуазные историки указывали на полное отсутствие у Тойнби на-

¹ «Look», November 1952; «Atlantic», January 1953; «Foreign Affairs», January 1953, и др.

² См., например, *Tangye Lean*, A Study of Toynbee, «Horizon», January 1947; *Dominique Leca*, Un historien universel A. Toynbee, «La France Libre», 1946; *E. Rothaker* в «Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistes-Geschichte», 1950, S. XXIV и др.

³ *O. Anderle*, Das Universalhistorische System Arnold Joseph Toynbees, Frankfurt a. M. 1955.

⁴ Сборник «Toynbee and History», под ред. *M. F. Ashley Montagu*, Boston 1956, p. 140 (далее цитируется — «Toynbee and History»), p. 140 (статья *L. Mumford*).

⁵ *J. R. Campbell*, Don't let the professor fool you, «Daily Worker», 25.XI.1952.

⁶ См., например, *C. Trinkaus*, Toynbee against History Science, «Science and Society», vol. XII, № 2, 1948; *A. Hanson*, History and Mr. Toynbee, «Science and Society», vol. XIII, № 2, 1949; *J. Popperen*, La philo-

учного метода¹. Характерен тот холодный, можно сказать враждебный, прием, который книги Тойнби встретили у большинства историков-специалистов, отказывающихся принимать его всерьез как историка. Даже многие из благосклонных к Тойнби рецензентов не могли пройти мимо слабости его аргументации, восхваляя главным образом его необычайную эрудицию, его литературный дар, его «поэтическое прозрение» и «олимпийский полет над столетиями».

Но буржуазная публика на Западе высказалась за Тойнби. Его огромный и многотомный труд раскупался нарасхват. А между тем цена этому отлично изданному труду недешевая: в Англии он продается за 315 шиллингов. «Сокращение» Сомервелла расходилось в сотнях тысяч экземпляров и оказалось на одном из первых мест среди «bestsellers» в Америке. Голосование шиллингами и долларами оказалось в пользу Тойнби. Резкая критика даже содействовала его славе, вызывая полемику и создавая ему новую рекламу. Тойнби может не обращать внимания на неодобрительные отзывы ученых специалистов. Он сам невысокого мнения об этих «книжных червях», об этих «вагнерах, лишенных фаустовского прозрения». Им посвящены пренебрежительные страницы в его «Исследованиях истории», с ними он обещает еще посчитаться в будущем, двенадцатом томе.

Какого бы мнения ни держаться о научных достоинствах произведения Тойнби — а они более чем сомнительны, — его труд представляет известный интерес, поскольку он отвечает настоятельным запросам некоторой части «западного» (т. е. буржуазного) мира. «Тойнбизм носится в воздухе»², — пишет один из критиков.

sophie del'histoire d'Arnold J. Toynbee, «La Pensée» № 42—43, 1952; R. Hilton, A. J. Toynbee's Reith Lectures, «The Modern Quarterly», vol. 8, № 3, 1953; см. также статью М. Боруцкой-Арцтовой в «Kwartalnik Historyczny» № 1, 1953, «Ideallstyczna Historiozofia A. Toynbeego»; G. J. Renier, Toynbee's A Study of History, «Toynbee and History» и мн. др.

¹ См. особенно F. Hampl, Grundsätzliches zum Werke Arnolds. Toynbees, «Historische Zeitschrift», Bd. 173, H. 3, 1952; см. полемику Тойнби с П. Гейлом и Питиримом Сорокиным в «The Pattern of the Past», Boston 1949; P. Geyl, From Ranke to Toynbee, Northampton 1952; статьи P. Geyl и H. Trevor-Roper в сб. «Toynbee and History» и мн. др.

² Georges Catlin, Toynbee A Study of History, «Political Science Quarterly», vol., № 1, 70, 1955, p. 107.

В чем же заключается его «открытие»? Но, прежде чем ответить на этот вопрос, нам придется немного задержаться на его предыстории. Тойнби не раз рисует это «открытие» как результат своего «внутреннего» опыта. Впрочем, он вполне сознает и его зависимость от общественных настроений того времени, когда он выступил со своей проповедью.

Уже в детстве и в юные годы, рассказывает Тойнби, воздвиглись те два столпа, которые послужили потом опорой его историософии.

Он не раз выражает удовольствие по поводу того, что родился еще в то время, когда основами воспитания и образования (в состоятельных семействах Англии) были религия и изучение древних языков. Чтение библии и посещение церкви были, утверждает он, лучшими уроками истории, раскрывающими перед ребенком судьбы человечества от сотворения мира до светопреставления. Религия и библия остались с Тойнби на всю жизнь. Его труды, особенно «Исследование», переполнены цитатами, образами, метафорами, взятыми из священного писания. Влияние религиозных представлений и настроений не ослабевало, а возрастало в процессе его творчества.

Другим источником, из которого Тойнби черпал вдохновение, было изучение античных, особенно греческих, авторов. В закрытой аристократической школе в Винчестере, а потом в Оксфордском университете он заслужил свои первые лавры как образцовый «классик». О нем говорят, что он так же свободно думает по-древнегречески, как по-английски, и свои лирические настроения предпочитает изливать в латинских и греческих стихах. Античная поэзия и проза, история и мифология фигурируют у него наряду с библией.

К образам библии и античности присоединились впечатления от ряда творений западноевропейской литературы — «Потерянного рая» Мильтона, «Фауста» Гете, от Шекспира, Шелли, Блэка, Мередита. Из новых писателей особенно сильное впечатление произвел на него Поль Валери.

Меланхолические размышления на тему о преходящем характере всех земных цивилизаций возникли у Тойнби рано, во время его путешествий по Востоку, где он видел развалины дворцов венецианских вельмож не-

подалеку от памятников минойской эпохи (II тысячелетие до н. э.) и сравнивал эти талассократии¹ прошлого с настоящим Англии — тогда еще «владычицы морей».

Потрясающее впечатление произвела на него первая мировая война. Видения классической древности встали перед ним, и страшное столкновение XX в. напомнило ему Пелопоннесскую войну. Он почувствовал себя современником Фукидида, описавшего эту катастрофу греческого мира.

Настроения Тойнби были поддержаны ознакомлением с модной в то время в Оксфорде философией Бергсона (особенно с его «Творческой эволюцией» и «Двумя источниками морали и религии») и еще больше чтением пресловутой книги Освальда Шпенглера «Закат Европы», оказавшей огромное влияние и на его концепцию истории, и на метод его исторического исследования. Выдвинутая Шпенглером концепция всемирной истории как генезиса, развития, упадка и гибели отдельных цивилизаций становится надолго руководящей идеей Тойнби.

В заключении, помещенном в X томе «Исследования истории», Тойнби возвращается к вопросу о причинах, вызвавших появление его труда. Тойнби говорит о той растерянности, которая охватила либерально настроенных людей «среднего класса», веривших в то, что триумфальное шествие западноевропейской цивилизации в XIX в. привело человечество почти что к «вратам земного рая». XX век и особенно первая мировая война принесли им всем горькое разочарование. Гибель античной цивилизации напоминала о том, что такая же участь может ожидать и западноевропейскую. Вместо врат рая перед последней распахнулись «Врата смерти». Суждено ей войти в эти врата или она может их избежать? Этот роковой вопрос побудил автора заняться изучением причин и симптомов падения цивилизаций, а это, естественно, привело к изучению их генезиса и развития.

Тойнби подчеркивает актуальность своей концепции для западноевропейской буржуазии, все более теряющей веру в прогресс и демократию, ищущей новые моральные и политические устои и не находящей их. Его основной темой, как и у Шпенглера, являются не столько исторические судьбы человеческих цивилизаций, сколько

¹ Талассократия (греч.) — государство, господствующее на море.

судьба «западной цивилизации» и поиски пути к ее спасению. Эта тема звучит все сильнее с каждым вновь выходящим томом его «Исследования». История всех остальных цивилизаций должна помочь найти ответ на этот основной вопрос.

Уже в 1922 г. Тойнби набросал план задуманного им грандиозного произведения, которое должно было состоять из 13 разделов. Тойнби рассчитал, что это произведение должно заключать около 2 млн. слов и что на его завершение понадобится не меньше 40 лет. Тойнби, однако, недооценил свои писательские способности. Свой десятитомный труд он завершил в основном в течение 30 лет и даже меньше — систематическую работу над «A Study of History» он начал в 1927 г., а вторая мировая война отвлекла его на семь лет. Но план его «Исследования» остался таким, каким он его наметил.

Развивая этот план, Тойнби собрал поистине огромный материал, охватывающий все страны земного шара и все эпохи от возникновения цивилизаций до настоящего времени. К прежним источникам его рассуждений (библии, античной и западноевропейской литературе) прибавился еще новый — огромная историческая начитанность. Но этот источник явился едва ли не самым ненадежным из всех. Специалисты указывают на крупные пробелы в знаниях Тойнби, на поверхностный, дилетантский способ использования им исторических материалов, на его поразительную способность отыскивать в необозримой бездне свидетельств истории то, что подходит под его теорию или может быть как-нибудь под нее подогнано, и совершенно не замечать всего, что ей противоречит.

Надо еще напомнить, что работа над «Исследованием истории» велась автором параллельно с другой сложной работой — составлением ежегодных обзоров международных событий (Survey of International Affairs) по заданию Королевского института международных отношений. Хотя этот институт на своих изданиях печатает предупреждения, что он является не официальным и не политическим учреждением, что его устав запрещает ему выражать какое-либо мнение по вопросам внешней политики, однако его тесные связи с Форейн-оффис являются бесспорными. В течение ряда лет Тойнби был директором этого института. Во время обеих мировых войн

он исполнял официальные поручения правительства, принимал участие в дипломатических конференциях. Им был написан ряд политических памфлетов, особенно по делам Ближнего Востока. Тойнби находит, что работа на службе британской международной политики принесла ему немалую пользу для понимания истории.

Было бы несправедливо умолчать еще об одном источнике, который вдохновлял Тойнби, особенно в последний период его деятельности. Этот источник надо искать за океаном. Им была американская буржуазная пресса, создавшая Тойнби шумную рекламу, американская буржуазная публика, раскупавшая его произведения, американские научные учреждения, приглашавшие его для чтения лекций и подносившие ему ученые степени, и, наконец (но не на последнем месте), Рокфеллеровский фонд, давший ему средства для окончания его труда¹.

В чем же заключается «открытие» профессора Тойнби?

Надо сказать, что оно не ново и в своей основной части следует за идеями, высказывавшимися уже много раз и получившими особенно яркое выражение в «Закате Европы» О. Шпенглера.

Тойнби пришел к грустной мысли, что история человечества не поднимается по прямой линии прогресса, а предстает в виде ряда «цивилизаций», каждая из которых зарождается, развивается, потом приходит в упадок и, наконец, погибает. История каждой цивилизации, совершившей свой путь до конца, проходит через одинаковые стадии. Это позволяет якобы не только понять прошлое, но и предвидеть будущее тех цивилизаций, которые еще не закончили своего жизненного пути. Эту идею Тойнби положил в основу своего главного труда.

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. VII, p. VIII—IX:* «Мой долг Рокфеллеровскому фонду больше, чем я могу выразить словами». Рокфеллеровский фонд — специальный фонд, созданный американскими мультимиллионерами Рокфеллерами для «попечительства» над наукой. С помощью этого фонда они осуществляют контроль над широкой сетью научных учреждений.

Время существования всех человеческих «цивилизаций», говорит Тойнби,— всего каких-нибудь 6 тыс. или даже 5 тыс. лет. Это ничтожный срок по сравнению с периодом существования человека на земле (300 тыс. лет, по мнению Тойнби) и совсем уже краткое мгновение по сравнению с теми 2 млрд. лет, которые (по вычислениям Джинса) человечеству суждено еще прожить на нашей планете. Поэтому, по мнению Тойнби, с философской точки зрения правильно признать все эти «цивилизации» одновременными и не размещать их по восходящей хронологической линии. Аристотель (IV в. до н. э.) у него предшествует Агамемнону, который выступает как современник Теодориха¹ (493—526), крестовые походы (XI—XIII вв.) происходят одновременно с греческой колонизацией² (VIII—VI вв. до н. э.) и т. д., и т. д.

Но Тойнби хочет трактовать все цивилизации не только как одновременные, но и как равноценные³. Тойнби резко ополчается против тех, кто рассматривает западноевропейскую цивилизацию как единственную и в ее прогрессивном развитии видит содержание всей всемирной истории⁴. Тойнби считает такую точку зрения проявлением эгоцентризма и узкого провинциализма западных историков. Он уверяет, что смотрит на западную цивилизацию с точки зрения «не западных» обществ. Хорошее намерение! Но это лишь обещание, остающееся невыполненным.

Задача изучения истории, по Тойнби, заключается в том, чтобы «понять историю как целое» и тем самым открыть ее смысл и цель.

Средством для понимания истории и открытия ее смысла и цели он считает сравнительное изучение всех существующих и существовавших цивилизаций, или обществ. Тойнби не устает называть себя «историком-эмпириком», а свой метод — «научным», «эмпирическим». Он твердит о «трезвом английском эмпиризме» (в отличие от априоризма Шпенглера, которого он именует «немецким априористом», «философом-иерофантом»⁵).

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. IV, p. 31.*

² *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. III, p. 149.*

³ «Abridgement of vols. I—VI», p. 40—42.

⁴ Там же, стр. 36.

⁵ Иерофант (греч.) — жрец.

Тойнби обрушивает на читателя груды томов, переполненных массой исторических фактов, дат, имен, из которых он хочет эмпирически вывести законы, определяющие зарождение, рост, упадок и гибель цивилизаций, вернее было бы сказать, которыми он хочет подтвердить схему, положенную в основу его построения всемирной истории.

Но достаточно внимательно вчитаться в его труд, чтобы увидеть, что эмпиризм играет в его концепции всемирной истории подчиненную роль. Не все в истории, утверждает он, может быть объяснено эмпирически выведенными законами. Смысл и цель истории раскрываются, по его мнению, *за пределами истории*. «История — это зрелище творения божия в его движении от бога — своего источника к богу — своей цели». Такое определение (и ему подобные) автор дает в десятом — последнем из вышедших томов¹. Но эта по существу теологическая концепция истории уже достаточно ясно сказывается и во всей его работе, начиная с первого тома. Религиозный, теологический элемент лишь усиливается по мере приближения к завершению его огромного труда, вместе с ростом личных религиозных переживаний автора. Но Тойнби не считает, что он вступает в противоречие с самим собой или что у него имеются две точки зрения на историю, ее смысл и цель. Цели бога — творца истории неисповедимы и могут быть лишь отчасти постигаемы мистическим, интуитивным путем. Но бог творит историю через людей, что позволяет, думает Тойнби, до некоторой степени понять божественный план, изучая действия людей.

Эмпиризм Тойнби не так уж сильно отличается от мистических интуиций. Тойнби стремится слить в своей концепции «божеское» и «человеческое», «эмпирическую» науку и теологию. Но если в первых томах он делает ударение на квазиэмпирической стороне «исследования истории», то в последующих (особенно начиная с VI тома) теологическая сторона выступает все открывнее.

¹ Другие подобные определения: «История — это взаимодействие между богом и человеком»; «История есть видение бога, раскрывающего себя в действии душам, которые его искренне ищут». История, уверяет он, бессмысленна, если не видеть в ней проявления действия единого истинного бога (ср. «Abridgement of vols. VII—X», p. 106).

Последуем за Тойнби и посмотрим, как он чертит ту схему всемирной истории, которая лежит в основе всего его труда.

В основе всего построения Тойнби лежит понятие «цивилизации», или — что то же — «общества». Что понимает он под этими терминами?

Объединяющим признаком общества, или цивилизации, является у Тойнби не национальная, не политическая и не расовая общность, а *общность культуры*, причем глубочайшей сущностью культуры является *религия*. Иногда он еще яснее обнаруживает теологический характер своей концепции, определяя цивилизации как общества, в которых «человечество надеется подняться над чисто человеческим».

Едва ли не всем писавшим о Тойнби бросилась в глаза крайняя неясность и расплывчатость в определении главного понятия, лежащего в основе его труда. Эта неопределенность допускает широкий простор для самых произвольных построений, в которых растекаются границы между нациями, государствами, социальными системами, хронологическими периодами.

В мировой истории сменилось уже много цивилизаций. Тойнби их насчитывает 26. Шпенглер говорил только о 8 подобных образованиях, но Тойнби оперирует в своих построениях и с такими сравнительно мало известными «цивилизациями», как андская, цивилизация майя, юкатанская, полинезийская и ряд других, манипуляции с которыми удобны именно тем, что об их истории известно очень мало. Одни из цивилизаций, полагает Тойнби, оказались «неудавшимися» (*abortive*) и рано погибли, другие остановились в своем развитии («окаменели»), третьи проделали свой исторический путь до конца. Некоторые, наконец, и в настоящее время еще не закончили своего цикла.

Крайняя неясность самого определения цивилизаций позволяет Тойнби произвольно орудовать ими, объединять или разделять их по своему усмотрению.

Его концепция судеб цивилизаций в основном построена на истории классической древности — Греции и Рима или, вернее, той антиисторической смеси, которая составляла содержание так называемого «классического образования» в Англии и в других странах Европы — этого печального эпигонства великой эры гуманизма.

Поэтому Тойнби объединил Элладу и Рим в одну цивилизацию, которую он называет эллинской. Он сам обозначает эллинскую цивилизацию, как «образец сравнения» (*standard of comparison*) для других цивилизаций¹. Но и эллинской цивилизацией Тойнби распоряжается весьма самоуправно, выхватывая факты то из греческой, то из римской истории для определения пути развития этой общей цивилизации. Так же произвольно обращается он и с другими цивилизациями, объединяя иногда в одну две цивилизации, отделенные одна от другой столетиями, если не тысячелетиями. Например, цивилизация Кореи объединяется у него с японской, а Тибета и Бирмы — с индийской, Персидская империя Ахеменидов объединена с арабским халифатом. Все это создает широчайшую свободу для оперирования понятием цивилизаций, которые он называет «реальными единицами исторического изучения» или «доступным пониманию полем исторического исследования»². Можно сказать, что цивилизации, как с ними оперирует Тойнби, являются полем для самых произвольных построений.

Цивилизации у Тойнби не являются такими замкнутыми в себе, как их представляет, например, Шпенглер; они влияют одна на другую, особенно некоторые из них, которые Тойнби называет «радиоактивными». Таковыми, по его мнению, являются эллинская и особенно западнохристианская, влияние которой распространилось на весь мир. Цивилизации, считает он, могут переходить одна в другую; так, западнохристианская цивилизация является «дочерней» (*affiliated*) по отношению к эллинской, а эта последняя — дочерней по отношению к минойской.

Все существовавшие до настоящего времени цивилизации (не считая «неудавшихся» и «окаменевших») прошли или проходят через одинаковые стадии. Это как будто бы центральная идея Тойнби. Все они совершают движение по одинаковому кругу — от рождения до гибели. Но Тойнби предупреждает, что он не разделяет фаталистической идеи цикличности, как она дана у Лукреция и у других античных писателей, или шпенглеровской теории, уподобляющей цивилизации живым организмам, рождающимся, растущим, стареющим и

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. V, p. 58.*

² *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. I, p. 45.*

умирающим. «Открытый» им цикл развития, уверяет Тойнби, выведен эмпирически из сравнительного изучения истории цивилизаций. До настоящего времени этот цикл, как ему кажется, неизменно повторялся. Но он не является исторически неизбежным. Как мы увидим, такая оговорка играет весьма существенную роль во всем построении Тойнби.

Какие же стадии развития цивилизаций устанавливает Тойнби? Это рождение, рост, «поломка» — этим вольным переводом мы передаем его термин «брэкдаун» (breakdown)¹, разложение и гибель.

Раньше, чем перейти к раскрытию этих терминов, надо поставить другой вопрос: где видит Тойнби основные силы, движущие развитие общества? Все цивилизации, пишет он, «посеяны единым сеятелем в надежде на единую жатву». Вся история для него является выполнением некоего божественного плана. Но в пределах этого плана человеку предоставлена свобода воли, свобода выбора. Поэтому непосредственным творцом истории, т. е. творцом цивилизации, является человеческая личность. Здесь Тойнби следует за Бергсоном, приводя длинные цитаты из его «Двух источников морали и религии»². Человек, говорит Тойнби, не может жить вне общества, но историю творит не общество, а индивидуум³. Общество — это только поле приложения деятельности индивидуумов, пространство, где встречаются их сферы действия. Отсюда вытекает характерное для Тойнби пренебрежение к анализу общественной структуры, к законам, не зависящим от воли человека, и это открывает ему свободный путь в область «психологического» метода, как его понимает современная «психологическая» школа в истории, т. е. в последнем счете к мистике.

Не приходится говорить, что это сугубо ошибочная и вредная точка зрения. Уже буржуазная историческая наука в пору своего расцвета стремилась познать объективные законы, определяющие развитие человеческого общества, стремилась тем самым превратить историю

¹ Право на такой перевод дает нам сам Тойнби, сравнивший «брэкдаун» цивилизации с автомобильной аварией.

² *H. Bergson, Les deux sources de la morale et de la religion*, 8-me ed., Paris 1932.

³ *Arnold J. Toynbee, A Study of History*, vol. III, p. 230.

в науку; правда буржуазным мыслителям в силу классовой ограниченности их мировоззрения эта задача оказалась не под силу. Только марксистская философия истории сумела показать, что общество — это не случайное скопление индивидуумов, по произволу творящих свою историю; что исторический процесс протекает согласно определенной закономерности, обусловленной в конечном счете развитием производительных сил и преодолением противоречий между производственными отношениями и производительными силами. Поэтому анализ общественных отношений на данном конкретном этапе — это единственный путь к познанию скрытых причин, определяющих направление исторического развития.

Но возвратимся к рассуждениям Тойнби. Не все индивидуумы, полагает он, способны творить историю. Это удел немногих избранных. Для Тойнби истинными творцами истории являются «творческие личности», способные совершать дела, которые обыкновенным людям кажутся чудом. Этих избранных людей Тойнби называет «высшими существами», «гениями», «сверхчеловеками», «привилегированными человеческими существами» и т. д. Источником их творческой деятельности является их «внутренний опыт». Великие люди выступают как мистики, святые, основатели религий, поэты, а также как государственные деятели, полководцы, историки, философы, политические мыслители.

Великие люди создают цивилизации и двигают их вперед¹. Тойнби весьма произвольно и антиисторично использует мифологический и биографический материал, привлекая для доказательства своего тезиса и Моисея, и Мухаммеда, и Иисуса, и Будду, и Зороастра, и Бенедикта, и Макиавелли, и Петра I, и Наполеона, и Канта, и многих других (всего 26 биографий). В деятельности «творческих личностей» Тойнби отмечает два момента: «уход» и «возвращение» (withdrawal — and — return). Они обычно сначала удаляются от мира и в одиночестве в состоянии мистического экстаза вынашивают свои идеи, а потом возвращаются к людям. К ним примыкают ученики и последователи, которые способны высветиться до понимания их идей, и вместе с ними составляют «творческое меньшинство». Их удачи и ошибки

¹ «Abridgement of vols. I—VI», p. 214.

определяют ход истории. Для Тойнби (цитирующего здесь Бергсона) великие люди, способные к «чуду творчества», являются сверхчеловеческими существами не в метафорическом, а в буквальном смысле¹. Все достижения «цивилизаций» кажутся ему делом великих людей, «творческих личностей», вождей и героев, но они же несут ответ за все грехи и ошибки, совершенные данным обществом.

Что же касается массы, то она по своей природе даже в самых «цивилизированных» обществах не отличается от того человеческого типа, который характерен для первобытного общества². Она лишена всякого творчества. Масса способна в лучшем случае лишь на поверхностное и механическое подражание (*mimesis*), являющееся «одним из наименее возвышенных свойств человеческой природы»³.

Подобное противопоставление «героев» и массы не ново и не оригинально. Апологеты буржуазного общества не один раз выдвигали эту теорию в противовес единственно научному, марксистскому решению вопроса о роли личности в историческом процессе. Выдающиеся исторические личности в действительности появляются тогда, когда в обществе уже созреют предпосылки для их появления, когда общественные процессы, воплощаемые в незаметной, но поистине героической деятельности народных масс, создадут объективную необходимость для выступления выдающихся личностей, способных организовать борьбу этих масс за светлое будущее или, наоборот, возглавить отчаянное сопротивление отмирающих классов прогрессивной поступи истории. Что же касается до стараний Тойнби подогнать биографии всех великих людей под единую схему «ухода» и «возвращения», то они просто смехотворны и напоминают известные попытки (которые, правда, предпринимались в шутку) изобразить биографии Александра Македонского, Цезаря и Наполеона по образцу мифа о солнечном божестве.

Тойнби мало интересуется историей первобытных обществ, хотя и признает, что именно в это время «человек становится человеком». Его мало занимает процесс

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. III, p. 232.*

² Там же, стр. 243.

³ «Abridgement of vols. I—VI», p. 216.

подготовки появления цивилизации. Он старается изобразить это появление как *чудо*, как полный переворот в жизни людей, как выход их из первоначальной «оцепенелости». Сущность этого переворота он видит главным образом в переходе от статического состояния к динамическому¹. Возникновение цивилизаций есть отчасти дело сатаны, воспринимаемого не то как литературный образ, не то как реальная и персональная сила. К объяснению процесса возникновения цивилизаций Тойнби широко привлекает мифологию, образы которой трактуются им на грани реальности. Цивилизация, говорит он, возникает, когда перед людьми встает задача (он предпочитает говорить «вызов» — «challenge»), которая требует для своего разрешения (он называет это «ответом» — «response») особых, еще небывалых усилий. За этим словесным туманом скрывается довольно тривиальная «эмпирическая» идея: цивилизации, крупные общественные объединения, обычно возникают там, где это вызывается природными условиями, особенно изменением природных условий, или ударами извне, или постоянным давлением со стороны опасных соседей. Вызов не должен быть слишком силен, иначе он может привести к гибели, но не должен быть и слишком слаб, ибо тогда он не вызовет достаточно активного ответа. В этом Тойнби видит действие «закона золотой середины». Но есть и другой путь возникновения цивилизаций — зарождение их на развалинах предшествующих обществ. Таким образом, развитая Тойнби концепция возникновения цивилизаций (мы бы сказали, классового общества) насквозь идеалистична: Тойнби не видит (и не хочет видеть в силу ограниченности своего классового сознания), что классовое общество возникает в результате распада первобытнообщинного строя, в результате обострения борьбы в недрах первобытного общества. Природные условия, удары извне, давление опасных соседей — все это может лишь ускорить или замедлить процесс формирования классового общества, процесс, обусловленный действием *внутренних закономерностей* исторического развития.

¹ Верный своему обычаю запутывать каждый простой вопрос, он любит здесь употреблять термины китайской философии «Yin» — для статического состояния и «Yang» — для динамического.

Вслед за возникновением «цивилизаций» идет период их роста. Процесс роста цивилизаций представляется Тойнби как ряд новых вызовов, возникающих перед данным обществом, и ответов на эти вызовы со стороны одаренных творческой силой людей. Каждый такой ответ создает перед обществом новый вызов, за которым следует новый ответ, и т. д.¹ При этом Тойнби вводит в характеристику процесса роста обществ мистическое начало, используя бергсоновское понятие «жизненного порыва» (*élan vital*)².

Период роста в изображении Тойнби является своего рода золотым веком в истории цивилизаций. Тойнби даже не ставит вопроса о том, что общества, вступившие на путь «цивилизации», были антагонистическими — рабовладельческими или феодальными — обществами. Он игнорирует внутреннюю борьбу в них. Пока продолжается рост, утверждает Тойнби, данное общество представляет внутреннее единство. Руководящее творческое меньшинство находит правильные ответы на вызовы, а масса добровольно, в силу подражания следует за ним. Сущность роста цивилизаций заключается, по Тойнби, отнюдь не в развитии производительных сил. «Нет никакого соответствия между ростом техники и прогрессом цивилизации»³, — говорит он. Чрезмерное развитие техники является даже препятствием к развитию цивилизации. В чем же сущность роста цивилизации? Тойнби видит ее в процессе «самоопределения и этериализации», т. е. в переходе вызовов из внешнего окружения данной цивилизации внутрь ее самой и из материальной области в область духовную. Он дает такое определение «этериализации»: это «обращение души от мира, от плоти, от дьявола в царство неба»⁴. «Самоопределению» цивилизаций он дает еще более мудреное толкование: в движении цивилизаций к самоопределению он видит «прозаическую формулу для описания Чуда, путем которого Жизнь входит в свое царство»⁵.

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. III, p. 248.*

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 173—174.

⁴ Там же, стр. 192.

⁵ Тойнби любит писать вводимые им термины с большой буквы, придавая им особый вес и желая показать, что они употребляются не в обычном смысле. Этим отмечается также характерная для Тойнби персонификация данных явлений (см. ниже).

Так каждая цивилизация в процессе роста раскрывает свою «душу». Вслед за Шпенглером Тойнби приписывает каждой цивилизации определяющую ее особенность — эстетическую у эллинской, религиозную у индийской, научно-техническую у западной и т. д.¹

Но, по схеме Тойнби, такое счастливое состояние роста длится лишь сравнительно короткое время. В жизни цивилизации наступает «брэкдаун», своего рода грехопадение, за которым следует изгнание из рая. Фантастический «брэкдаун» — одно из самых странных понятий в исторической концепции Тойнби, но оно является естественным порождением его мистических теорий о роли творческих личностей и о вызовах и ответах.

«Брэкдаун» — это результат роковой ошибки, совершенной творческим меньшинством или творческой личностью в тот момент, когда перед обществом встал особо важный вызов. И после «брэкдауна» цивилизация может переживать эпохи блестящего подъема, но она неудержимо движется по пути к упадку, ей угрожает гибель или «окаменение» на долгие века. Такой роковой ошибкой, например, в истории греко-римской цивилизации, по мнению Тойнби, было начало Пелопоннесской войны. Тойнби называет «брэкдаун» «самоубийством цивилизации»².

Почему же творческая личность или творческое меньшинство, справлявшиеся со всеми вызовами, вдруг допускают роковую ошибку? «Брэкдаун» не вызывается внешними причинами — это надлом в духовном развитии цивилизации, и Тойнби выдвигает здесь преимущественно психологические объяснения. Причиной неспособности найти правильный ответ на вызов может быть «преклонение перед учреждением» (так, причину «брэкдауна» Византии он видит в преклонении императора Льва III перед «призраком Римской империи») ³. Еще чаще причиной бывают гордость и упоение творческого меньшинства своими успехами. В «брэкдауне» проявляется также «Немезида творчества» — за победоносным творческим усилием следует потеря гибкости, истощение, самоудовлетворенность. Яркими выражениями, взя-

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. III, p. 128.*

² *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. IV, p. 120.*

³ «Abridgement of vols. I—VI», p. 320.

тыми из эпоса и трагедии древней Греции (*koros, hybris, ate*), обозначает он роковое безумие, устремляющее общества на путь гибели. Тойнби предупреждает, что определить, когда и как происходит этот духовный надлом в развитии цивилизации, можно лишь в ходе веков, и потомство может расходиться в определении этого момента. Тем больше произвола предоставляется историку. Все приводимые Тойнби случаи «брэкдауна» являются насилием над фактами в угоду фантастической теории.

«Брэкдаун», по его мнению, не является фатальным предназначением для каждой цивилизации; это ошибка, совершенная свободными в своем выборе людьми. Но до сих пор все известные в истории цивилизации проходили через «брэкдаун»; только относительно *одной* еще может быть сомнение.

Последствием «брэкдауна» является «дезинтеграция», разложение цивилизации. Что же характерно для общества, находящегося в процессе дезинтеграции? Творческое меньшинство, не сумевшее дать правильный ответ на исторический вызов, теряет свое «магическое» влияние на нетворческое большинство и удерживает власть над ним лишь силой. Его *élan vital* иссякает. Оно перестает быть «творческим меньшинством» и становится «правлящим меньшинством». Массы перестают добровольно подчиняться ему, восстают против него. Таким образом, цивилизация теряет прежнее единство, в ней происходит раскол, и появляется «пролетариат».

Верный своему обычаю придавать словам необычное и неопределенное значение (что очень облегчает всякого рода произвольные сопоставления), Тойнби понимает под «пролетариатом» не то, что под ним понимают теперь, и даже не то, что под ним понимали в древности. В его понимании пролетариат — это все те общественные элементы, «которые находятся в данном обществе, но не принадлежат к нему»¹: все непослушные, все «несогласно мыслящие», все бунтовщики. Он говорит о преимущественно психологическом значении своего определения пролетариата: под ним он понимает всех чувствующих, что они не принадлежат к обществу, в которое они «физически» включены². Основным признаком про-

¹ «Any social element or group which in some way is in but not of any given society» («Abridgement of vols. I—VI», p. 11, note.).

² Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. II, p. 316.

летариата является его недовольство, сознание, что он лишен своего законного места в обществе.

Тойнби различает «внутренний пролетариат», живущий внутри данного общества, и «внешний пролетариат», находящийся вне его, но в сфере его «радиации».

Варварские общества, находящиеся в сфере радиации данной цивилизации, подчиняются ее духовному влиянию лишь до тех пор, пока она находится в стадии роста. С началом ее падения очарование пропадает, и варвары делаются враждебны ей, образуют «внешний пролетариат».

Перед нами не простая игра слов, не простое употребление понятия в новом, необычном для него смысле. Словесная эквилибристика с понятием «пролетариат» всем своим острием направлена против основного производящего класса современного общества, против класса, руками которого создаются основные ценности и которому принадлежит будущее. Пролетариат — это определенная социальная категория, присущая капиталистической общественно-экономической формации; в условиях социалистического общества он, становясь хозяином общественных богатств, превращается в рабочий класс. Тойнби же, фальсифицируя историческую действительность, рассматривает пролетариат как категорию извечную, отождествляя его со всеми внутренними и внешними силами, враждебными господствующему классу всякого общества. Логический вывод из этого построения может быть лишь один: Тойнби пытается успокоить буржуазию, говоря о том, что уже многие века пролетариат ведет наступление на «общество», на «цивилизацию» (этим словам придается, разумеется, особое значение: речь идет о классовом обществе и по существу даже уже — о буржуазной цивилизации), и однако это наступление, несмотря на возникновение некоторых опасных моментов для господствующих классов, ни к чему не привело; по Тойнби, уроки истории должны внушить буржуазному обществу уверенность в прочности «западной цивилизации». Марксистскому учению о смене капиталистической формации социализмом Тойнби противопоставляет ложную теорию о будто бы извечно существовавшем недовольстве пролетариата.

Если время роста является временем внутреннего единства и гармонии, то время дезинтеграции — это пе-

риод раскола, внутренней борьбы и внешних столкновений. Раскол охватывает не только «тело», но и «душу» цивилизаций. Останавливается процесс «самоопределения». Если в эпоху роста творческое меньшинство может свободно принимать решения, возводящие общество на более высокую ступень, то в эпоху дезинтеграции правящее меньшинство может в крайнем случае лишь отсрочить грядущую гибель.

В процессе дезинтеграции общество может переживать эпохи подъема, расцвета, но это только кажущийся кратковременный расцвет, лишь временное замедление упадка. Первой стадией в процессе дезинтеграции является, по Тойнби, «смутное время»: это междоусобные войны народов данной цивилизации, войны их с другими обществами, революции и гражданские войны. Смутное время может затянуться на ряд столетий (обычно около 400 лет, считает Тойнби). Оно, как правило, заканчивается тем, что завоеватель (он может явиться из среды данной цивилизации или извне) силой оружия подчиняет весь круг стран, принадлежащий к данной цивилизации, основывает «универсальное государство» и устанавливает «универсальный мир» — «рах Романа», или «рах Mongolica», или «рах Ottomana» и т. д. Но это мир, навязанный силой. Духовная сущность цивилизации не получает при этом свободы развития. Религия теряет свое духовное содержание. Поэтому эпоха «универсального государства» и «универсального мира» даже при внешнем процветании все же относится ко времени упадка и не отвечает духовным потребностям людей. Тойнби описывает дезинтеграцию как период «раскола», болезни как общества, так и человеческих душ.

Дезинтеграция выражается в явлениях духовного упадка, в ощущении бессилия, греховности, в пессимизме, в варваризации общества, в вульгаризации и варваризации искусства. Деятельность великих людей, творческих личностей не прекращается и в эту эпоху. Но она направлена теперь на спасение падающего общества; великие люди выступают в роли «спасителей». На этой почве возникают новые философские системы. Одни «спасители» ищут выхода в возвращении к старине («архаизм», по выражению Тойнби); другие — в прыжке в неизведанное будущее (по терминологии Тойнби, «футуризм»); третьи — в уходе от действительности

(«detachment»). Но ни один из этих путей не дает выхода из тупика дезинтеграции. Выход, по мнению Тойнби, может быть найден лишь в «трансфигурации», в перенесении целей и ценностей в сверхчувственное царство бога, другими словами, в религиозном возрождении и в новой религии (создаваемой опять-таки великой творческой личностью и ее учениками). Так, на смену «универсальному государству» появляется «универсальная церковь». Но это уже конец старой и начало новой «цивилизации». «Универсальная церковь» овладевает душами сначала внутреннего пролетариата и инфильтрующегося в среду падающей цивилизации внешнего пролетариата, потом и правящего меньшинства, а «военные банды» внешнего пролетариата приводят к раздроблению «универсального государства». Наступает перерыв, «междущарствие» (*interregnum*), после которого может начаться цикл развития новой, «дочерней» цивилизации, в основе которой лежит новая религия, являющаяся как бы звеном, соединяющим старую цивилизацию с новой.

Эта схема дезинтеграции явно выдает свое происхождение от истории Римской империи и возникновения христианства, истолкованных, конечно, в сугубо идеалистическом плане.

Рассматривая «*interregnum*» между эллинской и западнохристианской цивилизациями, Тойнби решительно отвергает влияние варваров (внешнего пролетариата, как он их именует) на новое западное общество. Новая цивилизация, уверяет он, создана исключительно западнохристианской церковью, вобравшей в себя ряд ценных элементов эллинской культуры. Так сплеча разрешен в сугубо клерикальном духе сложнейший вопрос о роли римских и варварских элементов в создании средневековой Европы.

* *
*

Нельзя не видеть (и это отмечает сам Тойнби), что его схема одновременных и одинаково развивавшихся цивилизаций нарушается введением понятия дочерних цивилизаций. Некоторые из цивилизаций начинают выстраиваться в генетические ряды, и наследие предшествующих цивилизаций в области культуры, прежде всего

религии, как будто призвано играть определяющую роль в развитии «дочерних» обществ. «Устарелая» схема прогрессивного развития начинает понемногу восстанавливаться. Мы увидим, что это возвращение к идее прогрессивного развития, правда в очень своеобразной форме, все сильнее звучит у Тойнби по мере продвижения его «Исследования истории».

Тойнби не раз повторяет, что все цивилизации «в философском смысле» равноценны, что он не выделяет цивилизацию современного Запада из среды других. Но на самом деле современная западная цивилизация занимает в его построении совершенно особое место. «Брэкдаун», дезинтеграция и прочий словесный туман понадобились ему для разрешения центрального вопроса, так резко поставленного Шпенглером, именно вопроса о «закате Европы».

Одной из центральных идей Библии (а Библия всегда оставалась существенной основой мировоззрения Тойнби) является идея избранного народа. С ним бог заключает договоры, карает его за грехи и награждает за добрые дела, спасает его от гибели и в конце концов обещает ему торжество над всеми другими народами. Эта идея крепко вошла в сознание Тойнби, и его библия (если можно так назвать его главный труд) в основном озабочена судьбами не избранного «народа», конечно, а избранной «цивилизации».

В настоящее время, по мнению Тойнби, сохранились всего пять цивилизаций: западнохристианская, восточнохристианская с ее «русской ветвью» (так он продолжает титуловать и Советский Союз), ислам, индийская и дальневосточная (охватывающая Китай, Корею и Японию). Четыре из них, утверждает он, уже пережили «брэкдаун» и находятся накануне гибели или ассимиляции с западной цивилизацией, и только одна западнохристианская сохранила «божественную искру творческой силы». В какой же стадии развития она теперь находится с точки зрения теории Тойнби?

В этом вопросе он занимает колеблющуюся позицию. То ему кажется, что западная цивилизация еще находится в процессе роста и еще не пережила «брэкдауна»¹. То он думает, что она давно пережила роковой

¹ «Abridgement of vols. I—VI», p. 245.

«брэкдаун» и находится в процессе дезинтеграции. Тойнби относит начало западнохристианской цивилизации (являющейся «дочерней» по отношению к эллинской) к VII в. н. э. Ее кульминационным пунктом кажется ему время расцвета папской теократии при Григории VII. Западный мир будто бы представлял тогда гармонично расчлененное единство, причем церковная власть была централизована в руках папы, а политическая власть на местах была поручена отдельным государям. Но за этим (существовавшим лишь в мечтах ключонийцев¹) счастливым временем наступают события, которые имеют все признаки «брэкдауна», как его рисует Тойнби. Здесь Тойнби указывает даже точную дату — 1075 г., когда папа Григорий VII прибегнул к силе меча вместо «силы духа» и опрокинул возведенное им самим гармоничное здание. Упоенный своими успехами, Григорий начал борьбу с империей за инвеституру², и последствия этого для западной цивилизации были трагичны: борьба пап с Гогенштауфенами, «трагедия в Ананьи», Авиньонское пленение и великий раскол папства, соборное движение, паганизация³ Ватикана во время Ренессанса, реформация, контрреформация⁴ и т. д.

Ненавистные Тойнби Возрождение, Реформация («так называемая Реформация») и Просвещение (с его «мефистофельской заразой разочарования и цинизма») все более удаляют западную цивилизацию от ее христианских истоков. В еще большей степени чертами «брэкдауна» наделяет Тойнби конец XVII в., когда, как ему кажется, утомленное религиозными войнами западное человечество вообще отворачивается от всякой религии и создает новое мировоззрение, новую мораль, новые

¹ Ключонийское движение (X—XI вв.) — движение за реформу католической церкви в интересах класса феодалов.

² Имеется в виду право назначать епископов.

³ Паганизация (от лат. *paganus*) — языческий. Имеется в виду проникновение новой культуры, основанной на античных традициях, в окружении римских пап в XV—XVI вв.

⁴ Тойнби имеет в виду ряд событий из истории европейского средневековья, связанных с борьбой римских пап против германских и французских королей, с поражением и упадком папства, с началом антикатолического движения в XVI в., отражавшего в значительной мере рост классового сознания новых общественных слоев, в том числе буржуазии, и, наконец, с упорным сопротивлением католической церкви реформационному движению.

стандарты поведения, качественно отличающиеся от христианских. Западная цивилизация становится на путь «технологии» и поисков материальных благ, теряет свое религиозное содержание и тем лишается способности удовлетворить духовные запросы человека. Тойнби говорит о современной западной цивилизации как об «эксхристианской», о современном западном обществе как о «*plebs occidentalis puper christiana*» («некогда христианский западный народ») ¹, о западном человеке как о «*post-christian man*». Наконец, французская революция положила, по его мнению, начало периоду внутренних смут и войн, к тому же обостренному появлением «демократии» и «индустриализма».

В современной западной цивилизации Тойнби видит несомненные признаки дезинтеграции, а именно той ее стадии, которую он называет «смутным временем» ². При этом ему кажется, что западная цивилизация уже далеко продвинулась по этому пути и находится накануне создания «универсального государства». Он отмечает в западной цивилизации такие явления упадка, как внутренний раскол, как появление правящего меньшинства, «внутреннего» и «внешнего» пролетариата. Как симптомы дезинтеграции, Тойнби особенно отмечает упадок религии и потерю социальной солидарности, которая, кажется ему, представляла драгоценнейшую часть прежнего достояния западной цивилизации. Он отмечает варваризацию правящего меньшинства, варваризацию и упадок искусства ³, в котором он видит потерю стиля, бессмысленное подражание чуждым и варварским формам, тенденцию к архаизму и футуризму.

Видя вершину западной цивилизации в идеализированном образе «творческой деятельности» средневекового папства, Тойнби недоверчиво относится к господствующим силам современного Запада — «индустриализму» и «демократии». Индустриализм, по его мнению, привел к «потере человеческого естества» (*dehumanization*) у рабочих, которых он или превращает в машины, или выбрасывает на свалку безработицы, и у руководителей общества, которые стали вульгарно мелки во всех

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. X, p. 5.*

² *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. IV, p. 3—4.* Он повторяет это и в последнем томе («*Abridgement of vols. VII—X*», p. 352).

³ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. IV, p. 52.*

проявлениях душевной жизни; индустриализм подорвал веру в бога и заменил ее стремлением к богатству. К душевному измельчанию приводит также и демократия. Становясь достоянием широких масс, культура, по его мнению, неизменно мельчает и варваризируется. Он не скупится на картины упадочной и развращающей культуры, которая становится в современных условиях товаром, продающимся по дешевке приобщившимся к «образованности» народным массам в виде бульварных книжек и газет, кино, радиовещания и т. д.

И все же Тойнби часто повторяет избитые фразы о «свободе», «демократии», «западном образе жизни» как о великих ценностях западной цивилизации, которые необходимо охранять. Он считает, что западная цивилизация все же унаследовала от своего христианского прошлого некоторые непреходящие ценности. Так, он повторяет фальшиво звучащие фразы о том, что сущность западной цивилизации заключается в признании ею священных прав личности, абсолютной ценности индивидуума, что ей свойственна «философия свободы». Ей, думает он, присущ священный принцип частной собственности, с которым связано все лучшее, что есть в общественном строе Запада. Западу, кажется Тойнби, свойственны принципы «честной игры» и «умеренности» в политике. Но он и сам чувствует, что эти слова уже лишились всякого реального содержания. Демократия, пишет он, теперь стала обязательным лозунгом для каждого «уважающего себя политического алхимика». Современная «западная демократия» — это лишь прикрытие для «несовместимости свободы и равенства»; что же касается «братства», то оно вообще возможно лишь в сфере религии. Тойнби ближе к истине, чем многие из его критиков, когда он ставит фашизм и национал-социализм в вину не только Италии и Германии, но и всей современной «западной цивилизации» в целом. Он не решается дать прямой ответ на вопрос: к чему ведут «господствующие силы» современной западной цивилизации — к созданию Западом нового «вселенского общества» или к гибели?

Столь уверенный в себе при вынесении смертного приговора всем другим цивилизациям (недаром один из его критиков назвал его «могильщиком цивилизаций»), Тойнби проявляет крайнюю нерешительность и расте-

рянность, когда дело идет о судьбе западной цивилизации. Ведь для него это последняя цивилизация, сохранившая «божественную искру творческой силы». Ее гибель была бы мировой катастрофой, провалом всего божественного плана истории.

Тойнби колеблется между страхом и надеждой. Ему кажется, что западная цивилизация и вместе с ней вся мировая история переживают решающий кризис, что для них пробил «одиннадцатый час». Но он не теряет упования на милость Божию.

Все известные нам цивилизации, рассуждает Тойнби, погибли или идут к гибели. Но эта гибель не является их фатальным предначением. Она наступает лишь в результате роковых ошибок, допущенных людьми, и может быть предотвращена мудрыми мерами других людей. Не может ли новый Гильдебранд исправить роковую ошибку, допущенную Григорием VII? Главная беда современной западной цивилизации, перерастающей в мировую, вселенскую цивилизацию, — это потеря ею религиозной основы. Поэтому исцеление может прийти только от возрождения религии. Тойнби приглашает всех молить бога о том, чтобы западной цивилизации дарована была «отмена приговора». Он выражает надежду, что эта молитва будет услышана, если она будет возноситься со смиренным духом и сокрушенным сердцем¹.

* *
*

От чего же надо спасать западную цивилизацию? Тойнби кажется, что, помимо глубокого внутреннего кризиса, вызванного прежде всего потерей религиозной основы, ей угрожает страшная опасность *извне* — от всего «остального мира». «Мир и Запад» — так озаглавлены его лекции, передававшиеся Би-би-си и вышедшие потом отдельной книжкой². В этих лекциях и в ряде статей, помещенных в американских журналах в конце 1952 и начале 1953 г., Тойнби пытается изобразить отношения между Западом и «остальным миром» как состояние непрерывной войны. Сначала «не западные» страны нападали на Запад.

¹ Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. VI, p. 321, со ссылкой на псалом 34.

² Arnold J. Toynbee, The World and the West, London 1953.

Потом, в течение последних четырех столетий, Запад, используя свой технический перевес, вел наступление против «не западных» стран (в том числе и против России¹). В целях самосохранения Россия и некоторые другие «не западные» страны — одни раньше, другие позже — были принуждены заимствовать западную технику, особенно военную, с чем неизбежно связывалось и принятие известных элементов западной культуры.

Но теперь, уверяет Тойнби, положение перевернулось. Теперь Западу приходится защищаться от агрессии России и «остального мира». «Не западное большинство человечества, — пишет он, — опять осаждает нашу «западную крепость»». Тойнби повторяет назойливые утверждения империалистической пропаганды, стремящейся изобразить агрессивную политику буржуазного Запада как оборону от мнимой агрессии Востока. Тойнби утверждает, что перед западным миром встал новый и страшный враг, угрожающий самым основам западной цивилизации и западного образа жизни. Этот враг тем страшнее, что он обладает идеологическим оружием огромной силы. Таким оружием является коммунизм. Борьба между Востоком и Западом переходит из сферы военной техники в сферу идеологии. В этой сфере, признает Тойнби, в данное время преимущество находится на стороне Востока. У Запада нет идейной силы, которую можно было бы противопоставить коммунизму.

Как же Тойнби представляет себе коммунизм? Для него это нечто вроде религии, точнее, религиозная ересь западного происхождения, созданная западными ересиархами Марксом и Энгельсом. Коммунизм, как он его понимает, явился в результате того, что лишившийся своей религиозной основы Запад не сумел применить христианские принципы к разрешению вопросов социальной и экономической жизни. В этом смысле Тойнби говорит о коммунизме как о «продукте беспокойной совести» Запада². Представляя собой обвинительный акт против западного образа жизни, коммунизм стал могучим орудием против всех основ западной цивилизации, величайшей для нее опасностью, угрожающей как изнутри, так и извне.

¹ Говоря о «наступлении» Запада на Россию в течение последних столетий, Тойнби допускает ряд грубых ошибок (см. ниже).

² *Arnold J. Toynbee, The World and the West, p. 12—18.*

Главную направленность коммунизма Тойнби видит в его враждебности к западной цивилизации, в его стремлении подорвать самые ее основы. Это делает коммунизм страшным орудием в руках «антизападных сил» и прежде всего в руках Советского Союза.

Коммунизм, признает Тойнби, отличается необычайной притягательностью для «внутреннего» и «внешнего» пролетариата западной цивилизации (а в состав ее внешнего пролетариата он включает едва ли не все колониальные и полуколониальные народы мира). Коммунистическое мировоззрение может «заменить людям религию» (хотя бы временно и отчасти, спешит он добавить). Коммунизм апеллирует к интеллигенции своей проповедью высоких идеалов мира и справедливости, он привлекает идеалистов, стремящихся к великому «сверхличному делу». Но самое страшное — коммунизм привлекает обездоленных людей всех стран как Запада, так и Востока.

Тойнби поддерживает пропаганду государственного департамента и НАТО, старающихся всех уверить, что основным стремлением Советской России является насаждение коммунизма во всем мире любыми средствами. Это, по его мнению, основной догмат марксизма-ленинизма¹. Причем опаснейшим оружием в руках Советского Союза он считает не столько военную технику, сколько «коммунистическую пропаганду».

Россия, по его словам, не может по самой своей природе отказаться от этого догмата. Но объективные условия могут вынудить ее воздержаться от применения его на практике. Так, в данное время России нужно заняться своими внутренними делами, особенно в области экономики. Для этого ей нужен мир. Но все же в этом Тойнби видит лишь временный отказ от «коммунистической агрессии» и оставляет открытым вопрос о возможности длительного мирного сосуществования. При этом он старается связать воображаемые козни Советского Союза с якобы историческими традициями царской России, с экспансией Московского государства, с учением о «третьем Риме».

Пожалуй, нигде так ярко не раскрывается реакционная сущность концепции Тойнби, как в этом извращении роли Советского государства. Весь мир знает, что именно

¹ «New York Times Magazine», 22.VII. 1955.

Советский Союз ведет борьбу за предотвращение новой войны; руководители Советского государства многократно подчеркивали, что они руководствуются принципом мирного сосуществования между государствами, несмотря на различие их политических систем, и предлагали большое число конкретных мероприятий, направленных на поддержание мира во всем мире. Мирная политика Советского Союза — не временный отказ от мнимой «коммунистической агрессии», она вытекает из самой сущности советского общественного строя, подобно тому как кризисы и войны вытекали и вытекают из самой сущности капиталистических общественных порядков.

Неумны и политически вредны рассуждения Тойнби, выводящего «коммунистическую агрессию» из того факта, что царская Россия последовательно проводила экспансию. Известно, что внешняя политика того или иного государства определяется в конечном счете его внутренним строем и экспансионистская политика царской России определялась особенностями внутреннего строя помещичьего государства. Советский Союз, где давно уже уничтожена эксплуатация человека человеком, по самой природе своего общественного строя не стремится к агрессии, к разрешению политических противоречий с помощью оружия. Запугивание военной угрозой, будто бы исходящей от «традиционной политики» России, объективно в настоящих условиях на руку только тем, кто старается держать человечество «на грани войны».

Тойнби беспокоят успехи мирной политики Советского Союза и возрастающее его влияние в странах, не охваченных или недостаточно охваченных «западной цивилизацией». Тойнби беспокоит близорукая политика современных руководителей западного мира: в то время как коммунизм обещает обездоленным массам колоний хлеб (как в буквальном, так и в переносном смысле), «западная цивилизация» по-прежнему подсовывает им вместо хлеба камень.

Слабость Запада в его борьбе с остальным миром заключается, по мнению Тойнби, еще и в том, что Западная Европа раздроблена на 40 суверенных государств, между тем как ей противостоят огромные «коммунистические империи». Поэтому настоящей очередной задачей Запада является, с его точки зрения, политическое объединение. Страх перед общей опасностью должен за-

ставить все западные страны политически сплотиться¹. Для объединения Запада, по мнению Тойнби, недостаточно обычных договоров и соглашений. Необходимо создание единой государственной организации для всего Запада.

Так снова приподнимается над сущностью писания Тойнби туманная завеса, сплетенная из шумерской цивилизации, библейской мифологии и греко-римской философии. Горы фактов и реверансы в сторону объективности робко жмутся к стене, уступая дорогу главному: созданию научно обоснованных обоснований для политики империалистических держав Запада, для их борьбы против СССР. Идея создания единого государства, объединяющего весь Запад,— это идея американских монополий, стремящихся подчинить своему влиянию Европу и Латинскую Америку, африканские и азиатские колониальные и полуколониальные страны. Единственное реальное обоснование этой идеи—жадность американских монополий, их страх перед растущим влиянием Советского Союза. Как они должны быть благодарны Тойнби, сумевшему найти для этой весьма материальной идеи «историсофские» обоснования, сумевшему мобилизовать с этой целью колоссальную премудрость, даже и не снившуюся дельцам из Чикаго и Нью-Йорка!

Для Тойнби нет вопроса о том, кто должен возглавлять западное общество. Он думает, что Англия и Франция, бывшие великие державы, уже отошли на задний план перед такой «сверхдержавой», как Соединенные Штаты. Только Америка, утверждает Тойнби, защищает западный мир от «коммунистической агрессии», без этой защиты он был бы обречен.

В изложении Тойнби ряд вопросов обойден или извращен. Конечно, он не хочет признать, что объединение Запада призвано преследовать вовсе не оборонительные, а агрессивные цели. В его трактовке военное и политическое объединение стран Запада для «обороны» от Востока необходимо для охраны мира. В этом отношении Тойнби вполне солидаризируется с пропагандой государственного департамента и Форейн-оффис. Тойнби утверждает, что создавшееся теперь напряженное международное по-

¹ Эти идеи выдвинуты Тойнби уже в первых томах «A Study of History» и подчеркнуты в «The World and the West». Дальнейшее их развитие находим в IX томе «A Study of History», в главе «Перспективы западной цивилизации».

ложение не является кратковременным, а может затянуться на очень долгое время. Запад должен объединиться, вооружаться и защищать свои границы от «агрессии». На этих границах еще долго будет литься кровь. Где же границы Запада? Тойнби называет некоторые из них. Эти границы проходят в Корее, Малайе, в Индокитае... Иначе говоря, «оборона» в сущности ничем не отличается от агрессии, слово «оборона» лишь прикрывает подготовку агрессии и самое агрессивию.

Но Тойнби надеется и на мирное расширение границ Запада. К западному сообществу должны постепенно присоединяться те не западные страны, которые находятся под влиянием Запада и созрели для «демократии» и других «западных ценностей». Здесь на первом месте стоит особенно любезная сердцу Тойнби Турция и другие страны Ближнего и Среднего Востока. За ними, надеется Тойнби, могли бы последовать Индия и Китай, в присоединении которых к Западу могла бы сыграть крупную роль проповедь христианства. Он ссылается на опыт иезуитов в XVI—XVII вв., который, думает он, мог бы быть очень удачным, если бы он не провалился из-за монашеской свары и консерватизма Ватикана.

Какие же отношения должны, по мнению Тойнби, установиться между объединенным и расширенным западным миром, с одной стороны, и коммунистическими странами — с другой? Тойнби надеется, что их мирное сосуществование возможно; он ссылается при этом на отношения, существовавшие между Римской империей и Парфянской державой.

По-видимому, перспективы «атлантической» политики и «рах Америкапа» все же не разрешают для Тойнби вопроса об исторической миссии западной цивилизации. Его лекции заканчивались пессимистической нотой. В последней из них прозвучала тема грядущей гибели западной цивилизации. Тойнби вспомнил об историческом уроке эллинской цивилизации, о конце Римского универсального государства, которое, по его концепции, уступило место универсальной церкви и пало под ударами «внешнего» пролетариата. Эта лекция вызвала негодование известной части английской прессы. На Тойнби посыпались самые страшные обвинения, его обвиняли в подрыве авторитета западной цивилизации, в философской капитуляции перед коммунизмом. Раздавались голоса, упрекавшие

администрацию Би-би-си в том, что она предоставила свою трибуну «внутреннему врагу»¹.

Тему о необходимости объединения западного мира под эгидой США для защиты от Востока Тойнби продолжает развивать и в IX томе своего главного труда под заглавием «Перспективы западной цивилизации».

В последних томах «Исследования истории» Тойнби заменяет прежнее понятие «western Society» («западное общество») новым — «westernizing Society» («западническое общество»), т. е. общество, усвоившее западный образ жизни. Он решается, хоть и неуверенно, назвать строй этого общества его настоящим именем — «капитализм». По словам Тойнби, в пределах капиталистического строя могли бы быть разрешены многие задачи, вставшие перед этим «западническим» обществом в связи с его «распространением на весь мир» (он говорит о «world wide westernizing Society»). Отношения с колониальными народами могли бы быть установлены в духе гуманности (прямо-таки кощунственно звучат слова об отношении «в духе гуманности» с колониальными народами, свежие раны на теле которых напоминают им каждый день не столько о гуманности, сколько о дубинке и пуле американского, английского или французского происхождения). Гигантский рост западной техники позволил бы разрешить вопрос о более справедливом распределении благ между людьми и улучшить положение народных масс, в том числе и живущих на грани голода крестьянских масс в отсталых странах. Но, с другой стороны, эти перспективы его пугают. Ему кажется, что рост техники вызовет усиление государственного регулирования экономической жизни в ущерб свободе предпринимательства. А это, думает он, приведет к упадку в среде буржуазии того «аппетита к работе», который будто бы был главным двигателем технического прогресса в XIX в. Тойнби боится, что психическая энергия буржуазии исчерпывается, он повторяет модные теории о том, что руководители предприятий делаются все более «чиновниками»,

¹ «Times Literary Supplement», передовая в номере от 9 апреля 1954 г.; *J. G. de Beus, The Future of the West*, New York 1953 (очень почтительная и мягкая критика; написано до появления книги Тойнби «The World and the West»); *D. Jerrold, The Lie about the West. A Response to Professor Toynbee's Challenge*, New York 1954 (очень резкий памфлет в стиле маккартизма).

«государственными служащими» (civil service), машинной высокоорганизованного государства. Чем же заменить эту потерю энергии?

Тойнби не думает, что возмещения можно было искать в возрастающей энергии и самодеятельности рабочего класса. Из «роботов», подчиненных капиталисту, рабочие могут стать лишь роботами профессиональных союзов и государственного регулирования.

Другая опасность, по мнению Тойнби, отдающего здесь долг неомальтузианству, заключается в том, что мир и более справедливое распределение благ приведут к росту рождаемости в массе «крестьянства», составляющего большинство населения земли, и это поставит ряд стран, а то и все человечество перед проблемой перенаселения.

Наконец, если даже удастся избежать войны, классовый борьбы и разрешить проблему перенаселения, то перед людьми возникает проблема... досуга (leisure). Досуг станет общим достоянием. Но в наш век радио и телевидения (как они знакомы Тойнби по западным образцам) это будет монотонный и пресный, лишенный духовного содержания досуг, сменяющий монотонную, механическую работу.

Итак, Тойнби рисует перед капиталистическим западным миром довольно грустные перспективы, а главное — так страстно призываемое им объединение Запада под руководством Америки и грядущее «универсальное государство» и «рах Американа» все же не гарантируют прочного мира. Ответы его на прямо поставленный вопрос о том, будет или не будет третья мировая война, несмотря на весь их кажущийся оптимизм, звучат как известный прогноз погоды: «либо будет, либо нет». Эта неопределенность в ответе на вопрос, волнующий сейчас все человечество, опять-таки выгодна тем, кто заинтересован в сохранении «холодной войны»: мнимо оптимистичный ответ на деле должен вселить в буржуазного обывателя уверенность в том, что угроза войны (разумеется, из-за «козней Советского Союза!») не исчезла, что противники ослабления международной напряженности правы, постоянно призывая к вооружению западного мира. Мы можем заявить прямо, что народы мира сейчас в состоянии сказать «нет!» войне, не допустить вспышку новой мировой войны. Человечество имеет все основания, чтобы смело смотреть вперед: Советский Союз и страны социалисти-

ческого лагеря зорко стоят на страже мира во всем мире.

Из всех опасностей Тойнби видит один выход. Психическая энергия, не находящая себе исхода, должна обратиться в сторону религии. Религиозное возрождение должно разрешить все задачи, стоящие перед западной цивилизацией и перед всем миром, в том числе и задачу перенаселения. Только религия, кажется ему, может внушить непросвещенным массам «крестьянства» принципы неомальтузианства. Тогда души западного человечества обратятся к истинной цели человека — к прославлению бога и радостному общению с ним. Тойнби видит в этом для упавшего духом поколения «западных мужчин и женщин» возможность «уловить манящий отблеск благодатного света».

А если западная цивилизация не сумеет воспользоваться советами Тойнби и ей не удастся возродить религию? Тогда, предупреждает Тойнби, ей грозит не столько анархия, сколько еще худшее: потеря свободы духа, тоталитарное государство, глубокий моральный упадок, нечто худшее, чем то, что было в поздней Римской империи или в средневековом Китае, так как новая правящая группа будет обладать более совершенными орудиями принуждения.

* *
*

Но все же Тойнби хочет верить, что западная цивилизация преодолет все стоящие перед ней опасности и ей предстоит великое и светлое будущее.

Оценивая судьбы западной цивилизации, Тойнби рисует самые оптимистические перспективы¹. Он не раз высказывал мысль, что перед Западом стоит историческая цель установления «рах оесимеписа» — «вселенского мира». Западная цивилизация уже подчинила в той или иной степени своему влиянию, своей радиации, все страны мира, ей надо закончить свое дело. В современном мире аэроплана, уничтожившего расстояния между странами, и атомной бомбы, угрожающей самому существованию

¹ См. особенно его статьи «The Unification of the World and the Change in Historical Perspective» («History», vol. 33, 1948) и «The Revolution we are living through» («New York Times Magazine», 25. VII. 1954).

жизни на земле, всем людям необходимо объединиться и составить одну семью под одной крышей. Тойнби призывает к тому, чтобы распространение западной цивилизации приняло (и в не столь уж далеком времени) форму универсального государства, охватывающего всю планету без всяких границ¹.

В этом Тойнби видит великую миссию западной цивилизации. Объединение человечества должно основываться на «западных» принципах свободы и демократии. Это объединение, однако, не должно быть результатом завоевания мира западной цивилизацией. Задача Запада — не распространение своей власти на весь мир, а сооружение руками Запада «лесов» для здания, в котором все отдельные цивилизации сольются в одну. При этом западная цивилизация должна сама вобрать в себя лучшие элементы других цивилизаций и перестать быть только западной цивилизацией, чтобы стать цивилизацией всемирной. Таково предназначение Запада: творя свою историю, он решает величайшую задачу для всего человечества, и в этом процессе «провинциальная» история Запада будет поглощена всемирной. «Творя свою историю, мы выходим за пределы своей истории». Здесь уже начинаются пророческие видения. Эта всемирная цивилизация будет наследницей всех культур, сплавленных в одном тигле: в ней должны гармонически слиться наследия Конфуция, Лао-цзы, Сократа, Платона, Плотина, Гаутамы-Будды, Христа, Зороастра, Мухаммеда, библейских пророков, Петра и Павла, отцов восточной церкви, Августина, Бенедикта Нурсийского, Климента, Оригена, Ибн-Халдуна, Боссюэ. Список достаточно выразительный! К нему несколько неожиданно прибавлены имена Ленина, Ганди, Сунь Ят-сена, Кромвеля, Вашингтона, Мадзини. Этот список, где имена христианских святых оказываются бок о бок с именами революционеров, весьма показателен для тактики нынешних идеологов буржуазии. Они уже не могут по-старому замалчивать или отвергать идеи ленинизма: слишком популярно ленинское учение в широких кругах трудящихся, в том числе и в капиталистических странах! Идеологи буржуазии занимают теперь поэтому иную позицию: они, оказывается, признают Ленина выдающимся мыслителем и политическим деятелем, они даже готовы допустить его

¹ «Abridgement of vols. VII—X», p. 118.

в число творцов мировой культуры, они уделяют ему местечко где-то между Августином и Кромвелем. Но тем самым они по сути дела неизмеримо принижают историческую роль великого пролетарского вождя, подлинного выразителя нужд и чаяний народных масс. Учение марксизма-ленинизма — это научная теория, прокладывавшая путь к построению бесклассового общества, к созданию подлинного счастья на земле. Кошунство смешивать это учение, отражающее интересы миллионов тружеников, с идеалистическими мудрствованиями Платона, с проповедью повиновения властям предержавшим, приписанной никогда не существовавшему апостолу Павлу, с монастырским уставом бенедиктинцев.

В мире будущего, продолжает свои предсказания Тойнби, будет создано мировое правительство, основанное на мировом сотрудничестве (мы уже говорили о политическом смысле, который приобрели в настоящее время призывы к «единому государству»). В мире будущего сухопутный и морской транспорт уступят место воздушному и столица мира будет не в Лондоне и не в Нью-Йорке, а в центре распределения населения по земному шару. Он помещает эту будущую столицу в окрестностях Вавилона или в Ферганской долине, где, по его мнению, некогда сталкивались великие религии и философские системы Индии, Китая, Ирана, Сирии и Греции.

Будущее братство, думает Тойнби, должно сопровождаться и социальным переустройством. Все прежние цивилизации были созданы незначительным правящим меньшинством, восседавшим на спине крестьянских масс, которые находились на ступени развития неолитического человека. Но эти массы пробуждаются. Важнейшую роль в этом пробуждении сыграли промышленный переворот в Англии, французская и русская революции. Полтора миллиарда людей спят, но их пробуждение — дело времени. Новое общество должно сочетать принципы частной собственности и «свободного хозяйства» с принципами социализма. Тойнби думает, что Западная Европа могла бы сыграть здесь примиряющую роль между противоположными принципами России и Америки.

Каков же смысл этой эклектической мешанины, зачем нужно Тойнби творить это фантастическое общество будущего, где лев возляжет рядом с ягненком и частная собственность примирится с принципами социалистиче-

ского строя? Мы уже говорили, что нынешние апологеты буржуазного порядка не могут просто игнорировать учение марксизма-ленинизма. И вот они делают вид, что принимают социалистические идеалы; но тут же они лишают это признание всякого реального смысла, ибо, признавая социалистические идеалы, они вместе с тем признают и идеалы капиталистического мира... Ясно, что все это у Тойнби лишь маска, нужная, чтобы повеличаться своим высоким беспристрастием и вместе с тем показать ничтожество всех «земных» дел перед высшими ценностями религии, а кстати унижить несколько исторических имен, отведя им скромный уголок в новом пантеоне, где они должны померкнуть за сияющими нимибами основателей религий, святых и пророков.

Но как достигнуть такого счастливого состояния? Тойнби советует западной буржуазии быть мудрой и великодушной. Он призывает помнить о либеральных лозунгах свободы, равенства и братства (над которыми сам не раз иронизировал) и признавать человеческое достоинство за неевропейскими народами.

Но Тойнби не надеется, что такими полумерами и еще другими предлагаемыми им умеренными реформами (увеличение налогов на богатых, национализация некоторых ключевых отраслей индустрии, государственная помощь бедным) удастся осуществить создание утопического строя, о котором он мечтает. Он приходит к заключению, что создание такого строя может быть лишь делом чуда и это чудо должна сотворить религия. Истинную цель земной жизни человечества Тойнби видит в приготовлении души к будущей жизни, а не в установлении лучшего общественного порядка на земле («Civilization on Trial»). Социальный строй является для него второстепенным и подчиненным вопросом.

* *
*

Подлинную основу нового общества Тойнби видит в религии. Новое, «вселенское общество» должно быть воздвигнуто не на «песке экономики», а на гранитном фундаменте веры.

Обращение к религии — вот то чудо, которое может спасти людей и, в частности, потерявшую свою религию

озную сущность западную цивилизацию и сделать ее основой (или хотя бы лесами) нового, всемирного общества.

Но *какая* вера призвана обновить человечество? Тойнби признает, что в этом вопросе его взгляды претерпели некоторые изменения. В шести томах «Исследования истории» и в статьях, написанных в начале второй мировой войны, он, отдавая должное другим «высшим религиям», считал единой истинной верой христианство, или, точнее, католичество. Хотя Запад в значительной мере растерял свое религиозное сокровище, но, по его мнению, старая религия в виде западного христианства пустила глубокие, иногда скрытые и незримые корни в душе людей Запада, и это вселяет в него надежду на спасение. Можно ожидать в грядущем возвращения к вере отцов — католичеству, что обещает продление и западной цивилизации, поскольку католичество представляет, по Тойнби, ее глубочайшую основу.

Тойнби изменяет своей схеме смены цивилизаций, допуская, что развитие религии, несмотря на падение и гибель цивилизаций, шло по постоянно восходящей линии и достигло, наконец, своего завершения в западном христианстве. В божественном плане всемирной истории «цивилизации являются служанками религии» (*civilizations are handmaids of religion*)¹. Их падение и гибель — это ступени к высшим достижениям религиозного сознания. Христианская религия выросла, по его мнению, на развалинах шумерской, египетской, сирийской и греко-римской цивилизаций. Высшая ступень в виде римского католичества уже достигнута. Таким образом, дальнейшая смена цивилизаций и дальнейшее развитие религий делаются уже ненужными. Как эллинская цивилизация и универсальная Римская империя подготовили распространение христианства по странам Средиземного моря, так западная цивилизация и грядущая «универсальная империя» распространят его на весь мир. При этом, думает Тойнби, христианство может обогатиться некоторыми элементами индийской и китайской философии. Тойнби пишет: «Надо пересмотреть нынешнюю систему исторических исследо-

¹ *Arnold J. Toynbee, Civilization on Trial, статья «Christianity and Civilization».*

ваний. Надо смотреть на историю Запада с точки зрения той роли, которую она сыграла в объединении мира, отодвинув на задний план экономическую и политическую историю и признав примат истории религии, так как только религия может принести спасение»¹.

Исполнив свою историческую миссию, универсальная империя может уступить место универсальной христианской теократии, «*Res publica christiana*» с папой во главе. «Церковь в ее традиционной форме, вооруженная копьем литургии, щитом иерархии и шлемом папства», крепче всех цивилизаций и может пережить их все. Это грядущее царство «наместника Христова» будет если еще не царством небесным, то во всяком случае «провинцией царства небесного». Но здесь уже, провозглашает Тойнби, «история переходит в теологию».

Так писал Тойнби в 1940 г. Но потом он отказался от мысли, что «западное христианство» представляет единственную истинную религию; он стал думать, что все «высшие религии» — христианство, мусульманство, индуизм; буддизм — являются путями к познанию бога и общению с ним, что и представляет высшую цель мировой истории.

Тойнби перестраивает свой план всемирной истории. История цивилизаций, в которой он раньше видел основное содержание истории человечества, теперь кажется ему лишь ступенью в процессе, восходящем от первобытных обществ — через цивилизации — к высшим религиям.

Он отказывается от прежней концепции, согласно которой в истории доминирующая роль принадлежит цивилизациям, а церкви (хотя бы и универсальные) занимают подчиненное место в истории цивилизаций. На историю цивилизаций следует смотреть с точки зрения не их собственных судеб, а их роли в истории религии. Возникновение церквей — это не этап дезинтеграции цивилизаций, а оправдание всей предшествующей истории породивших их обществ. Так, думает Тойнби, подходит к истории и то «собрание книг, которое мы называем Библией»². В связи с этим цивилизации не представляются уже одновременными и равноценными, они располагаются в последова-

¹ *Arnold J. Toynbee, Civilization on Trial.*

² «*Abridgement of vols. VII—X*», p. 87.

тельном порядке по степени их участия в создании «высших религий». У него история религий разворачивается в единый прогрессивный процесс в отличие от истории цивилизаций, которой свойственны множественность и противоречивость.

В приложенной к VII тому «A Study of History» таблице он дает новую схему всемирной истории. Передаем ее в сокращенном виде:

1. Первобытные общества.

2. Первичные цивилизации (происшедшие непосредственно из первобытных обществ): египетская, шумерская, древнейшая цивилизация долины Инда, минойская, древнекитайская (Шан) и др.

3. Дочерние цивилизации: вавилонская (из шумерской), индийская (из древней культуры Инда), сирийская и эллинская (из минойской), китайская (из культуры Шан) и др.

4. Высшие религии (возникшие из вторичных цивилизаций): иудаизм и зороастризм (из вавилонской), индуизм (из индийской), ислам (из сирийской), христианство (из эллинской), буддизм в форме Махайана и др.

5. Третичные цивилизации (возникшие из вторичных цивилизаций через посредство высших религий): хинду (из индийской), иранская, арабская (из сирийской через ислам), христианская — западная и восточная с «русской» ветвью (из эллинской через христианство), дальневосточная (из китайской через буддизм).

«Высшие религии» (а их возрождением Тойнби обуславливает «спасение человечества») становятся теперь центральным пунктом всего плана истории. Им принадлежит особое место в истории цивилизации. Высшие религии возникают между вторичной и третичной цивилизациями как своего рода связь между ними. Возникнув, по схеме Тойнби, в универсальных государствах вторичных цивилизаций как религии пролетариата, они перерастают в универсальные церкви и делаются основой для новых третичных цивилизаций.

Но третичные цивилизации не породили ничего похожего на высшую религию или универсальную церковь. Универсальная церковь будущего, которая должна охватить весь мир, рисуется Тойнби не как синкретизм, а скорее как симбиоз «высших религий», выросших на основе вторичных цивилизаций. Впрочем, он делает отбор выс-

ших религий, отводя, например, иудаизм¹. Свой отбор Тойнби старается оправдать соответствием, якобы существующим между четырьмя отобранными им «высшими религиями» и четырьмя основными психологическими типами². Тойнби считает «доминантой» индуизма «мышление», христианства — «чувство», ислама — «ощущение» (sensation), буддизма — «интуицию». Он видит в четырех высших религиях четыре гармонически звучащих варианта одной темы, которые дополняют друг друга в понимании бога.

Так путем нового чуда цивилизации третьего поколения (и прежде всего западнохристианская) спасутся от гибели, объединятся и направят свою энергию на борьбу с «идолопоклонством» в его самой порочной форме — форме «коллективного самопоклонения человека» (man's cogrogate worship of himself)³.

Тойнби представляет себе общество будущего как *церковь*, обладающую, впрочем, известными функциями государства. Мы оставляем в стороне мистические видения Тойнби относительно дальнейших судеб человечества, разрешающихся уже не на земле, а в «ином мире», когда человечество включится в «Град божий», в «общество святых»...

К религии, вере, к интуитивному познанию бога и общению с ним как к последней цели истории, к превращению истории в теологию приводит в конце концов «здоровый английский эмпиризм» Тойнби. Цивилизации делаются у него служанками религии, история — служанкой богословия. Жалкий конец!

«Чудо», которое должно объединить человечество и привести его к «спасению», предполагает, согласно учению Тойнби, появление нового спасителя, мессии, основателя новой религии, или вернее, новой церкви, в которой должны объединиться четыре «высших религии», очищенные от своих случайных элементов и прежде всего от не-

¹ Представляющийся Тойнби ископаемой окаменелостью (fossil), за что ему жестоко досталось от сионистов и их присных См. *Maurice Samuel, The Professor and the Fossil*, New York 1956; *Abba Eban* (посланник Израиля в США), *The Toynbee Heresy* и *F. E. Robin, The Professor and the Fossil* («Toynbee and History»).

² *Arnold J. Toynbee, A Study of History*, vol. VII, p. 716—731.

³ «Abridgement of vols. VII—X», p. 90—93.

терпимости, от притязаний на исключительное право обладания истиной.

Вполне естественным является предположение, высказанное оксфордским историком Тревор-Ропером, что таким мессией Тойнби считает самого себя и что его огромный труд представляет своего рода Библию «от Тойнби»¹, причем первые шесть томов представляют «Ветхий завет», где проповедь идей религии идет еще в скрытом виде и в прообразах, а последние четыре являются «Новым заветом», где раскрывается новая религия, которую Тревор-Ропер называет «религией Миш-маш» (смесь, путаница). Помещенные в X томе «Исследования истории» автобиографические сведения действительно написаны в торжественном стиле жития мессии. Возможно, Тойнби не ставит себя в один ряд с Буддой, Христом и Мухаммедом, а скорее довольствуется более скромной ролью пророка — провозвестника грядущей религии. И все-таки конец его огромного труда производит почти комическое впечатление.

* *
*

Как-то странно заниматься критикой писаний Тойнби с точки зрения требований научного метода². Метод Тойнби, как и его учителей Шпенглера и Бергсона, представляет собой отрицание научного метода, отрицание рационального познания истории, поворот к иррациональному, интуиции, лишь прикрытым научной фразой. Но Шпенглер открыто высказывал презрение к критическому методу «профессиональных» историков и выдвигал «метод» интуиции, воображения, смелых дедукций из догматических положений. Тойнби же стремится представить свой метод как «трезвый английский эмпиризм» и уверяет, что его выводы основаны на твердо установленных фактах. Он говорит о нормах и законах исторического процесса, будто бы найденных им эмпирическим путем. Тойнби засыпает читателя фактами, набранными из исто-

¹ H. R. Trevor-Roper, Arnold Toynbee's Millenium, «Encounter», June 1957.

² Ср. Е. А. Косминский, Историософия Арнольда Тойнби, «Вопросы истории» № 1, 1957 г., стр. 138.

рии всех стран и эпох. Но все они нарочито подобраны и представлены для доказательства догматических положений, полученных интуитивным путем. Его метод является столь же априористическим и иррациональным, как метод Шпенглера. Главный опус Тойнби со всеми его дополнениями — это не история, не наука, а теолого-метафизическая фантазия на тему о судьбах человечества, чудовищно многословная, загроможденная невероятным количеством имен, названий, дат, цитат, дополнений, примечаний, экскурсов, непроверенных фактов, необоснованных гипотез, исторических анекдотов, библейских и мифологических образов, мистических видений, вычурных модернистических словечек; фантазия, местами занимательная, но с точки зрения науки совершенно бесплодная, более того, вредная. Но опус Тойнби претендует на научность, даже больше, на новое слово в науке. Поэтому нам все-таки придется сказать несколько слов о методологии, лежащей в основе «Исследования истории» профессора Тойнби.

Тойнби упорно называет свой метод трезвым английским эмпиризмом. Термин эмпиризм получал весьма различные значения. В данном случае, противопоставив его априоризму Шпенглера, Тойнби, очевидно, хочет сказать, что его теория генезиса, развития и гибели цивилизаций выведена индуктивным путем, на основе изучения фактов. Действительно, фактов в книгах Тойнби собрано много, даже, можно сказать, слишком много. Но каковы эти факты и как они используются?

Эрудиция Тойнби огромна. Едва ли найдется другой историк, оперирующий таким огромным материалом. Но стоит только присмотреться к фактическому материалу, привлекаемому Тойнби, и сразу же бросается в глаза крайняя неравномерность его эрудиции. Тойнби необычайно эрудирован в Библии, истории, литературе и в мифологии эллинской цивилизации, отчасти западной, поверхностно и неравномерно — в истории других цивилизаций, сущность которых он излагает совершенно произвольно. Совершенно поверхностно, можно сказать дилетантски, он знаком с экономической историей, с историей права, искусства, философии¹. Много раз «критикуя», вернее огульно понося марксизм, он не обнаруживает даже по-

¹ «Toynbee and History», p. 178.

верхностного знакомства с трудами Маркса, Энгельса, Ленина.

Элементарным требованием, предъявляемым к историку, является использование им лишь твердо установленных фактов. Конечно, нельзя требовать от историка, берущегося охватить всю всемирную историю от начала цивилизаций до видов на будущее, чтобы он всегда пользовался первоисточниками и сам проверял все используемые им материалы. Тойнби в огромном большинстве случаев пользуется материалом, взятым из вторых рук. Но неразборчивость его в этом отношении поразительна. Для доказательства своих положений он пользуется любым, даже явно недостоверным материалом, а достоверный подвергает истолкованию или, точнее, перетолковыванию, совершенно искажающему, затемняющему его содержание; рядом с историческими фактами он приводит груды доказательств «от писания», из мифологии, из произведений поэтов. При этом граница между фактами (по большей части мистифицированными), мифами и поэтическими образами обычно остается крайне зыбкой. Библия и христианская мифология часто трактуются им как «слово истины». Свои теории о происхождении цивилизации и о вызовах и ответах он базирует на «Прологе на небе» из «Фауста», на книге Бытия, евангелиях, книге Иова, скандинавской «Voluspa», эврипидовском «Ипполите», мифах о Данае, Европе и быке, Семеле, Креузе и Аполлоне, Эросе и Психее и на теории происхождения солнечной системы в версии Джинса¹.

Даже когда Тойнби придерживается более строгого отбора исторических доказательств, они ничего не доказывают в силу своеобразного их применения.

Критики Тойнби говорят об удивительном «выкраивании» им исторических фактов². Вот как формулирует свое впечатление от чтения Тойнби его оксфордский коллега Г. Тревор-Ропер: «Сначала выдвигаются теории, часто интересные и наводящие на размышление, потом подбираются факты, чтобы их иллюстрировать (потому что нет теории, которую нельзя было бы иллюстрировать подобранными фактами); потом волшебник взмахивает своей

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. I, p. 271—272.*

² *R. H. Hilton, A. J. Toynbee's Reith Lectures, «The Modern Quarterly», vol. 8, № 3, 1953, p. 183.*

палочкой, наш ум ослеплен массой ученых деталей, и нам объявляют, что тезисы «эмпирически» доказаны фактами и теперь можно перейти к дальнейшему»¹.

Нет ничего легче, чем находить у Тойнби фактические ошибки, неточности, неверные или по крайней мере сомнительные истолкования фактов, непоследовательность, постоянные противоречия, недоказанные утверждения и т. д. Указанием ошибок такого рода усердно занимались почти все его критики, и надо сказать, что им удалось собрать множество подобных упреков. Почти каждый специалист в той или иной области истории находил у Тойнби ряд явно недопустимых с научной точки зрения утверждений. Даже история эллинской цивилизации, по образцу которой он выкраивает историю всех остальных, изобилует у Тойнби грубейшими искажениями, многочисленные примеры которых приводятся в работах буржуазных историков².

Еще более странные вещи находим мы в трактовке Тойнби истории России. Как говорит американский историк Кларксон³, если бы выбрать из «Исследования истории» Тойнби то, что относится к России, и расположить это в хронологическом порядке, то получилась бы фантастическая карикатура на русскую историю. Тойнби относит «брэкаун» русской цивилизации (или, по его терминологии, русской ветви восточнохристианской цивилизации) к концу XI в., к распадению Киевской державы. С таким же основанием он мог бы отнести «брэкаун» западнохристианской цивилизации к Верденскому договору 843 г.! Иван IV в его изображении — просто кровожадный палач, а Петр I — гений, проникнутый «чисто западным духом». Тойнби кажется, что в течение последних четырех столетий Россия была жертвой агрессии со стороны Запада. Он забывает о том, что попытки «наступления» Запада на Россию (польско-шведская агрессия в

¹ H. R. Trevor-Roper, Testing the Toynbee's System, «Sunday Times», 17.X.1954.

² J. Vogt, Die antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre, «Saeculum», II, 1951, N. 4, S. 564 f. Грубые ошибки допускает он в истории Китая, Индии, Египта, Месопотамии (R. Coulborn, Fact and Fiction in Toynbee's Study of History, «Ethics», July 1956).

³ J. D. Clarkson, Toynbee on Slavic and Russian History, «The Russian Review», July 1956, p. 165; cp. G. Barraclough в «Listener», 14.X.1954, p. 639.

начале XVII в., Великая Северная война в XVIII в., война 1812 г., интервенция Запада в 1918—1920 гг., о которой он, впрочем, по вполне понятным причинам умалчивает, агрессия гитлеровской Германии) оканчивались провалами. Странно трактует он роль русской «intelligentsia», приписывая ей общую «антипетровскую» и «антизападную» направленность начиная с декабристов. В 1825 г., полагает он, была объявлена война петровской системе¹.

Историческая роль Великой Октябрьской социалистической революции принижена Тойнби: он признает за ней лишь некоторое значение в деле пробуждения масс и ставит ее в один ряд с таким явлением, как промышленный переворот в Англии. Тойнби как верный сын своего класса не хочет видеть, что в отличие от всех предшествующих революций, которые лишь заменяли одних эксплуататоров другими, Великая Октябрьская революция вообще покончила с эксплуатацией человека человеком. В соответствии с этим Тойнби стремится преуменьшить и значение второй мировой войны, которая кажется ему «второстепенной войной», «дополнительной» к первой мировой войне. Этим путем он пытается зачеркнуть ту роль, которую сыграл советский народ в освобождении Европы от гитлеровской тирании; он не хочет видеть и того, что после второй мировой войны новые массы трудящихся в Азии и Восточной Европе были вовлечены в героическую работу по строительству социализма. Зато таким ничтожным событиям, как парламентские выборы в Турции в 1950 г., он приписывает значение поворотного момента в мировой истории².

Много самых странных толкований фактов можно найти в трактовке им истории Запада. Ограничимся лишь несколькими примерами.

Тойнби утверждает, что в XVIII в. войны в странах Запада были сведены к минимуму, к которому никогда не приближались ни в предшествующие, ни в последующие времена³. На самом деле XVIII век не менее других столетий изобиловал войнами.

Перенося свою теорию «уходов» и «возвращений» с отдельных личностей на целые государства, Тойнби утверж-

¹ «Abridgement of vols. VII—X», p. 186.

² *Arnold J. Toynbee, The World and the West*, p. 29.

³ *Arnold J. Toynbee, A Study of History*, vol. IV, p. 143.

дает, что Англия готовилась к своей великой исторической роли путем ухода от европейской политики и изоляции на своем острове. Этот период ухода продолжался, по его мнению, от какого-то момента между 1429 и 1558 гг.¹ и до 1914 г. (или по крайней мере до 1870 г.). Но ведь в это время Англия самым активным образом вмешивалась в дела континента!

Еще более удивительное искажение событий мы находим в приложенной к VII тому таблице «Универсальных государств». В ней говорится, что наполеоновская империя (1797—1814) была временем «универсального мира» для Западной Европы! Подобных примеров можно было бы привести очень много.

Тойнби большой мастер жонглировать фактами. Но иногда, по выражению одного из его критиков, он жонглирует, стоя на голове. Не удивительно, что историки, привыкшие относиться к фактам с большим почтением, прилагали к Тойнби весьма непочтительные сравнения. Его характеризовали как фокусника, производящего свои трюки при приспущенном свете, с отвлекающими зрителя шумами², как проворную обезьяну, ловко прыгающую с ветки на ветку по дереву истории³, как невероятно смелого и ловкого канатоходца. «Это не история, это чудовищное извращение истории», «все это висит в воздухе!» — такие выводы следуют за подобного рода сравнениями. «Автор обманывает себя, если он думает, что его система основана на эмпирическом методе», — восклицает один из критиков Тойнби — голландский историк П. Гейл⁴.

Но, может быть, автор вовсе не обманывает себя. Может быть, под «резвым английским эмпиризмом» надо понимать совсем не то, что понимают его критики. Ведь Тойнби приучил нас понимать многие его слова не так, как это обычно принято. Тойнби производит переворот не только в истории, но и в семантике. У него свое понимание «опыта», «эмпиризма», «факта», «доказательства». Он об этом не говорит прямо, вводя в заблуждение своих критиков. Но достаточно взглянуть в его

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. III, p. 366.*

² «*Toynbee and History*», p. 124.

³ *L. Stone, «Spectator», 29.X.1954.*

⁴ *P. Geyl, Toynbee as Prophet, «Toynbee and History», p. 360.*

приемы, чтобы увидеть, что перед нами не неумение владеть научным методом, не самообман, а настойчивое, вполне сознательное и последовательное проведение *своего* метода. Тойнби не шарлатанит, не паясничает, не жонглирует фактами, как это кажется его коллегам, придерживающимся другой позиции.

Некоторые из рецензентов Тойнби ставят ему в особую заслугу то, что он отказался от «идолов так называемой научной и объективной мысли». Но, повергая этих «идолов», Тойнби преклоняется перед идолами религии, мистики, интуиции и т. д., которые требуют от своих адептов совершенно иных методов «исследования истории».

Совершенно очевидно, что его общая концепция смысла и целей истории, концепция по существу теологическая, требует совершенно иного понимания «опыта», факта, причинной связи, закономерности, чем те, которые установлены «научной и объективной мыслью». И его «эмпиризм» есть эмпиризм особого рода.

«Эмпиризм», как его понимает Тойнби, заключается в том, что все свои положения он доказывает бесчисленными фактами, соответствующим образом подобранными и истолкованными. Этот отбор и истолкование не являются ни случайными, ни произвольными. Тойнби отбирает те факты, которые кажутся ему *существенными* для понимания истории, оставляя в стороне или касаясь лишь случайно тех, которые кажутся ему несущественными. Отсюда его олимпийское пренебрежение к крупнейшим областям исторического изучения, игнорирование важнейших и твердо установленных фактов и витание в расплывчатой, туманной и обманчивой области, которая лежит между историей и мифом. Отсюда его презрение к профессиональным историкам, указывающим на его поистине бесчисленные ошибки в освещении и изложении фактов. «Тем хуже для фактов» — для тех фактов, которые приводятся против его построений. Очевидно, это несущественные, не заслуживающие внимания факты.

Его цель, достаточно ясная уже с самого начала и все более раскрывающаяся в дальнейших томах (начиная с VI), — обосновать «эмпирическим» исследованием хода истории истинность религиозного представления о судьбах человечества.

Вера в бога, представляющего некую «абсолютную реальность» и вмещающегося в ход истории через посредство избранных им великих людей (оставляя, впрочем, им свободу не следовать за его «вызовами»), открывает автору самую широкую возможность оперировать понятиями «причинности» и «закона». «Причинность» в основном сводится к психологии «элиты». «Закон» по мере надобности может быть связывающим человека «законом природы» или «законом бога», якобы освобождающим человека, но прежде всего освобождающим автора от следования требованиям научного метода.

Через распахнутые религией двери в историю врывается бесчисленный рой туманных призраков, за которыми уже трудно рассмотреть истинные очертания предметов, интуиция, модная психология бессознательного, мистика. Затуманивается и теряется разница между фактами и самыми фантастическими видениями.

Вольно и просторно полуисторику-полупровидцу в этой атмосфере, где история сплетается с мифом, образами поэзии, снами и видениями, где по его велению любой исторический факт переносится в любую эпоху, принимает любую форму.

А цель достигнута заранее,
Победа предваряет бой—

его вера в «живого», личного бога, который любит сотворенных им людей и особенно свою избранную «западную цивилизацию» и не даст им погибнуть, заранее рисует путь, предназначенный вывести человечество из всех бед, в которые оно было вовлечено происками сатаны и «первородным грехом». Надо усердно молиться богу, чтобы он сотворил великое чудо — вернул людей к вере.

Тойнби не одинок. Он представляет в области истории то течение, которое распространяется во всех областях современной буржуазной науки и выражается в переходе в исследовании явлений природы и общества в область иррационального, интуитивного — в последнем счете в область религии. Этот отход прикрывается квазинаучной терминологией.

Нам толкуют о новом методе, введенном Тойнби в историческую науку (правда, при этом имя Тойнби соединяется с именем Шпенглера, от метода которого Тойнби отмежевывается).

Комментаторы Тойнби указывают на связь этого нового «метода» с поворотом, якобы происходящем и в ряде других наук, особенно в теоретической физике. Нам серьезно толкуют о том, будто Шпенглер и Тойнби открыли квантовую структуру мировой истории. Они якобы покончили с идеей «континуума» — непрерывного прогрессивного развития человечества — и показали, что это развитие совершается путем «квантообразных» толчков энергии. В идеях Тойнби комментаторы ищут аналогию современным представлениям о природе атома...

Но все эти странные уподобления обнаруживают лишь родство Тойнби с теми реакционными течениями в буржуазном естествознании, которые спешат отказаться от научного метода и открыть двери иррационализму и фидеизму.

У Тойнби нет недостатка в квазинаучных приемах — в классификации, специальной терминологии, в видимости установления причинной связи между явлениями и общими законами хода истории. Но все это лишь видимость.

«Изгнание законов из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*», — пишет Ленин¹.

Тойнби не протаскивает законы религии, а сознательно открывает перед ними двери, вводя в историю двойное понимание «закона» — как «закона природы» и «закона бога». Ход истории определяется отчасти «безличными законами единообразной и неумолимой природы». Человек лишь в очень малой степени может на них воздействовать в своих целях. По-видимому, такими «законами» Тойнби сначала считал выведенные им «эмпирически» неотвратимые законы возникновения, роста и гибели цивилизаций. Это дало повод его оппонентам (особенно П. Гейлу) усматривать в его концепции фатализм. Но потом это понимание «закона» у Тойнби меняется. После III тома «*A Study of History*» он редко употребляет этот термин в данном смысле. Он решительно отказывается признать себя «детерминистом»². Под законами природы в применении к истории он скорее понимает веления подсознательной психики человека³. Но глав-

¹ *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 182.

² «*New York Times Magazine*», 20. II. 1955.

³ «*Abridgement of vols. VII—X*», p. 299—300.

ное — в истории действует «закон всемогущего бога». В отличие от безличного закона природы это закон, определяемый разумом и волей личного бога¹.

В противоположность неумолимой принудительности закона природы закон идентичного с любовью бога есть «закон свободы человека». Но и закон природы — закон регулярно повторяющегося движения — создан богом, как колеса повозки созданы колесником по заказу возчика и должны двигать повозку к определенной цели. Так вся система «законов» приобретает теоцентрический характер, а историку открывает самый широкий простор для балансирования «законами» бога и природы. И здесь «эмпиризм» Тойнби все более переходит в теологию.

Некоторые из критиков Тойнби сравнивали изображаемую им роль бога в истории с ролью «*deus ex machina*», который в античной драме приводит запутавшееся положение к благополучному концу².

Как пишет журнал «*Time*» (широко рекламировавший «открытия» Тойнби), «Тойнби вновь восстановил бога в исторических правах»³.

У Тойнби есть попытки разграничить сферы науки и религии, отводя одной сферу «рациональной истины», а другой — сферу «интуитивной истины», но самостоятельное значение науки у него немедленно меркнет в свете религии, поскольку он считает общей задачей и той и другой найти тот глубоко лежащий гранит *основной истины*, на котором утверждается и интуитивная, и рациональная истина, т. е. более полного познания бога⁴. Таким образом, наука, в частности историческая наука, все же в конце концов оказывается служанкой теологии.

На практике у Тойнби не проводится разграничения между религией и наукой, между интуитивным и рациональным методом.

В его «эмпиризме» сливаются, следовательно, «две разные формы опыта»⁵. И логика и язык интуитивной

¹ «Abridgement of vols. VII—X», p. 262—263.

² *J. Popper*, La philosophie de l'histoire d'Arnold J. Toynbee, «La Pensée» № 42—43, 1952, p. 145; Э. А. Араб-оглы, Философия истории Арнольда Дж. Тойнби, «Вопросы философии» № 4, 1955 г., стр. 118.

³ «*Time*», 18.X.1954; «Вопросы философии» № 4, 1955 г., стр. 118.

⁴ «Abridgement of vols. VII—X», p. 101—103.

⁵ Там же, стр. 97.

истины иные, чем истины «рациональной». Кроме того, в самой человеческой психике, по его мнению, значительно перевешивают элементы иррационального. Иррациональное, интуиция все более доминирует в «Исследовании истории». Историк все более превращается в визионера, в прорицателя. Это путь вырождения буржуазной историографии.

В помещенной в X томе автобиографии не то историка, не то пророка Тойнби вполне серьезно рассказывает, как не менее 7 раз (он дает точные указания места и времени) он был «перенесен» («transported») или «вознесен в общение» («gapt into communion») с тем или иным историческим событием или лицом. Один случай особенно характерен, и его стоит привести.

В Лондоне, в южной части Бекингем Палас Род, близ станции Виктория, пополудни веком после первой мировой войны он внезапно почувствовал себя в общении не с каким-либо отдельным историческим событием или лицом, а *со всем, что есть, было или будет*. В это время он чувствовал, как история протекала сквозь него подобно могучему потоку, и его собственная жизнь казалась ему волной в этом потоке¹.

Он видит пророческие сны и не стесняется рассказывать об этом читателям. Однажды Тойнби видел во сне, как он обнимал подножие распятия в старинном аббатстве и слышал голос (не сказано, чей), который вещал ему по латыни: «*Amplexus expecta!*» (держишься и жди!)².

Что же, и это может быть зачислено в счет «здорового английского эмпиризма» и сочтено за «внутренний опыт»!

Несомненно, интуиция, способность угадывать то, что еще не может быть точно доказано, предвидеть новые, еще не изведенные пути, строить смелые гипотезы — большое достоинство в ученом, если все это вырастает на почве строгого научного метода и сочетается с ним, связано с умением отличать лишь угадываемое, предполагаемое, гипотезу от точно доказанного. Но у Тойнби как раз этого и нет. Интуиция является у него ведущим принципом всего его «Исследования истории».

¹ Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. X, p. 139.

² Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. IX, p. 634—635.

В истории, по его мнению, вообще многое не может быть постигнуто разумом, и эта сфера непознаваемого разумом очень обширна. В таких случаях выступает на помощь мифология, сохранившая в своих образах память человечества. Несомненно, изучение мифов является важнейшим источником для понимания истории, но у Тойнби мифология приобретает совсем особое значение. У него мифологические образы не отделены от исторических лиц и событий. «Как драма и роман, так и история выросла из мифологии»¹, — говорит он. Но у него история *не выросла* из мифологии, не отделилась от нее. Всякого, читающего Тойнби, поражает число ссылок на мифологию всех времен и народов, особенно на греческую и христианскую.

У Тойнби нет ясной границы между историческим фактом и мифологическим образом, они постоянно сменяют друг друга и непосредственно переходят одни в другие². В мифологии, вернее в символическом перетолковывании мифов, он ищет понимания исторических явлений, неуловимых путем научного исследования. Интуитивное восприятие мира для него — метод познания иррационального содержания истории. В мифе он видит «интуитивную форму понимания и выражения универсальных истин»³. Так, основная для концепции Тойнби идея «вызовов» и «ответов» с самого начала трактуется на основе мифа о борьбе двух мировых начал — бога и сатаны (в разных мифологических вариантах). Его идея «ухода» и «возвращения» иллюстрируется не только и не столько биографиями действительно существовавших людей, сколько мифами о Персефоне, Эвридике, Дионисе, Адонисе, Осирисе, Моисее и особенно Христе.

Миф позволяет прикрыть туманной дымкой то, чего не хочется (или, вернее, что невыгодно) выразить слишком простыми и прямыми средствами научного языка. В изложении и символическом перетолковывании мифов Тойнби чувствует себя, естественно, еще свободнее, чем в распоряжении историческими фактами.

Тойнби играет мифологическими образами, и эта игра переходит в мифотворчество. Он свободно решает вопрос

¹ «Abridgement of vols. I—VI», p. 44.

² O. Anderle, Das universallhistorische System A. J. Toynbees, S. 40.

³ Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. II, p. 259.

о том, что бы сделал Зевс на заре греческой истории, если бы вопреки его воле его не спас от этого Прометей¹.

Игра мифами начинает соприкасаться и частью сливаться со сферой религии, когда Тойнби переходит к образам библейской мифологии. Христианские (и отчасти ветхозаветные) мифы трактуются им как «слово истины».

Если область мифологии у Тойнби одной своей стороной граничит с областью религии и даже переходит в эту область, то другой стороной она переходит в область поэзии, художественного творчества, где для «историка» открываются еще более широкие просторы, еще менее стесненные контролем строгого научного метода.

Тойнби отмечает три метода изучения и изложения объектов нашей мысли и в том числе феноменов человеческой жизни:

1) установление и регистрация фактов;

2) объяснение установленных фактов общими законами путем их сравнения;

3) художественное воспроизведение фактов в форме fiction². Fiction имеет в английском языке два значения: вымысел и беллетристическое произведение. Мы видели, как Тойнби понимает два первых «метода», после этого и третий не может показаться неожиданностью, скорее он является неизбежным дополнением.

«Фикция», выдумка играет в историческом творчестве Тойнби крупнейшую роль. Его предшественник Шпенглер заявлял: «Природу надо рассматривать научно, но историю надо сочинять»³.

Несомненно, Тойнби, как и Шпенглер, «сочинил» свою историю. Он написал удивительную поэму-мистерию в десяти томах, в которой выступает огромное число действующих лиц — бог и сатана, Христос и святые, боги и божки всех религий, герои и сверхчеловеки всех племен и народов и еще какие-то странные символические фигуры во вкусе второй части «Фауста» Гете. Они носят необыкновенные имена, как будто обозначающие отвлечен-

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. III, p. 255.*

² «*Abridgement of vols. I—VI*», p. 43.

³ *O. Spengler, Der Untergang des Abendlandes, Bd. I, München 1923, S. 131.*

ченые понятия, но эти понятия персонифицированы и для пущей убедительности пишутся с большой буквы и действуют как самостоятельные духовные сущности. Они называются Цивилизациями, Дезинтеграциями, Трансфигурациями, Палингенезиями и т. д. Иногда у них греческие, египетские, китайские имена, но это не придает жизни этим бледным, колеблющимся образам. Они выдают свою явную сочиненность.

Эти странные фигуры движутся по мановению автора, произносят какие-то слова, образуют сочетания, выстраиваются в ряды... Но разве это наука? Это выдумка, фикция, *Dichtung*.

И может быть правы те критики, которые видят в Тойнби не историка, а поэта и думают, что его произведение выиграло бы, если бы было написано в стихах, предпочтительно греческих¹.

Фикция вводится в «Исследование истории» Тойнби двумя путями. Одним является собственное творчество автора, творимая им легенда, другим — широкое использование произведений великих поэтов всех времен не для каких-либо экскурсов в область истории литературы, а для подкрепления своих выводов их пророческими прозрениями. Так он использует греческий эпос и трагедию, где поэзия сплетена с мифом, так он обращается к образам Гете (особенно к «Фаусту»), Шекспира, Блэка и др. При этом он свободно вкладывает в чужие произведения тот смысл, какой ему желателен.

«Фикция» имеет свои законы и приемы, одним из которых Тойнби широко пользуется как методом познания исторической истины. Таким приемом является метафора. Этот прием был широко использован О. Шпенглером, Тойнби идет по его стопам. То, что вначале было лишь метафорой, делается для него «законом», непоколебимым догматом, из которого выводятся дальнейшие следствия. Его концепция «вызовов» и «ответов» в значительной мере выведена из образа человека, карабкающегося на скалу от выступа до выступа. Вот как он обосновывает «закон» неодинакового влияния различных сторон одной культуры на другую. Что случается, когда

¹ «Toynbee and History», p. 76, *R. Coulborn*, Fact and Fiction in Toynbee's Study of History, «Ethics», July 1956; *E. Fiess*, Toynbee as Poet, «Journal of the History of Ideas», vol. XVI, № 2, 1955.

«луч» культуры «радиоактивной» цивилизации ударяет в постороннее социальное тело? Сопротивление получившего удар постороннего тела производит дифракцию «луча» на составные части, подобно тому как луч света распадается на спектр вследствие сопротивления призмы, поскольку некоторые лучи, как утверждает оптика, обладают большей силой проникновения, чем другие. Так, говорит Тойнби, «технология» обладает большей силой проникновения, чем религия. Сила проникновения обратно пропорциональна культурной ценности проникающей части луча. Это один из законов культурной радиации. На этом законе (кстати сказать, совершенно фантастическом) строит Тойнби свою концепцию отношений между «Западом и остальным миром»¹.

Мы рассмотрели «методологию» Тойнби. Какую научную ценность может иметь произведение, основанное на такой методологии? Можно с полной уверенностью ответить: никакой.

А что сказать о сравнительно-историческом методе Тойнби? Ведь это как бы его основной метод, и его поклонники находят его несравненным в этой области.

Но метод «сравнений», которым пользуется Тойнби, не имеет ничего общего со сравнительно-историческим методом, который, несомненно, оказал и оказывает исторической науке немалые услуги. Применение сравнительно-исторического метода требует большой осторожности. Прежде всего необходимо точное определение сравниваемых объектов, в данном случае цивилизаций. Но уже была отмечена крайняя неопределенность и расплывчатость этого понятия у Тойнби, искусственность комбинаций, при помощи которых он создавал эти основные объекты своего «Исследования истории». Во-вторых, нужно установить сравнимость этих объектов и границы этой сравнимости. Между тем у Тойнби заранее принята за аксиому полная аналогичность развития всех цивилизаций, и дело «сравнения» в конце концов сводится к тому, чтобы путем всевозможных натяжек и искажений подобрать исторические или квазиисторические иллюстрации к этой теме.

Тойнби заранее лишает себя возможности плодотворного применения сравнительно-исторического метода, от-

¹ *Arnold J. Toynbee, The World and the West, p. 67—68.*

вергая основной, определяющий фактор для каждого общества, а именно его социально-экономическую структуру, и сваливая в одну кучу рабовладельческие, феодальные и капиталистические общества. Так, он берет за стандарт историю рабовладельческой «греко-римской» цивилизации и пользуется им при изучении феодального и буржуазного обществ «западной» цивилизации. При такой принципиальной неразборчивости сравнение может дать в результате лишь трюизм либо, как это принято у Тойнби, свестись к поверхностному сопоставлению явлений, лишь внешне отдаленно схожих, но в действительности имеющих совершенно разное значение в обществах разной социальной структуры. Особенно это относится к явлениям надстроечного характера, в частности к религиям, которые положены автором в основу определения «цивилизаций». И совершенно необоснованной является претензия Тойнби путем своего «метода» сравнений устанавливать общие законы развития цивилизаций, якобы позволяющие восстанавливать недостающие звенья в истории отдельных цивилизаций и предсказывать судьбу тех из них, которые еще не завершили своего цикла.

Метод сравнений является у Тойнби лишь одним из приемов квазинаучного прикрытия его «исторических» фантазий и пророчеств. В связь с ним можно поставить другой его прием, который можно назвать приемом «если бы». Он постоянно гадает о том, что было бы «если бы»... Если бы Италия в 1493 г. объединилась..., если бы Петр I принял католичество..., если бы Тимур напал вместо Ирана на Россию...¹ Тем самым Тойнби стремится представить исторический процесс как совокупность случайных событий, которые могли быть, а могли бы и не произойти. Но, если движение истории не определяется имманентными закономерностями, значит, могло бы случиться и так, что не было бы французской буржуазной революции и «старый порядок» дожил бы во Франции до нашего времени, или — что для Тойнби куда более важно — падение капиталистического мира вовсе необязательно... Таков политический смысл этих, казалось бы, невинных гаданий о том, что было бы.

¹ См. Э. А. Араб-оглы, *Философия истории* Арнольда Дж. Тойнби, «Вопросы философии» № 4, 1955 г., стр. 115, 116.

Историк судит о фактах, которые произошли; его дело — найти закономерности, объясняющие эти факты.

В фантастической поэме Тойнби, которую он назвал «Исследованием истории», «научный» метод сплошь и рядом оказывается лишь стилистическим приемом, а стилистический прием выступает как метод познания истины. Чтобы понять «методологию» Тойнби, необходимо остановиться на его стиле.

Стиль является одним из важнейших орудий Тойнби в его проповеди «нового» понимания истории. Тойнби, однако, совсем не стилист. Чудовищные размеры его главного труда, многословие, доходящее до болтливости, перегруженность мелочами и отступлениями, приложениями и примечаниями, цитатами и мудреными словечками уродуют его архитеконику. Тойнби терзает свой синтаксис, заставляя его нести непосильную нагрузку. Он писал, что современный язык неадекватен для выражения его мыслей¹. О нем говорили, что его английский язык с длинными периодами, нагромождением придаточных и вводных предложений похож на перевод с иностранного². Самые обычные слова он употребляет в необычном смысле... Недаром в нем видят сходство с Прустом и фрейдистами — мастерами замены смысла словесными вывертами. Несомненными его учителями по части словотворчества были также Шпенглер и Бергсон.

Рецензенты отмечали его риторический, почти апокалиптический стиль, его манерность, ненужное щегольство греческими или восточными терминами там, где был бы вполне уместен простой английский язык. Особенно все это относится к последним четырем томам. «Ужасный стиль (Frightful style!)»³, — восклицает его американский рецензент. И все-таки это тот стиль, который больше всего подходит к труду Тойнби. В простые и ясные слова невозможно было бы уложить запутанные, уклончивые, увертливые мысли Тойнби. В путанице стиля легко теряются противоречия и несообразности, которых так много у Тойнби. Расплывчатость и

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. VIII, p. 421.*

² *E. Barker, Dr. Toynbee's Study of History, «International Affairs», vol. 31, № 1, 1955, p. 8.*

³ «*American Historical Review*», vol. LX, № 4, July 1955, p. 852.

часто загадочность терминологии, злоупотребление метафорами, сравнениями и символами, литературными и мифологическими образами, бесчисленные цитаты и тексты «от писания» попеременно с квазинаучными словами — все это создает впечатление густого тумана, под покровом которого можно провести все, что угодно.

Тойнби и трудно и легко читать. Трудно, если смотреть на него, как на ученого, следить за его аргументацией, пытаться понять смысл его терминологии, проверять убедительность его выводов. Трудно потому, что аргументация его запутана или вовсе фантастична, терминология его едва ли ясна ему самому и выводы ни на чем не основаны. Один из его излюбленных приемов: наворотив десятки страниц примеров, обычно весьма сомнительных, идущих из разных стран и эпох, с отступлениями и экскурсами и многочисленными примечаниями, часто имеющими весьма отдаленное отношение к делу, он внезапно пишет: «как мы видели»... (as we have seen) — и считает свою цель достигнутой.

Другое дело, если принимать его писания как беллетристику, как легкое чтение. А для сочувствующего и доверчивого читателя сочинения Тойнби могут быть легким и занятным чтением. Как бывалый путешественник по векам и странам он рассказывает много любопытного (хотя, подобно многим путешественникам, не всегда достоверного). Он легко перескакивает с сюжета на сюжет, из века в век, с одного конца земли в другой: то расскажет анекдот о том, как в 1839 г. в Александрии родильный дом помещался в морском арсенале, то поразит неожиданным сравнением, развеселит острым словом, приведет эффектную цитату. Зачем задумываться над мудреными словами, можно их принять как они есть, от них остается в голове легкий туман, как от сигары или от рюмки вина... А в результате вдруг вытекает вывод, как будто твердо обоснованный наукой, раскрывающий перед читателем «новые» горизонты. И если Тойнби иногда пугает читателя, то все же в конце концов старается его утешить и успокоить. Насколько он приятнее сухих историков-специалистов, требующих от читателя напряженного внимания! Недаром его манеру письма часто сравнивали с дружеской болтовней у камина.

Тойнби гипнотизирует доверчивого читателя магией выбких слов, неясных образов и эмоций, легко скользья-

щих по поверхности сознания, и ведет его за собой туда, куда влечет и самого читателя. Трудный путь изучения истории заменен «творимой легендой». Правда, нелегко прочитать десять толстых томов. Но кто же из читателей Тойнби прочитал их все? Критики Тойнби выражают уверенность, что даже многие из самых ревностных почитателей Тойнби только полистали это колоссальное произведение¹. А некоторым профессиональным ученым импонируют бесчисленные и длиннейшие примечания и приложения, потрясающая эрудиция автора, и они не находят в себе решимости выступить против него.

Тойнби действует на своих ученых и неученых читателей своей смелостью и самоуверенностью. Правда, он говорит, что никому не навязывает своих взглядов, что они могут быть исправлены и изменены, но он никогда не прислушивался к голосу критики и ничего не изменял под ее влиянием.

Но своим шумным успехом Тойнби обязан не ученым-историкам, а читательской массе. Из кого же состоит эта «масса»? Кто составляет ту толпу, которая покупает и читает произведения Тойнби? К кому обращаются те журналисты, которые рекламируют Тойнби как гениального историка и провидца? Послушаем англичан и американцев, которые лучше знают читательскую массу своих стран. Оксфордский историк Л. Стоун полагает, что вся батарея учености Тойнби годится скорее для того, чтобы ослеплять невежд, чем для обогащения науки². Американский историк Кауфман называет Тойнби «одним из идолов нашего нового невежества (one of the idols of our new illiteracy)»³.

Конечно, ни рабочие, ни даже люди среднего достатка не читают и не покупают Тойнби. Его читателей надо искать в среде высших и средних слоев европейской и американской буржуазии, зараженных интеллектуальным снобизмом. Но что же могло так привлечь эту публику к Тойнби? Очевидно, не только его литературная манера. По-видимому, он пишет как раз то, что нравится его читателям. Здесь мы вплотную подошли к вопросу: что такое «тойнбизм»? Чего он хочет? Кому он нужен и

¹ «Toynbee and History», p. 73.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 315.

какую позицию занимает он в той великой борьбе, которая сотрясает мир в наши дни?

Сущность воззрений того или иного лица часто легче определяется тем, что он ненавидит, чем тем, что он любит. Положительная программа Тойнби несколько запутана. Но не подлежит никакому сомнению его резко враждебное отношение к материализму, к марксизму, к коммунизму. Тойнби сам не однажды заявлял, что его точка зрения противоположна теории исторического материализма¹.

Считая религию основой каждой цивилизации, видя в истории религий главное содержание истории человечества, Тойнби отводит материальному фактору совершенно второстепенное место. В развитии техники и власти человека над природой он склонен видеть скорее отрицательный факт. «Духовные достижения и материальные достижения представляют антитезу»². Тойнби не интересуется классовой структурой изображаемых им обществ. Его концепции органически чужда идея прогрессивной смены общественных формаций. Силясь представить «западную цивилизацию» как одно целое и считая ее сущностью «западное христианство», Тойнби не хочет видеть, что в Западной Европе (начиная с гибели римского рабовладельческого строя с его культурой) одна формация, феодальная, со своей культурой, сменилась другой, буржуазной, и складываются предпосылки третьей — социалистической.

Как уже было указано, это непонимание лишает всякого научного значения его метод «сравнительного» изучения цивилизаций.

В противоположность материалистическому пониманию истории Тойнби отрицает творческую роль народных масс. Эта роль, по его мнению, принадлежит только избранным — элите, классовый характер которой он вся-

¹ Например, в полемике с П. Гейлом («The Pattern of the Past», Boston 1949, p. 76).

² *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. VII, p. 701—703, со ссылками на евангелие, Шпенглера и Бердяева.*

чески затемняет. Цивилизация не только исходит от элиты, но ею может обладать только элита. Масса может лишь внешним образом приспособляться к цивилизации. Приобщение масс к культуре будто бы приводит к порче и развращению масс и к обеднению и бесплодию самой культуры.

Тойнби обходит вопрос о классовом характере отношений между «меньшинством» и «большинством». Он не хочет понять исторического значения борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Всякая революция возбуждает в нем страх. С отвращением говорит он о крестьянской войне XVI в. в Германии. Парижская коммуна для него — зловещий взрыв дикости в среде подонков парижского населения¹.

Разрешения социальных конфликтов надо, по его мнению, искать в духовном плане. Отказ народных масс от борьбы за свои права, «единение» их с эксплуатирующим меньшинством в духе мягкости (*Gentleness*) и «христианской любви» — это как раз то, что нужно современной буржуазии.

Вся концепция истории у Тойнби направлена против исторического материализма, раскрывающего отношения между классами. Он стремится как можно плотнее закрыть эти отношения идеалистическим, мифологическим, теологическим туманом. Игнорируя смену общественных формаций и выдвигая вместо этого круговорот цивилизаций, Тойнби включается в модную в современной буржуазной науке кампанию против идеи прогрессивного развития человечества. Даже в пределах каждой отдельной цивилизации он старается показать краткость периода роста и длительность периода упадка, дезинтеграции. Так, «брэкдаун» египетской цивилизации Тойнби относит приблизительно к 2424 г. до н. э., греко-римской — к 431 г., русской — к концу XI в. и т. д. Таким образом, большая часть истории каждой цивилизации представляется ему периодом дезинтеграции, упадка. Прогрессивное развитие он допускает лишь в истории религии, складывающейся на обломках цивилизаций. Но высшая точка «западного христианства» достигнута, по-видимому, в XI в. перед началом борьбы за инвестиру. И если «западной цивилизации» предназначается

¹ «Abridgement of vols. VII—X», p. 309.

не гибель, а вечное существование, то оно в общем рисуется как возвращение назад, как осуществление несколько подновленных идеалов Гильдебранда.

Исторический материализм отвергает ненаучную идею циклически повторяющихся цивилизаций, равно как и идею прямолинейно восходящего прогресса, создавшуюся в среде идеологов буржуазии в эпоху ее подъема. История сменяющих одна другую антагонистических формаций, переживающих эпохи зарождения, подъема, упадка и гибели, представляет в плане всемирной истории сложную восходящую «спиральную» линию от первобытнообщинного строя к социализму и коммунизму. Марксистское учение о смене общественных формаций страшно для современного буржуа: оно напоминает ему о грядущем смертном часе капиталистического строя. И он ищет убежища у призраков прошлого, выдуманного им самим.

Материализм рисуется Тойнби как своего рода «религия человечества» в противоположность «религии бога», как культ «человеческого муравейника», культ, который неизбежно приводит к полному порабощению человеческой личности возведенным в божество коллективом. Он не устает повторять, что «религия бога» обозначает свободу, «религия человечества» — рабство. Материализм связывается в его представлении с фаталистическим детерминизмом, не оставляющим в истории места свободной человеческой воле. Он видит в материализме измельчание и сужение духовной жизни, господство узкого практицизма, направленного исключительно на удовлетворение грубо-материальных потребностей. Тойнби решительно осуждает всякую философию или общественное движение, которые ставят своей целью благополучие (*well being*) человечества. Он негодует против всех, кто ставит в основу своего мировоззрения «гуманизм» — благо людей — на место бога¹. В нелепой диаграмме, приложенной к VII тому «*A Study of History*», он считает конечной целью (*objective*) материалистического мировоззрения «государство свиней» (конечной целью христианского, а также иудейского и мусульманского мировоззрений он считает «небо», целью эллинского и индийского — «нирвану») ².

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. IV, p. 302.*

² *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. VII, p. 772.*

Ему особенно ненавистен материализм, который нашел наиболее полное развитие в научном социализме, в преобразующем мир учении Маркса — Ленина. В этом учении Тойнби видит самую страшную угрозу тому обществу, к которому он принадлежит, которому он служит и которое он лишь изредка и невнятно решается назвать его настоящим именем — капитализм, предпочитая употреблять неясный и расплывчатый термин «западная цивилизация». Революционное учение коммунизма он считает «семенем сатаны». Всякое насильственное свержение существующего общественного строя кажется ему «сатанинским» делом. Сочувственно ссылаясь на слова Жозефа де Местра: «*La révolution est satanique dans son essence*» («Революция по своей сущности — дело сатаны»), он уверяет, что таково мнение всех «благомыслящих мужчин и женщин»¹. Сущность «сатаны» он видит именно в восстании против установленного порядка. Борьба двух общественных систем, двух мировоззрений переносится у Тойнби в область теологии и рассматривается как борьба двух мировых начал — духа и материи, бога и сатаны, зла и добра, свободы и рабства.

Если говорить о том, что наш автор ненавидит, то нельзя не вспомнить его нетерпимого отношения к патриотизму, к стремлению народов завоевать или сохранить свою независимость, к стремлению национальных государств сохранить свой суверенитет. В патриотизме Тойнби видит нечестивое перенесение на светское государство тех чувств преданности и самопожертвования, которые приличествуют только по отношению к церкви. Он с ужасом говорит о распространяющейся замене религии «примитивным языческим культом обожествленного человеческого общества, прикрытым именем патриотизма»². В патриотизме Тойнби готов видеть причину всех войн и раздоров, главного врага человеческого рода. Можно подумать, гневное обличение «национализма» и патриотизма вызвано тем, что идеалом Тойнби является объединение всех народов и государств в «одну братскую семью», в единое «вселенское государство» под управлением церкви. Но контекст, в котором обычно встречаются эти обличения, указывает на другие мотивы,

¹ *Arnold J. Toynbee, A Study of History, vol. V, p. 387.*

² «*Abridgement of vols. VII—X*», p. 98—99.

не столь отдаленного и возвышенного характера. Стремление национальных государств к сохранению своего суверенитета ненавистно Тойнби потому, что оно является препятствием к объединению «западного мира» в одно политическое целое под руководством США. Он поет в унисон с той пропагандой «отказа от государственного суверенитета» (или хотя бы от «части суверенитета»), пропагандой космополитизма, которая исходит и от госдепартамента, и от известных официальных и неофициальных кругов ряда западноевропейских стран, от вдохновителей НАТО и других подобных агрессивных организаций.

Тойнби встревожен и тем, что «вирус национализма» заразил и колониальные страны, что колониальные народы ведут упорную борьбу за независимость, добиваясь нередко значительных успехов. Впрочем, Тойнби исполнен благожелательности по отношению к цветным и колониальным народам и приветствует предоставление им самостоятельности в расчете на то, что они примкнут к «западному» или «западническому» миру, т. е. сами откажутся от своей самостоятельности, войдя в Багдадский пакт, в СЕАТО или в какое-либо другое объединение в таком роде.

Итак, что ненавидит Тойнби, против чего он борется? Говоря кратко, он выступает против передовой материалистической науки, против коммунизма, против права народов на самостоятельное существование.

Что же он любит, чего он хочет, к чему зовет?

Его историософская поэма посвящена больше всего прославлению бога и «высших религий».

Ко временам Боссюэ, если не Орозия и Августина, возвращает нас теологическая точка зрения, рассматривающая всемирную историю как некую космическую драму, действующими лицами которой являются бог, сотворивший людей, чтобы они могли достигнуть вечного блаженства, и люди, постоянно сбивающиеся с этого пути и несущие за это кару, причем божество может отменять свой приговор и миловать согрешивших людей, если они раскаются.

Возвращение к христианству и к другим «высшим» религиям — вот к чему зовет Тойнби, вот в чем он видит спасение «западной цивилизации» и всего человечества. Тойнби сам сознает, что все эти религии и, в частности,

христианство зародились в определенный исторический момент (в процессе дезинтеграции «вторичных» цивилизаций, думает он). Он сознает, что религии уже потеряли свою прежнюю власть над людьми (по крайней мере это относится к христианству как в западном, так и в «русском» варианте) и что современные общества («цивилизации третьей формации») не создали и не обещают пока создать ничего, что могло бы быть похоже на новую «универсальную» религию. Напротив, кажется ему, среди «пролетариата» (как он понимает это слово) распространяются материалистические учения. Казалось бы, даже становясь на точку зрения самого Тойнби, можно сделать вывод, что религии, как низшие, так и высшие, отжили свое время и что наступает эра материалистического мировоззрения. Но эта мысль ужасает Тойнби, и он все свои силы посвящает проповеди реставрации ушедших или уходящих в прошлое религиозных мировоззрений. С маниакальным упорством повторяет он нелепый и недоказуемый тезис, что религия — это духовная свобода.

История человечества свидетельствует о том, что религия и церковь стремились заковать человеческий дух в тяжкие цепи, а духовная свобода с тяжелыми жертвами отвоевывалась наукой в борьбе с религией. И здесь незабываемая заслуга принадлежит западной цивилизации, в том числе и ненавистным Тойнби эпохам Возрождения и Просвещения¹.

Тойнби хотел бы опять загнать людей в старую тюрьму духа, подремонтировав ее так, чтобы трудней было из нее вырваться.

С этой целью он пытается приручить непокорную науку, заставить забыть ее материалистическую основу, сделать ее «служанкой теологии». С наукой уже нельзя не считаться, и реставрацию религии приходится прикрывать квазинаучными фразами.

Мы видели, как бесцеремонно пытается Тойнби насиловать историческую науку. В этом отношении он не одинок. Это одно из модных течений в среде «нового невежества». Не только историческая наука, но и дости-

¹ Тойнби пробует доказать, что наука вела борьбу не против религии, а против элементов эллинской философии в учении христианства. Но это неудачная увертка. Против учения Коперника аргументировали не столько от Птолемея, сколько от Библии.

жения современного естествознания перетолковываются *ad maiorem gloriam dei*¹.

Надо, впрочем, сказать, что его дилетантская теология не удовлетворила испытанных специалистов и мастеров по части реставрации религии. Его писания получили широкий отклик в католической прессе. Католики в общем одобряют Тойнби за то, что он порвал с «секуляризированным» подходом к истории, признал существование личного бога, восстановил историческую роль религии, но осуждают его «релятивистское и рационалистическое» отношение к христианству. Они называют нечестивой его попытку рассматривать христианство как одну из «высших религий» и продукт эволюции предшествующих религий, а не как единственное откровение истины, и считают немислимым слияние христианства, ислама, буддизма и индуизма².

Кому и зачем нужна эта реставрация отмирающей религии? Ответ на это нетруден. Она нужна прежде всего тем, кто заинтересован в том, чтобы освятить авторитетом религии эксплуатацию человека человеком, эксплуатацию отсталых народов колонизаторами, кто жаждет крестового похода против стран, сбросивших с себя ярмо капитализма. Каковы бы ни были утопические картины и мистические видения будущего у Тойнби, его стремление к реставрации религии направлено также и на очень конкретные задачи сегодняшнего дня, стоящие перед капиталистическим миром: заковать умы трудящихся в старые испытанные цепи, отвлечь их обещаниями небесных благ от борьбы за лучшее будущее на земле и не на последнем месте — найти такое мировоззрение, которое можно было бы противопоставить учению марксизма-ленинизма и которого, как сознает сам Тойнби, не хватало у «Запада». Не надо быть пророком для

¹ Пример подал папа Пий XII, выступавший с докладами на темы вроде «О доказательствах существования бога в свете современных естественных наук» (см. «Вопросы философии» № 4, 1956 г., стр. 227; «Вопросы философии» № 3, 1957 г., стр. 72, и др.).

² *Linus Walker, Toynbee and Religion. A Catholic view*, «The Thomist», vol. 18, 1955; «Catholic Review», October 1956. Любопытные материалы об отношении католиков к его религиозным идеям даны Тойнби в приложениях к VII тому «A Study of History». Свою точку зрения на религию Тойнби излагает в курсе лекций, читавшихся им в Эдинбургском университете в 1952/53 г. Изданы особой книжкой «An Historian's Approach to Religion», London 1956.

того, чтобы предсказать, что попытка Тойнби имеет мало шансов на успех у народных масс, каков бы ни был успех его книг у буржуазных читателей, и что «западному», или, точнее, капиталистическому, миру в сфере идеологии по-прежнему нечего противопоставить марксизму и коммунизму.

Проповедь спасения человечества через возрождение религии тесно сплетена у Тойнби с вопросом о судьбах «западноевропейской цивилизации», которая якобы стала или становится мировой цивилизацией и история которой становится, по Тойнби, историей человечества. Вслед за Шпенглером Тойнби остро ставит вопрос о «закате Европы». Идеализируя западное средневековье, он самыми мрачными красками рисует тот общественный строй и «образ жизни», которые установились в западном и «западническом» (westernizing) мире начиная с конца XVII в. в результате отхода от религии и возобладания новых сил — «индустриализма» и «демократии», развитие которых, кажется ему, поставило западную цивилизацию на край гибели. Пожалуй, наиболее патетическими страницами в сочинениях Тойнби являются те, где он рисует кризис «западной» культуры и перечисляет все опасности, угрожающие ей как изнутри, в результате ее разложения, так и извне, под действием тех вирусов, которые она сама породила и передала в окружающий мир.

Тойнби по-своему обличает современный «западный» (капиталистический) мир, угрожает ему гибелью и уверяет, что его может спасти только чудо. Апологеты современного «западного образа жизни» с негодованием обвиняли его в том, что он злорадно подбирает каждый признак кризиса, отмечает каждое пятнышко на поверхности западной цивилизации и в то же время лишь мельком и нехотя упоминает о ее достижениях. Его обвиняли в богохульстве против западной цивилизации, в том, что он ее «плохой сын», что он к ней равнодушен, что она «ничто в его глазах». Ему бросали обвинение в пренебрежении к величайшим благам современности — «свободе и демократии». Другие шли еще дальше и уверяли, что Тойнби ненавидит «западную цивилизацию», что он жаждет ее гибели. Некоторые доходили до того, что считали его представителем «пятой колонны» внутри

западной цивилизации и в стиле самого Тойнби именовали его чуть ли не «ангелом сатаны»¹.

Можно ли признать эти обвинения заслуженными? Действительно ли Тойнби настроен враждебно (или хотя бы равнодушен) к «западной цивилизации» и желает ее гибели? Конечно, нет. Как пророк и провозвестник религиозного возрождения он громит погрязшую в грехе и пороках современность для того, чтобы тем спасительнее и привлекательнее показался проповедуемый им исход. Но обличения его крайне поверхностны.

Ему присуще широко распространенное в западном мире инстинктивное ощущение опасности, кризиса, надвигающейся гибели, но мало понятны действительные причины глубоких противоречий, раздирающих капиталистическую систему в эпоху империализма.

Видя причины всех бед в утрате религиозной основы, отводя социально-экономическим отношениям совершенно второстепенную роль, Тойнби фальсифицирует истинную природу капитализма, искажает смысл происходящей на его глазах смены двух общественно-экономических формаций.

Тойнби — верный и любящий сын «западной цивилизации», даже в ее современной форме; он больше всего думает о том, как бы ее спасти, и оптимистически верит в то, что она будет спасена божьим чудом и что ей принадлежит великое будущее в мировом плане.

Обличая некоторые пороки современного Запада, Тойнби остается верен «западной цивилизации». Его приверженность хорошо видна из его анализа современного ее положения и тех непосредственных задач, которые, как он считает, перед ней стоят. Борьба против коммунизма, против воображаемой «русской агрессии», против народно-освободительных движений колониальных народов и объединение западных и «западнических» стран в одно целое под господством США — вот, по его мнению, очередные задачи «западной цивилизации». Вот, оказывается, какому богу молится Тойнби.

Объединение мира под господством Америки, установление «Рах Америкапа» — вот в чем он видит спасение «западной цивилизации». И он спешит успокоить

¹ «Toynbee and History», p. 363, 368, 377 и др.; G. Hudson, Toynbee versus Gibbon, «The Twentieth Century», November 1954; «Encounter», July 1957, p. 26—27.

всех колеблющихся. Вопреки очевидным фактам он утверждает, что Америка вовсе не стремится к мировому господству. Она бескорыстна и великодушна, предоставляет помощь всем, кто в ней нуждается, даже побежденным врагам. Америка — всемирный благодетель. Правда, говорит Тойнби, благодетели редко встречают благодарность. Думается, что в данном случае Америке не приходится жаловаться на неблагодарность своего ученого апологета.

Из исторических фантазий Тойнби на тему о «западной цивилизации» получается очень конкретная программа на ближайшее время, программа, которая может вполне рассчитывать на одобрение таких «неофициальных» учреждений, как британский Институт международных отношений и Рокфеллеровский фонд.

Можно ли обвинять Тойнби в презрении к «свободе» и «демократии» как основам «западного образа жизни»? Тойнби не однажды отмечает, какой фальшью звучат эти слова в применении к западному обществу. Но нередко он и сам пробует использовать их для оправдания «Запада». Лучшее всего его отношение к демократии видно из теории «элиты», которая творит историю, и масс, уделом которых является лишь подражание, «*mitmesis*». Но не таков ли действительный характер «западной демократии»?

И ученые критики (П. Гейл) и журналисты из «*New York Times Magazine*» ставили перед Тойнби вопрос: пессимист он или оптимист? Тойнби решительно отводит от себя упрек в пессимизме. Ведь его концепция истории западной цивилизации и истории человечества в целом заканчивается торжественной панорамой царства божия на земле и на небе. И все же у читателя остается недоверие к его оптимизму. Уже зрелище вереницы похоронных процессий всех бывших на земле цивилизаций, кроме одной, включает в себе мало оптимистического. Но и для единственной «избранной» цивилизации Тойнби рисует не слишком оптимистические перспективы. Ведь «спасение» западной цивилизации и всего человечества ставится в зависимость от возрождения религии. Тойнби верит, что оно наступит. Но основания для такой веры очень шатки. Надо горячо молить бога, и бог услышит. А если молитва будет недостаточно горяча, и он не услышит? Тогда — гибель.

Тойнби оставляет своего «западного» читателя в состоянии колебаний между надеждой и отчаянием.

Его идеи пришлились как нельзя более кстати в той атмосфере неуверенности, страха, искания выхода и утешения, в которой живет значительная часть буржуазии Запада. В этой атмосфере рождается страх перед разумом, перед подлинной наукой, перед логикой истории. Испуганное сознание западного буржуа бросается в объятия иррационализма, веры, если перед ним мерцает обещание спасения. Историософия Тойнби, которая сначала томит страхами и колебаниями между неизбежностью гибели и надеждой на спасение, а в конце концов ищет разрешения всех вопросов в религии, в «общении с богом», как нельзя более подходит к настроениям тех кругов буржуазии Запада, которые ищут спасения в вере, особенно если она подкреплена авторитетом «науки». В ней некритическому буржуазному читателю нетрудно найти мысли и настроения, соответствующие его собственным. И все же, несмотря на провозглашение веры в возможность счастливого конца, опус Тойнби проникнут страхом перед опасностью, угрожающей «западной цивилизации», тревогой за ее судьбу, сознанием необходимости каких-то экстренных мер для ее спасения. Надежду приходится, по его мнению, возлагать главным образом на помощь свыше. Буржуазия действительно чувствует опасность, она мечется в поисках спасения. Эсхатологические¹ настроения широко разлиты в «западном мире»; они нашли достаточно четкое отражение и у Тойнби. Это настроения господствующего класса эпохи падения — не «цивилизации» в том путаном смысле, в каком употребляет это слово Тойнби, а общественно-экономической формации. И произведения Тойнби являются одним из признаков и показателей этого падения. Насколько буржуазная идеология была оптимистична в эру подъема капитализма, настолько она теряет былую веру в свое будущее в эпоху упадка².

Мы оптимистически уверены, что западную и мировую цивилизацию ждет не гибель, а переход на высшую ступень, но не на ту, о которой молит бога автор. Если

¹ Эсхатология (греч.) — мистическое ожидание конца мира.

² G. Hudson, *Toynbee versus Gibbon*, «The Twentieth Century», November 1954; Э. А. Араб-оглы, *Философия истории Арнольда Дж. Тойнби*, «Вопросы философии» № 4, 1955 г., стр. 120.

понимать под «западной цивилизацией» не то, что включает в это понятие Тойнби, а тот великий вклад, который западные народы внесли в сокровищницу человеческой культуры, то *эта* цивилизация действительно находится под угрозой, но угроза эта исходит не от мнимой «коммунистической агрессии», а совсем с другой стороны. Главная опасность для западной цивилизации исходит от господства монополистического капитализма. С этим связана гонка вооружений, угроза атомной войны, безумные планы всемирного господства, подавление демократических свобод, сокращение расходов на культурные нужды, гонение на свободную мысль, на науку, растление искусства, распространение всевозможных мистических и антинаучных доктрин.

Нет ничего более ложного, чем утверждение, будто «коммунистический мир» органически чужд и враждебен западной цивилизации. Народы тех стран, которые Тойнби именует «коммунистическими», включили и включают в свое культурное достояние все истинно ценное, что создано и создается западной наукой, философией, искусством, опытом борьбы народов за свободу и демократию. Но они решительно отбрасывают продукты гниения современной капиталистической «цивилизации», безразлично, выступают ли они в виде «новейших» теорий или в виде попыток воскрешения давно мертвых божков. И у западных народов найдется достаточно сил, чтобы преодолеть ту опасность, которая нависла над культурой Запада как результат загнивания капитализма. Но, конечно, прогрессивные силы Запада найдут выход не там, где его указывает профессор Тойнби.

КАК БУРЖУАЗНО-РЕАКЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ США ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ ИСТОРИЮ КАНУНА И НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л. П. БУДАШЕВ, В. И. ПОПОВ

В США издано и издается множество работ, имеющих целью фальсифицировать историю внешней политики США накануне и в период второй мировой войны, извратить внешнюю политику Советского Союза, подорвать его авторитет как стойкого борца за мир.

Сразу же после вступления США в войну, после нападения Японии на Пёрл-Харбор, от имени Белого дома, госдепартамента и конгресса были опубликованы многочисленные материалы, касающиеся политики США на Дальнем Востоке в канун второй мировой войны и в ее начальный период. В течение 1942—1943 гг. в официальном бюллетене госдепартамента систематически помещались статьи руководящих дипломатических работников по вопросам политики США на Дальнем Востоке¹. В 1943 г. госдепартаментом было издано несколько публикаций, касающихся внешней политики США на Дальнем Востоке в 1931—1941 гг.² Наиболее полной среди них является двухтомная публикация: «Документы, относящиеся к американско-японским отношениям, 1931—1941 гг.»³

¹ «Department of State Bulletin», vol. VI—VIII, Washington 1942—1943.

² «Peace and War. U. S. Foreign Policy 1931—1941», Washington 1943.

³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States with Japan. 1931—1941», Washington 1943.

В это издание наряду с документами включен обзор японо-американских отношений в период вашингтонских переговоров 1941 г. Составители обзора стремятся обелить политику американского империализма на Дальнем Востоке, обойти молчанием факты провокационного поощрения США японской агрессии и снять с правящих кругов США ответственность за распространение сферы второй мировой войны на Тихий океан. Документы, включенные в это издание, подобраны явно тенденциозно, с определенной целью подкрепить положения обзора о том, что причины и корни войны на Тихом океане объясняются лишь агрессивностью Японии.

Составители сборника поместили в него лишь избранные документы, утаив, например, значительную часть донесений американского посла в Токио Грю и советника посольства Думэна, являвшихся, как известно, виднейшими сторонниками и проводниками политики сговора с Японией за счет СССР и Китая¹.

Наиболее крупной послевоенной публикацией документов по вопросам политики США на Дальнем Востоке являются материалы «Объединенной комиссии конгресса по расследованию событий в Пёрл-Харборе». Эта комиссия опубликовала доклад о результатах своей работы на 580 страницах и в приложении к нему стенографические записи работы комиссии и различные документы, которых насчитывается 39 томов.

Составители этих трудов, вскрывая различные упущения в деятельности отдельных представителей верховного командования армии и флота, промахи и ошибки со стороны правительства и лично Рузвельта, скрывают истинный характер американской политики на Дальнем Востоке, они затушевывают роль американских монополий и вопреки исторической правде пытаются соответствующим подбором документов полностью реабилити-

¹ Так, например, в ходе расследования в конгрессе США событий в Пёрл-Харборе было установлено, что президент и Хэлл только в 1941 г. получили значительно больше донесений, чем их помещено в сборнике госдепартамента («Pearl Harbor Attack», part 20, p. 178—179). Сравнение помещенных документов с материалами, приводимыми в мемуарах Хэлла, и материалами, помещенными в отчетах Комиссии по расследованию событий в Пёрл-Харборе, показывает, что многие важнейшие документы даны с сокращениями, пропусками, в виде резюме и т. д., т. е. в явно фальсифицированном виде.

ровать экспансионистский курс США на Дальнем Востоке, доказать миролюбие американского империализма. Здесь, как и в ранее названном издании, делается попытка доказать, что война на Тихом океане явилась результатом агрессивной политики только японского империализма. Ряд важнейших документов о внешней политике США, о существовании которых можно судить по отрывочным свидетельствам публикации, умышленно скрыт издателями¹.

В 1948 г. госдепартамент США выпустил сборник «Советско-германские отношения в 1939—1941 гг.» Эта публикация была призвана создать «документальный фонд» низкопробных антисоветских произведений. Она представляла собой сборник донесений и различных записей из дневников гитлеровских дипломатических чиновников. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в опубликованный сборник оказались включенными лишь материалы, относящиеся к 1939—1941 гг., в то время как материалы, относящиеся к предшествующим годам и, в частности, к мюнхенскому периоду в сборник государственным департаментом включены не были. Цель публикации госдепартамента заключалась не в том, чтобы дать объективное изложение исторических событий, а в том, чтобы «искажить действительную картину событий, оболгать Советский Союз, оклеветать его и ослабить международное влияние Советского Союза как подлинно демократического и стойкого борца против агрессивных и антидемократических сил»².

Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории» и публикация германских документов, осуществленные в 1948 г. МИДом СССР, восстановили историческую правду относительно событий кануна войны, вскрыли истинные причины появления на свет этой публикации госдепартамента.

С 1949 г. госдепартамент США начал издание трофейных документов германского МИДа под наименова-

¹ Мы ограничиваемся здесь этими данными, поскольку настоящая статья не преследует цели дать полный разбор документов. Авторы поставили своей задачей рассмотреть некоторые наиболее известные мемуарные и главным образом исторические работы, появившиеся в последние годы в США и освещающие канун и начало второй мировой войны.

² «Фальсификаторы истории» (историческая справка), М. 1948, стр. 5.

нием «Документы германской внешней политики, 1918—1945 гг. Из архивов германского МИДа»¹. Одновременно Форейн-оффис начал издание документов из своих архивов «Документы внешней политики Великобритании 1919—1939 гг.»² Фальсификаторский и тенденциозный характер этих изданий был раскрыт в советской исторической литературе³.

Внешняя политика США того времени находит освещение в мемуарах американских руководящих политических деятелей, среди которых особое значение имеют мемуары Хэлла, Грю и Уэллеса. Авторы этих мемуаров — непосредственные вдохновители и проводники империалистической политики США того времени. Они пытаются оправдать предвоенную политику США, снять с американских руководящих кругов ответственность за поощрение германской и японской агрессии.

Однако этим не исчерпываются задачи издания мемуаров. Они, как и все другие работы американских историков, имеют целью дать извращенное представление о действительном характере внешней политики СССР в эти годы.

Личные свидетельства руководителей внешней политики США должны были подкрепить предпринятые публикации документов и явиться известной основой для дальнейших «научных исследований» американских историков.

В 1948 г. были опубликованы два тома мемуаров государственного секретаря США Корделла Хэлла⁴. Значительная часть их посвящена кануну и начальному периоду второй мировой войны. Хэлл пытается доказать, будто США перед второй мировой войной стремились к предотвращению войны в Европе и на Дальнем Востоке, что ответственность за развязывание второй мировой войны ложится лишь на германских и японских империалистов, которые сорвали миролюбивые усилия американской дипломатии. В мемуарах делаются

¹ «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945», Series D. (1937—1945), vol. I—VIII, Washington.

² «Documents on British Foreign Policy», Third Series, vol. I—IX, London.

³ См., например, статьи в журнале «Вопросы истории» № 7, 1950 г.; «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. VII, № 2 и 6, 1950 г.; «Международная жизнь» № 2, 1954 г., и др.

⁴ C. Hull, The Memoirs, vol. I—II, New York 1948.

попытки бросить тень на внешнюю политику Советского Союза, особенно в период, предшествовавший началу Великой Отечественной войны Советского Союза.

Мемуары бывшего американского посла в Японии Джозефа Грю, вышедшие в 1944 г., представляют собой также грубую фальсификацию исторических событий. Они охватывают десять лет — с захвата Японией Маньчжурии и кончая нападением японского флота на Пёрл-Харбор. Грю — профессиональный американский дипломат, один из наиболее типичных выразителей политики «умиротворения», т. е. политики поощрения германской и японской агрессии.

В своей книге он неизменно подчеркивает одну и ту же реакционную концепцию: необходимость поддержки империалистической Японии для борьбы против СССР и национально-освободительного движения народов Азии. Политику сговора с Японией, или, как ее тогда называли, политику «умиротворения» агрессора, он называет «конструктивным примирением» с Японией¹. Эту политику сговора с Японией он стремится представить в качестве единственно правильной политики, которая реально могла бы обеспечить прочный мир на Дальнем Востоке в случае ее последовательного проведения. В подтверждение этой фальсификаторской версии Грю ссылается на то, что так называемые умеренные представители правящих кругов Японии якобы искренне стремились к миру с США².

В мемуарах приводится ряд фактов, свидетельствующих о том, что Грю делал многочисленные конкретные предложения правительству США о предоставлении уступок Японии за счет СССР и Китая и прилагал немало усилий с целью достигнуть империалистической сделки с Японией. Причину провала этой политики Грю видит в том, что правительству США не удалось достичь сговора с «умеренными» кругами и удержать их у власти, что, по его мнению, должно было предотвратить японо-американское вооруженное столкновение. Грю считает ошибкой, что США недостаточно последовательно шли на уступки Японии и временами оказывали давление на японского империалистического кон-

¹ J. Grew, Ten Years in Japan, New York 1944.

² Там же, стр. 360, 365, 386.

курента¹. В своей практической деятельности Грю неизменно призывал к «конструктивному примирению» с японским агрессором в целях использования его против СССР.

Ту же цель — представить в выгодном свете политику США и очернить Советский Союз — преследуют и мемуары Роберта Шервуда «Рузвельт и Гопкинс»². Р. Шервуд — американский журналист, хорошо знакомый с внешней политикой США в период президента Рузвельта. Р. Шервуд стремится скрыть корыстные цели, которые США преследовали накануне и в период второй мировой войны. Преувеличивая роль Рузвельта в борьбе против фашизма, стремясь представить его как защитника свободы народов, Шервуд вместе с тем искажает позицию Советского Союза и его миролюбивую политику. Вопреки исторической справедливости он называет Советский Союз агрессором, напавшим в 1939 г. на Польшу и Финляндию. Шервуд игнорирует тот широко известный факт, что Советский Союз спас население Западной Белоруссии и Западной Украины от порабощения его фашистской Германией и физического истребления, что правящие круги Финляндии, подстрекаемые империалистами Англии, Франции и США, вопреки интересам страны бросили свой народ в войну против СССР.

Большое внимание уделяет Р. Шервуд внешней политике СССР и советско-американским отношениям в период Великой Отечественной войны. В этой части книги он стремится преуменьшить роль и значение участия Советского Союза в деле разгрома германского фашизма и японского милитаризма³.

Задачам оправдания предвоенного курса внешней политики США посвящены мемуары и ряда других видных политических и военных деятелей США: сюда относятся воспоминания бывшего военного министра Стим-

¹ «Grew Ten Years in Japan», p. 355, и др.

² The White House Papers of Harry L. Hopkins, An Intimate History by Robert E. Sherwood, vol. I—II, London 1948; Роберт Шервуд, Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. I—II, М. 1958.

³ Вместе с тем нельзя не отметить, что, будучи хорошо информированным, Р. Шервуд сообщает значительное число фактов, приводит большое количество документов, что делает книгу небезыntересной и для советского читателя.

сона¹, одного из активнейших сторонников агрессоров в Европе и Азии — сенатора Ванденберга², активного проводника политики «умиротворения» Самнера Уэллеса³ и др.

После второй мировой войны в работах отдельных, наиболее агрессивно настроенных авторов открыто стала отражаться захватническая политика империалистов США.

Представители так называемой новой школы стремятся с реакционных позиций пересмотреть историю внешней политики США и международных отношений. В их числе следует отметить Ч. Бирда, а также Г. Моргенштерна, Ч. Тэнсилла, К. Рида, В. Ньюмана. Не давая научного объяснения фактам внешней политики США в 30-х годах и причинам возникновения второй мировой войны, представители этой школы клеветают на внешнюю политику Советского Союза, открыто осуждают совместную борьбу СССР и США против фашистской Германии во время второй мировой войны, объявляя союз между ними ненужным и даже вредным для США.

Однако жизнь показывает, что такие откровенно экспансионистские идеи не пользуются популярностью, и поэтому американские империалисты считают более рациональным рядиться в тогу борцов за мир и безопасность народов.

Большинство американских фальсификаторов стремятся обосновать в своих работах тезис о «миролюбии» политики США накануне второй мировой войны, доказать, что политика, проводимая правительством США в тот период, была единственно правильной. Такую попытку предпринял, в частности, бывший посол США в СССР Джордж Кеннан.

В 1951 г. Д. Ф. Кеннаном была опубликована книга «Американская дипломатия 1900—1950 гг.»⁴ С одной стороны, цель этого труда заключается в том, чтобы представить внешнюю политику США миролюбивой и

¹ *H. Stimson and Bundy McGregor, On Active Service in Peace and War, New York 1948.*

² «*The Private Papers of Senator Vandenberg*», Boston 1952.

³ *S. Welles, The Time for Decision, New York — London 1944.*

⁴ *G. F. Kennan, American Diplomacy 1900—1950, Chicago 1951.*

Подробнее о книге Кеннана и о нем самом см. в обстоятельной рецензии В. Михайлова в журнале «Коммунист» № 22, 1952 г.

демократической, с другой стороны, извлечь из фальсифицированной им истории внешней политики США такие «уроки», которые могли бы оправдать нынешнюю политику американских правящих кругов.

Он сделал попытку доказать, будто правящие круги западных государств, в том числе и США, в 30-х годах отнюдь не хотели войны в Европе, даже войны между фашистской Германией и Советским Союзом.

В доказательство этого он пишет: «Было совершенно ясно, что война между нацистами и русскими коммунистами могла вестись лишь над повергнутыми ниц малыми государствами Восточной Европы. А, несмотря на мюнхенскую трагедию, никто не хотел исчезновения независимости этих восточноевропейских государств». И далее. «Если для этого и нет других доказательств, то во всяком случае остается фактом, что Франция и Англия вступили в конечном счете в войну в 1939 г. ради независимости Польши»¹.

Но кому не известно, что Англия и Франция объявили войну Германии совсем не ради защиты Польши, а исходя из своих собственных корыстных интересов, что наступление фашистской Германии на позиции Англии и Франции вынудило их вступить в войну. Кому не известно, что Англия и Франция вопреки торжественным гарантиям бросили Польшу на произвол судьбы, не оказали ей в тяжелые сентябрьские дни никакой помощи, позволили гитлеровским армиям беспрепятственно разгромить польские вооруженные силы и захватить Польшу? Чего стоят после этого все разговоры о защите малых государств? Чего стоит после этого тезис о «миролюбии» внешней политики западных держав?

Кеннан перед лицом фактов вынужден с некоторыми оговорками признать, что политика западных держав накануне войны имела целью натравить Германию на СССР. Он подчеркивает, что Советский Союз неоднократно указывал на такой характер политики западных держав. Кеннан считает, что некоторые действия политических руководителей западных держав «дают основания для таких обвинений»².

¹ G. F. Kennan, *American Diplomacy 1900—1950*, p. 76.

² Там же.

В 1958 г. Кеннан опубликовал книгу «Россия, атом и Запад», которая представляла собой переработанный для печати курс лек-

С тех же позиций, что и работа Кеннана, написаны книги Лэнжера и Глисона «Вызов изоляционизму» и «Необъявленная война»¹.

Хотя авторы и утверждают, что «никто в госдепартаменте не сделал ни малейшей попытки повлиять на их взгляды и выводы», тем не менее они сами вынуждены признать, что сотрудники госдепартамента принимали

ций, прочитанных им в Англии по радиостанции Британской радиовещательной компании в конце 1957 г.

Выступая в качестве сторонника политики «сдерживания», являющейся разновидностью пресловутой политики «с позиции силы», Кеннан вместе с тем в некоторых случаях реалистически оценивает внешнюю политику Советского Союза. Он выступил против оснащения стран Западной Европы атомным оружием, за отвод вооруженных сил великих держав из Центральной Европы, за переговоры с СССР и более внимательное отношение к советским предложениям.

¹ *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, New York 1952; «The Undeclared War, 1940—1941», New York 1953.*

Опубликованные книги представляют собой первые части работы по истории внешней политики США накануне и во время второй мировой войны. Первая часть работы под названием «Вызов изоляционизму» посвящена событиям 1937—1940 гг.; вторая часть работы, охватывающая период по декабрь 1941 г., под названием «Необъявленная война» опубликована в 1953 г. Всего выйдет три или четыре тома, которые охватят историю внешней политики США до 1945 г. Авторы этих работ занимали видные государственные посты: Лэнжер являлся начальником отдела исследований Центрального разведывательного управления США, Глисон — помощником секретаря Национального совета безопасности. Упомянутые книги были выпущены так называемым Советом по иностранным отношениям, который получает значительную субсидию из фонда Рокфеллера. В их распоряжение были переданы фонды Слоана, президента «General Motors», документальные материалы госдепартамента, в частности переписка государственного секретаря Хэлла с американскими послами, с Рузвельтом, записи бесед Рузвельта, Хэлла и многих руководящих чиновников госдепартамента с иностранными дипломатами, переписка с другими ведомствами и т. д. Им было разрешено также ознакомиться с архивами военного и морского министерств, с личными бумагами Рузвельта, с неопубликованным дневником бывшего посла США в Японии Джозефа Грю, с дневниками и бумагами бывшего помощника государственного секретаря Адольфа Берла, дневником министра финансов Моргентхау, военного министра Стимсона и ряда других крупных американских политических деятелей, некоторыми письмами морского министра Фр. Нокса, архивами генерал-майора Доннавана и всеми другими материалами, которые касались американской внешней политики. Авторы широко использовали материалы международных военных трибуналов, судивших германских и японских военных преступников, равно как и опубликованные материалы по вопросам международных отношений.

непосредственное участие в подготовке книги, «помогая,— как они пишут,— давая информацию или совет»¹. Среди этих «помогавших» и «дававших советы» были Джордж Ф. Кеннан, затем Чарлз Болен, Аллен Даллес и др. Рукопись книги была проверена госдепартаментом США².

Основной лейтмотив книги Лэнжера и Глисона, так же как и Хэлла и Кеннана, сводится к тому, что американское правительство вело миролюбивую и демократическую внешнюю политику, содействовало Англии и Франции в проведении хотя и непоследовательной, но все же политики сопротивления агрессии.

Лэнжер и Глисон утверждают, что в начале второй мировой войны США, дескать, «поняли свою роль» в достижении окончательной победы и «хотя неохотно и с прискорбием», но отказались от политики изоляционизма и вступили на путь принятия любых мер, необходимых для разгрома Гитлера и его союзников.

10 июня 1940 г. президент США заявил, что США предполагают поддерживать Великобританию в войне. Это будто бы и положило окончательно предел политике «изоляционизма». Авторы, жонглируя одними фактами, скрывая другие, стремятся доказать, что и в первый период (до середины 1940 г.) правящие круги США вели некоторую борьбу с изоляционизмом, но борьба эта была трудной и не всегда успешной. За этот неуспех, по мнению авторов, целиком ответствен американский народ, который, как пишут они, «не хотел быть втянутым в европейскую войну», и в связи с этим правительство Рузвельта, «борясь с агрессией, не могло принять более действенных мер против агрессии».

Попытки прикрыть отказ от политики коллективной безопасности ссылкой на отрицательное отношение к ней американского народа представляют собой разновидность гнилой теории об ответственности трудящихся масс за империалистическую внешнюю политику буржуазных государств, что в свою очередь имеет своей целью снять ответственность с господствующих классов.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation*, 1937—1940, p. XIII.

² Там же, стр. XIV.

Эта «теория» не выдерживает никакой критики: фактический материал, приводимый американскими историками, начисто опровергает выставляемый ими же тезис.

Касаясь японской агрессии в Китае, Лэнжер и Глисон, например, вынуждены констатировать: «Вполне вероятно, что положительное действие (для отпора японской агрессии.— Л. К. и В. П.) в то время было бы одобрено американским общественным мнением, и тем самым можно было бы обеспечить систему коллективной безопасности»¹. И далее: «Американское общественное мнение, поскольку оно интересовалось международными событиями, вообще имело тенденцию энергично реагировать против агрессивной политики фашистских государств»².

Второй том их работы под названием «Необъявленная война»³ посвящен истории международных отношений и внешней политики США в 1940—1941 гг. и доводится до нападения Японии на Пёрл-Харбор и вступления Соединенных Штатов Америки в войну против Японии и Германии.

Эта работа получила положительную оценку в английской и американской печати. Так, журнал «*Current History*» называет «Необъявленную войну» выдающимся научным трудом, необходимым всем, кто изучает вопрос вступления США во вторую мировую войну⁴. Журнал «*The United States Quarterly Book Review*» считает, что «всякий, кто стремится понять сущность американской политики за тот период, просто обязан прочитать этот труд, так как он охватывает огромный материал, показывает соотношение сил и объективен»⁵. Другой журнал «*The Annals of the American Academy of Political and Social Science*» считает, что «эта работа близка к тому, чтобы стать последним словом науки»⁶.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 15.

² Там же, стр. 12.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, New-York 1953.

⁴ «*Current History*», vol. 25, № 146, October 1953, p. 251.

⁵ «*The United States Quarterly Book Review*», vol. 10, № 1, March 1954, p. 30.

⁶ «*The Annals of the American Academy of Political and Social Science*», Philadelphia, May 1954, p. 164.

Положительный отзыв получила эта книга и в английской буржуазной печати¹. Работа авторов была широко субсидирована Рокфеллером и Слоуном². Им был представлен самый широкий доступ к государственным архивам³.

Освещение внешней политики США дается в книге в том же плане, что и в документальных публикациях, изданных госдепартаментом во время войны и в послевоенный период. Лэнжер и Глисон проводят мысль, что уже в 1940—1941 гг. США вели политику «активного участия Америки в европейском конфликте на стороне Англии»⁴, что это была война США против Германии, хотя война и необъявленная, и что нападение на Пёрл-Харбор и объявление Соединенным Штатам Америки войны Германией сделали эту войну официальной⁵.

Летом 1940 г. США продали Англии 50 старых миноносцев, получив взамен важные стратегические базы во владениях Англии, расположенных на американском континенте. Это была империалистическая сделка, направленная на то, чтобы поставить Англию в зависимость от США. Авторы предпочли не говорить об этом, подчеркнув лишь, что «после соглашения о миноносцах американский нейтралитет был лишь формальностью и

¹ «Spectator», 15.I.1954, № 6551, p. 77—78; «Times Literary Supplement», 28.I.1954, p. 68; «The Annals of the American Academy», May 1954, p. 164.

² Фонд Рокфеллера предоставил авторам 139 тыс. долл., а фонд Слоуна — 10 тыс. долл.

³ Даже буржуазная английская печать обратила внимание на то, что специально избранным госдепартаментом историкам предоставляются материалы, которые закрыты для всех остальных, и никто другой не может проверить, насколько добросовестно они используют эти материалы. «The Times Literary Supplement» писал по этому поводу: «Можно серьезно возражать против системы, при которой привилегированный доступ к официальным документам предоставляется избранным историкам, поскольку никакой другой историк не в состоянии проследить за их выбором материала, подвергнуть критике или поставить под сомнение то, как они понимают его» (January 1954, № 2712, p. 68). Даже такой видный американский реакционный историк, как Чарльз Бирд, не был допущен к документам архива государственного департамента и протестовал против того, что американские власти многих историков не допускают в архивы. («American Political Science Review», vol. XVII, April 1948).

⁴ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. XXII.

⁵ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 941.

США определенно примкнули к сопротивлению нацистской агрессии»¹. В конце декабря 1940 г. правящие круги США объявили, что Штаты становятся невоюющим союзником Англии. Лэнжер и Глисон хотят доказать, что США уже тогда были воюющим союзником Англии. Для чего понадобилась авторам подобная фальсификация?

Она понадобилась авторам для того, чтобы преувеличить роль США во второй мировой войне, поднять их престиж и значение, представить дело так, что будто бы Соединенные Штаты чуть ли не с первых месяцев войны принимали в ней активное участие и внесли огромный вклад в дело победы над фашизмом. В заключительных фразах книги², подводя итог своему исследованию, Лэнжер и Глисон утверждают, что якобы народы мира просили США взять на себя руководство борьбой против фашистской агрессии, что США являлись вдохновителем и организатором Объединенных наций. Мы, однако, не встречаем в книге ни одного слова о том, что как до, так и после вступления США в войну общепризнанным лидером антифашистской освободительной борьбы народов являлся Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны.

Положение авторов о руководящей роли США призвано также прикрыть попытки закулисного сговора американских монополий с гитлеровской кликой, которые в это время имели место.

Известно, например, что параллельно с переговорами между Гессом и Саймоном в мае 1941 г. о разделе сфер влияния и о совместной борьбе против Советского Союза проходили и закулисные переговоры американских монополий с гитлеровцами. Такого рода переговоры вели в апреле 1941 г. с сотрудниками Риббентропа американский бизнесмен Столфорт, а затем президент Банка международных расчетов Томас Маккитрик с Ялмаром Шахтом.

Однако авторы, несмотря на имевшиеся в их распоряжении многочисленные документы госдепартамента, уклонились от рассмотрения непосредственных отношений между США и Германией в изучаемый период.

¹ *W.L. Langer and S. E. Gleason, The Undeclared War, 1940—1941*, стр. 2.

² Там же, стр. 941.

Автор другой работы, изданной в США («Американо-русские отношения»), В. А. Вильямс — профессор истории Висконсинского университета. В его распоряжение были предоставлены документы национального архива США (с 1890 по 1935 г.), в том числе бумаги госдепартамента, военного министерства, архив американского Красного Креста и частные архивы, корреспонденции и интервью Дж. Кеннана, В. Буллита и др. Большую помощь автору, как он сам отмечает в предисловии, оказал Комитет исследований Висконсинского университета.

В аннотации к указанной книге издательство пишет, что Вильямс — объективный автор, что он не выступает апологетом внешней политики США и даже критикует позицию Хэлла.

Все это нужно, для того чтобы показать научную объективность и «достоверность» выводов, к которым приходит автор. Главный вывод его исследования состоит в том, что «проблемы, которые являются препятствием для сближения двух стран — США и СССР — в настоящее время, существовали всегда» и, следовательно, трения между этими странами неизбежны. Эта мысль перекликается с «исследованием» Кеннана, который утверждал, что «Соединенные Штаты не могут рассчитывать в обозримом будущем на политику близости с Советским Союзом. Они должны продолжать рассматривать Советский Союз как противника, а не как партнера на политической арене».

Нет необходимости подробно останавливаться на необоснованности выводов Вильямса, Кеннана и др. об исторической обусловленности вражды между СССР и США. Руководители Советского правительства многократно подчеркивали, что нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем, на основе взаимной договоренности между СССР и США. Интересы безопасности обоих государств, как и международной безопасности, могут быть обеспечены на базе нормальных отношений между обеими странами¹.

¹ Нельзя не отметить, что профессор В. А. Вильямс в настоящее время в известной степени пересматривает свои взгляды и все чаще критикует американскую внешнюю политику и ее недалекость.

В 1959 г. Вильямс опубликовал книгу «Трагедия американской дипломатии», в которой он пишет о банкротстве американской внешней по-

Реакционные американские историки критикуют правительство Рузвельта за неспособность достичь в 30-е годы соглашения с агрессорами — фашистской Германией и Японией.

В частности, чикагский журналист Моргенштерн, один из виднейших американских историков Чарлз Бирд, историк Тэнсилл обвиняют Рузвельта и Хэлла в том, что они якобы недостаточно энергично и последовательно проводили политику «умиротворения» и сговора с агрессором, считают грубейшей ошибкой американского правительства его участие в войне на стороне антифашистской коалиции.

Один из представителей этой группы — профессор истории Джорджтаунского университета Чарлз Тэнсилл в 1952 г. написал книгу «Война пришла с черного хода», представляющую собой обзор внешней политики правительства Рузвельта (1933—1941 гг.)¹. Позднее этот историк написал еще две главы для книги «Вечная война за вечный мир», являющейся коллективным трудом ряда американских историков и публицистов — сторонников изоляционизма².

Тэнсилл выступает сторонником прямого антисоветского сговора между фашистскими странами и так называемыми западными демократиями. Критикуя Рузвельта, он утверждает, что американский президент про-

литики и призывает проводить новую политику, основанную на принципе мирного сосуществования.

Сделав обзор внешней политики США в XX в., профессор Вильямс приходит к выводу, что ее основным мотивом было стремление господствующих экономических группировок содействовать процветанию «путем расширения американской империи и навязывания воли Соединенных Штатов всему основному миру». Отмечая, что в прошлом эта политика будто имела значительный успех, американский историк подчеркивает, что ныне, в условиях роста мощи Советского Союза, она является непригодной.

В. А. Вильямс пишет о кризисе американской дипломатии и объясняет его тем, что творцы американской политики не смогли правильно определить силу Советского Союза и не поняли революционного подъема в колониальном мире. Он предупреждает, что такой курс внешней политики США, по всей вероятности, приведет к изоляции Соединенных Штатов.

¹ *Ch. Tansill, Back Door to War. Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941, Chicago 1952.*

² *H. Barnes, (ed.), Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and its Aftermath, New York 1953.*

воцировал Германию на объявление войны Соединенным Штатам. Тэнсилл считает, что все старания гитлеровской дипломатии добиться сближения между Германией и США не дали результатов не в силу острых противоречий между двумя странами и не в силу антифашистских настроений в американском народе, как это было на самом деле, а будто бы из-за... враждебного отношения Рузвельта к Германии. Тэнсилл критикует также и правительства Англии и Франции за то, что они не смогли предотвратить войну с Германией и не пошли для этого на уступки гитлеровцам за счет Польши, хотя, как известно, Англия и Франция были готовы предать Польшу, выдав ее на растерзание гитлеровской Германии при условии заключения приемлемого для них соглашения с Германией.

Тэнсилл открыто защищает японскую агрессию, изображая политику Коноэ и Тодзио как политику мира и высказывая явное сожаление о том, что США не удалось достигнуть в 1938—1939 гг. сговора с Японией и Германией. Тэнсилл сводит все развитие исторических событий к деятельности отдельных представителей правящих кругов, объясняя тот или иной поворот в истории поведением и ошибками отдельных политических деятелей.

В основе этих идеалистических взглядов на исторический процесс лежат поверхностные явления общественной жизни и совершенно игнорируются действительные, определяющие и движущие силы истории.

Преувеличивая роль отдельных личностей в истории, американские буржуазные историки тем самым отвергают историческую закономерность, пытаются снять ответственность с эксплуататорских классов и правящих групп США и Японии за развязывание войны.

Большое внимание американские историки уделяют политике США на Дальнем Востоке накануне войны. Сокрушительный провал американской политики «умиротворения» Японии, нашедшей выражение в беспрецедентном в истории США поражении их флота в Пёрл-Харборе, вызвал огромное возмущение американского народа, стремление выявить виновников этой катастрофы. В связи с этим авторы ряда исторических работ пытаются реабилитировать политику американского империализма на Дальнем Востоке накануне и в на-

чале второй мировой войны, доказать, что политика США была направлена на обеспечение мира на Дальнем Востоке, что она мешала разворачиванию агрессии Японии в отношении других стран. Так, например, Лэнжер и Глисон в упоминавшейся работе утверждают, что политика поддержки японских империалистов (поставка нефти, стального лома и других стратегических материалов) якобы являлась фактором, способствовавшим отсрочке войны на Дальнем Востоке и подготовке США и других стран к отпору агрессии.

С целью придать своим работам видимость объективности некоторые буржуазные историки вынуждены признать, хотя и с различными оговорками, ряд общеизвестных исторических фактов. Слишком очевиден и бесспорен провокационный характер американской политики поощрения японской агрессии. Известный специалист по вопросам Дальнего Востока Биссон в своей книге «Дальневосточная политика Америки» писал, что «в американских правящих кругах с недовольством смотрели на обширные захваты японцев в Китае. Однако они не желали уничтожать военную мощь Японии, а стремились сохранить ее в качестве противовеса Советскому Союзу»¹.

Признав это, Биссон в то же время пытается убедить читателя, что подобные провокационные планы вынашивались лишь «в некоторых кругах» и что правительство США не желало идти на соглашение с Японией на базе антисоветского сговора.

Другой специалист по Дальнему Востоку — реакционер Тейлор в книге «Америка на новом Тихом океане» также признает, что «США не стремились слишком ослабить Японию, учитывая существование Советского Союза и надеясь своим маневрированием привести эти две страны к вооруженному столкновению»². Однако тут же Тейлор оговаривается, что эта политика на практике не проводилась и существовала лишь в «теории».

Ряд историков (например, Раух в книге «От Мюнхена до Пёрл-Харбора», Бейли в «Дипломатической истории американского народа»³ и др.) стремится до-

¹ Т. А. Bisson, *America's Far Eastern Policy*, New York 1945, p. 124.

² G. E. Taylor, *America in the New Pacific*, New York 1943, p. 154.

³ Th. A. Bailey, *A Diplomatic History of the American People*, New York 1950.

казать, что тенденция к «умиротворению» Японии не имела существенного влияния на дальневосточную политику США в тот период. Они преувеличивают значение половинчатых мер США против Японии, таких, как декларативное заявление Рузвельта об организации «карантина» против агрессоров, сокращение американского экспорта стратегических материалов и сырья в Японию и др.

Эта группа историков стремится выдать правительство США за принципиального противника японской агрессии и защитника интересов Китая и других тихоокеанских стран.

Следует отметить, что ряд историков, говоря о политике США на Дальнем Востоке, пытается доказать ее оборонительный, справедливый характер. Авторы книг, придерживающиеся этой точки зрения, сосредотачивают все внимание на вытеснении США с их дальневосточных позиций в предвоенный период. Они изображают США в роли пострадавшей стороны, вынужденной под нажимом Японии отказаться от своих «законных» прав и сфер влияния в Китае и в других странах Азии. Так, например, Биссон рассматривает всю дальневосточную политику США как оборонительную, означавшую «уступки, сдачу позиций и компромиссы»¹. Эта «теория» по существу направлена на реабилитацию американского империализма, на доказательство прав США на эксплуатацию колоний и зависимых стран на Дальнем Востоке, на то, чтобы скрыть широкие экспансионистские устремления американского империализма, скрыть планы натравливания Японии на СССР.

Группа американских историков (Моргенштерн, Чарлз Бирд и др.), как мы указывали, критикует внешнюю политику правительства Рузвельта на Дальнем Востоке с крайне реакционных позиций. Так, Моргенштерн сваливает все неудачи американской внешней политики лично на Рузвельта и открыто сожалеет о провале политики «умиротворения» и о разгроме Германии и Японии².

Бирд в своей работе «Президент Рузвельт и приближение войны 1941 г.» стремится доказать, что имелась полная возможность соглашения между двумя капита-

¹ Т. А. Bisson, *America's Far Eastern Policy*, p. 3.

² G. Morgenthorn, *Pearl Harbor*, New York 1947, p. 11, 110, 130.

листическими странами о разделе сфер влияния в Тихом океане и Азии и что главная вина Рузвельта и его помощников заключается в том, что они «не использовали всех возможностей для урегулирования японо-американских отношений»¹.

Бирд, фальсифицируя исторические события, стремится доказать необходимость и целесообразность политики «умиротворения». Он скрывает действительных вдохновителей этой политики — американских монополистов. Отрицая наличие острейших противоречий между американскими и японскими империалистами, Бирд, так же как и Моргенштерн, пытается, исходя из сегодняшних задач американского империализма, попутно реабилитировать и японских империалистов, представить Тодзио, Коноэ и других военных преступников в роли миротворцев.

Другой американский автор — В. Ньюман открыто превозносит японскую экспансию на Дальнем Востоке как противовес «русским устремлениям» и обвиняет Рузвельта в том, что тот «не понимал той роли, которую играла сильная Япония в политическом равновесии на Дальнем Востоке»².

Все эти писания ничего общего не имеют с исторической правдой. Провал мюнхенской политики западных держав объясняется, конечно, не нежеланием США идти до конца по пути «умиротворения» Японии и Германии, а объективными империалистическими противоречиями в борьбе за источники сырья и рынки сбыта, за сферы приложения капиталов.

Ведущим элементом всех этих работ является клевета на миролюбивую политику СССР, необходимая буржуазным реакционным историкам для оправдания позорной политики «умиротворения» фашистской агрессии со стороны монополистических кругов США в прошлом, оправдания нынешней политики правящих кругов США в отношении СССР и стран народной демократии.

Эта линия проводится как при освещении внешней политики США в Европе и на Дальнем Востоке, так и

¹ Ch. A. Beard, *President Roosevelt and the Coming of the War 1941*, New Haven 1948, p. 283.

² W. L. Neumann, *Making the Peace 1941—1945*, Washington 1950, p. 35.

при рассмотрении внешней политики СССР, Англии и Франции.

Конкретный исторический материал, приводимый авторами названных работ, подобран именно с этой целью.

Рассмотрим прежде всего освещение американской политики в Европе.

* *
* .

Значительное место в американской литературе отводится внешней политике США в Европе накануне войны.

Так, Лэнжер и Глисон уделяют этому вопросу почти половину своей книги. Касаясь предыстории проблемы, они вынуждены признать, что позиция США в вопросе о применении санкций против Италии была «малодейственной», а политика, «проводимая во время испанской гражданской войны, вряд ли может быть охарактеризована как вклад в дело укрепления демократии за границей». Они вынуждены признать, что Англия и Франция в тот период стремились направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза. «Державы Европы,— пишут они,— надеялись на то, что динамика нацистской революции ударит в направлении, противоположном их собственному»¹.

Стремясь доказать, что США не разделяли этой тенденции Англии и Франции и, таким образом, не несут ответственности за проводимую ими преступную политику, американские авторы вместе с тем приводят ряд фактов, подтверждающих, что правительство США было в курсе секретных англо-германских переговоров, происходивших в конце 1937 г. и в начале 1938 г.² Как это стало известно из документов германского МИД, в ходе этих переговоров было достигнуто соглашение об удовлетворении захватнических планов Гитлера за счет Данцига, Австрии и Чехословакии. Правительство США сочувствовало намерениям правящих кругов Англии и Франции сговориться с гитлеровской Германией и направить агрессию на Восток, против Советского Союза.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 56.

² Ch. Tansill, *Back Door to War...*, p. 321.

Как сообщают американские историки, английское правительство живо интересовалось мнением правительства США по вопросу о переговорах с Германией и учитывало его в своей политике. В начале марта 1938 г. Галифакс направил Уэллсу послание, в котором писал:

«Я очень доволен тем, что президент и правительство считают действия правительства его величества правильными, и я думаю, что они могут быть оправданы при благоприятной перспективе. Я уверен в их стремлении помочь, и мы получим поддержку в наших усилиях, зная, что на нашей стороне сочувствие США... Именно по этой причине я предлагаю держать правительство США в курсе наших переговоров, с тем чтобы оно смогло, если пожелает, помочь нам своим советом или критикой и чтобы президент мог при желании судить, представится ли в какой-либо момент для него возможность предпринять независимые, но согласованные действия. Я надеюсь, что он окажет нам содействие»¹.

Беззастенчивый сговор английских правящих кругов с германскими фашистами, достигнутый в ходе этих переговоров, послужил, как известно, отправным моментом для осуществления Германией первых захватов в Европе.

Поощрительное отношение к этому сговору со стороны американского правительства начисто опровергает попытки ряда американских фальсификаторов, в первую очередь Хэлла, снять ответственность за эту политику с американских правящих кругов и представить политику США как политику, принципиально отличную от политики Англии и Франции.

Корделл Хэлл в своих мемуарах стремится доказать, что США якобы не сочувствовали захвату Австрии Германией, но что они не могли принять решительных мер против него, ограничившись тактикой наблюдателей².

На самом деле правящие круги США не противодействовали аншлюсу.

В 1937 г. в Германию с секретной миссией был направлен В. Буллит, который встретился в Германии

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 29.

² C. Hull, *The Memoirs*, vol. I, p. 575.

с Нейратом и Герингом. Последние изложили ему планы Германии — захватить Австрию и Судетскую область. Буллит ни словом не возразил против этих планов¹.

11 марта 1938 г. на пресс-конференции Хэлл заявил: «В Австрии не происходит ничего такого, что могло бы заставить США совершить что-либо по этому вопросу»². В день аншлюса Хэлл заявил, что пакт Бриана — Келлога не относится к таким случаям, как аншлюс, и, следовательно, не может быть и речи о каком-то отпоре Германии. США даже для видимости не направили протест Германии, как это сделали Англия и Франция, а в апреле официально признали захват Австрии Германией.

Посол Германии в США Дикгоф сообщил 18 апреля, что Хэлл, изучив обращение Гитлера от 12 марта, «не выразил никакой критики или даже неодобрения»³.

Американские монополии энергично поддержали аншлюс. В феврале 1938 г., когда Гитлер официально заявил о своих намерениях в отношении Австрии, «Стандард ойл» вручил «Иг. Фарбениндустри» очень важную для Германии документацию о производстве бутилового каучука, а через месяц после оккупации Австрии американская стальная корпорация, объединяющая компании группы Моргана, Кун — Леба и Кливлендской группы, заключили с европейским стальным картелем, находившимся под контролем Германии, картельное соглашение⁴.

Даже американские фальсификаторы ради сохранения видимости объективности рассмотрения событий вынуждены отмечать, что принципиально отличной от политики западных держав явилась позиция Советского Союза, предлагавшего организовать коллективный отпор агрессору. Некоторые из американских историков вынуждены констатировать, что американское правительство игнорировало обращение народного комиссара СССР по иностранным делам от 17 марта

¹ *Ch. Tansill, Back Door to War...*, p. 361.

² «*New York Times*», 12.III.1938.

³ «*Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry*», Series D. (1937—1945), vol. I, dok. 401.

⁴ См. «*Новое время*» № 32, 1949 г., стр. 10.

1938 г. о созыве конференции для обсуждения мер по отпору агрессорам¹.

Американские фальсификаторы пытаются доказать, что, так как США не участвовали формально в мюнхенской конференции, стало быть, они непричастны к этому сговору. Факты опровергают эту вздорную концепцию американских историков.

В октябре 1937 г. в США обсуждался план Рузвельта пригласить всех дипломатических представителей в Вашингтоне посетить его в Белом доме для переговоров по поводу «умиротворения» Германии и Италии. Американский империализм стремился занять позицию «мирового арбитра», чтобы навязать народам мира свой диктат.

Разработанная американскими империалистами программа переговоров предусматривала пересмотр границ европейских государств и в первую очередь восточно-европейских, ревизию договоров. Один из параграфов проектируемого соглашения с агрессорами предусматривал необходимость «мирных урегулирований и допускал возможность и необходимость уступок со стороны других государств», т. е. со стороны Австрии, Чехословакии, Польши и т. д.²

Американские историки откровенно пишут, что существо программы американской дипломатии состояло в сговоре с гитлеровской Германией за счет других государств.

В связи с этим представляется интересным указать на один из вариантов этого плана «умиротворения», предложенный Уэллесом в январе 1938 г. от имени президента. План Уэллеса предусматривал доступ всех государств на одинаковых условиях к сырью и всем ресурсам, необходимым для экономической жизни. С этой целью должен быть осуществлен пересмотр прежних международных соглашений. Американский империализм в условиях, когда война была у порога ряда государств, стремился использовать их неподготовленность в войне, для того чтобы заставить принять принцип

¹ W. A. Williams, *American-Russian Relations, 1781—1947*, New York 1952, p. 251.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 22—23. По другой версии, правительство США намеревалось предложить совещание не всем, а отдельным правительствам.

равных возможностей, который означал бы не что иное, как усиленное проникновение американского капитала и экономическое закабаление им менее развитых стран, превращение стран-конкурентов в придаток экономики США.

В целях выполнения плана президента Уэллес предлагал собрать представителей ряда государств для выработки вместе с США проекта соглашения. На конференцию приглашались Бельгия, Голландия, Венгрия, Югославия, Турция и латиноамериканские страны. Характерно, что СССР, Польша и Чехословакия исключались из числа участников конференции. Это был еще один шаг американского правительства по пути изоляции СССР, по пути отстранения его от участия в решении важнейших международных проблем Европы и мира. Руководители США понимали, что участие СССР в конференции не даст им возможность использовать эту конференцию для достижения своих эгоистических и агрессивных целей.

Уэллес указал в меморандуме, что его предложение «само по себе окажет поддержку усилиям Великобритании, поддерживаемым Францией, добиться оснований для практического взаимопонимания с Германией как по вопросу колоний, так и по урегулированию европейских вопросов». Из сказанного видно, что на конференции должны были обсуждаться вопросы колоний и вопросы перекройки карты Европы. Это было американским вариантом мюнхенского сговора.

США попытались заручиться согласием Англии на этот план. 11 января 1938 г. президент направил конфиденциальное послание премьер-министру Чемберлену с изложением своего плана.

Одновременно заместитель государственного секретаря Уэллес считал необходимым оказать давление на английское правительство с целью заставить последнее принять американский план. «Уэллес указал английскому послу, — сообщают авторы, — что если его правительство не будет реагировать (на американский план. — Л. К. и В. П.) в благоприятном смысле, то это приведет к потере доверия к Англии со стороны Америки»¹. Однако

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 26.

англо-американские противоречия привели к тому, что план этот не был принят.

Опасаясь, что США добьются выгодных для себя условий сговора с Германией за счет Англии, Чемберлен 13 января 1938 г. направил отрицательный ответ Рузвельту.

Выразив свое удовлетворение тем, что с ним «проконсультировались», он отверг план Рузвельта, объяснив, что английское правительство само надеется «умиротворить Германию и Италию». «Вмешательство президента,— писал он,— может привести к тому, что Гитлер и Муссолини отвергнут разрешение вопроса или во всяком случае повысят за него цену»¹. Ввиду невозможности обеспечить выполнение этого плана, США вынуждены были отказаться от него.

Отказ от этого плана отнюдь не означал отказа США вообще от попытки вмешаться в переговоры Англии и Франции с гитлеровской Германией.

7 марта 1938 г. заместитель государственного секретаря Уэллес направил английскому послу в Америке Линдсею письмо, в котором указывал: «Президент открыто признавал, что некоторые политические умиротворения в Европе были бы, очевидно, необходимым фактором»². В этом смысле Уэллес и сделал заявление послу Линдсею. Государственный департамент попросил другие правительства поддержать американское предложение о продолжении переговоров и настаивал на немедленной встрече английских, французских, немецких и итальянских политических деятелей³.

30 августа 1938 г. американский посол в Англии встретился с британским премьером Н. Чемберленом. О содержании беседы, состоявшейся между ними, мы знаем из двух источников, опубликованных в 1954—1956 гг. госдепартаментом дипломатических документов⁴ и документов английской внешней политики (второго тома третьей серии, опубликованных еще в 1949 г.). Американская запись беседы составлена весьма свое-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation*, 1937—1940, p. 26.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 33.

⁴ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1938», vol. I—V, Washington 1954—1956.

образно. В ней говорится только о том, что сообщил Чемберлен Кеннеди, и ни словом не упоминается о том, что говорил Кеннеди. В английской же записи беседы сообщается, что, по словам Кеннеди, американское правительство решило следовать за Чемберленом и, «какой бы курс Чемберлен ни избрал, США одобряют его»¹. Таким образом, правительство США откровенно солидаризировалось с мюнхенским курсом правящих кругов Великобритании².

13 сентября Хэлл сообщил Боннэ, что США не предпримут дипломатического вмешательства в Берлине в пользу Чехословакии. После этого, 15 сентября, Чемберлен направился на самолете в резиденцию Гитлера, в Берхтесгаден. Государственный секретарь США публично одобрил этот шаг, заявив, что все страны с интересом следят за этой «исторической» встречей³.

24 сентября 1938 г. посол США во Франции Буллит выдвинул перед президентом план приглашения на конференцию представителей Англии, Франции, Германии, Италии и Польши в один из нейтральных городов, например в Гаагу, для обсуждения путей и средств, чтобы совместно с представителями США найти выход из кризиса⁴.

Характерно, что из числа участников предстоящей конференции в Гааге исключались Советский Союз и Чехословакия. Уже одно это показывало, против кого должен был быть направлен планировавшийся на конференции сговор⁵.

Американский вариант Мюнхена предполагал, таким образом, участие и непосредственно руководящую роль США в сговоре с агрессивными государствами. США хотели, чтобы сговор с Германией и Италией проходил

¹ «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939», Third Series, vol. II, 1938, London 1949, p. 212—213.

² Небезынтересно отметить, что новая американская публикация документов стремится представить дело так, будто американские послы в европейских столицах не играли какой-либо активной роли в подготовке мюнхенского сговора и являлись лишь посторонними наблюдателями. Приведенные нами данные из других американских и английских источников полностью опровергают эту версию.

³ «New York Times», 16.IX. 1938.

⁴ C. Hull, The Memoirs, vol. I, p. 590.

⁵ W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 123.

под их контролем, чтобы он ни в коей мере не имел антиамериканской окраски. Однако англичане постарались обойтись без американского участия. План четырехсторонней конференции был разработан еще в первой половине 1938 г.¹

Рузвельт «в период наивысшего кризиса в Мюнхене использовал все свое влияние, для того чтобы обеспечить дальнейшие переговоры»². В беседе с Моргантау он высказал мысль, что в случае, если Чехословакия будет воевать, Франции лучше отсидеться за линией Мажино, т. е. не воевать, бросив Чехословакию на произвол судьбы.

26 сентября 1938 г. американское правительство обратилось с посланием к главам правительств Англии, Франции, Германии, Италии и Чехословакии, в котором призывало эти страны продолжать переговоры³.

Это была прямая поддержка Соединенными Штатами Америки Англии и Франции, которые приветствовали обращение. Гитлеровское правительство также было удовлетворено этой американской акцией⁴.

На следующий день, 27 сентября, американское правительство направило Гитлеру, а также Италии новое послание, в котором предлагало созвать специальную конференцию для разрешения спорных вопросов⁵.

В тот же день заместитель государственного секретаря США Уэллес имел по телефону беседу с Буллитом, американским послом в Париже. На вопрос последнего о том, какие страны имеется в виду пригласить на конференцию, Уэллес сообщил, что США полагают необходимым пригласить те страны, которым рекомендовал послать приглашение Буллит. За несколько дней до этого Буллит рекомендовал госдепартаменту ни в коем случае не приглашать на конференцию представителей Советского правительства⁶.

¹ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Third Series, vol. II, N 107, 381, 532.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 35.

³ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1938», vol. I, Washington 1955, p. 657—658.

⁴ «New York Times», 27.IX.1938.

⁵ «Foreign Relations...», vol. I, p. 684—685.

⁶ Там же, стр. 642.

Таким образом, американское правительство, настойчиво выступало за отстранение Советского Союза от решения важнейших международных вопросов, за созыв конференции без его участия.

В то же время, чтобы обеспечить участие в конференции Италии и в целях дополнительной поддержки идеи конференции, американское правительство обратилось к фашистской Италии с просьбой оказать помощь в созыве конференции и ликвидации конфликта. Как сообщает Гарольд Икес, Муссолини после этого посоветовал Гитлеру принять идею конференции четырех стран¹. Икес давал понять, что давление США имело, по-видимому, большое значение в разрешении вопроса о созыве конференции в Мюнхене. Он записал в своем дневнике: «Я не собираюсь дать ответ на вопрос, что непосредственно подействовало на Гитлера, но является фактом то, что Гитлер заявил о созыве конференции несколько часов спустя после получения послания от президента Соединенных Штатов»².

28 сентября американское правительство обратилось к Советскому правительству с предложением поддержать обращение правительства США к правительствам Германии, Франции, Англии и Чехословакии о продолжении переговоров³.

Советское правительство в своем ответе, направленном Соединенным Штатам в тот же день, предложило безотлагательно созвать международную конференцию, «которая могла бы изыскать практические меры для противодействия агрессии и спасения мира коллективными усилиями»⁴.

Американское правительство, однако, отказалось принять предложение Советского правительства⁵.

США оказывали через своего посла Кеннеди прямое давление на Англию, с тем чтобы обеспечить в Мюнхене удобное и выгодное для США соглашение.

¹ H. L. Ickes, «The Secret Diary of Harold L. Ickes, vol. II, The Inside Struggle. 1936—1939», New York 1954, p. 379.

² Там же.

³ См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV (1935—июнь 1941), М. 1946, стр. 391.

⁴ Там же, стр. 392.

⁵ «Foreign Relations...», vol. I, p. 696.

В Лондоне Кеннеди официально заявил, что «Рузвельт одобрит действия Чемберлена в Мюнхене»¹, но американский посол дал понять, что при этом должны быть учтены интересы США. В беседе с Дирксеном, немецким послом в Англии, касаясь соглашения Англии с Германией, он говорил, что «США будут зорко следить за тем, чтобы британский кабинет делал настоящее дело в американском понимании»².

Американские дипломаты в Лондоне и Париже усиленно стремились содействовать направлению гитлеровской Германии на Восток, против СССР.

Кеннеди в беседе с Дирксеном недвусмысленно заявил ему, что в «экономических вопросах Германия должна иметь свободу рук на Востоке, а также на Юго-Востоке»³.

Впоследствии американское правительство полностью одобрило бурную деятельность, которую в Лондоне, Париже и Берлине развили накануне Мюнхена дипломатические представители США. Сейчас же после мюнхенского сговора Хэлл поздравил послов США в Англии, Франции и Германии с «успешной работой»⁴.

США в дни, непосредственно предшествовавшие Мюнхену, вели экономические переговоры с Германией.

Завесу над этими переговорами вольно или невольно приоткрывает Хэлл в своих мемуарах.

28 сентября 1938 г. германский посол в США Дикгоф в беседе с Хэллом заявил, что Германия интересуется экономическими и торговыми отношениями с США. Хэлл ответил, что если германское правительство примет американскую политику в отношении торговли, т. е. политику равных возможностей, то «оно может быть поддержано нами значительно быстрее, чем это представляют себе германские должностные лица»⁵.

Хэлл не сообщает других подробностей относительно переговоров, но и приведенные данные раскрывают маневры американской дипломатии. Накануне Мюнхена США подчеркивают благожелательное отношение к за-

¹ «Documents of German Foreign Policy 1919—1939», Third Series, vol. 1, Dok. 459.

² Там же, док. № 457.

³ C. Hull, The Memoirs, vol. I, p. 596.

⁴ Ch. Tansill, Back Door to War., p. 427.

⁵ Там же, стр. 594.

хватническим притязаниям гитлеровской Германии, обещают ей поддержку, надеясь в обмен на эту поддержку получить соответствующие компенсации. Дело не ограничивалось одними переговорами. США в 1938 г. усилили помощь Германии вооружением, надеясь таким образом подтолкнуть Германию к скорейшему развязыванию войны. Только за первые пять месяцев 1938 г. в Германию из США было направлено четыре парохода с грузом авиабомб. В мае 1938 г. в Германию направился из Филадельфии пароход «Франкенвальд», на борту которого находилось 20 тыс. авиабомб.

Немедленно, после того как в Вашингтоне стало известно, что Чемберлен принял приглашение Гитлера, президент, как сообщают Лэнжер и Глисон, дал указание послу США в Англии Кеннеди передать премьер-министру Великобритании одобрительное послание. Авторы признают это заявление «неосторожным шагом». Но они вместе с тем стремятся исказить действительный смысл этого послания, изобразить его лишь как одобрение решения «вести переговоры», а не одобрение будущих результатов переговоров, но здесь же, опять противореча себе, они приводят следующее послание Рузвельта Чемберлену, датированное 5 октября 1938 г.

«Я полностью разделяю Вашу надежду и верю в то, что теперь (т. е. после Мюнхена.— *Л. К. и В. П.*) существует величайшая за все время возможность установления нового порядка...» «Теперь, когда Вы установили персональный контакт с канцлером Гитлером, я знаю, что Вы будете обсуждать время от времени проблемы, которые должны быть решены, для того чтобы установить этот новый порядок»¹.

Хэлл также полупризнал огромную роль американского правительства и лично Рузвельта в организации мюнхенской сделки, заявив: «Трудно сказать, было ли это (сговор в Мюнхене.— *Л. К. и В. П.*) результатом шагов, предпринятых президентом. Несомненно, однако, что эти шаги оказали значительное влияние на ход событий»².

Хэлл приводит поздравление Рузвельту, присланное английским королем Георгом IV, в котором последний

¹ *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 35.*

² *C. Hull, The Memoirs, vol. I, p. 595.*

писал: «Я рад признать, что горячо приветствовал Ваше вмешательство в последний кризис (в дни, предшествовавшие Мюнхену.— Л. К. и В. П.). Я не сомневаюсь в том, что оно оказало сильное воздействие на сохранение мира»¹.

Все эти факты начисто разоблачают легенду американских фальсификаторов о том, что правительство США во главе с Рузвельтом якобы являлось правительством антифашистским, стремившимся оказать отпор агрессорам, но сделать это ему будто бы мешали реакционный госдепартамент и изоляционистски настроенный конгресс². Опровергают они и уверения других историков о том, что «во всем мюнхенском вопросе Рузвельт сыграл очень незначительную роль»³.

Приведенные материалы камня на камне не оставляют от распространяемой апологетами американского империализма версии о том, что США не причастны к мюнхенскому сговору.

Правящие круги США, так же как и Англии и Франции, стремились отвести от США угрозу гитлеровской агрессии в расчете на то, что мюнхенское и другие подобные соглашения уже открыли ворота для гитлеровской агрессии против Советского Союза.

В ноябре 1938 г. Буллит в беседе с польским послом в Вашингтоне Потоцким говорил: «Демократические государства желают, чтобы на Востоке дело дошло до военных столкновений между Германией и Россией»⁴.

На основании документов госдепартаментов и личных разговоров с американским послом в Лондоне Кеннеди Лэнжер и Глисон сообщают:

«Посол рассматривал войну в ближайшем будущем не только как возможность, но и как вероятный факт и не скрывал своего убеждения в том, что англичане, как и американцы, должны держаться в стороне от нее. Его тезис заключался в том, что если поляки будут предоставлены сами себе, то они пойдут на сделку с Гитлером, что даст возможность нацистам достичь своей цели

¹ C. Hull, The Memoirs, vol. I, p. 595.

² См., например, R. Bendiner, The Riddle of the State Department, New York — Toronto 1942, p. 7.

³ Ch. Tansill, Back Door to War..., p. 427.

⁴ «Мировое хозяйство и мировая политика» № 5, М. 1940 г., стр. 264.

на Востоке». Конфликт между СССР и Германией «будет предоставлен сам себе на благо всему западному миру»¹.

Американские фальсификаторы скрывают, что вся дальнейшая политика США и была направлена на осуществление этих целей. Наоборот, стремясь доказать, что якобы США боролись против агрессии держав оси, они подробно останавливаются в своих работах на обращении президента США к Гитлеру и Муссолини, рассматривая его как действенное и эффективное выступление против агрессии.

15 апреля 1939 г. Рузвельт, как известно, выступил с предложением, чтобы Германия и Италия дали обещание в течение 10 лет воздерживаться от нападения на 31 европейское государство. Это послание изображается некоторыми американскими историками как акт, якобы показывающий, что США в означенный период решительно выступали против держав оси. При этом, однако, они ни словом не упоминают о том, что из числа 31 государства, на которые должно было распространяться обязательство Германии и Италии о ненападении, был исключен вольный город Данциг. Это тем более странно, что в составе этих государств не были забыты такие, как Лихтенштейн и Люксембург. Исключение Данцига не было случайным. Некоторые английские газеты доказывали, что Данциг пропущен сознательно. Правительство США, так же как и правительства Англии и Франции, стояло за передачу Данцига Германии.

Попытки некоторых американских историков представить дело так, будто послание президента от 15 апреля 1939 г. носило миротворческий характер, не встречают одобрения и вызывают возражения со стороны некоторых других американских авторов.

Так, полемизируя с этой точкой зрения, американский буржуазный историк Ф. Санборн пишет: «В конце концов переговоры вести было бы не о чем, если не считать требований Гитлера передать Германии чехословацкую территорию, так как ни одна страна не требовала немецких земель. Вмешательство США по своим последствиям было равносильно умиротворению, и, упо-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 76.

требляя терминологию того времени, оно по существу сыграло роль главного умиротворителя»¹.

Следует отметить, что в американской официальной пропаганде того времени начала проявляться некоторая антигерманская струя. Но американские историки, уходя от того, чтобы вскрыть ее действительные причины, стремятся объяснить это миролюбием политики США, их стремлением ограничить экспансию держав оси. Действительные же причины лежали, конечно, не в этом. У правительства США появились опасения, как бы Мюнхен, англо-германская и франко-германская декларации, сговор между английскими и германскими монополистами в Дюссельдорфе в марте 1939 г. не привели к сближению между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, которое обернется против США. Немалую роль здесь играли и антифашистские настроения американского народа, требовавшего обуздания фашистских агрессоров.

О том, что эти американские заявления носили чисто декларативный характер и были нужны лишь для того, чтобы создать видимость борьбы с фашистскими державами, свидетельствуют даже те факты, которые вынуждены приводить сами американские буржуазные историки. Так, например, после оккупации Албании, в апреле 1939 г., в правительстве США обсуждалось предложение о том, чтобы заморозить итальянские фонды в США. Оно было отвергнуто с очень интересной мотивировкой: из-за опасения, что этот акт может способствовать вовлечению страны в борьбу против держав оси. По тем же причинам было признано слишком рискованным предложение «об образовании лиги неагрессивных государств с целью ограничить экспорт сырья странам оси». Оно не устраивало США еще и потому, что для «успеха этого мероприятия потребовалось бы сотрудничество с Советской Россией»².

Однако эта «чрезмерная осторожность» не была проявлена, когда, используя напряженную обстановку в Европе летом 1939 г., американцы готовились захватить некоторые французские владения.

¹ «Perpetual War for Perpetual Peace». Edited by H. Barnes, Caldwell 1953, p. 199—200.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 82.

В июне 1939 г., т. е. еще до начала войны, военноморские круги США и, в частности, адмирал Леги предложили президенту взять в аренду у Франции остров Фанарава. Это предложение мотивировалось необходимостью предотвратить захват острова японцами в случае войны и использовать его в качестве базы для подводных лодок для нападения на Панамский канал. Рузвельт принял это предложение. Буллит добился согласия французского правительства на эту акцию. Но ее осуществлению помешала начавшаяся война, хотя Буллит и настаивал на оккупации острова.

Лэнжер и Глисон очень немногословны при изложении всей этой истории. Подробности не в их интересах, они и без того показывают стремление империалистов США воспользоваться тяжелым положением своего фактического союзника, чтобы его ограбить.

Бесплодной является попытка фальсификаторов изобразить известное послание американского правительства Гитлеру и Мосцицькому от 24 августа 1939 г. как попытку США предотвратить вторую мировую войну. Это послание содержало призыв воздерживаться от враждебных актов и урегулировать трудности между двумя странами. Этот призыв не был подкреплен никакими обязательствами со стороны США помочь жертвам агрессии. Положение было правильно понято Гитлером. Гитлер отдавал себе отчет в том, что США предприняли этот шаг в целях маскировки своего курса, заключавшегося в подталкивании Гитлера на агрессию в восточном направлении. Главарь фашистской шайки попросту игнорировал это обращение.

Молчание Гитлера не было неожиданностью для американского правительства. Наоборот, государственный секретарь США Хэлл открыто заявлял, что он «никогда не верил в то, что послание будет способствовать сохранению мира»¹. Лэнжер и Глисон также вынуждены признать, что «реальным ответом Гитлера на послание было наступление на следующий день на Польшу»².

Даже имеющийся в американской литературе материал свидетельствует об активной американской политике умиротворения агрессора, стремлении достичь сго-

¹ *C. Hull, The Memoirs, vol. II, p. 218.*

² *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 190.*

вора с Германией, натравить ее на СССР. В американской буржуазной литературе очень часто обходится молчанием ряд мероприятий правительства США, свидетельствующих о том, что так называемая политика невмешательства была начата правительством США с того самого момента, когда началась фашистская агрессия.

Еще в 1933 г. Рузвельт внес в конгресс законопроект, который предусматривал предоставление президенту право налагать по своему усмотрению эмбарго, т. е. запрет на вывоз оружия в ту или иную страну, если президент сочтет такой вывоз опасным для всеобщего мира.

Американский конгресс значительно изменил этот законопроект и принял в августе 1935 г. резолюцию о запрещении вывоза оружия из США во все воюющие страны.

Это был своеобразный ответ США на акты агрессии в восточном полушарии. США заявили о том, что они будут соблюдать нейтралитет в конфликтах, происходящих в Старом свете в результате фашистской агрессии, причем нейтралитет, выходящий за пределы того, что обычно требуется от нейтрального государства по общепризнанным нормам международного права. Как известно, международное право не запрещает нейтральным государствам продавать оружие жертвам агрессии.

Все эти меры были выгодны агрессорам, которые в американском оружии не нуждались и, имея мощную военную промышленность, продолжали покупать для нее сырье и топливо в США. Декларирование политики нейтралитета было ударом по политике коллективного отпора агрессии, коллективной безопасности.

США шли дальше по пути мюнхенской политики, чем Англия и Франция. Ни Англия, ни Франция не декларировали, что они останутся нейтральными во всякой войне, которая может возникнуть в результате нападения агрессора на ту или иную из его жертв.

Американские буржуазные историки всячески замалчивают действительный характер закона о нейтралитете, его значение как фактора, способствовавшего развитию агрессии.

Прогрессивные силы США энергично добивались его отмены. В июне — июле 1939 г. вопрос обсуждался в конгрессе, но палата представителей и сенат оставили за-

кон в силе. Буллит на следующий день после подтверждения сенатом закона о нейтралитете писал Хэллу, что это делает вероятным начало войны в Европе не позднее августа¹. Американская печать сообщала, что это решение было с удовлетворением встречено в Берлине.

Американские историки в своих работах вынуждены констатировать, что правительство США не оказало никакой помощи Польше и в ходе самой агрессии со стороны Германии². Возникновение войны между Германией и Англией и Францией, а не советско-германской войны, на что рассчитывали «умиротворители» в Лондоне, Париже и Вашингтоне, означало полный провал политики «умиротворения».

Попытки американских фальсификаторов истории доказать, что внешняя политика США накануне второй мировой войны была правильной и отвечающей интересам американского народа, являются пустыми и бесплодными.

Даже некоторые американские реакционные историки под давлением фактов давно уже отказались от этой затеи.

Так, Бендинер в книге «Загадка государственного департамента» пишет, что «умиротворение», проходившее красной нитью через всю американскую внешнюю политику, «снабжало бензином самолеты, которые во имя фашистской культуры жгли Эфиопию, лишало бензина республиканскую Испанию, поддерживало миф о том, что с Гитлером можно сговориться за столом конференции»³.

Американские историки понимают, что ответственность за срыв коллективной безопасности несут и американские империалисты. Поэтому они стремятся доказать, будто в 30-х годах остановить гитлеровскую агрессию было уже нельзя. Но это не так.

Если бы Англия и Франция, поддерживаемые США, вместе с Советским Союзом организовали коллективный отпор агрессии, то гитлеровская захватническая политика очутилась бы в тисках режима коллективной безо-

¹ *C. Hull, The Memoirs, vol. I, p. 653.*

² Они, разумеется, ни слова не говорят о поздравлении начальником штаба американской армии генералом Маршаллом гитлеровского начальника штаба генерала Гальдера с победой в Польше.

³ *R. Bendiner, The Riddle of the State Department, p. 6.*

пасности и шансы успешного для гитлеровцев развязывания второй мировой войны уменьшились бы до минимума.

Переговоры с гитлеровской Германией американские правящие круги вели и после начала второй мировой войны.

Наибольший интерес представляют с этой точки зрения приводимые в книге Лэнжера и Глисона сведения о переговорах с немцами Уильяма Дэвиса, видного американского нефтепромышленника, связанного с Рокфеллером. Дэвис был личным другом Геринга. В начале войны он был приглашен Герингом в Берлин. Перед отъездом из Вашингтона Дэвис имел беседу с Рузвельтом. «Президент дал понять Дэвису, что он рассмотрит возможность посредничества»¹.

В Германии Дэвис имел многочисленные беседы с Герингом и различными деятелями германской армии, флота и секретной службы. Гитлеровские главари обратились к нему с просьбой передать правительству США предложение выступить «посредником» между Германией и западными державами. С помощью этого «посредничества» немцы рассчитывали, с одной стороны, установить германо-американское сотрудничество, а с другой стороны, получить с помощью США мир на выгодных для Германии условиях, обеспечивающих ведущую роль Германии в «объединенной» под контролем германских монополий Европе.

По возвращении в Америку Дэвис имел беседу с президентом и представил ему два доклада. Их точное содержание не передается авторами, но они сообщают, что в докладах рассматривались условия урегулирования, выдвинутые Германией. Как утверждают авторы, эти условия представляли собой программу, аналогичную той, которая была выдвинута германским правительством в последние дни августа 1939 г.

Совещание в государственном департаменте, созванное в октябре 1939 г., пришло к выводу, что заключение мира с фашистской Германией желательно, но не в настоящее время. «Но этот момент может прийти, и может прийти очень скоро»².

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 247.

² Там же, стр. 255.

В середине октября 1939 г. Геринг сообщил Джеймсу Мунней из «Дженерал Моторс экспорт корпорейшн» новые немецкие предложения мира. Германия соглашалась восстановить часть Чехословакии и часть Польши (однако не оговаривалось, какие это будут части), заключить мир с Англией и Францией и направить все усилия против Советского Союза. («Советская Россия будет изгнана из Европы»,— говорилось в предложении.)

Известно, что Мунней лично сообщил эти предложения Буллиту. В последний момент эти предложения были отклонены США.

Чем объясняется этот факт? Во-первых, позицией американского и английского народов, активно выступивших против гитлеровской агрессии. На предложение американского посла в Лондоне Кеннеди взять на себя инициативу переговоров с Гитлером Рузвельт ответил отказом. Хэлл так объяснил причину отказа США. «Президент желает,— писал Хэлл,— чтобы я информировал вас только для вашего личного сведения... Народ США не поддержал бы никаких мероприятий со стороны своего правительства, которые укрепляли бы и поддерживали бы режим силы и агрессии».

Такою же позицию занимал и английский народ. Саймон сообщил Кеннеди, что невозможно в вопросах войны и мира обойти английский народ. «Если правительство Великобритании станет защищать любой тип мира, оно будет сброшено своим собственным народом, который полон решимости продолжать войну»¹.

Во-вторых, при создавшейся ситуации, когда Германия захватила Австрию, Польшу и Чехословакию, мир с Германией означал бы неограниченное ее господство в Западной Европе, с чем ни в коем случае не могли бы примириться американские, французские и английские империалисты, стремившиеся к достижению своего господства в Европе.

Отказываясь выступить с открытым посредничеством в начальный период, когда еще не было ясно, как развернутся дальнейшие события, США резко изменили свою позицию, когда началась так называемая «странная война». Первоначальный отказ выступить с посред-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 252. (Курсив наш. — Л. К. и В. П.)

ничеством объясняется и тем обстоятельством, что только что начавшаяся война между англо-французским блоком и фашистской Германией не давала надежд на то, что она немедленно может быть превращена в войну антисоветскую.

Другое дело, когда прошло несколько месяцев войны, когда определилось нежелание правящих кругов Англии и Франции вести действительную войну с Германией, когда они начали изыскивать пути сговора с гитлеровцами и когда, наконец, не без участия американских империалистов была развязана советско-финская война. Создавалась весьма сложная ситуация, которую США хотели использовать для осуществления своих давних планов. В этих условиях, не дожидаясь никаких предложений со стороны воюющих держав, американская дипломатия начала лихорадочно работать над тем, чтобы превратить войну между Германией и англо-французским блоком в общую войну капиталистических стран против СССР.

* *
*

Не случайным является тот факт, что американские историки проявляют большой интерес к вопросам, связанным с внешней политикой СССР в 1939—1941 гг., и позицией США в отношении Советского Союза в этот период. Они стремятся обелить позицию Соединенных Штатов по отношению к Финляндии; как известно, США подстрекали финские правящие круги к антисоветским действиям. Вместе с тем они не скрывают, например, что американское правительство проявило особую заинтересованность в советско-финских отношениях рассматриваемого периода. Правительство США оказало значительное давление на белофиннов в процессе подготовки ими антисоветской авантюры и в период советско-финской войны. В то время когда по инициативе Советского правительства в Москве шли переговоры об урегулировании неразрешенных вопросов между СССР и Финляндией, в Вашингтоне имели место встречи государственного секретаря Хэлла с посланником Финляндии Проккопэ. Речь шла о предоставлении Финляндии займа, который давал бы возможность финансировать финские закупки военных материалов в США, и о прямом вмеша-

тельстве государственного департамента в советско-финляндские переговоры¹.

В течение 10 месяцев, предшествовавших советско-финской войне, США поставили в Финляндию вооружения на сумму 1.318.654 долл.², причем большая часть этой суммы падает на октябрь 1939 г. Экспортно-импортный банк предложил Финляндии дополнительный кредит на вооружение в размере 10 млн. долл.³

В начале 1940 г. было объявлено о предоставлении Финляндии через Экспортно-импортный банк нового займа в 20 млн. долл. Американская газета «Daily Worker», разоблачая действительные планы американских империалистов, писала, что предоставление займа имело целью «вовлечение не только Финляндии, но и всей Скандинавии в антисоветскую войну». «Заем предназначается,— писала газета,— для провоцирования скандинавских стран на войну»⁴.

Кроме займов, предоставленных американским правительством в официальном порядке, Финляндия получила от США значительные средства под видом различных «частных пожертвований». Один гуверовский комитет направил финнам около 3 млн. долл. Небезынтересно напомнить, что миллионы долларов предоставлялись фашистам Финляндии, в то время когда в средствах отказывали, например, Китаю, народ которого мужественно боролся против японской агрессии.

7 февраля 1940 г. в Белом доме по предложению военного министра США Вудринга было созвано специальное совещание по вопросу о военной помощи Финляндии. В начале марта 1940 г. были начаты переговоры по этому вопросу со Швецией. США заявили о предоставлении займов Швеции и Норвегии. Эти займы имели целью содействовать вовлечению этих стран в войну против Советского Союза.

США ввели эмбарго на продажу Советскому Союзу аэропланов, оборудования для них, алюминия, молибдена, никеля, вольфрама и других товаров. «Секретарь

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940* p. 321.

² «War and Peace in Finland», A. Documented Survey, New York 1940, p. 11.

³ «Daily Worker» (N. Y.), 12. XII. 1939.

⁴ «Daily Worker» (N. Y.), 6. I. 1940.

Моргентау,— признают Лэнжер и Глисон,— использовал все свое влияние на американских промышленников, чтобы сделать эмбарго эффективным. Президент был полностью осведомлен в отношении эффективности данного мероприятия... и был недоволен тем, что нельзя было найти средства для того, чтобы дополнить список другими статьями»¹.

В то же время США направили в Финляндию большую партию американских самолетов, стрелкового вооружения последних типов, боеприпасов, зенитных орудий, причем часто по заниженным ценам².

Более того, правительство США обсуждало в то время предложение помощника государственного секретаря Уэллеса о немедленном разрыве дипломатических отношений с СССР. Решение по нему не было принято, потому что, во-первых, как пишут американские историки, этот жест не смог бы оказать должной помощи Финляндии и, во-вторых, это бы помешало получению информации из Советского Союза. Кроме того, правящие круги не могли не учитывать позиции американского народа, который выступал против политики разжигания советско-финского конфликта.

США были солидарны с Англией и Францией, являвшимися инициаторами постановления в Лиге наций вопроса об исключении Советского Союза из Лиги.

Касаясь комедии «исключения» Советского Союза из Лиги наций, Лэнжер и Глисон указывают, что посол США во Франции Буллит «был ярким сторонником участия Америки в этом акте». Они сообщают, что Буллит действовал за кулисами Лиги, для того чтобы финляндский вопрос был поставлен в Женеве. Он убеждал Хэлла, что США должны поддержать, как он выразился, «принятие этого решения Лигой наций»³, т. е. решения Лиги об исключении СССР.

¹ *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 331.*

² См., например, *W. A. Williams, American-Russian Relations, 1781—1947, p. 255—260.* В январе 1940 г. в конгресс США было внесено предложение продать Финляндии 10 тыс. новых ружей по цене 1 долл. за штуку, в то время как их действительная стоимость составляла 100 долл. каждое («*Congressional Records*», 16.11. 1940, p. 1754).

³ *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 333.*

Американский представитель в Швейцарии принимал непосредственное участие во всех закулисных переговорах в Лиге наций и даже присутствовал на заседании «комитета», выработывавшего проект резолюции Лиги¹.

Впоследствии Буллит в статье, опубликованной в американском журнале «Life», писал, что Рузвельт «использовал все свое влияние, чтобы добиться исключения Советского Союза из Лиги наций»². Буржуазные историки США всячески стараются оправдать действия американского правительства по расширению конфликтов.

Представляет собой большой интерес заявление Лэнжера и Глисона о позиции США относительно англо-французских планов нападения на СССР в 1940 г. с севера и юга. Авторы указывают, что «американское правительство было заинтересовано и фактически имело прямое отношение к некоторым аспектам этой проблемы»³.

Американские империалисты уже тогда договорились до утверждения, что граница США находится на Карельском перешейке, и предлагали послать в Финляндию для военных действий против СССР американские войска с миноносцами, подводными лодками и тысячей самолетов⁴. Сенатор Бирнс, впоследствии государственный секретарь США, призывая к войне с СССР, требовал, чтобы Советское правительство «было сметено с лица земли»⁵.

В связи с форсировавшейся подготовкой Англией и Францией вторжения через Финляндию в Советский Союз, США сделали попытку вмешаться в переговоры о заключении мира между СССР и Финляндией с целью сорвать или затянуть их и, таким образом, дать Англии и Франции время для открытия фронта на севере и юге Советского Союза.

4 марта 1940 г. министр иностранных дел Финляндии запросил США относительно возможной с их стороны помощи в ходе переговоров Финляндии с Советским

¹ «Times», 15.XII.1939; «Правда», 16 декабря 1939 г.

² «Life», 30 August, 1948, p. 91.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 385.

⁴ «Congressional Records», 7.II.1940, p. 1823, 1824.

⁵ Там же, стр. 2070.

Союзом о мирном договоре. Лэнжер и Глисон сообщают, что в Финляндию был направлен «дружественный ответ»¹.

Почти накануне заключения мирного договора между Советским Союзом и Финляндией послу США в СССР было поручено возможно скорее посетить Народный комиссариат иностранных дел СССР и по существу вмешаться в переговоры, добиваясь «смягчения» справедливых требований Советского Союза в отношении развязавшей войну Финляндии. Во время переговоров США усилили поставки в Финляндию вооружения, боеприпасов, форсировали предоставление займов.

Следует сказать, что внимательное и добросовестное изучение фактов приводит и некоторых американских буржуазных историков к правильным выводам относительно советско-финской войны, опровергающим утверждения реакционной американской историографии.

В 1957 г. американский историк профессор Леонард Лундин опубликовал книгу «Финляндия во второй мировой войне»².

Лундин пишет, что он стремится разобраться в советско-финских отношениях, отбросив предрассудки, созданные «давлением холодной войны»³.

Он подчеркивает, что советские предложения Финляндии о заключении пакта о взаимной помощи были вполне разумными и что, наоборот, правители Финляндии не проявили доброй воли в отношении СССР⁴.

Лундин критикует попытки англо-французских правящих кругов удержать Финляндию от мирного урегулирования конфликта и расширить антисоветскую войну на Севере, расценивая политику западных держав как циничную и нечестную⁵.

Книга Лундина при всех ее недостатках и пробелах⁶ способствует разоблачению американской буржуазной историографии, стремящейся обелить позиции американ-

¹ *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 401.*

² *C. Leonard Lundin, Finland in the Second World War, Bloomington 1957.*

³ Там же, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 73, 75.

⁶ См. рецензию на книгу Л. Лундина в журнале «Международная жизнь» № 7, 1958 г.

ского империализма, разжигавшего конфликт на севере Европы.

Нельзя не отметить шаги, предпринятые государственным департаментом США в конце 1939 г. и начале 1940 г. с целью достижения сговора с гитлеровской Германией в отношении прекращения войны на Западе и направления войны против Советского Союза.

В декабре 1939 г. в государственном департаменте была создана комиссия «по изучению и организации мира». Ряд сотрудников государственного департамента, в том числе помощник государственного секретаря Берли, усиленно занимался «проблемой изыскания возможностей реорганизации Европы по региональному принципу». В процессе обсуждения этой проблемы возникло предложение «установить мир следующей весной» (т. е. весной 1940 г.) на основе того, чтобы «каждый производил все, что он может, брал бы все, что ему нужно, а остальное вкладывал бы в пул (т. е. экономическое объединение ресурсов ряда капиталистических стран), что дало бы возможность странам, которым нужно было сохранить равновесие, пользоваться этим по мере надобности через картели»¹. В особенности подчеркивалась необходимость обеспечить сговор с Германией до весеннего наступления.

Проект организации пула должен был служить приманкой для Германии в ее подготовке войны против СССР. Этот проект давал возможность еще больше экономически подготовить Германию к этой войне и усилить проникновение американского капитала в экономику Германии.

В то же время обсуждался так называемый план «организации нейтралов». Эта «организация нейтралов» должна была явиться дополнительным орудием агрессивной политики США как во время войны, так и при достижении империалистического мира. Американская дипломатия стремилась создать сильный «нейтральный блок» во главе с США, от лица которого американский империализм мог бы продиктовать свои условия будущего мира. Предполагалось включить в эту организацию латиноамериканские республики, скандинавские страны, Турцию, Иран, Ирак.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 344.

При создании «организации нейтралов» предусматривалось включение в нее ряда нейтральных государств, в том числе и соседних с Советским Союзом, но не предусматривалось включение Советского Союза. Уже одно это указывало на антисоветскую направленность этого плана. Об этом свидетельствуют также и приводимые американскими буржуазными историками подробности относительно поездки в воевавшие страны Европы заместителя государственного секретаря США Уэллеса, имевшей место в начале 1940 г.¹ Главной целью миссии было «исследование возможности мира с нацистским правительством, если фюрер предложит подходящие условия»².

Миссия Уэллеса была тесно связана с усилиями врагов демократии переключить войну между англо-французским блоком и Германией на войну против СССР.

Уэллес посетил Рим, Берлин, Париж и Лондон, где попытался выяснить шансы на сговор англо-французских империалистов с гитлеровцами. Во время переговоров Уэллеса в Англии серьезно обсуждался вопрос о достижении союза с Германией, передаче Германии Данцига, части Польши, плебисците в Австрии (в условиях нахождения там немецко-фашистских войск), т. е. фактически о присоединении Австрии к Германии. На обратном пути в марте 1940 г. Уэллес вновь посетил Рим и встретился с Чиано и Муссолини.

В Риме Уэллес и Муссолини обсуждали вопрос о возобновлении «пакта четырех» как лучшего оплота против большевистского Востока. Уэллес сообщил Муссолини, что он убедился во время своей поездки в желании западных держав сговориться с Гитлером. «Западные державы ни в коей мере не являются непреклонными»³, — говорил он.

¹ Уэллес возглавлял в это время созданный еще в 1939 г. Консультативный комитет по проблемам внешних сношений. Этот комитет, как сообщают официальные американские источники, к 1941 г. в значительной степени был занят изучением средств достижения сговора с Германией. Параллельно с этим комитетом действовала специальная группа из представителей госдепартамента, министерств торговли, финансов и сельского хозяйства, изучавшая возможные последствия для экономики США завоевания фашистской Германией всей Европы.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 362.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 372.

Приведенные материалы, помимо желания американских историков, еще раз подтверждают, что целью миссии Уэллеса было добиться скорейшего прекращения войны между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой, что позволило бы объединить их силы против Советского Союза.

Заслуживают внимания приводимые в американской литературе данные относительно переговоров с гитлеровской Германией после поражения Франции. Они показывают, что и после поражения Франции правящие круги США не оставили своих планов достичь сговора с Германией. В июне 1940 г. американский поверенный в делах в Германии Хит имел несколько бесед с Г. Вольтатом, чиновником для особых поручений в ведомстве Геринга по осуществлению четырехлетнего плана; последний летом 1939 г. вел переговоры с Хадсоном и Вильсоном о разделе сфер влияния в мировом масштабе между Англией и Германией. «Вольтат заверил Хита в том, что Гитлер в большей мере предпочитает заключить мир, чем предпринимать кровавое и разрушительное нападение... Вне всякого сомнения, что Германия в состоянии высадиться и быстро завоевать Англию после трех или четырех недель подготовки с воздуха»¹.

Вольтат заверял Хита в том, что Германия не имеет намерений уничтожить Британскую империю или совершать нападение на США. Он предлагал от имени Гитлера союз трех «северных наций». Англия при этом должна была отказаться от своих интересов на континенте Европы, и под контроль Германии должна была перейти вся континентальная Европа. США должны были склонить английское правительство к миру с фашистской Германией².

Предложение это обсуждалось в государственном департаменте 5 июля 1940 г. Помощник государственного секретаря Берл обратился с меморандумом к Хэллу и Уэллесу, которым рекомендовал положительно отнестись к предложению Вольтата.

Он аргументировал свое предложение следующим доводом: «Сомнительно, выдержит ли Англия нападение

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 653.

² Там же.

Германии, но совершенно несомненно, что Англия никогда не победит Германию».

«Несомненный факт, что в настоящее время Великобритания не может завоевать континент, и мы не намерены сделать этого»¹.

Однако из всего хода событий было ясно, что Германия, подчинившая себе всю Западную Европу, на этом не остановится и, несомненно, пойдет на Восток, против СССР. Это вполне устраивало американские правящие круги.

О том, что именно эти расчеты лежали в основе курса политики США, свидетельствуют факты экономических отношений между США и Германией.

Рассматривая вопросы германо-американских отношений накануне второй мировой войны, американские фальсификаторы истории сознательно абстрагируются от рассмотрения экономических отношений между Германией и США в изучаемый период. Это не случайно. Рассмотрение этого вопроса невольно заставило бы их привести ряд фактов, свидетельствующих о том, что США не только воссоздавали германский военный потенциал после первой мировой войны и, таким образом, подготовили экономически гитлеровскую агрессию, но что и в начале войны США продолжали укреплять военный потенциал гитлеровской Германии.

Эту поддержку Германии особенно ярко можно проследить на примере поставок нефти.

В начале войны 1939—1940 гг. германский капитал не играл сколько-нибудь значительной роли в румынской нефтяной промышленности. Решающие позиции принадлежали английскому, французскому и американскому капиталу².

Ведущую роль в румынской нефтяной промышленности играли следующие компании: «Астро-Романа», которая контролировалась англо-голландским нефтяным трестом «Ройял Датч Шелл». Размер ее добычи в 1939 г. составлял 1 367 996 т нефти; на втором месте стояла компания «Романо-Американа», связанная с американским нефтяным трестом «Стандард ойл». Она добыла в 1939 г.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 654.

² См. *Тудор Савин*, *Иностраный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.)*, М. 1950, стр. 144.

780 060 т, затем идет «Конкордия», связанная с франко-бельгийской нефтяной группой, она добыла в 1939 г. 824 445 т и др.

Немцы импортировали 30% всего румынского экспорта нефти. Самым интересным в этом отношении является то обстоятельство, что после начала войны в Европе, в сентябре 1939 г., ведущие компании не прекратили свои поставки нефти Германии. Эти поставки продолжались весь период так называемой «странной войны» (сентябрь 1939 — май 1940 г.) и даже позже. Более того, имеются данные о том, что поставки нефти в Германию этими фирмами и особенно контролируемой англо-голландским капиталом компании «Астро-Романа» не только не уменьшились, но и возросли.

Почти в прежнем размере, как и до войны, поставляла нефть контролируемая американским концерном «Стандард ойл» компания «Романо-Американа». Эта компания в период с января по август 1939 г. поставляла в Германию ежемесячно до 13 тыс. т нефти. Среднемесячные поставки за сентябрь 1939 г. — январь 1940 г. одной только этой фирмы составляли свыше 10 тыс. т. За период с сентября 1939 г. она продала Германии 69 447 т нефти.

Всего немцы за период с сентября 1939 г. по март 1940 г. купили в Румынии у всех фирм 424 873 т нефти. Фашистская Италия и Венгрия, являвшиеся союзниками Германии, получили 313 528 т нефти. Фашистский блок получил от Румынии нефти примерно столько же, сколько Англия и Франция, вместе взятые (последние получили: 543 735 т — Англия и 193 521 т — Франция).

Таким образом, основными поставщиками нефти из Румынии в Германию были англо-франко-американские нефтяные компании.

Снабжение гитлеровцев шло не только из Румынии и через Румынию. Американские фирмы снабжали гитлеровцев и через Италию. Так, например, 6 марта 1940 г. германский посол в Италии Макензен сообщил в Берлин, что в Триест прибывают 60 вагонов с американским смазочным маслом, которое после оплаты его в долларах может быть направлено в Германию. Несмотря на объявленную Англией и Францией блокаду Германии, германская армия в огромных размерах снабжалась американскими автопокрышками.

Англия, Франция и США, господствовавшие в румынской экономике, не делали даже и попытки прекратить связи своих компаний с противником.

Таким образом, это была сознательная империалистическая политика, рассчитанная на использование Германии в качестве ударного кулака международной реакции. Империалисты Англии, Франции и США надеялись на то, что Гитлер оправдает их надежды, бросит германский народ в истребительную войну против СССР в угоду англо-американским империалистам.

Конечно, все эти факты не приводятся в американской буржуазной литературе, хотя нельзя себе представить, чтобы они не были известны американским историкам.

Ведь многие из них (Лэнжер и Глисон, Тэнсилл, Фейс, Вильямс и др.) имели широкий доступ ко всем, даже самым секретным, материалам не только госдепартамента, но и министерства обороны, финансов и др. Нечего уже и говорить о Хэлле, Стимсоне и других руководящих деятелях. Они сознательно утаивают эти сведения, показывающие, что ответственность за неисчислимые жертвы второй мировой войны несут наравне с германскими милитаристами империалисты США, Англии и Франции.

Только прогрессивные историки и политические деятели США, объективно анализируя исторические события, дают правильную оценку империалистической внешней политике Соединенных Штатов. Так, прогрессивный американский историк Гершл Д. Мейер в книге «Неизбежна ли гибель Америки?» приводит многочисленные факты, подтверждающие позорную роль США в мюнхенской сделке. Он цитирует заявление Эдуарда Бенеша о том, что «посол (Соединенных Штатов) в Англии Джозеф Кэннеди открыто и последовательно защищал линию Чемберлена и Чемберлен неоднократно опирался на его поддержку»¹. Другой американский прогрессивный историк Фредерик Л. Шуман, отмечая стремление правящих кругов западных стран, в том числе и США, толкнуть фашистскую Германию через Польшу на Восток, против СССР, писал, что некоторые западные политики «предлагали покинуть Польшу на произвол судьбы, другие настаивали сделать широкий жест и

¹ См. *Гершл Д. Мейер, Неизбежна ли гибель Америки?*, М. 1950, стр. 74.

объявить войну. Но все предпочитали гибель Польши защите Польши Советским Союзом и все надеялись, что результатом будет война между Германией и СССР»¹.

Глубокую и всестороннюю оценку внешней политики США и других западных держав дал председатель Коммунистической партии США, один из виднейших деятелей американского рабочего движения Уильям З. Фостер в своей книге «Очерк политической истории Америки». Он указывал, что крупные капиталисты США в 30-е годы прониклись идеями фашизма, видя в нем единственно приемлемый для себя выход из кризиса². «Именно этой фашистской идеологией,— писал он,— объясняется их политика «умиротворения» Гитлера и его союзников перед второй мировой войной. Они были вполне готовы совместно с Гитлером установить господство фашизма во всем мире в надежде, что их не будут тогда тревожить ни циклические экономические кризисы, ни профсоюзы и коммунистические партии, ни призрак социализма»³. Аналогичную оценку дал в изданной в 1952 г. в Нью-Йорке книге «Мы можем быть друзьями» и Карл Марзани, указывавший, что западные державы в 30-х годах проводили профашистскую политику и держали курс на войну. Он подчеркивал, что неослабевающая враждебность капиталистических стран к Советскому Союзу является ключом ко всей истории международных отношений 30-х годов⁴.

* *
*

Основным тезисом как документальных публикаций, мемуаров, так и «исследований» американских буржуазных историков является утверждение о том, что политика США на Дальнем Востоке была направлена на обеспечение мира, что она мешала развертыванию японской агрессии и тем самым защищала страны Азии от японских захватчиков. Для доказательства этого положения Лэнжер и Глисон, например, часто цитируют

¹ *Frederik L. Shuman, Soviet Politics at Home and Abroad, p. 376.*

² Прогрессивный американский публицист Альберт Кан в книге «Измена родине» сообщает, что в 1939 г. в США орудовало более 700 фашистских организаций (А. Кан, *Измена родине*, М. 1951, стр. 220).

³ *Уильям З. Фостер, Очерк политической истории Америки*, М. 1953, стр. 606.

⁴ *Carl Marzani, We can be friends, New York, 1952, p. 120.*

длинные и многословные заявления Хэлла о демократических и миролюбивых принципах внешней политики США. Однако, как известно, этими декларациями и заявлениями по существу и исчерпывались мероприятия США. Они сами признают, что даже очень общая и неконкретная речь Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г., в которой он предлагал установить карантин против держав, нарушающих мир, была «важным отступлением в американской внешней политике»¹. В связи с этим нельзя не напомнить, что эта речь Рузвельта, как признает в своих мемуарах Хэлл, была встречена госдепартаментом враждебно. Хэлл тщательно отмежевывается от этого заявления Рузвельта².

Для того чтобы выдвинутое Рузвельтом предложение об установлении «карантина» не было понято японскими агрессорами как намерение США установить серьезные санкции, правящие круги США поторопились успокоить их. 6 октября 1937 г. была организована пресс-конференция, на которой Рузвельту был предложен целый ряд вопросов в связи с его речью. На вопрос, означает ли его речь отступление от акта нейтралитета, президент ответил: «Нисколько»³. На вопрос, означает ли слово «карантин» какие-либо экономические санкции, последовал ответ сначала — «нет, необязательно»⁴, а далее просто — «нет»⁵.

Не довольствуясь разъяснениями Рузвельта на пресс-конференции, японский посол в США Сайто по поручению японского правительства посетил Хэлла. Сайто интересовал вопрос, не изменится ли курс внешней политики США. Хэлл поспешил заверить Сайто, что «в настоящее время мы не имеем в виду никаких особых шагов: мы следуем курсу и политике, которых мы будем придерживаться и далее»⁶. Это было правильно понято японскими империалистами.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 11.

² C. Hull, *The Memoirs*, vol. II, p. 134.

³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1937», p. 423.

⁴ Там же, стр. 423.

⁵ Там же, стр. 425.

⁶ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States with Japan, 1931—1946», p. 393.

Влиятельная японская газета «Осака Майнити» 10 октября 1937 г. в статье, озаглавленной «Подлинный смысл речи — бомбы президента США», сообщала, что речь Рузвельта «(1) не означает какого-либо изменения в той политике, которую ранее проводили США; (2) США не прибегнут к санкциям...»

Последующие события полностью подтвердили этот вывод японской газеты. Снабжение Японии нефтью, железным ломом и цветными металлами продолжалось почти вплоть до нападения японцев на Пёрл-Харбор.

Американские историки и мемуаристы объясняют эту политику тем, что прекращение поставок нефти и железного лома якобы не могло остановить японской агрессии в Китае, но немедленно вызвало бы нападение Японии на Голландскую Индию или даже на США¹.

«Они, т. е. Рузвельт и Хэлл,— пишут Лэнжер и Глисон,— давно пришли к убеждению, что эмбарго, вероятно, не остановит японскую армию в Китае, а может вполне вызвать новую экспансию на юго-запад в поисках необходимого сырья, если не ускорит войны с США»².

Следует заметить, что этот довод не являлся чисто американским изобретением. Японская пресса проводила эту точку зрения начиная с 1931 г., подсказывая американским мюнхенцам аргументы для оправдания политики поощрения японской агрессии.

Японский буржуазный публицист Саса Хироо в своей книге «Будущее сильной политики Японии», вышедшей в 1934 г., писал:

«Пока США и Англия не прибегнут к отчаянной внешней политике — принуждению Японии военными средствами, экономическая блокада не может быть осуществлена никоим образом. Объявление экономической блокады приведет к тому, что Япония начнет блокаду китайского побережья как средство экономической самозащиты и в случае нарушения этой блокады к величайшему столкновению господствующего на море японского флота с англо-американским флотом»³.

¹ H. Feis, *The Road to Pearl Harbor*, Princenton 1950, p. 19.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 578.

³ Саса Хироо, *Будущее сильной политики Японии* (на японском языке), Токио 1934, стр. 360—361.

Видя полную несостоятельность такой аргументации, Фейс, говоря о 1939 г., пытается объяснить американскую политику следующим образом: «Правительство не хотело занять твердую позицию в отношении Японии, пока не выяснится обстановка в Европе»¹.

А Лэнжер и Глисон, касаясь периода конца 1939 — начала 1940 г., пишут, что основной причиной непринятия США мер, которые бы остановили японских агрессоров в Китае, явилось будто бы то, что внимание США было приковано к советско-финской войне.

Японцы в феврале 1940 г. открыто провозгласили так называемую священную войну против Китая. Они пошли в этот же период и на то, чтобы установить на оккупированной ими территории марионеточный режим Ван Цзин-вэя. Япония рассчитывала при помощи правительства предателя Ван Цзин-вэя сломить Китай и заставить его пойти на соглашение с Японией. Лэнжер и Глисон, однако, объясняют эти действия Японии не этим, а надеждой на то, что в условиях напряженности в Европе, вызванной советско-финской войной, США не захотят ввязываться в конфликт с Японией. Хотя, как известно, США и раньше проводили политику сговора с Японией.

На создание правительства Ван Цзин-вэя США откликнулись лишь заявлением о том, что они считают единственно законным правительством Китая правительство Чан Кай-ши, являвшегося верной кратурой американского империализма.

Правительства западных держав, исходя из своих антисоветских установок и рассчитывая на сговор с Германией и раздувание советско-финского конфликта, шли на широкие уступки японскому агрессору. Поэтому вся борьба между Японией и США «оставалась битвой слов». США заявляли время от времени протесты Японии, не принимая при этом никаких мер, могущих остановить японцев в их политике захватов. В действительности они поощряли эту агрессию.

Несмотря на то что в середине 1939 г. США заявили о прекращении с 26 января 1940 г. действия торгового договора 1911 г. с Японией, фактически поставки нефти, железного лома и других материалов не прекращались даже и после прекращения действия договора. В своих

¹ H. Feis, *The Road to Pearl Harbor*, p. 24.

мемуарах Хэлл, Грю, а также ряд историков — Лэнжер, Глисон, Фейс — стремятся объяснить это теми соображениями, что США рассчитывали таким способом удержать японских «умеренных» деятелей у власти и не допустить усиления влияния экстремистских элементов¹.

Однако позиция США, наоборот, содействовала усилению активности фашистских элементов, рассматривавших уступки со стороны Соединенных Штатов как желание последних сговориться с Японией за счет других стран.

В то же время США имели в своих руках сильное средство для воздействия на Японию.

Факты показывают зависимость японской экономики от импорта из США. Так, например, в 1937—1938 гг. доля США в общем объеме японского импорта сырья и материалов военного значения составляла (в %):

	1937 г. ²	1938 г. ³
Нефть и нефтепродукты	60,5	65,6
Медь	92,9	91
Железный и стальной лом	59,7	90,4
Автомашины и части к ним	91,2	64,7
Самолеты и части к ним	—	77

Приведенные цифры показывают, что США являлись основным поставщиком военных материалов для Японии и что поставки в Японию из США военно-стратегических материалов с каждым годом расширялись.

Правда, американское правительство в чисто демагогических целях наложило так называемое «моральное эмбарго» на поставку в Японию одного из видов вооружения — самолетов.

1 июля 1938 г. госдепартамент США уведомил американские авиационные компании и экспортеров о неодобрении правительством США продажи самолетов и частей к ним странам, которые прибегают к бесчеловеч-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 309; H. Feis, *The Road to Pearl Harbor*, p. 19, 28—29.

² «America's Share in Japan's War Guilt», New York 1938, p. 9.

³ «Amerasia», vol. 3, N 5, July 1939, New York.

ным бомбардировкам. Этот жест правительства США известен как введение «морального эмбарго»¹.

О том, что это был не более как жест, рассчитанный на обман американского народа и мирового общественного мнения, говорят следующие факты. Если экспорт самолетов из США в Японию в 1937 г. составлял 2484 тыс. долл., то в 1938 г., когда уже существовало так называемое «моральное эмбарго», экспорт из США в Японию самолетов составил значительную сумму — 17454 тыс., т. е. на 15 млн. долл. больше².

Сразу же, после того как было наложено «моральное эмбарго», японское правительство начало переговоры с американскими фирмами о постройке в Японии и в оккупированных районах Китая авиационных заводов. В этих целях в конце 1938 г. в США приехал командующий японской морской авиацией Кендзи Маэбара. Для реконструкции своих авиационных заводов японские концерны приобрели у американских монополий большое количество новейшего оборудования. «Американские компании Мелона и Форда обеспечили новейшим оборудованием японский авиационный концерн Накадзима»³. Огромное количество станков было закуплено также у американских фирм для реконструкции авиационных заводов в Нагасаки.

Импорт Японии из США, главными статьями которого являлись военно-стратегические материалы, составил только за 1937—1939 гг. сумму в 760,4 млн. долл.⁴ К тому же США, покупая у Японии в огромных масштабах различные товары, а также золото и серебро, обеспечивали ей благоприятный баланс внешней торговли. За указанные годы баланс составил 321 млн. долл. в пользу Японии. Эти деньги использовались Японией для покупки материалов и сырья для нужд войны в других странах⁵.

Понятно, что в условиях значительной зависимости Японии от американских поставок действительное эм-

¹ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», p. 421—422.

² T. A. Bisson, *America's Far Eastern Policy*, p. 85.

³ «Исторический обзор политики СССР и США в отношении Китая» (на китайском языке), Мукден 1948, стр. 12.

⁴ «Statistical Abstracts of the United States. 1940», Washington 1941, p. 512.

⁵ «Amerasia», July 1940.

барго на торговлю с Японией поставило бы ее в весьма затруднительное положение. Американский институт тихоокеанских отношений в результате исследования этого вопроса пришел к выводу, что, «если бы эмбарго на достаточное количество этих материалов продолжалось долго и решительно, Япония была бы доведена до экономического застоя и военного поражения»¹.

Хэлл, а также Фейс, Лэнжер и Глисон вынуждены признать, что эта политика поощрения агрессии вызвала возрастающее негодование американской общественности. Против этой политики выступали и отдельные представители правящих кругов, боявшиеся за свои прибыли в Китае.

В связи с давлением общественности в январе 1940 г. в конгресс США было внесено пять законопроектов и резолюций, требующих ограничения американского экспорта в Японию. Один сенатор (Кинг) высказался даже за прекращение всяких отношений с Японией, но правительство заняло твердую позицию против этих требований и, несмотря на то что в конгрессе шум шел в течение нескольких недель, не допустило принятия решения о наложении эмбарго².

Известно, что лишь в июле 1940 г., в связи с тем что японцы уже начали осуществлять нажим на Индокитай и готовились к нападению на Голландскую Индию, Рузвельт ввел систему лицензий на поставку Японии нефти и железного лома. Это объясняется наличием у американских монополий больших интересов в этом районе. Недаром государственный секретарь Хэлл еще 17 апреля 1940 г. заявил об особой «заинтересованности» США в судьбе Голландской Индии. Американские монополии беспокоились, что важные источники стратегического сырья могут попасть в руки японцев. Соединенные Штаты импортировали в больших количествах каучук и олово из Индонезии и Малайи; американский империализм хотел воспрепятствовать Японии захватить нефтяные ресурсы Индонезии. В свете сказанного понятно, почему напряженность японо-американских отношений усиливалась по мере развития экспансии Японии в южном направлении. Этим объясняется введение американ-

¹ «American Far Eastern Policy and the Cino — Japanese war», New York 1938, p. 2.

² H. Feis, The Road to Pearl Harbor, p. 22.

ских лицензий на поставку железного лома и нефти в Японию. Факты показывают, однако, что система лицензий не имела серьезных последствий. В течение августа 1940 г. было выдано лицензий на экспорт нефтяных продуктов в Японию больше, чем за первые шесть месяцев 1940 г.¹

Для того чтобы создать впечатление, что США старались остановить японскую агрессию, Лэнжер и Глисон, не имея других фактов, все внимание сосредоточивают на описании различных передвижений и маневров американского флота. Так, они сообщают, что 15 апреля 1939 г. президент приказал флоту вернуться из Атлантического океана на свою обычную базу в Сан-Диего.

«Появление американского флота в Тихом океане оказало более глубокое впечатление на токийское правительство, чем все ноты и протесты за прошедшие месяцы»², — утверждают Лэнжер и Глисон. Нельзя не отметить, что авторы преувеличивают влияние американского флота на развитие международных отношений накануне войны. Они утверждают, что передвижение американского флота из Сан-Диего на Гавайи явилось решающим фактором, помешавшим японцам развернуть наступление в сторону южных морей еще в 1939 г. При этом авторы сознательно опускают самый важный и решающий фактор — роль Советского Союза в деле сохранения мира на Дальнем Востоке.

Факты, касающиеся миролюбивой политики Советского Союза, стремившегося предотвратить развязывание войны и развитие агрессии на Дальнем Востоке, общеизвестны. Достаточно напомнить решительный отпор, данный советскими войсками японским агрессорам в районе озера Хасан летом и осенью 1938 г. Твердая политика Советского правительства явилась значительной моральной поддержкой китайского народа в его освободительной войне и большим сдерживающим фактором в отношении агрессоров. Военные действия на реке Халхин-Гол и разгром японских сил осенью 1939 г. также имели огромное значение, они вдохновили героический китайский народ на дальнейшую борьбу против

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 18.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation*, p. 104.

милитаристской Японии, облегчили борьбу Китая за национальную независимость и серьезно ухудшили международное положение империалистической Японии.

Наконец, большое влияние на развитие дальневосточных событий имело заключение советско-германского договора о ненападении, который, по словам т. Мао Цзэ-дуна, «нанес удар Японии, оказал помощь Китаю, в самом Китае укрепил позиции сторонников продолжения войны против японских захватчиков и нанес удар капитулянтам», а также «открыл перед Советским Союзом большие возможности... оказывать помощь Китаю в его борьбе против японских захватчиков»¹. Напрасно было бы, однако, искать даже упоминания об этих фактах в работах американских буржуазных историков.

В то же самое время американские историки не могут скрыть, что США не вели решительных действий против агрессивной политики Японии. Они объясняют это слабостью США на Дальнем Востоке и изоляционистской позицией американского народа.

Подводя итоги своему исследованию, Лэнжер и Глисон утверждают, что, «какими бы ни были окончательные суждения о правильности вступления Америки в мировую войну, обвинения и защита должны касаться всего американского народа»².

Таким образом, всю ответственность за политику поощрения японской агрессии, принесшей миллионы жертв народам Азии и Америки, авторы пытаются возложить на американский народ, скрывая, что демократические элементы США с самого начала возникновения мировой войны требовали активного участия страны в борьбе против агрессии.

В работах Фейса, Лэнжера, Глисона и др. подробно описывается ход японо-американских переговоров начиная с неофициальных переговоров в начале 1941 г. и кончая самыми последними днями накануне Пёрл-Харбора. Они обращают внимание на трудности, которые стояли перед их участниками. И действительно, империалистические противоречия между США и Японией были настолько непримиримыми, что всерьез говорить о каком-то прочном соглашении было нельзя.

¹ *Мао Цзэ-дун*, Избранные произведения, т. 3, М. 1953, стр. 55, 61.

² *W. L. Langer and S. E. Gleason*, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 941.

Авторы, разумеется, не говорят об этом. Зато они пытаются выдать борьбу между японским и американским империализмом за господство на Тихом океане и сферы влияния в Индокитае, Индонезии и Малайе за стремление США сохранить мир на Дальнем Востоке.

В их работах приводятся любопытные сведения о том, что неофициальные японо-американские переговоры об урегулировании основных противоречий на Тихом океане начались не в марте 1941 г., как это широко известно, а в самом начале 1941 г. Эти переговоры со стороны Японии вел полковник Хасимото — лидер фашистской организации «Черный дракон», поклонник Гитлера и Муссолини, известный своими крайне реакционными и агрессивными выступлениями.

Член японской экономической федерации Тода, являвшийся секретарем японо-американского торгового совета, заявил в декабре 1940 г. американскому послу Грю, что Хасимото хочет посетить США и что он отражает настроения тех финансовых, торговых и промышленных кругов, которые недовольны линией Коноэ и Мацуока на урегулирование отношений с СССР, рассматривая ее как угрозу попыткам японо-американского сближения.

Американское правительство пригласило Хасимото посетить США.

О поездке Хасимото не публиковалось никаких сведений в печати, хотя Хасимото пробыл в США почти месяц — с середины января до середины февраля 1941 г. За это время он имел ряд встреч с чиновниками госдепартамента. Во время бесед с представителями госдепартамента Хасимото заявлял, что Тодзио разделяет его взгляды и что непосредственной целью этой группы является стремление освободиться от Мацуока и его планов соглашения с СССР. Хасимото говорил, что если США займут более примирительную позицию по отношению к Японии, то нежелательные для США черты японской политики могут быть ликвидированы.

Хасимото вносил на рассмотрение следующие конкретные предложения:

1. Подписание Тихоокеанского пакта, который гарантировал бы сохранение статус-кво.

2. Американское предложение о прекращении войны в Европе и Азии.

3. Использование американского влияния, для того чтобы склонить Чан Кай-ши заключить мир с Японией.

В то же время Япония требовала, чтобы США признали японское руководство в Восточной Азии, поддерживали торговое равенство с Японией и постарались помочь Японии получить долю неразработанных полезных ископаемых в районе Восточной Азии, предоставили Японии заем и заключили новый торговый договор¹.

Эта программа японских империалистов, которые старались договориться с США на основе отступления американцев, чтобы начать агрессию против Советского Союза, носила слишком наглый характер, так как практически отдавала всю Азию Японии. Поэтому ее не могли принять американские империалисты, и попытка урегулировать японо-американские разногласия кончалась неудачей.

Из приведенного авторами материала видно, что обе стороны уже заранее решили, что война неизбежна и готовились к ней. Дело было лишь в сроках и в том, чья военная машина окажется более подготовленной и более оперативной в смысле осуществления агрессивного акта. Еще раз подтверждалась правота ленинского положения о том, что «японский капитализм и американский одинаково разбойны»².

29 ноября 1941 года в ответ на запрос японцев Германия заявила, что в случае войны Японии с США она примет в ней участие³.

Японское правительство 30 ноября официально приняло решение начать войну... На следующий день решение было одобрено тайным советом. Суда для нападения на Пёрл-Харбор вышли в море еще 26 ноября.

Американское правительство также считало войну неизбежной. Об этом говорили Хэлл, Нокс и Старк на заседании военного совета 29—30 ноября⁴. 4 декабря президент обратился к лидерам конгресса с просьбой не делать перерыва в работе конгресса больше чем на три дня.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 312

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 25, стр. 22.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 910.

⁴ Там же, стр. 915.

Из перехваченных документов американцам было хорошо известно о мерах японцев, которые рассматривали переговоры лишь как маневр, для того чтобы выиграть время.

Японские корабли приближались к Пёрл-Харбору, готовые начать атаку.

Даже в этих условиях, буквально накануне нападения Японии, мюнхенцы стремились заставить Рузвельта выступить в качестве посредника между Японией и Китаем, рассчитывая, таким образом, добиться нового Мюнхена за счет Китая. Действуя в контакте с японскими послами Курусу и Намура, ряд влиятельных лиц, в частности министр почт Уокер, посетил Рузвельта и настаивал на уступках Японии.

За несколько часов до нападения японцев на Пёрл-Харбор в госдепартаменте и правительстве обсуждались еще проекты о перемирии на 90 дней в Китае и установлении «модус вивенди»¹. Таким образом, даже в условиях обострения японо-американских противоречий правящие круги США не теряли надежды в последний момент заключить закулисную сделку с Японией. В этом плане следует рассматривать и направление Рузвельтом 6 декабря послания японскому императору с призывом мирно урегулировать разногласия.

В американских правящих кругах существовало убеждение, что если война и начнется, то японцы нападут на голландские и английские владения, но отнюдь не на американские².

Значительное внимание в американской историографии уделено показу внутривосточной борьбы в Японии по вопросам внешней политики.

Рисуя положение в Японии, мемуаристы (особенно Грю) и исследователи преувеличивают расхождения, существовавшие между так называемыми «умеренными» кругами и экстремистами. Грю, Моргенштерн, Бирд, Фейс, Лэнжер, Глисон и др. обеляют политику японских правящих кругов, и все грехи стремятся свалить на незначительную группу армейских экстремистов, которые якобы только и хотели заставить японское правительство в союзе с Германией развернуть экспансию в сто-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 924.

² Там же, стр. 926.

рону юга и захватить Индонезию, Индокитай и другие владения западных держав.

Так, Фейс подчеркивает, что консервативные финансовые и деловые круги были оппозиционно настроены в отношении соглашения с Германией и обязательств, которые могли бы привести Японию к столкновению с США¹. Они всячески стараются подчеркнуть, что правительства Хиранума, Абэ и особенно Ионаи стремились достичь соглашения с США и Англией, но им в этом отношении мешали армейские круги, тесно связанные с Германией и Италией.

Стремясь все свалить на эти военно-фашистские элементы, американские фальсификаторы всячески замазывают роль японских монополий — действительных вдохновителей и организаторов агрессивной политики японского империализма.

Известно, что между американскими и японскими монополистами существовали тесные связи. Согласно японским данным, из общей суммы иностранных капиталовложений в Японию на 31 декабря 1941 г. на долю США приходилось около 80%; особенно значительными были американские вложения в японскую машиностроительную, обрабатывающую и химическую промышленность².

Помимо прямых связей в виде капиталовложений и займов, широкое распространение имели картельные связи между крупнейшими банками двух стран. Так, американская алюминиевая компания через свой канадский филиал владела 30% акций алюминиевой компании японского концерна «Сумитомо», компания «Вестингауз» владела акциями «Мицубиси денки» (электропромышленность Мицубиси). Компания «Стандард ойл оф Нью Джерси» через компанию «Тай дуотер ассошиэйтед ойл» владела акциями «Мицубиси Секию» (нефтяная компания Мицубиси) и т. д.

Были связаны с японскими компаниями также «Форд», «Интернейшнл дженерал электрик», «Стандард ойл», «Дженерал моторс», компания «Зингер» и многие другие.

Японские монополии и крупнейшие органы финансовой олигархии — «Сёгио кайчисе» (торговая палата),

¹ Н. Feis, *The Road to Pearl Harbor*, p. 28.

² См. Б. Родов, *Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938—1941*, М. 1951, стр. 62.

«Ниппон Кото Курабу» (промышленный клуб), «Ниппон Кейдзай реммей» (экономическая лига) и «Дзенкоку санчи дантай ренгокай» (федерация промышленников) обладали в то время почти неограниченным влиянием на правительство.

Между японскими монополиями и военной кликой существовали теснейшие личные связи. Многие члены правительства, руководители армии и флота были лично связаны с главарями крупнейших концернов. Так, у Мицуи на высоких постах имелось 13, у Мицубиси — 11 генералов и адмиралов в отставке¹.

Американские буржуазные историки предпочитают умалчивать об этих фактах. О крупных японских монополистах и их связях с американскими монополиями в большинстве книг не имеется ни одного упоминания². Это и понятно. Ведь сейчас американский империализм на Дальнем Востоке делает прежде всего ставку на эти монополистические круги.

Однако факты опровергают измышления Моргенштерна, Бирда, Тэнсилла, Фейса, Лэнжера, Глисона и др. Стоит только посмотреть на такие широко известные за границей издания, как «Contemporary Japan» (фактически являвшийся органом японского МИД) или издававшиеся дельцами газеты «The Japan Weekly Chronical» и др., как мы убедимся в обратном.

Так, например, «The Japan Weekly Chronical» уже 25 апреля 1940 г., т. е. еще до поражения Франции, Голландии и Бельгии, подчеркивала, что «значение рынка Голландской Индии для Японии быстро возрастает в связи с изменившейся международной обстановкой», и настойчиво требовала от правительства «позитивных мер для обеспечения лучших торговых связей с этой страной». Президент «Компании по развитию стран южных

¹ См. Б. Родов, Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938—1941, стр. 63—66.

² Исключение составляют работы историков и публицистов, которые отражают интересы тех капиталистических кругов, которые потерпели наибольший ущерб от деятельности японских монополистов в предвоенный период и которые настаивали на ограничении политической деятельности и экономической мощи основных японских монополий — дзайбацу с целью обезвреживания их деятельности как конкурента США на азиатских рынках. Представителями этого направления являются Джозеф Розингер, Биссон, Рут и др., группировавшиеся в свое время вокруг журнала «Amerasia».

морей» Мацуе Харудзи в апрельском номере за 1940 г. «Тюо корон» (воспроизведенной в «Контемпорари Джэпен») писал, что богатые ценными ископаемыми страны Юго-Восточной Азии «близки к Японии и нам крайне необходимо в интересах прогресса японской экономики найти средство получения как можно большего количества продуктов этих стран»¹. Японские генерал-майоры Ямада и Хасимото заявили о необходимости «посылки» в Голландскую Индию сильного морского отряда, для того чтобы «временно оккупировать эти острова»².

Ведущие японские газеты «Асахи», «Кокумин» и др., выражая взгляды японских монополий, с каждым днем все более откровенно призывали к решительным «позитивным» действиям³. После того как Германия одержала значительные успехи в войне на Западе против Франции, японские монополисты начинают еще более решительно требовать активизации японской агрессии на юге.

Фракция крупнейшей буржуазной партии Японии — Сейюкай, связанная с концерном Мицуи, 19 июня 1940 г. приняла резолюцию, в которой требовала «коренного разрешения вопроса о странах южных морей»⁴.

Руководство другой ведущей буржуазной партии — Минсенто, связанной с Мицубиси, 18 июня того же года приняло обращение к правительству с требованием пересмотра политики в отношении Голландской Индии и Индокитая⁵.

Агентство Домей Цусин сообщало, что, по мнению дзайбацу, победа Германии в Европе сама по себе не приведет к улучшению экономического положения Японии и поэтому «нужно установить автаркию Восточной Азии, тем самым сделав еще один крупный шаг по пути строительства новой Восточной Азии»⁶.

Такие примеры можно приводить без конца. Все они прямое свидетельство фальсификации американской историографией политики правящих кругов Японии в тот период.

¹ «Contemporary Japan», Токуо, Май 1940, р. 627.

² «Правда», 25 апреля 1940 г.

³ См. «Правда», 13, 15 мая 1940 г. и др.

⁴ «Ежедекадник агентства Домей Цусин» № 17, 1940 г., стр. 1845 (на японском языке).

⁵ См. там же, стр. 1844.

⁶ Там же, стр. 1857.

В работах американских историков значительное место отводится показу американской политики в отношении Китая. Американские фальсификаторы стараются доказать, что США оказывали Китаю максимальную по своим возможностям помощь. Вопреки этой общей установке в работах американских историков содержится много фактов, опровергающих этот ложный тезис. Так, например, Лэнжер и Глисон приводят весьма интересные сведения о том, что в 1939 г. китайское правительство обратилось с просьбой к Англии, Франции и США о поддержке Китая в войне против Японии. Это предложение было передано Англии и Франции 4 апреля 1939 г. и США 14 апреля 1939 г. Авторы признают, что это предложение китайского правительства в США «серьезно не рассматривалось».

Американский ответ от 1 мая 1939 г. был устным и лишь содержал сообщение о том, что американская позиция в этом отношении хорошо известна¹. Авторы пытаются объяснить такую политику США неготовностью будто бы к столкновению с Японией, «миролюбивым» курсом американской политики, слабостью позиций англичан и французов на Дальнем Востоке. «Вооруженный конфликт,— пишут они,— не входил в планы Вашингтона», «поэтому сфера его деятельности сводилась только к простым увещаниям...»² Американские историки стараются доказать, что США якобы из чисто благородных побуждений стремились помочь Китаю в его борьбе против японских захватчиков. Однако факты говорят об обратном.

Говоря о слабости позиции Англии и Франции на Дальнем Востоке в 1939 г., американские историки фальшивят.

Кому неизвестно, что для Англии, Франции и США открывалась полная возможность остановить как нацистскую агрессию в Европе, так и японскую экспансию на Дальнем Востоке с помощью коллективной безопасно-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 104.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 156.

сти, за осуществление которой боролся СССР. В этой связи нельзя не заметить, что одно только начало англо-франко-советских переговоров весной 1939 г. явилось серьезным предупреждением японцам и они вынуждены были в значительной степени умерить свой пыл по вопросу о заключении военного союза с Германией.

Отказывая Китаю в эффективной политической и военной помощи, США не шли и на финансовую поддержку борьбы Китая против Японии, ссылаясь на отсутствие необходимых средств.

Китайский посол в 1939 г. поставил вопрос о предоставлении Китаю займа в 75 млн. долл. Однако Моргантау отказал в этом займе, ссылаясь на то, что, как он заявил, этот заем нуждается в какой-то компенсации, и хотя США нуждаются в стратегических материалах вроде олова, которыми располагает Китай, однако вывезти их из Китая очень трудно. Только в марте 1940 г. Китаю был предоставлен заем в сумме 20 млн. долл. на условиях поставки со стороны Китая соответствующего количества олова¹. Это ни в коей мере не удовлетворяло потребностей Китая.

Летом и осенью 1940 г. в правительстве США долгое время разбирался вопрос о предоставлении займа Китаю. Гоминдановская верхушка, всерьез не желавшая, как известно, вести войну против японцев, а сосредоточившая свои силы против народно-освободительных армий (о чем, кстати говоря, многие американские авторы даже не упоминают), была согласна торговать собственной территорией в целях получения займов от США, значительная доля которых шла не на организацию сопротивления, а в карманы чанкайшистской правящей клики.

5 сентября 1940 г. чунцинское правительство официально заявило о своей согласии за предоставление займа сдать США в аренду несколько баз.

В конце сентября 1940 г. США согласились предоставить Китаю заем, но не безвозмездно, а за встречные поставки необходимой для американской промышленности вольфрамовой руды². США не были заинтересованы

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 304.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 17.

в поражении японцев в Китае в тот период, опасаясь победы народно-освободительных сил. Они понимали, что это приведет к укреплению позиций демократии в Китае, будет означать крах предательской клики Чан Кай-ши и создаст условия для появления мощного и свободного Китая¹.

Хэлл, Грю, большинство американских историков сознательно замалчивают роль китайского народа в борьбе с японским империализмом. Если где и упоминается вскользь о сопротивлении Китая, то это всегда связывается с правительством Чан Кай-ши. В книгах американских историков мы не встретим даже малейшего упоминания о решающей роли в этом сопротивлении 4-й и 8-й Народно-освободительных армий, равно как и о борьбе китайских партизан, хотя известно, что именно эти силы приковывали к себе основные контингенты японских частей. Вряд ли можно сбросить со счета тот факт, что уже к концу третьего года войны потери Японии убитыми и ранеными составили примерно 1 млн. человек, причем основная часть этих потерь падает на японские части, сражавшиеся против 4-й и 8-й Народно-освободительных армий.

Основой политики американского империализма в отношении Японии являлось стремление не обострять отношения с японскими империалистами в надежде на то, что они осуществят давно задуманные планы нападения на Советский Союз. Именно этим и объясняется, что США, несмотря на огромный ущерб, который им наносила Япония в результате своей экспансии в Китае, не принимали никаких эффективных мер, ограничиваясь демагогическими заявлениями, рассчитанными лишь на предупреждение Японии и на подталкивание ее на войну против СССР.

¹ Известный американский журнал «Current History», высказывая эти опасения, писал: «Если Китай достаточно силен, чтобы выгнать японцев, он может оказаться достаточно сильным, чтобы изгнать также и других иностранцев» («Current History», June 1936). Американский буржуазный историк Биссон в своей книге «Политика США на Дальнем Востоке» выражал опасение, что победа национально-освободительного движения китайского народа сделала бы политику открытых дверей и равных возможностей «анахронизмом, подлежащим уничтожению» (T. Bisson, *The Far Eastern Policy of the United States*, New York 1940, p. 193).

Американские исследователи явно замалчивают стремление США раздуть развернувшиеся в 1938 и 1939 гг. конфликты между Японией и СССР на Дальнем Востоке, вызванные нападением японской военщины, и преувеличить их в большую войну.

С самого начала конфликта на озере Хасан и до его урегулирования американская реакционная пресса изображала хасанские события как результат вторжения советских войск на японскую территорию. Начиная с 15 июля 1938 г. в американской печати замелькали сообщения о якобы имевших место нарушениях советскими войсками границ Манчжоу-Го, захвата японской территории и т. д. Особенно много места сообщениям подобного рода уделяла влиятельнейшая американская газета «New York Times».

Всеми миру было известно, что на СССР напали японские милитаристы, однако Хэлл 2 августа 1938 г. на пресс-конференции заявил, что причина конфликта на японо-советской границе американскому правительству не ясна¹.

Стремясь столкнуть Японию с СССР, американская реакция особенно усилила свою активность летом 1939 г. в связи с обострившимся политическим кризисом в Европе. Влиятельный американский журнал «Current History» накануне японской авантюры у Халхин-Гола в майском номере за 1939 г. поместил провокационную статью реакционного журналиста Чемберлена под названием «Япония готова к прыжку».

4 июля 1939 г. газета «New York Times» выступила с откровенно поджигательской статьей. В ней редакция газеты настоятельно рекомендовала Японии обратить самое серьезное внимание на Японское море, «расположенное у самых ворот Японии».

Японское море перестанет быть воротами Японии только при условии, «если азиатские границы будут отодвинуты до озера Байкал», — поучала японских милитаристов «New York Times».

Признавая прямую заинтересованность американских правящих кругов в разжигании советско-японской войны, американский буржуазный историк Раух писал, что «правительство США опасалось, что если Япония

¹ «New York Times», 3. VIII.1938.

прекратит бои у Халхин-Гола, то она двинется на юг». «Американцы боялись,— пишет он,— что соглашение развяжет руки Японии для дальнейшего расширения операций в Китае и в юго-западной части Тихого океана и что за соглашением последует пакт о ненападении между СССР и Японией»¹.

Американских империалистов никак не устраивало улучшение советско-японских отношений. Наиболее откровенные из них прямо об этом и писали. Так, известный лидер республиканцев сенатор Ванденберг заявил, что если Япония посмеет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, то США немедленно введут эмбарго на торговлю с Японией².

Американские буржуазные историки старательно обходят эти моменты в политике США, собираясь скрыть тот факт, что американская дипломатия в качестве одной из своих главных задач стремилась ухудшить японо-советские отношения, содействовать их обострению и возникновению японо-советских столкновений.

Американские буржуазные историки много места уделяют вопросам внешней политики Советского Союза конца 30-х годов и советско-американским отношениям.

Историки новой школы Чарлз Бирд, К. Рид, Ч. Тэнсилл и др., называющие себя прагматистами³, критикуют с реакционных позиций действия Рузвельта в отношении СССР.

По их мнению, ошибкой Рузвельта является то, что накануне войны и в ходе ее Соединенные Штаты не сумели достичь соглашения с фашистскими странами против Советского Союза.

Так, Ч. Тэнсилл в книге «Война с черного хода», критикуя действия Рузвельта, пишет, что Германию вовлекли в войну с Англией и Францией, тогда как она предпочитала войну с СССР⁴.

¹ *B. Rauch*, *From Munich to Pearl Harbor*, New York 1948, p. 142.

² «*Amerasia*», December 1940.

³ Прагматизмом называется направление в истории, ограничивающееся изложением событий в их внешней связи и последовательности, вскрытия объективных законов исторического развития.

⁴ *C. Tansill*, *Back Door to War*, 1952, p. 557.

Не считаясь с историческими фактами, они пытаются доказать, будто США могли бы и не вступать в антигитлеровскую коалицию в союзе с СССР и что от этого якобы выиграли бы интересы Соединенных Штатов. Профессор Т. Бейли, перепевая известное заявление Трумэна, утверждал, что в этом случае «Германия и СССР истощили бы друг друга в холодных степях России, а Америка осталась бы в стороне»¹.

Такой же точки зрения придерживаются В. Дин, Х. Болдуин и У. Чемберлен². Вместе с тем они извращают советскую внешнюю политику и совершенно безосновательно ставят под сомнение миролюбивый характер внешней политики СССР. Ряд других буржуазных историков, пытаясь создать видимость объективного рассмотрения внешней политики Советского Союза, дают положительную характеристику отдельных внешнеполитических актов Советского правительства в рассматриваемый период, касаются вопросов борьбы Советского Союза за коллективную безопасность, за создание Восточного фронта, приводят некоторые документы советской внешней политики. Вместе с тем следует отметить, что американские историки преднамеренно сужают круг используемых в работах советских источников.

Подлинный анализ советской внешней политики в большинстве случаев подменяется клеветой на Советское государство и его внешнюю политику. Американские мемуаристы и исследователи, как правило, всячески стремятся умалить роль Советского Союза в международных отношениях, исказить прогрессивный характер советской внешней политики. В научном отношении эти потуги являются совершенно несостоятельными. Фальсифицируя историю, буржуазные историки стремятся просто приспособить ее к современным требованиям правящих кругов США.

Большое место американские буржуазные историки отводят характеристике внешней политики Советского Союза в период Мюнхена. Они стараются преуменьшить значение Советского Союза и его верность своим обяза-

¹ *Th. A. Bailey, America faces Russia, New York 1950, p. 287.*

² *V. M. Dean, The United States and Russia, Cambridge 1948; H. Boldwin, The Great Mistakes of the War, New York 1948; W. Chamberlain, America's Second Crusade, New York 1950.*

тельствам в отношении Чехословакии по советско-чехословацкому договору 1935 г.

Вместе с тем буржуазные историки лицемерно подвергают сомнению возможности Советского Союза оказать действительную помощь Чехословакии в условиях отсутствия общей границы Германии и Советского Союза, желая тем самым оправдать мюнхенский сговор Англии и Франции с агрессором. Они стараются замолчать готовность Советского правительства оказать помощь Чехословакии даже в том случае, если этого не сделает Франция. Советское правительство выдвигало лишь условие, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи¹. Буржуазные историки игнорируют заявление Народного комиссариата иностранных дел Советского Союза панскому польскому правительству с предупреждением Польше в связи с подготовкой ею акта агрессии против Чехословакии. В этом заявлении Советское правительство сочло необходимым «предупредить правительство Польской Республики, что на основании ст. 2-й Пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 года, Правительство СССР, ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор»². Войска панской Польши в результате действий Советского правительства были в тот момент отведены от чехословацко-польской границы.

Как известно, Советское правительство оказало помощь Чехословакии бомбардировщиками, авиационными материалами и т. д.

Посланник Чехословакии в СССР З. Фирлингер сообщал о том, что руководители Наркоминдела СССР предлагали и настаивали на проведении немедленного совещания представителей французской, чехословацкой и советской армий для выяснения практических военных возможностей и согласования действий.

З. Фирлингер сообщает, что Советский Союз держал у западных границ дивизии, готовые к немедленным действиям, а также соответствующие авиационные соедине-

¹ См. «Правда», 28 декабря 1949 г.

² «Известия», 26 сентября 1938 г.

ния, готовые немедленно лететь в Чехословакию. Это, как известно, признает в своих мемуарах и Гамелен¹.

Приводимые факты полностью опровергают совершенно бездоказательное положение ряда американских историков, будто политика Советского правительства заключалась в том, «чтобы поощрять Францию к борьбе и вовлечь Англию в эту борьбу для того, чтобы отвести угрозу нацистов от Востока»². На самом деле из всех великих держав один только Советский Союз брал на себя всю тяжесть защиты Чехословакии даже в условиях измены ей со стороны Франции. История не знает другого, более бескорыстного примера защиты великим государством независимости и территориальной целостности другого государства.

Характерно, что даже некоторые американские буржуазные авторы, вынужденные считаться с бесспорными

¹ В 1958 г. министерствами иностранных дел СССР и Чехословацкой Республики были опубликованы новые документы из истории Мюнхена, которые пролили дополнительный свет на события кануна войны. Из этих документов явствует, что Советский Союз принял осенью 1938 г. все меры, чтобы спасти Чехословацкую Республику от гитлеровской агрессии. В документах сообщается, что нарком иностранных дел СССР, не ограничиваясь заверениями, сделанными Советским Союзом Чехословакии и Франции о готовности СССР оказать помощь Чехословакии, в своей беседе с германским послом в СССР Шуленбургом 22 августа 1938 г. предупредил последнего, что Советский Союз выполнит свои обязательства перед Чехословакией («Новые документы из истории Мюнхена», М. 1958, стр. 66).

Учитывая опасность сложившейся во второй половине августа 1938 г. ситуации, Советское правительство в порядке проведения предупредительных мер направило в районы, прилегающие непосредственно к западной границе, 30 стрелковых и несколько кавалерийских дивизий и привело в полную готовность авиационные и танковые части. 28 сентября информация об этом была передана французскому генеральному штабу (там же, стр. 139—140).

1 октября 1938 г. полпред СССР в Чехословакии сообщил в Народный комиссариат иностранных дел, что чешские министры Вавречка, Дерера, вождь аграриев Берон публично заявили, что «единственно верным союзником Чехословакии до конца остался только СССР» (там же, стр. 155). К такому же выводу приходил и посланник в СССР Э. Фирлингер, сообщавший 29 августа 1938 г. в Прагу о том, что «соответствующие воздушные советские силы готовы в случае необходимости немедленно вылететь в Чехословакию» (там же, стр. 144), и положительно оценивавший решимость СССР «приложить значительные усилия в случае мирового конфликта» (там же, стр. 146).

² См., например, *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 56.

и очевидными фактами, признают, что Советский Союз энергично боролся за коллективную безопасность. «На протяжении ряда лет Кремль был поборником коллективной безопасности и коллективных действий через Лигу Наций»,— пишут Лэнжер и Глисон. Они вынуждены признать, что политика коллективной безопасности была безуспешной не в силу позиции Советского Союза. Не решаясь назвать, однако, действительных виновников отказа от политики коллективной безопасности, они считают этот отказ результатом «идеализма» советской программы. Для того чтобы доказать эту мысль, историки предлагают искусственную периодизацию советской внешней политики, утверждая, что до июля 1939 г. Советское правительство «намеревалось создать условия против германской агрессии»¹, а затем якобы отказалось от планов военного союза с Англией и Францией, от планов отпора гитлеровской агрессии и приняло предложение Германии о заключении договора о ненападении.

Во многих работах американских буржуазных авторов уделяется большое внимание рассмотрению англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. При помощи грубого искажения истории переговоров исследователи пытаются снять с западных держав ответственность за срыв переговоров и переложить ее на Советский Союз. В том случае, однако, когда ими приводятся не искаженные факты, они свидетельствуют о прямо противоположном, а именно о том, что нечестная игра правительств Англии и Франции при содействии правящих кругов США летом 1939 г. способствовала развязыванию войны в Европе.

Так, в книге «Вызов изоляционизму» указывается, что уже в апреле 1939 г. во время переговоров между Бекком и Чемберленом, т. е. в самом начале англо-франко-советских переговоров, была согласована позиция Англии и Польши в отношении будущих англо-франко-советских переговоров, которая заключалась в том, чтобы добиться изоляции Советского Союза. Уже тогда, как пишут Лэнжер и Глисон, «было более или менее со-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 96.

гласовано, что Советская Россия будет оставлена вне общих планов»¹.

Рассматривая англо-франко-советские переговоры, те же авторы указывают, что проект, представленный английским правительством, ясно выражал отрицательное отношение премьера Чемберлена к вопросу о вовлечении Советского Союза в общий фронт борьбы против гитлеровской агрессии. «Чемберлен сам, если не его кабинет, все еще относился отрицательно к тому, чтобы быть вовлеченным в глубину событий». Лэнжер и Глисон иногда не прочь покритиковать позицию Англии и Франции, в особенности в тех случаях, когда США не принимали непосредственного участия и прямо будто бы не отвечали за англо-французские акции, как это было во время англо-франко-советских переговоров 1939 г.

Американские историки признают, что английские и французские правящие круги и не пытались добиться от Польши согласия пропустить советские войска и тем самым обеспечить заключение соглашения против гитлеровской агрессии. Они пишут: «Нет оснований полагать, что после переговоров в марте 1939 г. англичане или французы прилагали усилия к тому, чтобы убедить поляков дать согласие на проход советских войск»².

Нападая на советскую внешнюю политику, Лэнжер и Глисон вместе с тем признают, что политика Чемберлена во время переговоров 1939 г. в Москве характеризовалась нежеланием заключать соглашение с Советским Союзом и что «английская политика была неправильной»³. Они по существу приводят данные о том, что эта политика Чемберлена была антинациональной, противоречащей воле английского народа: «Согласно данным общественного опроса, который имел место в апреле 1939 г., — сообщают авторы, — 92% английского населения высказывалось за союз с Россией». Они сообщают, что английской военной миссии было поручено вести переговоры и действовать медленно, соблюдать «большую осторожность, чтобы не раскрыть английских планов на Дальнем Востоке или где бы то ни было»⁴.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 92.

² Там же, стр. 178.

³ Там же, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 175.

Эта осторожная формулировка призвана прикрыть неискренность английской политики в тот период, о чем свидетельствует директива английского правительства главе английской военной миссии адмиралу Драксу. Эта директива опровергает всю ложь американских историков об «осторожности» и медлительности в английской политике. В директивах цинично заявлялось: «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиться, сколь возможно, более общими формулировками»¹.

В 1959 г. в советской печати впервые были опубликованы материалы переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции. В отличие от публикаций, сделанных английской стороной («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Third Series, vol. VI, London 1954, p. 561—593), которые являются краткой протокольной записью переговоров, в ряде случаев тенденциозной и искажающей позицию СССР и западных стран, советская публикация является полной, точной и объективной.

Опубликованные в СССР документы свидетельствуют о том, что советская делегация стремилась обеспечить заключение конкретной военной конвенции, имевшей целью совместные военные действия СССР и западных стран против агрессора.

Согласно этому плану Красная Армия должна была выставить против агрессора в Европе 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий (пушек и гаубиц), 9—10 тыс. танков, от 5 тыс. до 5,5 тыс. боевых самолетов (без вспомогательной авиации), т. е. бомбардировщиков и истребителей.

В случае нападения агрессоров на Англию и Францию СССР должен был выставить 70% от тех вооруженных сил, которые бы выставили Англия и Франция против главного агрессора — Германии. В этом случае предусматривалось обязательное участие в войне Польши, которая должна была бы сосредоточить для главного удара на своих западных границах и против Восточной Пруссии 40—45 дивизий.

¹ «Documents on British Foreign Policy», Third Series, vol. VI, p. 763.

Если агрессор нападет на Польшу и Румынию, то Англия и Франция должны были выставить на фронт все свои силы, а СССР столько вооруженных сил, сколько Англия и Франция непосредственно против Германии¹. Разумеется, участие в войне СССР могло быть осуществлено в этом случае, как подчеркивал начальник генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошников, только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск, ибо для советских войск не имелось другого пути войти в соприкосновение с противником и, таким образом, принять участие в войне².

Советская военная миссия, естественно, особенно настаивала на разрешении вопроса о том, будут ли советские войска пропущены к Восточной Пруссии или к другим пунктам для борьбы с общим противником. К. Е. Ворошилов неоднократно подчеркивал, что английские и французские миссии «не дали никакого ответа на наш вопрос»³. На заседании 14 августа 1939 г. советская военная миссия сделала заявление, в котором говорилось: «Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территории Польши и Румынии. Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неудачу. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал»⁴.

Английская и французская военные миссии всячески стремились уклониться от ответа на поставленный вопрос, прибегая ко всякого рода уверткам. Они затянули переговоры в Москве и были готовы прервать их как только они договорятся с Германией за счет того же Советского Союза.

¹ См. «Международная жизнь» № 3, 1959 г., стр. 139—141.

² См. там же.

³ «Международная жизнь» № 2, 1959 г., стр. 156.

⁴ Там же, стр. 158.

Приведенный материал еще раз подтверждает, что провал англо-франко-советских переговоров был заранее запланирован представителями западных держав в их двойной игре, что Англия и Франция, поощряемые США, ничего не сделали, чтобы помешать гитлеровской Германии развязать войну.

Американские буржуазные историки искажают в своих работах характер переговоров, стремясь свалить вину за их неудачу на Советский Союз.

Так, реакционный буржуазный историк Тэнсилл в книге «Война пришла с черного хода» обвиняет Советское правительство в срыве переговоров. Но даже реакционные историки вынуждены признать некоторые факты, свидетельствующие о мирной политике СССР и коварной позиции западных стран. Тот же Тэнсилл вынужден указать, что миссия Стрэнга в Москву окончилась неудачей, в силу того что «инструкции, им полученные, были настолько категоричными, что, следуя им, нельзя было достигнуть взаимопонимания с Советским правительством»¹.

Многие буржуазные историки признают также, что США были против соглашения Англии и Франции с Советским Союзом. Когда Даладьё сообщил Буллиту о предполагавшейся поездке французской делегации в Москву, «Буллит выразил сомнение в возможности полагаться на обещания русских». Он указал: «Почти невероятно, чтобы румыны или поляки приняли советскую помощь в случае неотложной необходимости»².

Весной 1939 г., после начала англо-франко-советских переговоров, бывший американский посол в СССР Дэвис, стремившийся к улучшению отношений между СССР и США, предложил направить в Москву специальную миссию, но его предложение было отклонено американским правительством. В начале марта 1939 г. послом США в СССР был назначен Штейнгардт. Однако вплоть до августа 1939 г. он не отправлялся в Совет-

¹ *Ch. Tansil, Back Door to War...*, p. 531. Сам Стрэнг в беседе с поверенным в делах США в Англии после возвращения из Москвы признавал, что советские военные представители серьезно относились к военным переговорам. («Foreign Relations of the United States», vol. I, 1939, p. 295).

² *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 70.

ский Союз. Задержка эта привлекла внимание американской и английской печати¹. Очевидно, что все это имело целью показать «твердый курс» в отношении Советского Союза со стороны США и одобрить политику Англии и Франции, их антисоветскую деятельность.

Действительная позиция США в отношении СССР ярко была выражена в заявлении Буллита, сделанном им в ноябре 1938 г. польскому послу в Вашингтоне Потоцкому: «Вполне отвечало бы желаниям демократических государств, если бы на Востоке произошло военное столкновение между германским рейхом и Россией. Поскольку силы Советского Союза пока неизвестны, могло бы оказаться, что Германия слишком удалась бы от своих баз и была бы вынуждена вести длительную и истощающую войну. Только тогда демократические государства атаковали бы Германию и принудили бы ее капитулировать»².

Когда Штейнгардт приехал в Москву, США сделали попытку прямо вмешаться в переговоры с целью их срыва. Как сообщают Лэнжер и Глисон, посол Штейнгардт «старался предостеречь английского коллегу» и доказать ему, что все вопросы относительно заключения пакта о ненападении между СССР и Германией были якобы давно согласованы между Советским Союзом и Германией³ и что, следовательно, Англии нет надобности продолжать переговоры в Москве, т. е. прямо содействовал срыву переговоров.

Это заявление американского посла являлось грубой фальсификацией событий.

Как известно, Советское правительство заключило договор с Германией в результате того обстоятельства, что военные переговоры с Англией и Францией зашли в тупик в силу отказа Англии и Франции от соглашения о борьбе с агрессией.

Характерно, что даже некоторые реакционные историки прямо указывают, что версия о том, будто советско-германские переговоры проходили наряду с англо-франко-советскими переговорами 1939 г., была изобре-

¹ W. A. Williams, *American — Russian Relations, 1781—1947*, p. 252.

² «Германская белая книга» № 3, 1940 г., Берлин.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1940*, p. 185.

тена гитлеровскими дипломатическими чиновниками и является ложной¹.

Из всего сказанного следует вывод, что, кроме Англии и Франции, США также несут определенную долю ответственности за срыв англо-франко-советских переговоров 1939 г.

Советское правительство приняло все меры к тому, чтобы довести московские переговоры до реальных результатов. Но Англия и Франция и не помышляли о соглашении с СССР. Они во время переговоров с СССР усиленно вели закулисные переговоры с гитлеровской Германией о заключении широкого политического и экономического соглашения. Этим переговорам они придавали несравненно большее значение, чем переговорам в Москве.

Некоторые американские исследователи вынуждены под влиянием фактов признать, что такие тайные переговоры велись. Лэнжер и Глисон сообщают, что Вильсон и Хадсон обсуждали с Вольтатом предложение, одобренное премьер-министром Великобритании Чемберленом. «Чемберлен, который, видимо, был не особенно доволен гарантиями Польше и определенно являлся противником переговоров с Россией,— пишут они,— пытался выявить неофициально и без поддержки министра иностранных дел точку зрения немцев с целью возобновления политики умиротворения»².

Лэнжер и Глисон стараются смазать антисоветскую направленность и значение этих переговоров, скрыть их детали; так, они идут на явную фальсификацию, утверждая, что министр иностранных дел Галифакс не был в курсе переговоров. Германский посол в Англии Дирксен свидетельствует, что переговоры начались по инициативе Галифакса со встречи Дирксена с Галифаксом и Батлером (зам. министра) на квартире последнего³. Скрывают они и английские предложения, направленные на раздел мира и заключение тесного политического союза с Германией, уверяя, что «нет необходимости рассматривать эти авансы подробно». Но перед лицом фактов и

¹ *M. Beloff, The Foreign Policy of Soviet Russia, vol. II, London — New-York — Toronto, 1949, p. 264.*

² *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 121.*

³ «*Herbert von Dirksen. Moskau. Tokio. London, 20 Jahre deutscher Außenpolitik, Stuttgart, 1950, S. 251.*

они вынуждены сделать вывод: «Подлинность переговоров, по-видимому, не вызывает сомнений»¹.

Другой американский историк — Шуман идет дальше и признает, что целью этих переговоров был сговор с агрессором. «Центральный вопрос международной дипломатической игры заключался в том, явится ли достаточной приманкой для Гитлера и его союзников новая программа уступок перед фашистским шантажом, выдвинутая в то время Чемберленом»².

Лэнжер и Глисон вынуждены были также указать, что Советское правительство в этих условиях могло предположить, что «Англия и Германия собираются заключить сделку, по всей вероятности, за счет Советского Союза и Польши»³.

Таким образом, потуги некоторых американских историков изобразить англо-франко-советские переговоры как какой-то маневр Советского правительства не выдерживают никакой критики. Приводимый ими материал еще раз свидетельствует о том, что отклонение Советским Союзом предложенного Германией пакта о ненападении позволило бы провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии его полной изоляции, и, наоборот, принятие этого предложения обеспечило Советскому Союзу сохранение мира на определенный период для лучшей подготовки отпора агрессору.

Особым нападкам со стороны большинства американских буржуазных историков подвергаются оборонительные мероприятия Советского правительства в 1939—1940 гг., преградившие Германии путь на Восток.

Так, например, Лэнжер и Глисон пытаются доказать, что якобы Советское правительство вмешивалось во внутренние дела прибалтийских государств, что оно будто бы насильственно присоединило прибалтийские государства. При этом они начисто игнорируют всем извест-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation*, 1937—1940, p. 121.

² F. L. Shuman, *The Night over Europe. Diplomacy of Nemesis*, 1938—1940, London-New-York 1941, p. 53.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation*, 1937—1940, p. 121.

ные факты. Известно, что Советское государство неизменно и систематически проявляло по отношению к странам Прибалтики стремление и искреннее желание мирного и добрососедского сосуществования. Американские историки умалчивают о том, что, несмотря на ряд политических, экономических и стратегических невыгод отделения прибалтийских государств от России, Советское правительство лояльно признало этот факт, дало ему со своей стороны юридическую санкцию и строго стояло на позиции уважения независимости и неприкосновенности этих государств. Более того, Советское правительство всячески старалось укрепить действительную независимость прибалтийских государств.

Американские фальсификаторы пытаются без всяких доказательств уверить читателей в том, что Советское правительство намеревалось якобы заключить договор с Англией и Францией только при условии, что «Советская Россия будет иметь свободу рук в прибалтийских странах». В действительности Советский Союз настаивал на том, чтобы в тройственном пакте Англии, Франции и СССР были бы сформулированы гарантии безопасности по отношению к странам Прибалтики. Это предложение было направлено против развития фашистской агрессии в Европе.

Характерно, что не кто иной, как Черчилль, 7 июня 1939 г. заявил по поводу этого предложения Советского Союза следующее: «Требование русских, чтобы эти государства были включены в тройственную гарантию, хорошо обосновано. Нет никакого смысла в том, чтобы кесон мира имел трещину»¹.

После того как Англия и Франция сорвали переговоры с СССР, Советское правительство заключило пакты о взаимопомощи с государствами Прибалтики. И лишь только тогда, когда правительства этих государств нарушили свои обязательства и готовились без сопротивления подчиниться всем требованиям гитлеровской Германии, Советское правительство оказалось вынужденным потребовать от всех трех государств Прибалтики создания таких правительств, которые были бы готовы и способны обеспечить честное проведение в жизнь пактов о взаимной помощи.

¹ «Советское государство и страны Прибалтики», изд. Совинформбюро, 1941, стр. 26.

Фальсификаторы истории сознательно умалчивают о том, что выборы в прибалтийских государствах, произведенные в 1940 г., показали, что прежние правительства прибалтийских стран не имели опоры в народных массах. Выборы обнаружили подлинную дружбу и неразрывную связь прибалтийских народов с народами Советского Союза. «Только политически слепые люди или безнадежные дураки не понимали, что если бы в 1940 году Литва, Латвия и Эстония не вошли бы в СССР, они разделили бы судьбу Чехословакии, Норвегии, Дании и других стран, поработанных Гитлером»¹, — указывалось в справке Совинформбюро о странах Прибалтики, изданной в 1941 г.

Бывший государственный секретарь США Хэлл в своих мемуарах пытается вопреки фактам доказать, что СССР перешел к активной обороне против агрессоров только в июне — июле 1940 г., «будучи встревоженным... германскими победами во Франции», но кому неизвестно, что Советский Союз еще в сентябре 1939 г. продвинул свои границы на запад, покончив с исторической несправедливостью в отношении западнобелорусских земель. Кому неизвестно, что эти действия, также как и действия в Прибалтике летом 1940 г., явились активными оборонительными мероприятиями СССР? Кому неизвестно, что эти действия преградили гитлеровским полчищам путь на Восток, и они вынуждены были остановиться? Каждый добросовестный историк, без предубеждения анализирующий исторические события, не может не признать этих фактов и не отдать должного внешней политике СССР, стремившегося преградить путь фашистской агрессии. Прогрессивные американские историки высоко оценивают миролюбивую политику Советского Союза накануне войны. Так, Гершл Д. Мейер, отмечая ясную и четкую позицию, занятую СССР накануне Мюнхена и после него, писал, что Советскому Союзу была «абсолютно чужда политика премирования агрессора», которую проводили Англия и Франция². Он указывал, что Советский Союз был единственной державой, готовой соблюдать принятые им на себя обязательства защищать независимость Чехословакии³. Он писал, что

¹ «Советское государство и страны Прибалтики», стр. 31.

² См. Гершл Д. Мейер, *Неизбежна ли гибель Америки?*, стр. 76.

³ См. там же.]

руководители Советского правительства решили весной 1939 г. вступить в переговоры с Англией и Францией, для того чтобы «испробовать все возможности для предупреждения мировой войны»¹, и что стратегический план, предложенный СССР, преследовал именно эту цель². Он справедливо отмечал, что советско-германский пакт о ненападении был сильнейшим ответным ударом по империалистам, замышлявшим войну против СССР³. Такую же оценку пакту дали прогрессивные американские публицисты Майкл Сейерс и Альберт Кан, которые писали: «Через 20 лет после Брест-Литовска антисоветские политики Европы вторично вынудили Советскую Россию против воли, в целях самозащиты, заключить договор с Германией»⁴. Другой публицист — Карл Марзани, в уже упоминавшейся нами книге «Мы можем быть друзьями» справедливо отмечал, что Советский Союз, подписавший пакт с Германией, не нарушал никаких договоров, не предал никаких своих союзников. Когда все его миролюбивые демарши были отвергнуты, он сделал то, что лучше всего отвечало его интересам в условиях тогдашней международной обстановки, чреватой опасностью для него⁵. Аналогичную мысль высказал Уильям З. Фостер, отметивший, что СССР заключил советско-германский пакт лишь после того, как он убедился в бесполезности дальнейших переговоров с враждебно настроенными западными державами⁶, и что «передышка», которую получил Советский Союз, оказалась в конечном итоге залогом победы демократических стран в мировой войне⁷.

* *
*

Английская и американская литература широко популяризируют так называемую «битву за Англию», т. е. воздушные бои над Англией летом и осенью 1940 г.

¹ Герил Д. Мейер, *Неизбежна ли гибель Америки?*, стр. 79.

² См. там же, стр. 82.

³ См. там же, стр. 87.

⁴ Майкл Сейерс и Альберт Кан, *Тайная война против Советской России*, М. 1947, стр. 374.

⁵ Carl Marzani, *We can be friends*, New York 1952, p. 135.

⁶ Уильям З. Фостер, *Очерк политической истории Америки*, стр. 604.

⁷ См. там же, стр. 609.

После капитуляции Франции гитлеровское правительство начало подготовку к вторжению в Англию. Немецкое командование стало готовиться к высадке в Англии крупных воздушных десантов. Предварительным условием этого было завоевание господства в воздухе, и в августе 1940 г. началась германская воздушная война против Англии. Большую роль в исходе этого немецкого воздушного наступления сыграли английские военно-воздушные силы, храбро отбивавшие натиск врага, и английский народ, проявивший большую стойкость и выдержавший большие испытания. Но в конечном счете определяющую роль в исходе воздушной войны между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой, сыграл фактор, который был решающим и в ходе всей мировой войны. Этим фактором был Советский Союз. Существование Советского Союза спасло Англию от гитлеровского вторжения. Как писал У. Фостер, «Англию спас от успешного нападения нацистов только страх, который внушала Гитлеру Красная Армия»¹.

Большую роль в общем ходе войны и в обороне Англии сыграли оборонительные мероприятия Советского правительства, предпринятые им в 1939—1940 гг. Фашистская клика не могла бросить свои главные силы на запад, для вторжения в Англию. Когда немецкие агрессоры начали воздушный блиц против Англии, который должен был быть прелюдией воздушного десанта, они бросили в эту операцию только одну треть своих воздушных сил, в то время как две трети этих сил или четыре воздушных флота находились в стратегическом резерве ввиду возможности войны на Востоке,² против Советского Союза.

Тщетно было бы, однако, искать изложения этих фактов на страницах ряда американских исторических работ. Так, Лэнжер и Глисон по существу начисто и совершенно безосновательно отрицают роль Советского Союза в спасении Англии от вторжения гитлеровских полчищ. Они стараются уверить читателя, что была уже намечена дата вторжения в Англию и сосредоточены силы для этого вторжения. Авторы на основании донесений американского посла в Англии Кеннеди считают,

¹ Уильям З. Фостер, Закат мирового капитализма. М. 1951, стр. 30.

² Л. Н. Иванов, Очерки международных отношений в период второй мировой войны (1939—1945 гг.), М. 1958, стр. 105—106.

что английские правящие круги надеялись на такое вторжение и желали (!) его, исходя из того, что «англичане имели огромное превосходство на море» и полагали, что «вторжение явится крупнейшей неудачей Гитлера»¹.

Однако Лэнжер и Глисон приводят донесение американского посла в Лондоне Кеннеди, из которого явствует, что он «не может поверить, что в Англии имеются и руководство и производственные возможности, способные устоять против мер, предпринятых нацистами»².

К такому же выводу пришел и генерал-майор ВВС США Даллес Эммонс, совершавший в то время инспекционную поездку по Англии.

Из донесений другого американского генерала — Джорджа Стронга, который в то время находился в Англии и имел многочисленные совещания с Черчиллем и другими английскими руководителями, явствует, что и сами английские правящие круги далеко не были уверены в том, что вторжение Германии в Англию, если оно состоится, не явится для Англии катастрофой. Авторы отмечают, что в Англии не хватало экипажей для самолетов, что очень остро стоял вопрос транспорта, финансовое положение Англии было тяжелым³.

Чем же объясняют американские историки, что вторжение в Англию не состоялось? Они считают, что одним из факторов, приведших к спасению Англии от вторжения, является «постоянное изменение целей немцев». При этом они не дают себе труда объяснить, в чем состоит это постоянное изменение целей немцев и чем оно вызывалось. Если бы исследователи проявили хотя бы минимум объективности и проанализировали всем известные документы о причинах «изменения целей немцев», как они выражаются, то они, несомненно, вынуждены были бы прийти к выводу, что именно существование

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 54.

Характерно, что сами гитлеровские генералы считали директивы Гитлера о подготовке к вторжению в Англию блефом и ожидали новостей о том, что с Англией достигнуто соглашение (*B. H. Liddete — Hart, The other side of the Hill, London, p. 161*), а фельдмаршал Рундштедт указывал, что, по его мнению, «Гитлер на деле никогда не собирался вторгнуться в Англию» (*F. C. Fuller, The Second World War, 1939—1945, London 1948, p. 86*).

² Там же, стр. 56.

³ Там же.

СССР и мероприятия по укреплению обороны СССР оказали весьма серьезное влияние на события этой войны. Сами американские авторы в качестве стыдливого полупризнания констатируют, что Гитлер «проводил подготовку к вторжению без внутреннего убеждения и, вместо того чтобы отдать все свои силы на разрешение этой насущной проблемы, стал думать о нападении на Советский Союз». Лэнжер и Глисон отмечают концентрацию Гитлером в то время на Восточном фронте около 40 германских дивизий¹.

Однако не эти полупризнания определяют позицию авторов. Они идут по другому пути и вместо объективного исследования на первое место выдвигают факторы, которые ничего не объясняют и никого не могут убедить. «Может быть,— пишут они,— еще более решительным фактором (в спасении Англии.— Л. К. и В. П.) была погода. В течение шести критических недель, с середины августа до конца сентября, погода была неблагоприятной для полетов... День за днем они (Гитлер и Геринг.— Л. К. и В. П.) ожидали поворота фортуны, но этого не происходило, и в конце концов начались осенние туманы и дожди»².

Много внимания в книге уделяется миссии Гесса. Лэнжер и Глисон придерживаются весьма сомнительной версии о том, что Гесс предпринял свою поездку будто бы без ведома Гитлера и даже в нарушение его планов³. Ссылаясь на Черчилля, они утверждают, что «не особенно можно было полагаться на слова Гесса, и поэтому весь инцидент можно отбросить как совершенно безнадежное и безумное предприятие, продиктованное благожелательством сумасшедшего»⁴.

* *
*

В американской литературе и в частности в книге «Необъявленная война» рассматривается вопрос о советско-американских отношениях и позиции США и Англии накануне нападения Германии на СССР.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 57.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 529.

⁴ Там же.

Говоря о советско-американских отношениях в 1940—1941 гг., Лэнжер и Глисон на основании имевшихся в их распоряжении документов сообщают, что помощник государственного секретаря США Берл в беседе с турецким послом в США высказал мысль, что прочные отношения между СССР и США никогда не будут установлены до тех пор, пока не будет прекращена «русская революционная пропаганда в США»¹. Из этой беседы также явствует, что в качестве условия установления более нормальных отношений с СССР политические деятели США выдвигали ликвидацию Советским Союзом акта о воссоединении с СССР Латвии, Литвы и Эстонии, принятого в результате свободного волеизъявления народов этих стран. Ясно, что лживая болтовня «о революционной пропаганде» и попытка вмешательства во внутренние дела Советского Союза нужны были для того, чтобы убедить Турцию в антисоветских настроениях правительства США.

Много внимания американские историки уделяют переговорам между советским послом в США Уманским и государственным департаментом в 1940—1941 гг. Излагая эти переговоры, Лэнжер и Глисон косвенно признают, что США умышленно задерживали по политическим причинам поставки станков в СССР².

Они сообщают, что 16 декабря 1940 г. американское правительство реквизировало закупленные СССР в США станки и настаивало перед Советским правительством на признании этой реквизиции в обмен на снятие «морального эмбарго».

Ставя вопрос о ликвидации «морального эмбарго», правящие круги США всячески пытались сохранить в тайне этот акт, не предавая его гласности³, хотя было совершенно ясно, что без предания этого решения гласности нормальная торговля между двумя странами страдала бы по-прежнему. Авторы приводят интересное заявление Уэллеса при подготовке вопроса о снятии эмбарго в его письме на имя Рузвельта о том, что установление дружественных отношений между двумя странами соответствовало бы интересам США. «Установление

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 125.

² Там же, стр. 337.

³ Там же, стр. 338.

более дружественных отношений, которое сейчас намечается,— писал Уэллес,— безусловно выгодно этому (американскому.— Л. К. и В. П.) правительству в связи с ситуацией на Дальнем Востоке»¹.

21 января 1941 г. госдепартамент поставил Уманского в известность о снятии эмбарго, а 23 января заявление о снятии эмбарго было опубликовано в печати. В заявлении говорилось, что «политика.., которую обычно называют «моральным эмбарго», больше не будет применяться к СССР. Это решение будет сообщено заинтересованным американским промышленникам и экспортерам»².

Авторы вынуждены отметить, что снятие «морального эмбарго» было фактически полумерой, поскольку, как писал Хэлл, эффект от этого был «главным образом психологический, ибо по-прежнему необходимо было получение лицензий на экспорт в СССР самолетов и других военных материалов»³.

Они отмечают, что даже эта половинчатая акция американского правительства вызвала возражения со стороны английских правящих кругов. В связи с этим в английский парламент был внесен запрос и лорд Галифакс обратился к Хэллу и Рузвельту с просьбой «более тщательно ограничить поставки в СССР»⁴.

Авторы сообщают, что закупки Советского Союза в США после снятия эмбарго встречали очень серьезные затруднения. В своих попытках обеспечить получение экспортных лицензий на советские закупки, пишут американские историки, Уэллес продолжал сталкиваться с другими правительственными органами: последние либо выражали намерение защищать нужды американской обороны, либо возражали против отправки товаров, «которые будто бы могли попасть в Германию».

В американской буржуазной литературе рассматривается так же вопрос о позиции США и Англии накануне нападения Германии на СССР. Английская и американская разведки знали о готовящемся нападении гит-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War*, p. 339.

² «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, М. 1946, стр. 542.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 339.

⁴ Там же, стр. 340.

леровцев на Советский Союз. Лэнжер и Глисон сообщают, что так как Англия была заинтересована в том, чтобы военное сопротивление Советского Союза Германии продолжалось как можно дольше, то Черчилль решил разработать план поддержки Советского Союза после нападения на него со стороны Германии. Авторы сообщают, что он обратился к американскому правительству с предложением придерживаться подобной же политики.

Нам неизвестно, насколько точно авторы излагают позицию Черчилля¹. Поэтому, оставляя трактовку этого вопроса на их совести, хотелось бы вместе с тем отметить, что авторы подчеркивают, что госдепартамент в ответ на предложение Черчилля сформулировал свою позицию в отношении Советского Союза, которая по «меньшей мере звучала неприязненно»². Госдепартамент немедленно передал в свои московское и лондонское посольства инструкцию, которая гласила:

а) мы не делаем никаких предложений Советскому Союзу;

в) если правительство Советского Союза сделает такие предложения нам, то мы отнесемся к ним с осторожностью...

с) наша политика основывается на том, чтобы отказываться идти на уступки Советскому Союзу, которые он считает средством улучшения американско-советских отношений...

д) ради улучшения отношений мы не жертвуем своими принципами;

е) мы даем понять русским, что мы уверены в том, что улучшение отношений более важно для них, чем для нас»³.

¹ Во всяком случае, сами авторы указывают, что позиция Черчилля отнюдь не объяснялась действительным желанием помочь Советскому Союзу; они приводят любопытное высказывание Черчилля в записке на имя первого лорда адмиралтейства: «Пока они (русские.—Л. К. и В. П.) будут продолжать войну, нам не важно, где проходит линия фронта» (стр. 536). Из этих слов со всей убедительностью явствует, что цель Черчилля заключалась в том, чтобы оттянуть силы немцев с фронта против Англии, а то, что русские и германские армии будут истреблять друг друга, даже входило в его планы.

² W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 529.

³ Там же, стр. 529—530.

Авторы сообщают, что эта программа была горячо одобрена послом США в СССР Штейнгардтом, «который напомнил госдепартаменту о своем неоднократном утверждении, что в отношении Советов может быть успешной только твердая политика»¹.

Госдепартамент не только проводил политику «жесткого курса» в отношении СССР, но и оказывал давление на Англию в этом же направлении. Заместитель государственного секретаря Уэллес выразил надежду, что «Англия, стремясь прийти к взаимопониманию с Советской Россией, не впадет в искушение изменить свою политику в отношении балтийских государств», на что, как сообщают авторы, англичане заявили, что они разделяют взгляды Штейнгардта².

Меморандум, составленный госдепартаментом 21 июня 1941 г., специально предусматривал, что США «не должны заранее давать особых обещаний или брать на себя какие-либо обязательства в области нашей будущей политики по отношению к Советскому Союзу»³. Меморандум предусматривал, что если Советское правительство обратится за помощью к США, то США ослабят ограничения на экспорт в Советский Союз военного снаряжения, но при этом в меморандуме делались многочисленные оговорки, которые заранее в значительной степени снижали эффективность возможной помощи. Меморандум предусматривал, что поставки Советскому Союзу ни в коем случае не должны повлиять на помощь, оказываемую Великобритании и другим жертвам агрессии, и не должны затрагивать собственной подготовки к обороне США⁴.

Лэнжер и Глисон отмечают вместе с тем, что позиция Рузвельта в отношении Советского Союза была «более гибкой, чем позиция его профессиональных советников»⁵. Они указывают, что Рузвельт «считал коммунистическую угрозу менее серьезной и, безусловно, менее непосредственной, чем угроза нацизма, и даже полагал, что «советская и американская системы с течением времени сблизятся». Рузвельт настаивал на возможно боль-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 530.

² Там же, стр. 530, 531.

³ Там же, стр. 531.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

шей помощи Советскому Союзу, в том числе и самолетами»¹.

В 1956 г. в США доктором философии, профессором Джеймсом Бернсом была опубликована биография Рузвельта под своеобразным названием «Рузвельт: лев и лисица». Высоко оценивая деятельность Рузвельта на посту президента и его внешнюю политику, Бернс, как и некоторые другие американские историки, считает, что президент реалистически оценивал советско-американские отношения и понимал необходимость их улучшения. Видя, что непосредственной угрозой для Америки является фашистская Германия, автор подчеркивает, что Рузвельт считал необходимыми поставки товаров в СССР и принял меры, чтобы «предотвратить создание организованной оппозиции против этой помощи»².

Позиция Рузвельта разделялась и рядом американских политических деятелей, в частности Дэвисом, бывшим американским послом в СССР, который, положительно высказываясь о советских вооруженных силах, справедливо утверждал, что «не пройдет много времени, как Красная Армия поразит мир», и поэтому «само благоразумие требует оказать Советскому Союзу поддержку»³.

Лэнжер и Глисон приводят интересное высказывание Рузвельта в письме к Маккензи Кингу от 1 июля 1941 г., в котором президент, касаясь военных поставок США в Россию, писал: «Мы в состоянии оказать гораздо большую помощь, чем это сейчас кажется»⁴. Авторы отмечают, что сотрудники госдепартамента были настроены в отношении Советского Союза враждебно. Так, Уэллес, исполнявший обязанности государственного секретаря во время отсутствия и болезни Хэлла, как сообщают авторы, «высказывался за сдержанность в установлении слишком близких отношений с Кремлем»⁵.

22 июня 1941 г., в день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Уэллес предупредил лорда

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 530, 531.

² I. Burns, *Roosevelt, The Lion and the Fox*, New York, 1956.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 540.

⁴ Там же, стр. 539.

⁵ Там же, стр. 540.

Галифакса, что «рано или поздно Япония, вероятно, присоединится к нападению на Россию, и тогда, если Англия и Россия будут союзниками, Англия окажется втянутой в военные действия на Дальнем Востоке». Поэтому Уэллес советовал, «чтобы Англия, подобно США, проводила бы свою политику, учитывая собственные интересы, признавая лишь, что как Англия, так и Россия находятся в состоянии войны с Германией, но в настоящий момент не шла бы дальше этого»¹.

Говоря о помощи, оказываемой Советскому Союзу во время войны, авторы называют первые шаги правительства Рузвельта в этом направлении «скромными и даже стыдливymi».

На специально созванной пресс-конференции Рузвельт разъяснил, что «американская помощь России может быть эффективной лишь при условии длительной войны»². Авторы отмечают, что реакция общественного мнения США в отношении Советского Союза была «в целом более благоприятной, чем этого можно было ожидать»³. Все же в США по-прежнему вынашивались планы организации антисоветского блока государств с участием Германии. Лэнжер и Глисон приводят любопытные высказывания «New York Journal-American», который писал 23 июня, что «все еще есть возможность установить мир на Западе и объединить Европу против экспансии азиатского коммунизма». Сенатор Тафт в это же время заявил, что «победа коммунизма в мире будет гораздо более опасной для США, чем победа фашизма»⁴.

Авторы признают, однако, что Рузвельт не разделял такого мнения. «Наступило время,— заявлял он,— для всех американцев в обеих частях Америки отбросить иллюзии, что Америка, как Южная, так и Северная, может жить мирно и счастливо в мире, где будет господствовать нацизм»⁵.

Рузвельт, видя опасность фашизма и значение СССР в его разгроме, считал необходимым оказание Советскому государству эффективной и срочной помощи и

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, стр. 540.

² Там же, стр. 541.

³ Там же, стр. 542.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 745.

возможным сотрудничество двух великих стран в борьбе против общего врага.

Авторы довольно подробно характеризуют американские поставки в СССР в первые годы Великой Отечественной войны.

Лэнжер и Глисон говорят, что осуществление программы экономической помощи Советскому Союзу «шло медленно и вызывало разочарование». Они сообщают о постоянных задержках, которые вызывались будто бы «различными административными затруднениями».

Оправдывая политику задержки военных поставок Советскому Союзу, Лэнжер и Глисон указывают, что в США считали, что сопротивление Советского Союза может продлиться лишь несколько недель, самое большее — два-три месяца. «При данном положении вещей считалось бессмысленным жертвовать ценным снаряжением, которого и так не хватало»¹.

24 июля 1941 г. правительством Рузвельта были возвращены замороженные во время советско-финляндской войны советские фонды на сумму 40 млн. долл.² Однако это не усилило темпы поставок.

Поставки в Советский Союз правящие круги США обуславливали тем, чтобы СССР поставлял в США сырье. При этом сами авторы, ссылаясь на слова министра торговли США Джесса Джоунса, сообщают, что в этих поставках сырья «для США фактически не было необходимости»³. В то же время главный вопрос о поставках самолетов в Советский Союз оставался нерешенным. Авторы констатируют, что «поставки в Россию неизменно оставались незначительными. В течение июля 1941 г. экспорт в Россию равнялся всего 6 521 919 долл., а за период до 1 октября он вырос лишь до 29 млн. долл.»⁴ На основании этого авторы правильно отмечают, что вопрос стоял «не об оказании поддержки Советам для их победы, а скорее о том, чтобы продлить нацистско-советскую борьбу...»⁵

Другие американские историки и официальные лица также обращали внимание на небольшие размеры аме-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 537.

² Там же, стр. 541.

³ Там же, стр. 558.

⁴ Там же, стр. 560.

⁵ Там же, стр. 563.

риканских поставок в СССР. В официальном американском отчете об осуществлении программы поставок говорилось, что, например, первый протокол о поставках в СССР был выполнен лишь на 80%¹. Р. Дин также признавал, что поставки военных материалов из Англии и США в Советский Союз в 1941—1942 гг. были «разочаровывающе малы»². Но даже и эти англо-американские поставки имели известное значение для СССР, переживавшего в то время огромное напряжение сил в войне с фашистской Германией. Некоторые американские историки отмечают также важность советских поставок в США и Англию во время войны. Несмотря на напряженное военное и экономическое положение, Советский Союз направил в Англию и США сырье, обеспечившее расширение военного производства в этих странах.

Именно в эти месяцы закладывалась основа того сотрудничества в годы войны между двумя странами, которое впоследствии привело к заключению советско-американского соглашения от 11 июня 1942 г. Это было боевое содружество США и СССР, имевшее большое значение для обеих стран и для всеобщей безопасности.

Военное сотрудничество СССР, США и Англии, продиктованное создавшейся для трех стран нацистской угрозой, и сближение этих стран во время войны являлись наглядным подтверждением принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

* *
*

Некоторые новые данные сообщают американские историки и, в частности, Лэнжер и Глисон о позиции США относительно участия Финляндии в войне против Советского Союза. Авторы пишут, что 13 июня 1941 г. английское правительство, исходя из чисто военных соображений, предупредило президента Финляндии Рюти и маршала Маннергейма о том, что если Финляндия присоединится к Германии, то она лишится английской поддержки и симпатий³.

¹ E. R. Stettinius, *Lend — Lease, Weapon for Victory*, New York 1944, p. 207—208.

² R. Dean, *The Strange Alliance. The Story of our Efforts at Wartime Cooperation with Russia*, New York 1947, p. 89.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 549.

Галифакс обратился в госдепартамент с просьбой поддержать эту линию английской политики. Однако Уэллес уклонился от ответа. Отказываясь дать прямой ответ, Уэллес сослался на то, что в Хельсинки уже достаточно знакомы с позицией США. Авторы считают необходимым констатировать «сильные симпатии Америки к Финляндии и враждебное отношение к Советскому Союзу»¹, в связи с чем, как пишут исследователи, госдепартамент «желал избежать каких бы то ни было действий, которые могли бы быть истолкованы как давление на финнов в пользу Кремля». Более того, госдепартамент обсуждал вопрос не о давлении на Финляндию с целью побудить ее не выступать против Советского Союза, а вопрос о мерах помощи Финляндии в ее войне с Советским Союзом, «если представится случай для оказания такой помощи»².

Когда президент Финляндии Рюти передал Рузвельту сообщение о том, что Финляндия «стремится достигнуть чисто финских целей», то США вполне удовлетворились этим сообщением³.

6 сентября 1941 г. Рузвельт в письме к государственному секретарю Хэллу советовал последнему повидаться с послом Финляндии в США Прокопэ и в неофициальной обстановке заявить ему в качестве «старого друга Финляндии», что «США не принимают ни участия, ни действий в отношении того, чтобы привести к окончанию войны между Финляндией и Россией»⁴.

В беседе с Прокопэ 8 сентября 1941 г. Хэлл поздравил его с тем, что Финляндия вернула потерянные в результате советско-финской войны территории. Хэлл,

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 549.

² Там же.

³ Небезынтересно отметить, что Ч. Леонард Лундин в уже упоминавшейся нами книге «Финляндия во второй мировой войне» резко критикует эту точку зрения, указывая на захватнический характер войны со стороны Финляндии и высмеивая абсурдные идеи о «Финляндии до Урала». Он критикует и утверждения об «оборонительном» характере войны со стороны Финляндии и показывает активную подготовку Финляндии к реваншистской войне. (С. Leonard Lundin, *Finland in the Second World War*, Bloomington 1957, p. 80).

⁴ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 828.

пишут авторы, «тщательно избегал сделать даже завуалированное предостережение».

Авторы сообщают, что Хэлл «был в равной же степени осторожен и в беседе, имевшей место в тот же день с английским поверенным в делах, когда последний поднял вопрос о том, что можно предпринять для установления мира между Советской Россией и Финляндией»¹. Американское правительство ограничивалось лишь тем, что 25 октября 1941 г. поручило Шоэнфельду (представителю США в Финляндии) «разъяснить финнам, насколько серьезно американское правительство рассматривает помощь, которую Финляндия оказывает немцам». И хотя Лэнжер и Глисон сообщают, что, по словам Хэлла, американо-финские отношения были «угрожающе близки к разрыву»², тем не менее совершенно ясно, что США не предприняли сколько-нибудь серьезных мер, для того чтобы заставить Финляндию выйти из войны.

Лэнжер и Глисон приводят некоторые, до сих пор мало известные сведения о планах американской реакции того времени достичь сговора с Германией в целях создания единого антисоветского фронта.

Они указывают, что некоторые американские «изоляционисты» настаивали на том, чтобы США выступили посредником между Англией и Германией, «видя в этом единственную возможность избежать окончательного вовлечения в войну на стороне коммунистической России»³.

Другие политические деятели, например Джон Кудей, призывали Рузвельта предложить американскую программу «передела мира»: «мир при наличии нового мирового порядка» и образование «международного правительства».

Общеизвестно заявление тогдашнего сенатора Трумэна от 24 июня 1941 г. о заинтересованности США во взаимном ослаблении СССР и Германии в результате вероломного нападения гитлеровцев на СССР.

Значительная часть американских правящих кругов разделяла эту точку зрения. Газета «Chicago Tribune» следующим образом излагала ту же мысль: «Нацистско-

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 828.

² Там же, стр. 832.

³ Там же, стр. 679.

коммунистическая война является единственной войной нашего века, на которую цивилизованное человечество взирает с полным удовлетворением. Оно надеется, что эта война будет с упорством продолжаться до тех пор, пока оба жестоких противника не обескровят друг друга до смерти. Говорить об оказании помощи любой стране в этой войне является предательством...»¹

Прогрессивные американские историки, как, например, Г. Д. Мейер, резко осуждая агрессивный курс внешней политики США, справедливо отмечают, что идея «крестового похода» против СССР носилась в то время в воздухе. «Американские монополисты,— пишет он,— разделяли стремление Англии и Франции окончить «зицкриг» против Германии и выступить единым фронтом с германским фашизмом против Советского Союза»².

Излагая внешнюю политику Советского Союза на Дальнем Востоке, американские буржуазные историки стремятся скрыть определяющее значение для сохранения там стабильного положения советской политики мира, мешавшей развертыванию дальнейшей японской агрессии. Они замалчивают то обстоятельство, что до нападения гитлеровской Германии на СССР Япония не могла решиться на «большую войну» против Англии и США.

Только нападение фашистской Германии на Советский Союз позволило Японии начать войну против США, Англии и других стран.

Эта политика замалчивания роли и значения СССР на Дальнем Востоке видна в изложении ряда вопросов, в частности в вопросе о помощи Китаю. Так, например, Вильямс, Лэнжер, Глисон и другие авторы признают, что в рассматриваемый период в войне против японских захватчиков Китай получал постоянную помощь от Советского Союза. «Россия приняла активные меры для оказания помощи Китаю»³. «Поток снабжения продолжался и, возможно, даже возрос»⁴,— пишут Вильямс, Лэнжер и Глисон.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 793.

² Герил Д. Мейер, *Неизбежна ли гибель Америки?*, стр. 98.

³ W. A. Williams, *American — Russian Relations, 1781—1947*, p. 251.

⁴ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation, 1937—1941*, p. 295.

Однако эти признания приводятся с различными оговорками и объясняются тем, что СССР, помогая Китаю, якобы осуществлял лишь политику оттяжки японской агрессии от своих границ. Авторы не приводят ни одного факта о той огромной моральной и материальной помощи, которую оказывал китайскому народу Советский Союз. Известно, что в 1938—1939 гг. СССР предоставил Китаю три займа на общую сумму в 250 млн. долл. В то время как США соглашались давать Китаю займы (и то небольшие) при условии, что расчет по ним будет производиться стратегическим сырьем, Советское правительство не требовало никаких гарантий или уступок.

США закупали китайские товары по ценам, которые были много ниже средних мировых цен. Советское правительство поставляло Китаю оружие и боеприпасы по средним мировым ценам. В то время как американские дельцы спешили заработать на войне с Китаем и поставить его в зависимость от США, Советское правительство стремилось помочь Китаю в его освободительной войне; оно руководствовалось в своей политике в отношении к Китаю чувствами симпатии и дружбы к братскому китайскому народу.

В работах китайских авторов, в заявлениях китайских политических деятелей приводятся многочисленные факты огромной помощи Китаю со стороны СССР, далеко выходящей за рамки финансовой помощи. Так, в книге «Исторический обзор политики СССР и США в отношении Китая» (изданной в 1948 г. в Маньчжурии на китайском языке) указывается: «Советский Союз оказывал Китаю не только моральную поддержку, он был первым государством, которое оказало Китаю большую материальную помощь».

В самые тяжелые для Китая дни борьбы с японскими захватчиками Советский Союз не только предоставил Китаю выгодные беспроцентные займы, но помогал ему самолетами и большим количеством летчиков и авиатехников. В боях за Ухань советские летчики героически сражались против японских захватчиков. По неполным подсчетам, погибло в этой войне более 100 советских летчиков¹.

¹ *Пын Мин*, Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза, М. 1957, стр. 102.

Известный китайский политический деятель маршал Фын Юй-сян указывал: «Советский Союз постоянно посылал в Китай самолеты и летный состав, героически сражавшийся с японскими захватчиками. Помощь Советского Союза не ограничивалась только моральной и материальной сторонами. Советский Союз помогал нам кровью и жизнью своих людей»¹. Дружественная помощь Советского правительства укрепляла экономическое и военное положение Китая и обеспечивала ему возможность сопротивления японской агрессии.

* *
*

Представляет большой интерес характеристика американскими «исследователями» внешней политики Англии и Франции в годы, предшествовавшие второй мировой войне. В тех случаях, когда правительства Англии, Франции и США выступают совместно в тех или других вопросах международных отношений, авторы безапелляционно обеляют правящие круги Англии и Франции, понимая, что правящие круги США несут такую же ответственность за эту политику. В ряде же случаев авторы стремятся противопоставить позицию правительства США позиции правительства Англии и Франции. Пытаясь выгородить американское правительство, американские буржуазные историки в ряде случаев более или менее правильно характеризуют внешнюю политику Англии и Франции, способствовавшую развязыванию второй мировой войны, но, противопоставляя ее политике США, они как бы подчеркивают, что правящие круги США будто бы не несут ответственности за эту политику.

Рассматривая вопрос о коллективной безопасности и роли Англии и Франции в этом вопросе, Лэнжер и Глисон, например, отмечают, что английское правительство «не использовало в полной мере эту возможность (обеспечить систему коллективной безопасности.— Л. К. и В. П.) и тем самым взяло на себя главную ответствен-

¹ «Исторический обзор политики СССР и США в отношении Китая» (на китайском языке), стр. 13—14.

ность за то, что теперь оказывается, если бросить взгляд назад, почти трагедией»¹.

Они неоднократно указывают, что английское правительство проводило политику «умиротворения» агрессоров². Они считают, что «оккупация Гитлером Австрии разбила все иллюзии англичан относительно возможности умиротворения нацистского лидера»³.

Они вынуждены признать, что правящие круги Англии стремились направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза. Мнения относительно направления агрессии Гитлера на Восток «были очень дороги консервативной клике, известной как клайвденская клика,— пишут авторы,— а также, видимо, были не чужды и самому премьеру Чемберлену»⁴.

Однако, понимая, что это признание чревато большими опасностями и для США, которые поддерживали политику Англии, они здесь же указывают, что «этот момент не следует подробно разрабатывать».

Другой американский автор высказался еще более определенно: «Англо-французская политика,— писал Шуман в книге «Ночь над Европой»,— руководствовалась тайным желанием толкнуть Польшу в пропасть, с тем, чтобы Германия и Россия столкнулись между собой»⁵.

В ряде вопросов Лэнжер и Глисон стремятся свалить вину за политику поощрения японского империализма на Англию и Францию. Они стараются доказать, что англичане и французы в 1931—1940 гг. капитулировали перед Японией в силу своей слабости и нежелания обострять отношения и что эта капитуляция была бы значительно более тяжелой, если бы не США, которые не раз останавливали их от подобных шагов. Они утверждают, например, что американская позиция заставила англичан и французов отложить в 1939 г. на некоторое время вывод своих войск из Китая, на чем настаивали японцы. Лишь в середине 1940 г., когда японцы еще раз требовали от англичан и французов вывести войска, они

¹ *W. L. Langer and S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 15.*

² Там же, стр. 23, 28, 96.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ *B. Shuman, The Night over Europe, New York 1953, p. 187—188.*

подчинились требованиям Японии, несмотря, как указывают авторы, на неодобрительное отношение к этому США.

Таким образом, стремясь выгородить правящие круги США, авторы с охотой признают ответственность за пособничество фашистским агрессорам со стороны правящих кругов Франции и особенно Англии.

Исходя из сегодняшних задач американского империализма — сплотить капиталистические державы в один блок для борьбы против СССР и стран народной демократии — в американской буржуазной исторической литературе видна и другая тенденция — скрыть наличие англо-американских противоречий. Эта линия не является новой в англо-американской историографии. Угроза позициям Англии со стороны Германии, Италии и Японии в Европе и Азии накануне второй мировой войны, подъем национально-освободительного движения в зависимых и колониальных странах Востока заставила отдельные круги английской буржуазии рассчитывать на помощь и поддержку со стороны США. Английские историки стали искать подкрепления своим надеждам на получение помощи со стороны США в истории англо-американских взаимоотношений.

Характерным примером такого рода работ явилась книга канадского буржуазного историка Джеллбера «Происхождение англо-американской дружбы»¹. Автор книги, игнорируя факты глубочайших англо-американских противоречий, пытается доказать неизбежность и необходимость англо-американского союза против СССР и национально-освободительного движения в колониях для установления мирового господства англо-саксонских стран².

В работах американских историков сквозит явная тенденция доказать ту же идею лишь с той «поправкой», что решающую роль в этом содружестве должны сыграть США. Американские авторы подчеркивают, что попытки Англии вести самостоятельную политику накануне войны всегда кончались неудачами и из тяжелого положения Англию обычно выручали США.

¹ L. M. Gelber, *Rise of the Anglo-American Friendship*, London, 1938.

² Там же, стр. 275.

Эти историки замазывают англо-американские противоречия. Борьба за сферы влияния в Европе, Китае и на Дальнем Востоке изображается лишь как отсутствие должного контакта между английским и американским правительствами.

В действительности же история кануна войны и хода войны говорит о весьма острой и серьезной империалистической борьбе между этими странами. Эта борьба не всплывала на поверхность в тот период в связи с обострившимися противоречиями между англо-французской группировкой и фашистскими странами и ослаблением английских позиций в Европе, особенно после поражения Франции. В тех условиях Англия была заинтересована в поддержке США в борьбе с Германией и Японией.

Англо-американские противоречия в борьбе за Китай, например, многие американские авторы стремятся свести лишь к отдельным размолвкам, к попыткам со стороны США не допустить больших уступок Японии со стороны Англии. В действительности это была боязнь возобновления англо-японского сотрудничества, возрожденного на базе сговора за счет Китая и совместной борьбы против СССР. В этом отношении весьма характерна история с переговорами по поводу англо-японского соглашения, впоследствии ставшего известным как соглашение Арита-Крейги.

Англо-японские переговоры, которые касались всего комплекса отношений между двумя странами, начались совершенно неслучайно именно в тот период, когда Япония затеяла свою провокацию на Халхин-Голе. Англия принимала меры к тому, чтобы устранить нараставший конфликт с Японией на Дальнем Востоке и развязать руки японской агрессии против СССР.

В ходе англо-японских переговоров японские правящие круги стремились использовать Англию для содействия в прекращении японо-китайской войны на выгодных для Японии условиях, а Англия ценой подобного «посредничества» стремилась урвать свою долю в грабеже Китая, оградить свои империалистические интересы в этой стране, не прибегая к вооруженному конфликту с Японией, и направить дальнейшую японскую агрессию в сторону Советского Союза.

Антисоветская направленность этого соглашения вполне устраивала США. Поэтому американское правительство не возражало против соглашения. Вместе с тем, госдепартамент США опубликовал заявление, а американское посольство в Токио предупредило японцев о заинтересованности США в готовящемся соглашении и правах в Китае¹.

Когда же стал известен текст этого японо-английского соглашения, предоставлявшего полную свободу рук Японии в Китае, США решили вмешаться, опасаясь слишком большого усиления Японии за счет их позиций в Китае. Вмешательство США должно было показать японцам, что они обязаны учитывать интересы США и без них не должны идти ни на какие соглашения с другими странами.

26 июля 1939 г., на следующий день после подписания соглашения Арита-Крейги, Рузвельт заявил, что Японии сделано предупреждение в соответствии с условиями торгового договора 1911 г. за шесть месяцев об его аннулировании.

Буржуазные американские историки не скрывают прямой связи денонсации торгового договора с подписанием англо-японского соглашения, хотя и пытаются объяснить это стремлением США... «подбодрить англичан (!?) и китайцев».

Они признают, что это было сделано с целью удовлетворить требование общественности предпринять какие-либо действия и особенно предупредить Токио, что американское правительство не имеет намерения проявлять слабость².

Правящие круги США денонсацией договора стремились не допустить англо-японского сближения, что создало бы угрозу американским экспансионистским планам на Дальнем Востоке, предупредить Англию от дальнейших уступок Японии, которые могли бы еще более укрепить японские позиции в Китае.

Таким образом, дело здесь шло не о какой-то борьбе с японской агрессией и защите Китая, а лишь о защите США своих империалистических позиций в Китае, речь

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Challenge to Isolation*, 1937—1940, p. 181.

² Там же, стр. 158.

шла о боязни японо-английского сговора за счет империалистических интересов США.

В книге Лэнжера и Глисона «Необъявленная война» содержится ряд любопытных материалов, свидетельствующих о серьезных противоречиях между США и Англией. Уже в ходе начавшейся мировой войны США делали ставку на ослабление Англии в войне и постепенное подчинение ее колониальных владений и сфер влияния на Дальнем Востоке.

Английские правящие круги стремились парализовать эти экспансионистские устремления США и сохранить свои дальневосточные позиции путем втягивания американского соперника в войну с Японией. Так, в сентябре 1940 г. английский посол в США лорд Лотиан вместе с австралийским посланником посетил Хэлла и заявил о необходимости «занять сильную позицию» в отношении Японии в связи с угрозой японского вторжения в Голландскую Индию. Однако Хэлл старательно избегал сделать какое-либо определенное заявление по этому вопросу¹.

Посол не успокоился на этом и продолжал «атаковать» государственного секретаря, намекая на то, что США могли бы предпринять некоторые действия, чтобы предотвратить оккупацию японцами Индокитая. Хэлл отделался указанием на трудность оказания помощи столь отдаленным странам. Хэлл понимал, что британское предложение направлено к тому, чтобы столкнуть Японию с США.

С конца сентября 1940 г. англичане неоднократно предлагали США координировать действия английских и американских вооруженных сил.

Англо-американские переговоры начались в ноябре 1940 г., однако они имели подготовительный характер для штабных переговоров, которые состоялись лишь в марте 1941 г., но и они не привели к сколько-нибудь определенным обязательствам со стороны США.

В начале 1941 г. Черчилль еще раз направил Рузвельту обращение, в котором доказывал, что «сильная американская позиция» в отношении Японии была бы лучшим способом предотвратить японские действия, которые могут привести к плачевным результатам.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 45.

Особенно усилился нажим англичан в феврале 1941 г. В начале февраля американский морской атташе в Лондоне получил официальное сообщение, в котором говорилось, что японцы готовят большое нападение, вероятно, на Индокитай, Малайский полуостров или Голландскую Индию и что, несомненно, оно должно координироваться с нападением немцев на Великобританию, которое произойдет около 10 февраля 1941 г.

Далее было получено сообщение о том, что японские корабли отзываются в порты страны и что будто бы Япония собирается потребовать предоставления ей баз на западном побережье Сиама, откуда можно будет перерезать линию связи с Сингапуром¹.

Попытки англичан получить какие-либо обещания американской помощи в случае нападения японцев на Сингапур или Голландскую Индию даже после занятия японцами Южного Индокитая также кончились неудачей. Хэлл отказался принять на себя какие-либо обязательства².

Серьезные противоречия обнаружились и на англо-американской атлантической конференции в августе 1941 г. Эти противоречия помешали принятию решений о совместных англо-американских действиях против продвижения Японии в зону южных морей. Черчилль настойчиво требовал от США решительных действий против Японии, надеясь столкнуть США с Японией. Не прочь был Черчилль спровоцировать и советско-японский конфликт. 9 августа он предложил Рузвельту проект ультиматума Японии от имени США, Англии и СССР, в котором заявлялось, что, если японцы вступят в Малайю или Голландскую Индию, три державы примут такие меры, которые потребуются, для того чтобы вытеснить их оттуда³.

Однако это предложение не было принято Рузвельтом. Он согласился лишь еще раз предупредить японского посла против дальнейших агрессивных актов⁴.

Это предупреждение было высказано Номура 17 августа, но не в тех выражениях, на которых настаивал

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 323.

² Там же, стр. 671.

³ Там же, стр. 673.

⁴ Там же, стр. 676.

Черчилль. Рузвельт решил продолжить затянувшиеся переговоры с Японией, рассчитывая выиграть время¹.

Большинство американских буржуазных авторов сводят всю историю международных отношений к дипломатическим комбинациям, подробно разбирая мнения и действия отдельных политических деятелей, но они обходят вопросы деятельности монополий и их влияния на внешнюю политику капиталистических стран.

Это неминуемо приводит к субъективистским идеалистическим оценкам, преувеличению роли третьестепенных факторов. Так, например, оценивая политику Коноэ, Лэнжер и Глисон все стремятся объяснить его личными свойствами: «Принц Коноэ был хорошо известным и популярным политическим деятелем и, по всей вероятности, с хорошими намерениями, но был наивным человеком с удивительно слабым характером»².

Они ни слова не говорят о его связях с монополистическими группами — действительными вдохновителями агрессивной политики Японии.

Много внимания уделяют Лэнжер и Глисон «удивительному характеру Мацуока», человеку с «гибким умом, неистощимой энергией, но непостоянного и ненадежного», однако они ни слова не пишут о том, что Мацуока был одним из директоров Южно-Маньчжурской железной дороги, был тесно связан с крупнейшими японскими монополистическими объединениями, действовавшими в Маньчжурии и заинтересованными в развитии японской агрессии в Северном Китае.

В американских работах нет недостатка в разного рода напыщенных фразах о защите Соединенными Штатами демократии, свободы и т. д. во время второй мировой войны. Большинство авторов отождествляет первую и вторую мировые войны, стремясь доказать, что обе войны со стороны США носили справедливый, демократический характер. Так, в книге «Необъявленная

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 677.

² Там же, стр. 4.

война» Лэнжер и Глисон стараются провести прямую аналогию между вступлением США в первую мировую войну в 1917 г. и вступлением в войну в 1941 г.

Заключительная фраза книги гласит: «...Без того поднятого настроения 1917 г., но, конечно, с большим пониманием тех ценностей, которые он стремился сохранить, Новый свет опять выступил в защиту старого мира»¹.

Американские буржуазные историки игнорируют, разумеется, как тот факт, что вторая мировая война была несравненно более сложным явлением, чем первая, так и то, что со стороны англо-французской коалиции война до определенного момента была империалистической, ибо эта коалиция преследовала империалистические цели и с помощью США и при их активной поддержке готовила войну и способствовала ее развертыванию. Они не ставят перед собой цели дать объективную картину внешней политики США и международных отношений кануна и первых лет второй мировой войны. Многие из работ американских буржуазных историков носят открыто пропагандистский характер. Американские буржуазные историки не дают научного объяснения происхождения второй мировой войны и, разумеется, не показывают роли американских монополий в подготовке и развязывании войны.

Свою задачу эти историки видят в том, чтобы, исходя из сегодняшних задач американского империализма, фальсифицировать историю этого периода, в массе частных и второстепенных подробностей затемнить существо вопроса, преподнести его в извращенном виде. Даже американская буржуазная пресса не может скрыть того факта, что американская историография переживает тяжелый кризис. Так, буржуазный историк Чарльз Ноуэлл, выступая на заседании американской исторической ассоциации, признал, что американская историография стоит перед опасностью «потерять историю»³.

Работа большинства американских буржуазных историков преследует задачу фальсифицировать исторические факты с целью выгородить американский империализм.

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War, 1940—1941*, p. 941.

² «*Journal of Modern History*», vol. XXIV, № IV, 1952.

лизм, представить политику поощрения японской и германской агрессии как политику защиты мира, как политику, якобы отражающую интересы американского народа. Политические воззрения побуждают американских историков отступать от исторической правды, подыскивать соответствующие аргументы в истории, которые помогли бы оправдать нынешний опасный для дела мира курс внешней политики США.

Однако с полным основанием можно сказать, что самая искусная фальсификация, самые наисекретнейшие документы, использованные буржуазными фальсификаторами, не могут никого убедить, не могут обелить американский империализм, снять с него ответственность за поощрение агрессии и развязывание второй мировой войны.

КОНЦЕПЦИЯ «ДОБРОСОСЕДСТВА» В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(К истории взаимоотношений США со странами
Латинской Америки в XIX — XX вв.)

Л. Ю. С Л Ё З К И Н

«Наша дипломатия джунглей», «Битва за Западное полушарие», «Латинская Америка: кризис континента»...¹

Подобные названия чем-то напоминают названия кинобоевиков и бестселлеров, хотя и принадлежат книгам, посвященным серьезной проблеме — проблеме взаимоотношений США и стран Латинской Америки. Таких книг с каждым годом издается в Соединенных Штатах все больше и больше. Их обилие и кричащие названия невольно наводят на мысль, не результат ли это стремления привлечь внимание читателя и навязать ему определенные взгляды?

Ознакомившись с содержанием этих книг, мы можем обнаружить некоторые черты, характерные если не для каждой из них, то в целом для американской буржуазной политической, экономической и исторической литературы новейшего времени, так или иначе связанной с латиноамериканской проблематикой.

Указанная литература строго следует в своих выводах и основных положениях документам госдепартамента, президентским посланиям и другим официальным источникам, зачастую лишь дополняя или иллюстрируя их. Среди книг, составляющих эту литературу, имеются разоблачительные памфлеты, серьезные научные труды,

¹ W. Sands, *Our Jungle Diplomacy*, Chapel Hill, 1944; E. Tomlinson, *Battle for the Hemisphere*, New York 1947; R. Josepfs, *Latin America: Continent in Crisis*, New York 1948.

но очевидным является то, что и те и другие тонут в потоке более или менее откровенных апологетических книг и брошюр.

Другая черта выпускаемых в США работ о Латинской Америке — их конъюнктурность¹. Проследим это на конкретных примерах.

Октябрьская революция в России послужила мощным толчком к развитию национально-освободительного движения в зависимых и колониальных странах, в частности в латиноамериканских. Это движение заставило правящие круги США с ним считаться, что внесло новый мотив в прежде цинично откровенную империалистическую литературу, когда о латиноамериканских государствах в США писали в иронически-презрительных тонах. В одной из первых книг о Латинской Америке, вышедших после Октябрьской революции, мы читаем: «Те американцы, которые лучше понимают своих южных соседей, ясно ощущают, что Соединенные Штаты не могут дальше игнорировать мнение латиноамериканских государств»².

Период частичной стабилизации капитализма — период американского «процветания», бурной экспансии в Латинскую Америку, интервенций во внутренние дела латиноамериканских стран — породил литературу, поощрявшую эту экспансию³, оправдывавшую интервенции⁴. Настроения тогдашних американских политиков и тенденцию тогдашней американской литературы в освещении политики США в Латинской Америке очень метко выразили авторы книги «Соединенные Штаты и

¹ Основной интерес сосредоточен на вопросах сегодняшнего дня. Исторические события зачастую излагаются исключительно с точки зрения современных политических задач правящих классов. На совещании Американской исторической ассоциации обсуждался вопрос: «Имеет ли прошлое место в истории?» («The Journal of Modern History», vol. XXIV, № 4, 1952).

² W. Sweet, A History of Latin America, New York 1919, p. 268.

³ M. Marsh, The Bankers in Bolivia, New York 1928; M. Winkler, Investments of United States Capital in Latin America, Boston 1929; J. Rippy, Latin America in World Politics, New York 1928.

⁴ Ch. Hughes, Our Relations to the Nations of the Western Hemisphere, Princeton 1928; Pan American Peace Plans, London 1929; J. Scott, The Sixth International Conference of American States, New York 1928; C. Haring, South America Looks at the United States, New York 1928; «Elements of an American Foreign Policy», Ed. by E. Patterson, Philadelphia 1931.

страны Карибского бассейна» словами: «Жертвы могут кричать сколько угодно»¹.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. разрушил «процветание», затруднил экспансию в Латинскую Америку, обострил все противоречия капитализма. В это время появляются книги, подводящие горькие итоги кризисных лет², дающие рецепты, как преодолеть кризис³, подыскивающие оправдание новым приемам империалистической политики в Латинской Америке⁴, констатирующие рост англо-американского соперничества в этот период⁵.

В канун и во время второй мировой войны главными вопросами, интересовавшими авторов книг о Латинской Америке, являлись: «Как подготовлены... Соединенные Штаты к тому, чтобы пользоваться у Латинской Америки доверием, лояльной поддержкой в мировой политике и в совместном использовании ресурсов, в которых мы нуждаемся для нашей постоянной и всегдашней безопасности. Как подготовлены латиноамериканские республики к тому, чтоб предоставить нам все это?»⁶

В послевоенные годы появились книги под знаменательными названиями: «Коммунизм в Латинской Америке», «Латинская Америка в холодной войне»⁷. Эти

¹ *Ch. Jones, H. Norton, P. Moon, American Policies Abroad. The United States and the Caribbean, Chicago 1929, p. 139.*

² См., например, *M. Winkler and M. Stewart, Recent Defaults of Government Loans, New York 1932; American Foreign Investments in 1931, New York 1932.*

³ *W. Thompson, Greater America, New York 1932, F. Tannenbaum, Whither Latin America? New York 1934; T. Lee, Latin-American Problems, New York 1932.*

⁴ См., например, *Ch. Hill, Recent Policies of Non-Recognition, New York 1933.*

⁵ *C. Fish and others, The United States and Great Britain, Chicago 1932.*

⁶ *D. Aikman, The All-American Front, New York 1940, p. 3; см. также: «Latin America as a Source of Strategic and Other Essential Materials», Washington 1941; H. Baldwin, United We Stand!, New York 1941; J. Garland, War and the Americas, New York 1941; J. Rippey, The Caribbean Danger Zone, New York 1940; L. Duggan, The Political and Economic Solidarity of the Americas, New York 1941; R. Showman, The Monroe Doctrine and the Growth of Western Hemisphere Solidarity, New York 1941; «Problems of Hemispheric Defense», Berkeley 1942.*

⁷ См., например, *S. Ross, Communism in Latin America, New York 1947; W. Daniels, (ed.), Latin America in the Cold War, New York 1952; R. Alexander, Communism in Latin America, New Brunswick 1957.*

книги — продукт «холодной войны», в которую США втягивали и втягивают Латинскую Америку.

В рассматриваемых книгах находят свое отражение не только крупные повороты мировой истории новейшего времени и связанные с этим тенденции в американской политике, но также отдельные нюансы в латиноамериканской политике США, характерные для правления того или иного президента и его правительства. При этом каждое последующее правительство в описании американских авторов оказывается добродетельней предыдущего, а особых похвал заслуживает правительство, находящееся у власти¹.

Еще одной характерной чертой американской литературы о Латинской Америке является то, что она несет на себе клеймо реакционных теорий: расизма², геополитики³, космополитизма⁴, колониализма⁵.

¹ Вот довольно типичная формула: «Каждое правительство в период своего правления показывает лучшие отношения, меньшее непонимание и растущие симпатии Вашингтона к чувствам и чаяниям латиноамериканских стран» (*W. Thompson, Greater America, p. 231—232*). Характерно, что указанным выше конъюнктурным модификациям подвергаются переиздаваемые книги. Это, например, особенно заметно на книге Стюарта, которая выдержала пять изданий (1923, 1928, 1938, 1943 и 1955): *G. Stuart, Latin America and the United States, New York*.

² «Белый человек или те, кто перенял воззрения белого человека, являются ведущей силой латиноамериканской жизни», — пишут в своей книге Бэннон и Данн (*J. Bannon and P. Dunne, Latin America an historical survey Milwaukee 1950, p. 431*). Та же мысль содержится в книге Бехренда (*R. Behrendt, Inter-American Relations, New York 1948, p. 3*) и в книгах других авторов.

³ Геополитическими построениями изобилуют, например, книги Риппи и Стюарта (ниже они будут неоднократно цитироваться).

⁴ Принцип суверенитета, заверяет читателей Дагген, в современных условиях «является анахронизмом» (*L. Duggan, The Americas, New York 1949, p. 207—208*).

⁵ Перкинс пытается доказать, что население некоторых латиноамериканских стран «находится на такой примитивной стадии экономического развития, что их стремление к самоусовершенствованию очень ограничено и их желания очень невелики» (*D. Perkins, The United States and the Caribbean, Cambridge Mass. 1947, p. 32*). По отношению к колониям, находящимся в Латинской Америке, Фокс говорит, например, без обиняков: «Политическая независимость... может привести их к крушению и к катастрофической депрессии жизненного уровня» (*A. Fox, Freedom and the Welfare in the Caribbean, New York 1949, p. 214, 233*). Авторы не очень считаются с тем обстоятельством, что смысл «цивилизаторской» роли колонизаторов, якобы стимулирующих народы к самоусовершенствованию, и

Наконец, если оставить в стороне откровенно апологетическую литературу и литературу, скорее рассчитанную на эмоциональный эффект, чем на силу доводов и логику, и обратиться к более или менее солидным работам, то мы обнаружим, что даже они, как правило, лишены стройной методологической основы. Чаще всего это — эклектическое соединение субъективного идеализма (главным образом в форме прагматизма и его разновидностей), объективного идеализма (нередко с прямой апелляцией к божественному провидению) и вульгарного экономического материализма¹.

Отмеченные выше черты, характерные для американской литературы новейшего времени, касающейся вопроса о взаимоотношениях США и стран Латинской Америки, явственно обнаруживаются при специальном рассмотрении взглядов американских авторов на историю политики США в Латинской Америке.

Рождение концепции «добрососедства»

В 1933 г. в своем первом послании конгрессу президент Франклин Рузвельт объявил, что правительство США впредь по отношению к странам Латинской Америки будет проводить политику доброго соседа. С этого времени термин «добрый сосед» официально вошел в американскую политическую, экономическую и прочую литературу.

Однако задолго до этого — с момента провозглашения независимости в странах Латинской Америки — основной тенденцией американской историографии было доказать добрососедское отношение США к этим странам. С течением времени эта тенденция сложилась в определенную концепцию «добрососедства», которая стала в новейшее время *доминирующей* как наиболее отвечающая интересам официальной политики правящих кругов США.

спасающих их от крушения и голода, давно уяснен народами колониальных и зависимых стран, все активней выступающих против империализма и колониализма.

¹ Ярким примером такого сочетания являются рассуждения о политике США в Латинской Америке одного из виднейших представителей американской исторической науки — Чарльза Бирда (см., например, книгу, написанную им совместно с женой: *Ch. Beard and M. Beard, The Rise of American Civilization, New York 1927*).

В соответствии с этой концепцией в американской буржуазной историографии новейшего времени сложилась довольно устойчивая схема периодизации истории взаимоотношений США и стран Латинской Америки. В этой схеме обнаруживается намерение доказать добрососедство США на протяжении всей истории этих взаимоотношений¹. В известной мере признается наличие экспансионистской, интервенционистской и империалистической политики Соединенных Штатов в прошлом (при целой системе оправдания этой политики). Однако, чем ближе изучаемый период к современности, тем упорнее отрицается наличие такой политики и доказывается растущая солидарность, якобы имевшая и имеющая место между США и странами Латинской Америки. Рубежом, через который критика обычно не переходит, является дата вступления в должность последнего президента.

В 30—50-е годы нашего столетия схема периодизации взаимоотношений США и стран Латинской Америки приняла в своей основе следующий вид:

Первый период — идиллически доброжелательный — от начала борьбы латиноамериканских народов за независимость до аннексии Техаса.

Второй период — предначертанный судьбой, стихийно-экспансионистский — от аннексии Техаса до создания Панамериканского союза.

Третий период — от создания Панамериканского союза до испано-американской войны.

Четвертый период — вынужденно империалистический — от испано-американской войны до президентства Вильсона.

Пятый период — период отхода от империализма и становления добрососедских отношений — от Вильсона до Гувера.

Шестой период — период политики «добраго соседа», начиная со вступления в должность президента Франклина Рузвельта.

¹ «За 150 лет наших отношений с Латинской Америкой дружба и безопасность всегда были заботой политических деятелей США» — такова самая упрощенная формула («Our Southern Partners. The Story of Our Latin American Relations», Department of State Publication, 1954, p. 35).

Здесь следует напомнить, что некоторые авторы, являясь наряду с другими в большей или меньшей мере создателями доминирующей концепции «добрососедства», в связи с нюансами их политической и партийной ориентации и другими причинами иногда и отступают от определенных построений этой концепции. В отдельных случаях мы будем отмечать подобные явления, когда это будет служить уяснению истинного положения вещей.

Доктрина Монро

Небольшие размеры статьи не позволяют проанализировать суждения американских авторов по всем проблемам 150-летней истории взаимоотношений США и Латинской Америки, вынуждая выбрать наиболее важные из них.

Первой из таких проблем, несомненно, является рассмотрение политики Соединенных Штатов в период борьбы народов Латинской Америки за свою независимость и, в частности, вопрос о доктрине Монро.

2 декабря 1823 г. президент Монро обратился к конгрессу с посланием, получившим позже название доктрины Монро¹. Появление доктрины большинство американских буржуазных историков объясняют двумя причинами. Первая из них, по утверждению, например, Фарнисса и Снайдера, это «претензии России, ставящие под угрозу Тихоокеанское побережье Северной Америки»².

¹ В общих словах в послании президента говорилось следующее: 1) американский континент не должен рассматриваться европейскими государствами в качестве объекта дальнейшей колонизации; 2) всякая попытка со стороны европейского государства вмешаться в дела американского континента (и, в частности, в дела отстаивающих свою независимость молодых латиноамериканских республик) с целью установления своей политической системы или своего политического господства будет рассматриваться как угроза Соединенным Штатам и выражение недружелюбного к ним отношения; 3) США не намерены вмешиваться в дела Европы и в дела американских колоний европейских государств (русский перевод см. в кн.: Ч. Хайд, Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки, т. 1, разд. «Доктрина Монро», М. 1950, стр. 440—442).

² E. Furniss and R. Snyder, An Introduction to American Foreign Policy, New York 1955, p. 47.

Стюарт конкретизирует эту формулу, заявляя, что доктрина Монро была ответом «на русский указ 1821 г.»¹

Ссылка на указ царя от 1821 г. в защиту тезиса об угрожающей Соединенным Штатам экспансии России является необоснованной. Указ 1821 г. запрещал иностранным судам приближаться на 100 итальянских миль к берегам северо-западного побережья Тихого океана в пределах до 51 градуса северной широты. Он ни в коей мере не мог являться посягательством на территорию Соединенных Штатов², так как она начиналась много южнее 51 градуса. Притязания США в спорной области Орегон (на которую, кроме США, претендовали Россия и Англия) не шли дальше 51 градуса северной широты. Впоследствии, когда Россия уже не участвовала в споре, США требовали себе у Англии территорию только до 49 градуса, чем и удовлетворились в 1846 г.

Указ 1821 г. был в первую очередь защитной мерой России против контрабандной торговли и пиратства американских купцов и авантюристов в пределах русских владений в Америке³. Более того, известно, что уже в июле 1822 г. русское правительство фактически отказалось от выполнения указа 1821 г.⁴ Таким образом, ни

¹ G. Stuart, *Latin America and the United States*, 1955, p. 55; см. также Ч. Хайд, *Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки*, т. 1; M. Martin and L. Gelber, *The New Dictionary of American History*, New York 1952, p. 407; J. Pratt, *A History of United States Foreign Policy*, New York 1955, p. 170; J. Moore, *The Principles of American Diplomacy*, New York 1918, p. 244; A. Wilgus, *The Development of Hispanic America*, New York 1941, p. 301; J. Latané and D. Wainhouse, *A History of American Foreign Policy*, New York 1941, p. 191. С. Manning, *Russian Influence on Early America*. New York 1953; T. Bailey, *America Faces Russia, 1776—1940*, New York 1950.

² Это, в частности, признают крупнейшие американские исследователи доктрины Монро: W. Reddaway, *The Monroe Doctrine*, New York 1905, p. 101; D. Perkins, *Hands off! New York* 1943, p. 33.

³ Еще в 1811 г. (за 10 лет до указа) правление Российско-американской компании жаловалось Александру I на то, что незаконное проникновение американцев в Русскую Америку остановить «иначе нельзя, как совершенною острасткою североамериканских мореходов, которые... не внемлют никаким внушениям» (С. Окунь, *Российско-американская компания*, М.—Л. 1939, стр. 73).

⁴ Русским дозорным судам было предписано плавать возможно ближе к берегу и только в пределах, указанных в хартии, данной Российско-американской компании в 1799 г., т. е. до 55 градуса северной широты. Посланнику в США Тейлю были даны инструкции договориться с вашингтонским правительством об окончательном урегулировании всех

указ 1821 г., ни последующая позиция России вплоть до декабря 1823 г. не содержали непосредственной угрозы для Соединенных Штатов.

В самой доктрине ни слова не говорится об указе 1821 г. В той части доктрины, в которой трактуется вопрос о колонизации американского континента европейскими державами, как явствует из ее текста, упоминается отнюдь не только Россия, но также и Англия¹. Этой части доктрины придавалось в то время вообще сравнительно небольшое значение².

Острых территориальных разногласий между США и Россией в то время не существовало³. Веским доказательством этому служит заключение ими в 1824 г. (т. е. вскоре после опубликования послания Монро) соглашения, которое, к обоюдному удовлетворению обоих государств, разрешило территориальные вопросы. При этом Россия определила границы своих владений по линии до 54 градусов 40 минут северной широты.

Если доктрина Монро в той ее части, где говорилось о нежелательности дальнейшей колонизации американского континента, и отражала беспокойство США близостью сильной монархической России к их границе, то одновременно она свидетельствовала и об уверенности американского правительства в возможности мирного и доброжелательного урегулирования с Россией вопросов о территории, принадлежность которой еще не была определена. Об этом говорится во вводной части самой доктрины.

территориальных споров, а также предложить собрать для этой же цели конференцию в Санкт-Петербурге с участием России, Англии и США (см. *Ф. Мартенс*, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XI, № 431, Спб. 1895).

¹ При этом американский историк Пратт утверждает напр., что упомянутая часть доктрины была, «вероятно, адресована в меньшей степени непосредственно России, чем Великобритании, соперничества которой в территориальной экспансии Адамс (в то время государственный секретарь.— *Л. С.*) боялся больше, чем русского» (*J. Pratt, A History of United States Foreign Policy*, p. 170).

² Упомянувшийся выше Перкинс доказывает это в своей известной книге «Hands off!» (p. 31—32).

³ Это утверждает, например, известный американский журналист и писатель Уолтер Липпман (*W. Lippmann, U. S. Foreign Policy: shield of the Republic*, Boston 1943, p. 140); см. также: *B. Thomas, Russo-american Relations*, Baltimore — New York 1952, p. 9; *W. Williams, American Russian Relations*, New York 1952, p. 7).

В наши дни толкование доктрины Монро преимущественно в антирусском духе — один из пропагандистских приемов тех кругов Соединенных Штатов, которые стимулируют и вдохновляют «холодную войну».

Второй причиной выступления Монро с рассматриваемой доктриной в американской историографии называется обычно стремление США обезопасить себя и страны Латинской Америки от угрозы со стороны Священного союза¹. Среди руководящих деятелей Священного союза в то время действительно вынашивался план интервенции в восставшие испанские колонии. Инициатором и душой его был французский кабинет.

Однако у Священного союза в тех условиях не было возможности выполнить этот план². Священный союз не располагал необходимым флотом. Для военных операций, кроме испанских, мыслилось использовать французские войска, а они после подавления испанской революции еще продолжали оккупировать Испанию и не могли быть в скором времени отправлены в Западное полушарие. Все более увеличивавшиеся разногласия в самом Священном союзе знаменовали начало его разложения и явно препятствовали совместным действиям. К моменту опубликования доктрины Монро даже во Франции отказались от мысли осуществить упомянутый план³.

Россия, от которой в очень большой мере зависела возможность вторжения, была слишком занята европейскими и ближневосточными делами, чтобы осложнять свое положение в Европе и Азии восстановлением монархии в испанских колониях (это грозило войной с Англией, заинтересованной в их независимости). Так как Россия являлась одним из сильнейших членов Священного союза, то ее позиция в отношении плана вторжения

¹ См., например, *G. Stuart*, *Latin America and the United States*, 1955, p. 54—55; *E. Furniss and R. Snyder*, *An Introduction to American Foreign Policy*, p. 48—49; *F. R. Dulles*, *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York 1955, p. 8; *W. Robertson*, *History of the Latin-American Nations*, New York 1926, p. 550; *L. Duggan*, *The Americas*, p. 44; *A. Wilgus*, *The Development of Hispanic America*, p. 301; *A. Whitaker*, *The United States and the Independence of Latin America (1800—1830)*, Baltimore 1941.

² См. статью *Н. Н. Болховитинова*, К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку, «Новая и новейшая история» № 3, 1957 г.

³ *W. Robertson*, *France and Latin-American Independence*, Baltimore 1939, p. 286—287.

в Латинскую Америку по существу снимала вопрос о его реализации¹.

Англия, стремившаяся обеспечить свою гегемонию в Латинской Америке, решительно выступала против планов интервенции в Западное полушарие держав Священного союза. Без участия сильнейшего английского флота подобное мероприятие было обречено на провал.

Соединенные Штаты не располагали ни вооруженными силами, ни флотом, способными помешать интервенции, если бы она действительно стала фактом. Будучи односторонней декларацией американского президента, не закрепленной к тому же законодательным путем, доктрина Монро не имела юридической силы ни в области внутреннего, ни в области международного права. Последующая история полностью доказала неспособность и нежелание США помогать латиноамериканским государствам².

В основе внешней политики крупнейших государств континентальной Европы лежал тогда принцип легитимизма, принцип вмешательства монархов во внутренние дела стран, вступивших на путь буржуазных преобразований и республиканизма. Соединенные Штаты, в которых сравнительно недавно был установлен республиканский строй, настороженно относились к подобной политике. Но, выступая с рассматриваемой доктриной, правительство Соединенных Штатов вовсе не было движимо бескорыстными мотивами защиты стран Латинской Америки от угрозы со стороны Священного союза³.

Затрагивая вопрос о возможности вмешательства европейских держав, Монро в своем послании конгрессу

¹ Вот что говорил об этом при обсуждении доктрины государственный секретарь Адамс: «Сообщения, недавно полученные от русского посланника барона Тейля, дают, как я думаю, очень подходящую и удобную для нас возможность противостоять Священному союзу...» («The Diary of John Quincy Adams», New York 1929, p. 303).

² Соединенные Штаты не вступились в 1824 г. за Колумбию; в 1846 г.— за Венесуэлу, Перу, Эквадор; в 1848 г.— за Никарагуа, Сальвадор, Гондурас; в 1862 г.— за Мексику; в 1876, 1880, 1881, 1834, 1837, 1887 гг.— за Венесуэлу; в 1906 г.— за Сан-Доминго; в 1902—1903 гг.— за Аргентину. Соединенные Штаты допустили в 1833 г. захват Англией Фольклендских островов, в 1835 г.— Британского Гондураса и т. д.

См. по затрагиваемому вопросу статью: *Н. Н. Болховитинов*, О происхождении и характере доктрины Монро (1823), «Научные доклады высшей школы» (Исторические науки) № 4, 1958 г.

рассматривал такое вмешательство только как «проявление недружелюбного отношения к Соединенным Штатам», подвергающее опасности «наше спокойствие и благополучие». Дело в том, что судьба Латинской Америки занимала американское правительство только в той мере, в какой это было связано с интересами самих США. Более того, власть слабой Испании в ее колониях не внушала Белому дому опасений и в определенной мере даже была выгодна¹. Номинальное сохранение этой власти вселяло надежду на территориальные приобретения, как это было, например, в случае с Флоридой².

О будущей экспансии США в Западном полушарии, о поглощении территорий Латинской Америки Соединенными Штатами и завоевании ее рынков высказывались открыто крупнейшие американские государственные деятели: Джефферсон, Франклин, Монро, Адамс, Клей. При обсуждении послания президента Монро государственный секретарь Адамс говорил: «Не входя теперь в обсуждение вопроса о целесообразности присоединения в настоящий момент к нашему Союзу Кубы и Техаса, мы по крайней мере должны оставить за собой свободу действий, если такая надобность впоследствии представится...»³ Поэтому, заявляя о недопустимости дальнейшей колонизации американского континента, Монро и правящие круги США выступали не против колонизации вообще, а именно против колонизации его европейскими

¹ Президент Джефферсон писал в 1808 г.: «Мы были бы удовлетворены видеть Кубу и Мексику остающимися в их теперешней зависимости, но для нас нежелательно было бы видеть их в политической или коммерческой зависимости от Франции или Англии» (*J. Moore, A Digest of International Law, vol. VI, Washington 1906, p. 371*). В отношении Кубы (Мексика завоевала свою независимость) этой точки зрения правительство США придерживалось весь период войны за независимость в Латинской Америке (*W. Manning, Diplomatic Correspondence of the United States concerning the Independence of the Latin-American Nations, vol. 1—3 New York 1925* — документы, касающиеся Кубы). США до конца XIX в. спокойно смотрели на колониальную зависимость Кубы, заботясь, как и в начале века, о том, чтобы она не перешла в руки какой-либо сильной европейской державы, а также о том, как бы завладеть ею самим.

² Она была сначала отторгнута у Испании с помощью вооруженной силы, а позже за нее была выплачена сравнительно небольшая компенсация (1810—1811; 1818—1821 гг.).

³ *С. Ниринг и Д. Фримэн, Дипломатия доллара, Л. 1926, стр. 189.*

державами. С той же целью — оставить за собой свободу рук, обеспечить для себя новые рынки — Белый дом уклонился от проекта английского министра иностранных дел Каннинга, который предлагал совместное выступление США и Англии со специальной декларацией, направленной на предотвращение возможной интервенции Священного союза в дела бывших испанских колоний.

Кроме того, США, выступив с доктриной Монро, заявили претензию быть единоличными выразителями интересов стран американского континента. Доктрина прямо касалась стран Латинской Америки, но подготавливая доктрину к опубликованию, ни с одной из этих стран американское правительство даже не консультировалось.

В свете приведенных выше фактов обнаруживается та грозная опасность для государств Латинской Америки, которая крылась в доктрине Монро. Этой опасностью были экспансионистские (территориальные и коммерческие) устремления, проявлявшиеся во внешней политике Соединенных Штатов первой четверти XIX в. США были буржуазным государством, стремившимся к территориальной экспансии и эксплуатации чужих народов, оказавшихся по той или иной причине слабее их. Причем в этом государстве существовал институт рабства, что особенно усиливало тенденцию к экспансии. Главной причиной появления доктрины Монро было стремление буржуазии Севера к завоеванию латиноамериканского рынка и стремление рабовладельцев Юга к захвату соседних территорий для укрепления своего политического влияния и распространения на эти территории экстенсивного рабовладельческого хозяйства.

Выступая с этой декларацией, США использовали в своих интересах выгодную международную ситуацию, сложившуюся в результате побед, одержанных народами Латинской Америки над Испанией, разброда в Священном союзе, дружественных русско-американских отношений и противодействия Священному союзу со стороны Англии.

С момента опубликования (в декабре 1823 г.) в доктрине под формулой «Америка для американцев» отчетливо проступала формула «Америка для североамериканцев», а точнее, «Америка для господствующих клас-

сов Соединенных Штатов», что впоследствии стало проявляться с еще большей очевидностью. Вскоре после опубликования доктрина Монро стала основным идеологическим оружием американских экспансионистов в их захватнической политике по отношению к государствам Латинской Америки.

Американо-мексиканская война

В результате спровоцированной войны с Мексикой (1846—1848) Соединенные Штаты захватили у этой страны земли, превышающие территории Германии и Франции, вместе взятые. Объяснить подобную аннексию, ссылаясь на добрососедские чувства, разумеется, невозможно. Поэтому для объяснения ее в американской буржуазной историографии приводятся другие доводы. Один из них заключается в том, что после войны за независимость в первой четверти XIX в. мексиканцы якобы не были готовы к самоуправлению, что Мексику раздирали внутренние противоречия, приводившие к вечным беспорядкам, что поэтому нет никакого основания серьезно говорить о мексиканском народе, мексиканском правительстве, мексиканской политике того времени. А раз так, то не оставалось другого выхода, как применить силу, поскольку «мексиканцы из-за несоответствующей их положению гордости отказывались отдать свою землю, несмотря на долгие уговоры»¹.

Другое объяснение войны с Мексикой сводится к мотивам обороны. При этом приводится цепь рассуждений такого рода: Луизиана была необходима Соединенным Штатам для обороны юго-западной границы; приобретение Луизианы обусловило необходимость приобретения Флориды как гарантии защиты Луизианы; приобретение Флориды обусловило необходимость приобретения Техаса². И в завершение делается следующий вывод: «Если было признано, что Соединенные

¹ См., например, *J. Bannon and P. Dunne, Latin America*, p. 435; *Ch. Beard and M. Beard, The Rise of American Civilization*, vol. I, p. 583; *E. Furniss and R. Snyder, An Introduction to American Foreign Policy*, p. 50; *S. Bemis, The Latin American Policy of the United States*, New York 1943, p. 74 и далее.

² Он был захвачен США в 1845 г.

Штаты имели право аннексировать суверенный Техас, еще в большей степени, конечно, должно быть признано то, что они имеют право защищать свою вновь приобретенную территорию от ежеминутно ожидаемой атаки»¹. При такой «логике», конечно, очень нетрудно найти «оправдание» любой аннексии.

Некоторые авторы стараются убедить в том, что экспансионистская политика проводилась правительством США «в соответствии с чаяниями и образом мыслей американского народа»².

И, наконец, одним из самых распространенных доводов для оправдания экспансии и аннексии является утверждение о том, что народ США — народ, избранный провидением господствовать над соседними народами, что самой судьбой Соединенным Штатам предназначено все время расширять свою территорию. Исходя из этого, Бирд, например, писал, что в войне с Мексикой «военные и морские операции завершили работу Предначертания Судьбы»³.

Все эти объяснения служат целям оправдания аннексионистской политики США в отношении Мексики и войны, развязанной рабовладельцами⁴.

«Как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов интересы рабовладельцев служили путеводной звездой»⁵, — указывал Карл Маркс. Политические же и экономические интересы рабовладельцев заключались в непрерывном расширении рабства за пределы его старых границ. Это расширение приводило внутри Соединенных Штатов к резкому столкновению немногочисленной рабовладельческой олигархии с остальным населением страны, противившимся попыт-

¹ G. Stuart, *Latin America and the United States*, 1955, p. 137; см. также J. Moore, *The Principles of American Diplomacy*, p. 379; Ch. Beard and M. Beard, *The Rise of American Civilization*, vol. I, p. 432.

² J. Moore, *The Principles of American Diplomacy*, p. 379.

³ Ch. Beard and M. Beard, *The Rise of American Civilization*, vol. I, p. 608; см. также S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. 74.

⁴ Реабилитации рабовладельцев была посвящена даже специальная диссертация (J. Fuller, *Movement for the Acquisition of all Mexico, 1846—1848*, Baltimore 1936). За рабовладельцев открыто вступают Бирд и Мур (Ch. Beard and M. Beard, *The Rise of American Civilization*, vol. I, p. 582; J. Moore, *The Principles of American Diplomacy*, p. 350).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 238.

кам рабовладельцев установить свое полное политическое господство и захватить земли у американских фермеров. Внешняя экспансия рабовладельцев была также не в интересах американского народа, так как укрепляла их экономические и политические позиции внутри страны. Известно, что в середине XIX в. противоречия между рабовладельцами Юга и буржуазией Севера привели к гражданской войне, закончившейся поражением рабовладельцев. Таким образом, не может идти и речи о том, что экспансионистская политика последних проводилась «в соответствии с чаяниями и образом мыслей американского народа».

Несостоятельным оказывается объяснение аннексии и мотивами обороны. Нельзя согласиться с утверждениями о том, что Соединенным Штатам что-либо угрожало со стороны Мексики. Дело обстояло как раз наоборот.

В 1829 г. рабовладельцы — выходцы из США, не желавшие мириться с отменой в Мексике рабства, организовали заговор в мексиканском штате Техас. В 1836 г. заговорщики объявили независимость Техаса и Соединенные Штаты признали ее. В 1845 г. Техас был включен в состав Соединенных Штатов. В том же году отряд американских войск проник на мексиканскую территорию. Мексиканцы атаковали его. Это послужило поводом к войне, которую стремились развязать американские рабовладельцы во главе с президентом Полком¹.

В целях оправдания захватнической и несправедливой войны и в целях предотвращения помощи Мексике со стороны Англии² президент Полк (1845—1849) сослался на доктрину Монро³. Она была истолкована как санкция на исключительное право Соединенных Штатов разрешить техасский вопрос. Таким образом, указан-

¹ Более подробно об этом см. А. В. Ефимов, Очерки истории США, М. 1955, стр. 225—231.

Следует обратить внимание на то, что Стюарт вопреки фактам и даже традиции американской историографии утверждает, что Полк «совсем не хотел форсировать дело» (*G. Stuart, Latin America and United States*, 1955, p. 137).

² Англия вела в то время спор с США из-за Орегона. Стремясь помешать своему сопернику расширить территорию и усилить позиции в Западном полушарии, она была склонна поддержать Мексику.

³ *H. Commager* (ed), *Documents of American History*, Part 1, New York 1945, p. 309—311.

ная доктрина оказалась использованной и против Англии и против Мексики. Экспансионистские тенденции, заложенные в доктрине Монро еще в момент ее провозглашения, становились значительно очевиднее, по мере того как вооруженное распространение рабства стало основной целью внешней политики правящих кругов США. Доктрина все в большей степени служила целям аннексии чужих территорий.

Экспансионистские тенденции в политике Соединенных Штатов, усилившиеся после американо-мексиканской войны¹, объясняются в американской историографии главным образом все тем же «предначертанием судьбы». После этой войны, пишет, например, Ф. Даллес, «многие американцы стали считать континентальные границы слишком узкими. Теперь предначертание судьбы призывало к заморской экспансии в Карибском бассейне, на Тихом океане»².

Панамериканский союз и Венесуэльский конфликт

80-е и 90-е годы XIX столетия в американской историографии обычно принято считать периодом укрепления добрососедства стран Западного полушария. Последнее будто бы ярко отразилось в создании Панамериканского союза и в защите Соединенными Штатами Венесуэлы от английских посягательств. С этим никоим образом нельзя согласиться.

Победа буржуазии Севера в гражданской войне и поражение рабовладельцев создали условия для бурного роста американского капитализма. К концу XIX в. в США все ярче начинают проявлять себя признаки, которые знаменовали вступление страны на империалисти-

¹ Главной целью экспансионистов в этот период был захват Кубы. Кампания за его осуществление приняла особый размах в период президентских выборов, приведших к власти Бьюкенена (1857—1861). «Фактически Бьюкенен добился поста президента,— писал К. Маркс,— благодаря изданию Остендского манифеста, в котором приобретение Кубы путем ли грабежа или вооруженной силы провозглашалось как великая задача национальной политики» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 2, стр. 238). Позже экспансионисты направили свои взоры на Гавайи и Самоа.

² F. Dulles, *America's Rise to World Power*, p. 12.

ческий путь развития, тресты становились господствующей силой в стране.

Соединенные Штаты изо всех сил спешили обеспечить себе возможно более широкие рынки сбыта и сферы приложения капитала. Прежде всего внимание было обращено на страны Латинской Америки. Именно к этому времени должно быть отнесено зарождение современного панамериканизма.

В 1889 г. по инициативе Соединенных Штатов состоялась первая панамериканская конференция. Главный организатор этой конференции бывший государственный секретарь Блейн откровенно признавался, что, созывая ее, он преследует цель обеспечить в дальнейшем для Соединенных Штатов господствующее положение на рынках Латинской Америки¹.

В американской историографии делается попытка затушевать своекорыстные цели Соединенных Штатов при создании Панамериканского союза. Для этого пан-американизм изображается как развитие сотрудничества, якобы имевшего место между странами Латинской Америки в годы их борьбы за независимость². Но в то же самое время так называемый начальный период пан-американизма — от первого конгресса американских стран в Панаме (созванного в 1826 г. по инициативе одного из виднейших деятелей борьбы испанских колоний за независимость — Боливара) до 1889 г., когда по инициативе США был создан Панамериканский союз, — представляется как «романтический». В этот период не было достигнуто положительных результатов якобы потому, что США, хотя и являлись сторонниками «американской системы», в то время еще не брали на себя руководство, что и привело к неудаче³.

Эта версия не соответствует действительности. Именно США, которые до конца XIX в. еще не располагали мощностью, достаточной для того, чтобы оказывать действительное влияние на латиноамериканские страны и преодо-

¹ См. *J. Gantenbein*, *The Evolution of Our Latin-American Policy*, Documents, New York 1950 (см. речь Блейна).

² См. «*Our Southern Partners*», p. 19.

³ См., например, *J. Moore*, *The Principles of American Diplomacy*, p. 378; *F. Erworth*, *Pan America and the Pan American Union*, Washington 1936; p. 2; *Ch. Fenwick*, *The Inter-American Regional System*, New York 1949.

леть сопротивление своему проникновению на Юг со стороны европейских государств, старались противодействовать попыткам стран Латинской Америки достигнуть эффективного сотрудничества между собой. Правящие круги США боялись, что подобное сотрудничество может оказаться силой, препятствующей американской экспансии. Именно поэтому США саботировали упоминавшийся Панамский конгресс, стремясь таким образом помешать принятию на нем решений, запрещающих рабство, обязывающих выступать против колониального режима в странах американского континента, еще не освободившихся от гнета. Делегаты США были посланы на конгресс с опозданием и не попали на него¹.

Такая политика проводилась до конца XIX в., т. е. до тех пор, пока Соединенные Штаты не вступили на путь империалистического развития, пока не возникла уверенность (связанная с ростом экономической и военной мощи), что создаваемое объединение американских государств будет находиться под сильным влиянием Белого дома.

Панамериканизм, основы которого были заложены в 1889 г., не имеет ничего общего с идеями Боливара, мечтавшего об объединении латиноамериканских государств в целях обеспечения независимого существования их народов. «Практический» панамериканизм явился детищем и орудием американского империализма, который под видом сотрудничества государств Западного полушария стремился осуществить здесь свое монопольное влияние.

Еще с меньшим основанием можно считать выражением сотрудничества и стремлением защитить соседнюю республику вмешательство США в венесуэло-английский конфликт в 1895 г.²

Используя сложность международного положения Англии в это время (особенно в связи с ее колониальной политикой в Африке), Соединенные Штаты вмешались

¹ Подробнее см. «Известия МИД», 1915 г., стр. 85.

² А эту версию более или менее последовательно и более или менее энергично защищают многие американские историки (см., например, *E. Dulles, America's Rise to World Power*, p. 26; *G. Stuart, Latin America and the United States*, 1955, p. 62; *E. Furniss and R. Snyder, An Introduction to American Foreign Policy*, p. 72; «The Hispanic American Historical Review», November 1938, p. 491; *D. Perkins, Hands off!* p. 185 *J. Moore, The Principles of American Diplomacy*, p. 251).

в территориальный спор между Венесуэлой и Англией и потребовали, чтобы спор был, наконец, разрешен.

О том, в чью пользу он был разрешен и какой характер носило сотрудничество, говорят следующие факты. США, настаивая перед Англией о прекращении спора, ни разу не консультировались с правительством Венесуэлы, считая себя вправе без всяких на то оснований решать вопрос о ее территории. А затем, сговорившись с Англией о взаимных уступках, заключили с ней соглашение, даже не известив об этом венесуэльское правительство. По указанному соглашению, которое вызвало сильное возмущение венесуэльского народа, занятие территории сроком более чем 50 лет давало право на владение ею. Это условие распространялось на большую часть земель, занимаемых англичанами. В то же время из этого условия исключались американские концессии, полученные у венесуэльского правительства. Таким образом, конфликт был разрешен с выгодой для США и Англии и в ущерб «опекаемой» американцами Венесуэле¹.

Для обоснования вмешательства в венесуэло-английский конфликт государственным секретарем Олни было дано новое толкование доктрины Монро. Доктрина формулировалась следующим образом: «Сегодня Соединенные Штаты являются фактически полным владыкой на этом континенте, а их повеление — закон во всех тех делах, в которые они вмешиваются. Почему? Не потому, что к ним испытывают чувства чистой дружбы или доброй воли. Не просто потому, что они являются высоко цивилизованным государством, или потому, что благородие, право и справедливость неизменно характеризуют поведение Соединенных Штатов. Дело в том, что наряду со всеми другими причинами неисчислимы ресурсы США в сочетании с изолированной позицией делают их хозяевами положения...»²

Таким образом, ни о каком добрососедстве не шло и речи, хотя Олни, а за ним и многие американские историки заверяли и заверяют, что США вступились за погрязшие права маленькой латиноамериканской страны.

¹ См. подробно *Р. Ганелин*, «Доктрина Олни» и ее фальсификация в американской историографии («Вопросы истории» №7, 1951 г.).

² *J. Gantenbein*, *The Evolution of Our Latin-American Policy*, p. 348.

В условиях роста своего могущества Соединенные Штаты открыто заявили о своем исключительном «праве» на господство во всей Латинской Америке, праве, основанном на силе и самодержавной воле. Скрытая в свое время в доктрине Монро формула «Америка для Соединенных Штатов» обнажилась во всем своем откровении.

Знаменательно, что, несмотря на всю очевидность империалистической сущности заявления Олни, немалое число американских авторов категорически отрицают действительные политические, военные и экономические мотивы этого заявления¹. Поскольку его недвусмысленная откровенность не дает для этого никаких оснований, то часть из них пишет о якобы существовавшей в то время для американского правительства острой необходимости защищать возросшие американские интересы в Латинской Америке². Но, разумеется, никакие американские интересы не могли дать США право на деспотическое господство в Западном полушарии, претензию на которое столь цинично сформулировало американское правительство.

Испано-американская война

Последующий период в истории латиноамериканской политики США (от испано-американской войны до первой мировой войны), как правило, принято называть империалистическим даже в американской официальной историографии. Однако определение американскими историками политики США этого периода как империалистической не означает ее критику. Этой политике подыскиваются оправдания, а порой поются дифирамбы.

Кроме того, нужно иметь в виду, что вопрос об империализме в американской буржуазной историографии рассматривается только в связи с политикой ряда президентов, вызванной быстрым экономическим развитием страны в конце XIX — начале XX в. и предопределенной якобы судьбой, которая уготовила Соединенным Штатам роль мирового гегемона. В термин «империализм» вкладывается очень ограниченное значение. Империализм США

¹ См., напр., *D. Perkins, Hands off!* p. 190.

² См. сноску 2-ю на стр. 266.

никак не связывается с наличием и господством в стране монополистического капитала как высшей стадии развития капитализма, что определяет особенности политики США с конца XIX в. А политика США с этого времени стала империалистической политикой финансового капитала, ставшего господствующей силой в стране и стремящегося к захвату новых рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала. Но мир уже был поделен. Стремление к колониальным захватам в условиях поделенного мира и сосредоточение огромных капиталов в руках американских монополистов толкали господствующие классы США, с одной стороны, на передел мира, а с другой стороны, на экономическое, а затем и политическое подчинение наиболее доступных для этого близлежащих малых и слабых стран. По мере роста мощи американского финансового капитала его претензии росли, вылившись в конечном счете в стремление к мировому господству.

В 1898 г., вмешавшись в национально-освободительную борьбу кубинцев против испанского владычества, США начали войну с Испанией. Испано-американская война была спровоцирована американским финансовым капиталом с целью захвата испанских владений в Вест-Индии и на Тихом океане, дальнейшего распространения своего влияния на страны Латинской Америки и приобретения форпостов на рынках Дальнего Востока. По определению В. И. Ленина, эта война была первой главной вехой эпохи империализма, империалистических войн за передел мира¹.

Как же характеризует ее американская историография?

Пратт пишет: «Война с Испанией сама по себе не являлась продуктом экспансионистского стремления в Соединенных Штатах, она была результатом бедственного положения на Кубе, которое стало нетерпимо для американского чувства»². Американский народ проникся непреодолимым «воинственным духом», который и опре-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 95.

² J. Pratt, A History of the United States Foreign Policy, p. 374; см. также: G. Kennan, American Diplomacy, 1900—1950, Chicago 1952, p. 7, 20; T. Bailey, A Diplomatic History of the American People, New York 1942, p. 506; F. Dulles, America's Rise to World Power, p. 40—41; R. Adams, A History of the Foreign Policy of the United States, New York 1924, p. 274.

делил вмешательство США в кубинские дела. Обоснованию этого тезиса посвящаются не только специальные абзацы или разделы, но и целые книги. В книге об испано-американской войне, названной «Воинственный дух», автор ее Миллис, например, заверяет читателя, что «никто в отдельности не может нести ответственность за нее. Нация горела воинственным духом»¹. «Ни деловые интересы нации, ни правительство не желали ее. Ее требовала публика, подогреваемая прессой»²,— вторит ему Висан.

Мур, будучи юристом, к подобным рассуждениям прибавляет правовой довод. США, пишет он, в связи с положением, сложившимся на Кубе, осуществили акцию, аналогичную той, которая известна в частном праве как «устранение помехи» («the abatement of nuisance»)³.

Вмешательство американского правительства в испано-кубинскую войну американские историки объясняют также военными интересами США. «Простой взгляд на карту Карибского бассейна убеждает в стратегической важности Кубы для страны, владеющей Новым Орлеаном и Флоридой»⁴,— заявляет Стюарт. Не забыт и «исторический приговор», якобы предопределивший вступление США в войну⁵.

Иначе говоря, делается попытка снять ответственность за развязывание войны с господствующих классов США и правительства, оправдать их действия и переложить ответственность на народ⁶ или сослаться на мифическую угрозу Соединенным Штатам, а также на вме-

¹ W. Millis, *The Martial Spirit*, Cambridge Mass. 1931, p. 146.

² J. Wisan, *The Cuban Crisis as reflected in the New York Press (1895—1898)*, New York 1934, p. 455.

³ J. Moore, *The Principles of American Diplomacy*, p. 208.

⁴ G. Stuart, *Latin America and the United States, 1955*, p. 187; см. также J. Rippey, *Historical Evolution of Hispanic America*, New York 1946.

⁵ G. Kennan, *American Diplomacy*, p. 10.

⁶ Следует заметить, что американский народ действительно сочувственно относился к освободительной войне на Кубе, и многие американцы еще до вступления в войну США участвовали в борьбе кубинского народа против Испании. Однако это не имеет ничего общего с политикой правящих кругов США, которые стремились занять место испанских колонизаторов, что они и сделали, превратив в колонию США Пуэрто-Рико и Филиппины, отнятые у Испании в результате войны, и поставив Кубу в положение, зависимое от Соединенных Штатов.

шательство высших сил. К тому же американские буржуазные историки выдвигают три дополнительных положения: 1) Куба обязана своему освобождению от гнета Испании только или главным образом Соединенным Штатам; 2) кубинцы были еще не подготовлены для самоуправления, а поэтому американские оккупационные войска на Кубе оказывали поддержку в организации Кубинской республики; 3) Куба после войны стала вполне суверенным государством¹.

Однако ни одно из этих утверждений не соответствует действительности.

Американские войска вмешались в войну на острове в тот момент, когда кубинские повстанцы были близки к полной победе, для того чтобы помешать установлению независимой республики. Американские солдаты показали себя с самой невыгодной стороны. Что касается довода о «неспособности» к самоуправлению, то это вечный довод колонизаторов. «Поддержка» в организации Кубинской республики выразилась в военной оккупации острова; непризнании правительства, созданного кубинцами во время войны; захвате управления американскими военными властями; запрещении ввести в действие конституцию, выработанную кубинцами в дни борьбы за свободу; поправке Платта к кубинской конституции², лишившей страну независимости, само принятие которой американским конгрессом являлось нагляднейшим нарушением суверенитета республики³.

¹ *E. Guerrant, Roosevelt's Good Neighbor Policy, Albuquerque 1950, p. 3; см. также D. Perkins, The United States and the Caribbean, p. 123; Ch. Chapman, A History of the Cuban Republic, New York 1927, p. VI; J. Rippey, The Caribbean Danger Zone, p. 152; Ч. Хайд, Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки, т. 1, § 19 и многие другие.*

² Поправка Платта к Биллю о содержании американской армии, принятая конгрессом США в 1901 г., предусматривала ограничение кубинской независимости в области заключения договоров с иностранными державами. Кроме того, США в соответствии с этой поправкой присваивали себе право вооруженной интервенции на остров, право владения на нем военно-морскими базами и т. д. Эта поправка под давлением США была в виде приложения включена в кубинскую конституцию.

³ Подробнее см. *Л. С. Владимиров, Дипломатия США в период американо-испанской войны, 1898 г., М. 1957; Л. И. Зубок, Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900—1939, М.—Л. 1948, гл. VII; Л. Ю. Слэзкин, Испано-американская война 1898 года, М. 1956.*

Захват во время войны Соединенными Штатами Филиппинских островов, находящихся очень далеко от Кубы (страдания которой якобы толкнули Соединенные Штаты на войну), объявляется «случайным», «необъяснимым» и даже указанным самим господом богом¹. В подтверждение последнего довода цитируется обычно письмо президента США Мак-Кинли. В этом письме Мак-Кинли писал о том, что он был «осенен божественным провидением» в решении сделать Филиппины колонией США².

Делается даже попытка представить дело так, что не заинтересованность промышленных и финансовых кругов США в колониальной империи толкнули правительство на захват Филиппинских островов, а, наоборот, «неожиданный» захват Филиппин во время войны вызвал якобы желание иметь колониальную империю³.

Некоторые авторы не очень заботятся о том, чтобы искать оправдание империалистической политике США. Они просто объявляют, что в результате войны с Испанией США стали «мировой державой». Это, как видно по их неумеренным восторгам, должно оправдывать даже самый откровенный разбойничий империализм.

Стюарт, например, пишет: «Испано-американская война создала новую ситуацию. Доктрина Монро легко могла быть распространена на Испанскую Вест-Индию, но можно ли было продвинуть ее через Тихий океан? В то время как дебатировался этот вопрос, Соединенные Штаты стали мировой державой»⁴. А поскольку США сделались «мировой державой», то «положение

¹ См., например, *П. Т. Мун*, Империализм и мировая политика, М.—Л. 1928, стр. 286—289; *J. Rippey*, *The Caribbean Danger Zone*, p. 152; *Ch. Beard and M. Beard*, *The Rise of American Civilization*, vol. 2, p. 375.

² Это письмо в русском переводе см. в книге: *Л. Ю. Слѣзкин*, Испано-американская война 1898 года, стр. 102. Подробно о событиях на Филиппинах в период испано-американской войны см. в кн.: *А. А. Губер*, Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм, М. 1948.

³ «*American Imperialism in 1898*», *Readings Selected.*, Boston 1955, p. 43; см. также: *J. Moore*, *The Principles of American Diplomacy*, p. 354.

⁴ *G. Stuart*, *Latin America and the United States*, 1955, p. 1—2; см. также: *J. Rippey*, *The Caribbean Danger Zone*, p. 25; *Ch. Beard and M. Beard*, *The Rise of American Civilization*, vol. 2, p. 501; *F. Dulles*, *America's Rise to World Power*, Chap. 4; «*American Imperialism in 1898*», Introduction.

обязывает» и Соединенные Штаты оказываются силой вещей и волей провидения вынужденными к экспансии. «В последнее десятилетие XIX века,— прорицает Бемис,— империализм накинуд свою мантию на Предназначение Судьбы и гальванизировал эту традиционную веру американского народа в свое экспансионистское будущее...»¹

Ближайшие соседи США — страны Латинской Америки, а прежде всего страны Карибского бассейна — стали первой жертвой экспансии, но, разумеется, не американского народа, а американского финансового капитала. Экспансия США в Карибской Америке не отрицается американскими историками. Они даже говорят о «превращении Мексиканского залива и Карибов во внутреннее море Соединенных Штатов»². Но в результате насилия над соседними странами, говорят они, США стали «мировой державой». Это, по их мнению, оправдывает любое насилие. Как утверждает, например, Перкинс, «сильные нации неизбежно чувствуют стремление к господству... Они часто расположены обеспечить себе контроль над более слабыми и, как они считают, низшими государствами»³.

Рассуждениями о миссии США как «мировой державы», о праве сильного, о высших и низших государствах подготавливается в американской историографии почва к тому, чтобы перейти к изложению и оправданию агрессивной политики президентов Теодора Рузвельта и У. Тафта.

Политика «большой дубинки» и «дипломатия доллара»

Политика президентов Теодора Рузвельта и Тафта отличалась особенной агрессивностью. При этом ни тот, ни другой, не скрывали своих империалистических притязаний. Поэтому даже официальная американская историография именуется политику Т. Рузвельта (1901—1909) и У. Тафта (1909—1913) империалистической, политикой «большой дубинки» и «дипломатией доллара».

¹ S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. 123.

² Ch. Beard and M. Beard, *The Rise of American Civilization*, vol. 2, p. 501.

³ D. Perkins, *Hands off!* p. 229.

В соответствии с этой политикой и дипломатией упомянутые президенты расширили толкование доктрины Монро, сделанное в свое время Олни. Доктрина Монро, в их толковании, не только давала «право» на вмешательство в дела стран Латинской Америки, но вменяла такое вмешательство в обязанность правительства США. В 1904 г. Рузвельт заявил: «...В Западной полушарии признание Соединенными Штатами доктрины Монро может принудить их... к выполнению международных полицейских функций»¹. Президент Тафт дополнил это толкование доктрины: «Наша внешняя политика... может смело прибегнуть к активному вмешательству в целях обеспечения возможности нашим капиталистам и нашим купцам выгодно инвестировать капиталы»². Первый, таким образом, сформулировал политику «большой дубинки», а второй «дипломатию доллара».

«Большая дубинка» — «дипломатия доллара» — «большая дубинка» — так схематически можно изобразить латиноамериканскую политику США при президентах Т. Рузвельте и У. Тафте. Политика «большой дубинки» была призвана силой обеспечивать американским империалистам беспрепятственную инвестицию капиталов в Латинскую Америку, эксплуатацию ее богатств. «Дипломатия доллара» использовалась для обеспечения безопасности американских капиталов. И то и другое было ярким выражением империалистической политики финансового капитала США³.

Как же объясняется политика Т. Рузвельта и У. Тафта в американской историографии? Критика, которую можно подразумевать в терминах «большая дубинка» и «дипломатия доллара», не является подлинной критикой. Те выводы, которые делают историки, рассказывая об испано-американской войне, подготавливают читателя к тому, чтобы воспринять деятельность правительства США в годы правления этих президентов как нечто predeterminedенное свыше.

Но истинные намерения этих историков выдают наиболее рьяные защитники империализма, которые стремят-

¹ *H. Commager, Documents of American History, Part. II, p. 213.*

² *С. Ниринг и Д. Фримэн, Дипломатия доллара, стр. 212.*

³ Подробнее о политике Т. Рузвельта и У. Тафта см. *Л. И. Зубок, Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна.*

ся любыми средствами защитить от справедливых обвинений тех, кто держит в своих руках рычаги управления внешней политикой США,— магнатов финансового капитала. Их горячим защитником является неоднократно упоминавшийся Бемис. Говоря об интервенции США в соседние страны и особенно часто злоупотребляя рассуждениями о «предначертании судьбы», он в конечном счете стремится убедить в том, что «Уолл-стрит имел к этим интервенциям очень малое отношение». Он выступает борцом против того, что он называет «мифом об экономическом империализме»¹. Его не смущает, что он, по его же собственным словам, поставил перед собой «непопулярную задачу». «Решает» же он ее, прикрывая ссылками на «воинственный дух», миссию «мировой державы» и т. д. стремление американского финансового капитала к неограниченной экспансии, его стремление к эксплуатации более слабых стран, жажду мирового господства.

Политику Т. Рузвельта и У. Тафта апологеты империализма представляют не только как неизбежную и predetermined судьбой, но и как добрососедскую. При этом они не прибегают к каким-либо сложным логическим ухищрениям. В их построениях все сводится к борьбе США с «нестабильностью» и «беспорядками» в соседних странах. Ведь «беспорядки» угрожают крупным американским капиталам, инвестированным в Латинскую Америку. Кроме того, наличие беспорядков противоречит нормам «цивилизованного мира». В этих условиях поколачивание соседей «большой дубинкой» ради интересов Соединенных Штатов и «цивилизованного мира» становится, по мнению адвокатов империализма, «моральным обязательством» и «законным правом надзора», служа одновременно пользе приобщения соседей к благам стабильной жизни². США, утверждает официальная

¹ S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. 165—166, 331. Ту же мысль в отношении испано-американской войны проводит Пратт в специальной статье, носящей название: «Американский бизнес и испано-американская война» («American Imperialism in 1898»).

² См., например, E. Guerrant, *Roosevelt's Good Neighbor Policy*, p. 9, 15; J. Moore, *The Principles of American Diplomacy*, p. 197; Ch. Beard and M. Beard, *The Rise of American Civilization*, vol. 2, p. 528; G. Stuart, *Latin America and the United States*, p. 114—115; J. Rippy, *The Caribbean Danger Zone*, p. 134, 180; D. Perkins, *Hands off!* p. VII.

американская историография, осуществляли «откровенное вмешательство в латиноамериканские дела, когда ощущалась в этом необходимость и для Соединенных Штатов, и для стран, которые являлись объектом этого вмешательства»¹.

Таким образом, признается «откровенное вмешательство». Что же вызывает его необходимость? Все те же «беспорядки». Но что же это за «беспорядки»? Этим бранным в устах американских историков словом называют все, что мешало и мешает империалистам США эксплуатировать латиноамериканские страны: движение народов этих стран за национальную независимость, борьбу трудящихся этих стран за повышение заработной платы, за землю, демократические свободы, против диктаторских режимов, против империализма США, против грабительских процентов по американским займам и т. д. и т. п. Иначе говоря, приведенные выше рассуждения и терминология американских историков являются прямой апологией откровенного вмешательства США во внутренние дела стран Латинской Америки. Такое вмешательство объявляется «нормой цивилизованного мира»! Таково понятие о цивилизации у американских империалистов и их апологетов.

Бемис, идущий особенно далеко в апологетике империализма, выдумал даже такой термин, как «добродетельный империализм». Он утверждает, что интервенции США в Латинской Америке «облегчали старый груз долга, восстанавливали политическую и финансовую стабильность и предотвращали опасность европейского вмешательства»². При этом он игнорирует то обстоятельство, что народы стран, подвергавшихся интервенции, всегда оказывали ей сопротивление и поднимались на неравную борьбу, чтобы сбросить иго ненавистой оккупации, освободиться от финансового и политического контроля со стороны США.

Апология империалистической политики Теодора Рузвельта и Тафта ведется в американской историографии не только в общем плане, но и в отношении конкретных исторических фактов. Одним из ярких примеров этого является изображение американскими историками эпизо-

¹ «Our Southern Partners...» p. 32.

² S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. X, 331.

да с приобретением Соединенными Штатами зоны Панамского канала.

Вот как излагается история этого события Стюартом: «Роль, которую Соединенные Штаты играли в Панамской революции, сильно порицалась, но свидетельство, говорящее, что наша страна стимулировала революцию или содействовала ее развитию, за исключением вывода, сделанного панамцами из появления «Нэшвилля» в бухте, должно быть взято под подозрение, а может быть, и весь рассказ г. Бюно-Варилья должен рассматриваться как умышленно искажающий истину»¹.

Мур утверждал, что Панамская республика «появилась неожиданно»².

Как же обстояло дело?

Первая попытка со стороны США приобрести зону канала путем договоренности с Колумбией оказалась неудачной. Конгресс Колумбии 12 августа 1903 г. отказался ратифицировать договор Эррана-Хэя, по которому США должны были приобрести концессию на прорытие канала через Панамский перешеек.

В своей автобиографии Рузвельт признается, что после этого он «готов был рекомендовать конгрессу немедленно любым путем оккупировать перешеек...» О намерении любыми средствами захватить перешеек летом и осенью 1903 г. говорили члены американского конгресса. Газеты откровенно намекали на организацию «революции» в Панаме и на участие в ней американских властей. Выступления президента, конгрессменов и газет не были праздными. «Революция» действительно готовилась. В сентябре панамские заговорщики прибыли в Нью-Йорк, где совещались с американским правоведом Муром (его книги мы упоминали выше), который разрабатывал юридическое оправдание предполагаемой передачи США зоны канала после осуществления «революции». В октябре того же года глава заговорщиков Бюно-Варилья, приехав в Вашингтон, доложил государственному секретарю Хэю, что все готово к выступлению. На это Хэй ответил: «Мы не дадим застать себя врасплох. Морским силам на Тихом океане дан приказ идти к перешейку». Туда были отправлены 7 военных кораб-

¹ G. Stuart, *Latin America and the United States*, 1955, p. 119.

² J. Moore, *The Principles of American Diplomacy*, p. 365.

лей. 3 ноября на берег были высажены американские войска. Служащие американской железнодорожной компании помешали перевозке расположенных на перешейке колумбийских воинских частей к месту заговора. Американским войскам был отдан приказ преградить путь продвижению колумбийской армии. В тот же день было объявлено об образовании на территории Панамы самостоятельной республики¹.

Через два дня после «революции», когда до правительства Колумбии еще не дошли сведения об отторжении от страны значительной территории, Белый дом поспешно признал только что образованное панамское правительство. Вскоре Колумбии было сообщено, что ее войска не будут допущены в зону канала ни под каким видом. Условия соглашения, заключенного панамским правительством через две недели после «революции», не оставляют сомнения, какой ценой и кому это правительство было обязано своим существованием. Члены его не делали из этого секрета².

В отличие от современных американских историков, старающихся снять ответственность с правительства США за агрессивные действия, совершенные им в прошлом, сам Теодор Рузвельт откровенно говорил: «Я взял зону Канала и предоставил конгрессу дебатировать вопрос; а пока шли дебаты, строился канал»³. Правительство Рузвельта, действовавшее в интересах американских империалистов, обеспечило им власть над каналом.

Таковы факты. Не беря на себя смелости отрицать их (как это делает Стюарт), некоторые американские авто-

¹ Подробнее об этих событиях см. *С. А. Гонионский*, История панамской «революции», М. 1958, а также: *W. Calcott*, *The Caribbean Policy of the United States*, Baltimore 1942, p. 151—154. Связь американского правительства с заговором и то, что он был назначен на 3 ноября 1903 г. (одновременно с высадкой американского десанта), обнаруживаются из текста телеграмм, которыми в этот день обменялись госдепартамент и вице-консул США в Панаме. Телеграмма из Вашингтона гласила: «3 ч. 40 м. Сообщают о восстании на перешейке. Быстро и полно информируйте госдепартамент». Первая телеграмма из Панамы: «8 ч. 15 м. Пока еще нет. Сообщают, что произойдет вечером...» Вторая телеграмма из Панамы: «9 ч. Восстание произошло...» (*J. Latané and D. Wainhouse*, *A History of American Foreign Policy*, p. 533). Заговорщики, видимо, опаздывали, и их поторопили.

² См. *С. А. Гонионский*, История панамской «революции», *J. Rippey*, *The Capitalists and Colombia*, New York 1931, p. 100.

³ *F. Dulles*, *America's Rise to World Power*, p. 73.

ры тем не менее стараются найти оправдание политике США в период панамской авантюры. Кроме обычных в таких случаях ссылок на необходимость обороны, Риппи, например, находил такое оправдание в том, что США, утвердив свое господство над зоной канала, великодушно допустили плавание по каналу судов других стран, т. е. чуть ли не облагодетельствовали всех¹. «Таков, должно быть, вердикт истории»²,— вновь апеллировал к предопределению судьбы Бемис.

Необходимо отметить, что в период второй мировой войны и особенно после ее окончания в американской историографии наметилась тенденция отказа от принятой прежде критики, хотя бы внешней, империалистической политики Т. Рузвельта — Тафта. На этой позиции стоят, например, цитировавшиеся выше Бемис, Липпман, Геррант, Витейкер. Геррант представляет все империалистические интервенционистские действия США как необходимые средства обороны. «С 1903 года до конца первой мировой войны,— пишет он,— преобладающей заботой Соединенных Штатов в Карибском бассейне было защищать подступы к каналу. Методы различных правительств отличались друг от друга. Рузвельт использовал «большую дубинку». Тафт полагался на «дипломатию доллара». Вильсон... базировал свою политику на принципах высокого идеализма. Но цель их была одна и та же — обеспечение безопасности Соединенных Штатов»³. Витейкер утверждает, что политика «большой дубинки» и «дипломатия доллара» вызывались необходимостью для США «помочь Европе нести бремя белого человека»⁴.

Подобный метод изложения истории правления президентов Мак-Кинли, Т. Рузвельта и Тафта (а отчасти и Вильсона) становится одним из средств в обосновании выдвигаемой ныне американскими империалистами тео-

¹ S. Rippey, *The Caribbean Danger Zone*, p. 56.

² S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. 150.

³ E. Guerrant, *Modern American Diplomacy*, Albuquerque 1954, p. 25; см. также: J. Rippey, *The Caribbean Danger Zone*, p. 134; L. Duggan, *The America*, p. 47; S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. 331; W. Lippmann, *U. S. Foreign Policy*, p. 29.

⁴ A. Whitaker, *The United States and South America*, Cambridge Mass. 1948, p. 158.

рии о якобы «необходимости обороны Западного полушария» и о «необходимости для США нести бремя руководства миром», о чем речь ниже.

Мексиканская революция и США

В предыдущем разделе мы рассмотрели, как представляется американской историографией переворот (совершенный по инициативе и при поддержке Соединенных Штатов), именуемый американскими историками революцией. Рассмотрим теперь, как ими тракуются события действительно народной революции и политика США по отношению к ней.

Обратимся к мексиканской революции 1910—1917 гг. По словам буржуазных американских историков, в «дикой» стране метисов, креолов и индейцев, стране «анархии» и «хаоса» в 1876 г. установился, наконец, «порядок», олицетворяемый диктатурой «хитрого метиса» Парфирио Диаса. «При Диасе Мексика была лучше, чем когда-либо прежде»¹, — пишет, например, Бемис. Лучше она стала, уточняет другой автор, потому, что диктатор понимал, что развитие страны «могло осуществляться только с помощью иностранного капитала и предпринимательства и... соответственно делал все возможное, чтобы облегчить их проникновение»². В результате этой политики в стране были помещены очень крупные иностранные капиталы. Они ни в коей мере «не грозили мексиканской независимости, пока к югу от Рио-Гранде царствовал порядок»³. Но в 1910 г. начались «смуты», которые нарушили этот «порядок» и стали угрожать сохранности иностранного капитала.

Главная причина «смут», по утверждению, например, Данна, заключалась в том, что «туземное население было почти совершенно неграмотно. Его интересы были сельскохозяйственными, и оно не могло хорошо приспособ-

¹ S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. 169; см. также: Ch. Cumberland, *Mexican Revolution*, Austin 1952, p. 28; J. Schlarman, *Mexico*, Milwaukee 1950, p. 392; П. Т. Мун, *Империализм и мировая политика*, стр. 329—331.

² F. Dunn, *The Diplomatic Protection of Americans in Mexico*, New York 1933, p. 306.

³ П. Т. Мун, *Империализм и мировая политика*, стр. 330.

биться к промышленной цивилизации, развиваемой Диасом»¹. Другие американские историки в качестве причин «смуты» выдвигают «нелюбовь» мексиканцев к иностранцам и «расовую ненависть» индейцев к белым², а также «органически присущие Мексике» партийные неурядицы и, что они стараются особенно подчеркнуть, «неспособность масс участвовать в управлении страной»³. Массы, народ в произведениях этих историков полностью лишаются собственной творческой инициативы и созидательной роли в истории.

Крестьяне, составившие основную массу восставших, требовавшие возвращения отнятых у них земель, рисуются как преступные узурпаторы «законных» прав помещиков на землю, а рабочие как люди, которые примкнули к повстанческому движению, «привлекаемые жалованием, перспективами грабежа и легкой солдатской жизнью»⁴. Народные руководители и герои революции Сапата и Вилья именуются «бандитами» и руководителями «разбойничьих банд». В результате революции, стараются доказать некоторые авторы, «Мексика, казалось, приближалась к гибели»⁵.

В настоящей статье не представляется возможным изложить даже сжато историю мексиканской революции, рассказать о подвигах ее героев⁶. Мы вынуждены ограничиться изложением самых главных фактов.

«Порядок», установленный Парферио Диасом, являлся жесточайшей террористической диктатурой. Ее целью было укрепление власти господствующих классов. Крестьяне страдали от безземелья. В то же время некоторые поместья достигали площади в 10—13 млн. акров. Почти все земли сосредоточились в руках 8 тыс. латифундистов. Огромные территории предоставлялись иностранным капиталистам в виде концессий. Были отме-

¹ *F. Dunn*, *The Diplomatic Protection of Americans in Mexico*, p. 307.

² *F. Tannenbaum*, *Mexico*, New York 1950, p. 54—55.

³ *П. Т. Мин*, Империализм и мировая политика, стр. 331.

⁴ Там же.

⁵ *J. Rippe*, *The United States and Mexico*, New York 1926, p. 51.

⁶ См. о мексиканской революции: *М. Альперович*, *Б. Руденко*, *Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США*, М. 1958; *Н. Лавров*, *Аграрный вопрос в мексиканской революции 1910—1917 годов*, «Вопросы истории» № 4, 1949 г.; *Г. Паркс*, *История Мексики*, М. 1949.

нены старые законы, согласно которым все ископаемые богатства являлись собственностью государства.

Диас отдал страну на разграбление чужеземцам. Иностранный капитал исчислялся в 3 млрд. долл., в то время как доходы мексиканского правительства равнялись 55 млн. долл. Иностранные монополии извлекали колоссальные прибыли, используя природные ресурсы и эксплуатируя трудящихся Мексики (американские текстильные фабрики в Веракрусе, например, выплачивали самые высокие дивиденды среди хлопчатобумажных фабрик мира). Революционные и антиимпериалистические выступления жестоко подавлялись. На долю американских капиталистов приходилась половина инвестированного в Мексику иностранного капитала¹.

Вот почему апологеты американского империализма так восторгаются «порядком», царившим при Диасе. Вот почему они утверждают, что иностранные инвестиции не угрожали независимости страны. Вот почему американская историография пытается представить революцию «смутой» неграмотных туземцев, не желавших «порядка» и не принимавших благ «цивилизации».

Действительно, мексиканский народ всеми силами противился «порядку», установленному Диасом, и «цивилизации» колонизаторов, которые лишили основную массу населения земли, несли истребление индейцам, долговое рабство крестьянам и нечеловеческую эксплуатацию рабочему классу. Мексиканские трудящиеся были под двойным гнетом — местных помещиков и буржуазии и иностранных империалистов.

Именно поэтому в 1910 г. трудящиеся Мексики восстали против режима, обрекавшего их на вымирание. Этим трудящиеся массы Мексики доказали свою способность к прогрессивному историческому творчеству, наличие которой у них отрицают американские буржуазные историки.

Факты опровергают клевету, возводимую на славных солдат революции, добивавшихся ценой лишений, а нередко и жизни законного права на землю и свободу. Как

¹ Подробнее о положении Мексики накануне революции см. *Г. Паркс*, История Мексики; *Б. Т. Руденко*, К вопросу об экономическом и политическом положении Мексики накануне буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг., «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. 1, М. 1955.

только прекращались военные действия, солдаты революционных армий стремились по возможности скорей возвращаться к труду, в котором видели смысл своей жизни и единственное средство ее обеспечения.

В дни «хаоса», так продолжают свое повествование американские буржуазные историки, Соединенные Штаты проявили в отношении Мексики максимум терпеливости, бескорыстия и благожелательства. При президенте Тафте правительство США, по их утверждениям, свято придерживалось принципа невмешательства, предоставив мексиканские дела их свободному течению. Пришедший на смену Тафту «идеалист» и «демократ» Вильсон всей своей политикой доказал, что «не питал симпатии к иностранным интересам» в Мексике¹ и что, следуя своим «высоким» идеалам, он отказался признать «деспотическую власть» мексиканского президента Уэрты, не вторгаясь, однако, в Мексику, чем сделал очевидным для мира «неэгоистичность и искренность своей политики»².

Однако «неопытному идеалисту» Вильсону, заявляют американские авторы, пришлось столкнуться с мексиканцами, которые не оправдали его прежнего убеждения в том, что они способны, как и американцы, жить в условиях конституционных норм³. Мало того, они осмелились арестовать американских моряков, высадившихся в запрещенной зоне города Веракрус. Столь «неблаговидный» поступок мексиканцев вызвал «законную необходимость» оккупации Веракруса американскими войсками (1914 г.).

Действия отрядов Панчо Вильи в районах, граничащих с США, называются американскими историками не иначе, как «кровавые бандитские рейды»⁴. По их мнению, эти рейды являлись «таким оскорблением» для Соединенных Штатов, которое «не могло быть терпимо»⁵. И опять они взывают к «духу». «Если Вильсон

¹ *F. Dunn*, *The Diplomatic Protection of Americans in Mexico*, p. 327.

² *J. Latané and D. Wainhouse*, *A History of American Foreign Policy*, p. 602.

³ *H. Cline*, *The United States and Mexico*, Cambridge Mass. 1953, p. 141.

⁴ *S. Bemis*, *The Latin American Policy of the United States*, p. 181.

⁵ *F. Dunn*, *The Diplomatic Protection of Americans in Mexico*, p. 329.

не чувствовал воинственного духа ранее,— говорит Риппи,— он почувствовал, его, наконец, после атаки Вильи на Колумбус»¹. А уж раз появился этот «дух» — привычный довод американской историографии в пользу оправдания интервенции — дальше, как обычно, следует рассказ о «благее», которое принесло вторжение американских войск на территорию Мексики под предлогом поимки Вильи (1916—1917 гг.), и о том, как «бесконечно неприятна» была президенту «вынужденная акция»².

Осуществив интервенцию, США совершили величайшее благодеяние (а Вильсон доказал свой «идеализм»), не захватив себе всю Мексику. «...Карательная экспедиция против Вильи грозила превратиться в формальную войну с Мексикой,— пишет Мун.— Война, конечно, разразилась бы и закончилась бы завоеванием, если бы в это время в Вашингтоне господствовали империалистические настроения. Но Вильсон принял посредничество других американских держав и, наконец, в феврале 1917 года отозвал из Мексики отряды Першинга...»³

В противоположность приводившимся выше утверждениям американских историков политика Соединенных Штатов в отношении мексиканской революции была весьма своекорыстна⁴.

В Мексике в то время шла жестокая борьба за нефть между английским и американским капиталом. Диас в условиях растущего недовольства его режимом, учитывая традиционную неприязнь мексиканского народа к американским империалистам, поощряемый подачками из Лондона, явно потворствовал англичанам. Этим он приобрел себе врагов в Соединенных Штатах. И когда вспыхнула революция, американские монополисты не возражали против свержения Диаса. Более того, они субсидировали будущего президента Мадеро. Правительство США предоставило ему возможность обосноваться на американской территории (на границе с Мек-

¹ J. Rippey, *The United States and Mexico*, p. 340.

² S. Bemis, *The Latin American Policy of the United States*, p. 178 и др.

³ П. Т. Мун, *Империализм и мировая политика*, стр. 336.

⁴ Подробно см. М. Альперович и Б. Руденко, *Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США*, М. 1958.

сикой), где он мог организовывать свои силы для борьбы с Диасом.

Поддерживая Мадеро, американские империалисты хотели убить сразу двух зайцев: во-первых, заручиться гарантией на будущие привилегии¹, во-вторых, ограничить начавшееся революционное движение свержением Диаса и рамками мадеристского ограниченного либерализма. Этим, а совсем не приверженностью к принципам невмешательства объясняется тот факт, что правительство Соединенных Штатов при президенте Тафте не вмешалось открыто во внутренние дела Мексики. Однако американские капиталисты и Белый дом вовсе не отнеслись безучастно к мексиканским событиям. Более того, они вмешались в эти события, поспешно признав правительство Мадеро и наложив эмбарго на доставку оружия его противникам.

Когда после убийства Мадеро власть захватил генерал Уэрта, Соединенные Штаты от скрытого и косвенного вмешательства перешли к прямой интервенции. Объяснялось это тем, что Уэрта искал союзников в лагере тех, кому были невыгодны проамериканские симпатии президента Мадеро, сменившего Диаса. Этими союзниками должны были стать и стали (за обещание предоставить новые концессии) английские капиталисты².

К этому времени президентом США стал Вудро Вильсон. «Бескорыстный идеалист» сразу же начал готовиться к вооруженной интервенции в Мексику для обеспечения интересов американских компаний, экспансии которых мешали их английские соперники³ и революционное движение.

¹ В 1913 г. в сенатской комиссии по иностранным делам один американский офицер (служивший в войсках Мадеро!) показал следующее: «Г. Мадеро сам сказал мне, что ...целый ряд крупных банкиров в Эль-Пазо (САСШ) выразили готовность авансировать ему сумму (кажется) в 100 тыс. долларов... Общество Стандарт Ойль приобрело казначейские обязательства мексиканского временного правительства... Группа Стандарт Ойль оказывает поддержку... начатой ими революции... Имеется предварительное соглашение относительно нефтяной концессии в южных штатах Мексики» (*Л. Денни, Борьба за нефтяную монополию*, М.—Л. 1934, стр. 57).

² См. *Г. Паркс, История Мексики*, стр. 294—310; *Л. Денни, Борьба за нефтяную монополию*, стр. 57.

³ По свидетельству одного очевидца «у Вильсона было много бурных столкновений с английским министерством иностранных дел по поводу

Предлог к интервенции нашелся очень скоро. Мексиканцы, как упоминалось выше, арестовали несколько американских моряков, проникших в запрещенную зону. В это же время было получено сообщение о том, что немецкий корабль «Ипиранго» везет Уэрте оружие. Два этих события были использованы как повод для интервенции. Американские солдаты высадились в 1914 г. в порту Веракрус и, убив 200 мужчин, женщин и детей, захватили город, лишив Уэрту подвоза оружия и его основного финансового источника — таможенных сборов. Это было ударом в спину Уэрте, который в это время терпел поражения от Вильи и Сапаты. Так правительство «идеалиста» Вильсона помогло свержению Уэрты, неугодного американским империалистам. В то же время американские нефтяные компании субсидировали воюющего против него Каррансу¹ с той же целью, с которой они субсидировали Мадеро.

Политика Соединенных Штатов в отношении Мексики на первый взгляд может показаться косвенно содействующей революции, поскольку и Мадеро и Карранса представляли прогрессивные силы революции. Апологеты американского империализма и пытаются поэтому представить ее как противодействие «демократизма» Вильсона «узурпаторской тирании» Уэрты. Однако мы уже говорили, что помощь Мадеро и Каррансе определялась не стремлением помочь революции, а желанием вытеснить английских соперников и завоевать мексиканский рынок и недра для американских монополий, а также воспрепятствовать в конечном итоге развитию народной революции. Этот второй стимул помощи лидерам либералов особенно ярко обнаруживается при изучении вопроса о поддержке Соединенными Штатами Каррансы.

Американские монополии и правительство оказали ему некоторую поддержку деньгами и дипломатическим

явной поддержки, оказываемой правительству Уэрты сэром Лионелем Карденом, британским представителем в Мексике. Тем более, что эту поддержку усиливали в значительной степени многочисленные британские нефтяные компании, находящиеся в Мексике, влияние которых на лондонские официальные круги было весьма ощутительно» (С. Нирине и Д. Фримэн, *Дипломатия доллара*, стр. 82—83).

¹ См. Л. Денни, *Борьба за нефтяную монополию*, стр. 61; С. Ниринг и Д. Фримэн, *Дипломатия доллара*, стр. 94—95.

признанием, полагая, что это позволит им взять под полный контроль его деятельность и обеспечить свои интересы. Но во время правления Каррансы началась разработка конституции, согласно которой земли, недра и воды объявлялись принадлежащими народу, а несколько позже — закон о введении налогов на нефть. Карранса стал ненавистен американским монополистам не менее, чем Уэрта. Чтобы содействовать свержению последнего, как упоминалось выше, американские войска вторглись в Веракрус. Для борьбы с революционным мексиканским законодательством и левым крылом революции, возглавляемым Вильей, правительство Вильсона (воспользовавшись пограничными инцидентами, вызванными столкновениями отдельных отрядов Вильи с американскими заставами) в 1916 г. отдало приказ о вторжении на территорию Мексики американской армии под командованием генерала Першинга.

Вилья оказал интервентам героическое сопротивление. Мексиканский народ готов был выступить на защиту своей родины. Антиамериканские настроения народа побудили Каррансу занять твердую позицию. Он настаивал на немедленном выводе американских войск с мексиканской территории. Пробыв в Мексике несколько месяцев, американские войска были вынуждены покинуть ее пределы в феврале 1917 г.

Вывод американских войск из Мексики объясняется не отсутствием империалистических настроений у правительства Вильсона, как утверждают американские историки, а тем, что правящие круги США решили выступить против Германии в первой мировой войне. В этих условиях война даже со слабой Мексикой могла принести много осложнений. Другой причиной была боязнь, что антиимпериалистическая война мексиканского народа, готового решительно выступить против интервентов, могла бы послужить примером для народов других латиноамериканских стран. К тому же в рассматриваемый период мексиканская революция пошла на убыль и можно было надеяться, что радикальные декларации против иностранного капитала окажутся в действительности не столь для него опасными.

Подводя итог, мы можем сказать, что американская буржуазная историография мексиканской революции

в значительной мере проникнута нескрываемым предубеждением к народу, восставшему против тирании, выступившему за независимость от иностранных монополий. Вопреки очевидным фактам политика США по отношению к Мексике представляется американскими авторами дружественной мексиканскому народу, а вооруженные интервенции — вынужденными, совершаемыми якобы вопреки воле американского правительства, тогда как на деле и эта политика и эти интервенции служили империалистическим интересам американских монополий, были направлены на закабаление Мексики Соединенными Штатами.

Теория «ликвидации империализма»

История отношений США и стран Латинской Америки после первой мировой войны — история прогрессивно развивающихся добрососедских отношений. Такова основная посылка американской буржуазной историографии¹. Это ложная посылка. Однако прежде чем перейти к ее опровержению, следует обратить внимание на одну особенность.

Мур и Стюарт в своих книгах, изданных около четверти века тому назад, утверждали, что «новая эра» отношений между США и Латинской Америкой началась в годы президентства Вильсона². Для Юза, который был политическим деятелем при президентах Гардинге (1921—1923) и Куллидже (1924—1928), именно при этих президентах наступило время «нормального и дружественного взаимодействия» между США и Латинской Америкой³. Немалое число авторов (особенно писавших в первой половине 30-х годов) датируют начало «лучших дней» со времени правления президента Гу-

¹ Вот типичная формулировка: «В течение последних двадцати лет мы заложили основы новой эры в наших отношениях с нашими южными соседями. И республиканцы и демократы удачно приняли участие в добром деле» (*H. Herring, America and the Americas, Claremont 1944, p. V*).

² *J. Moore, The Principles of American Diplomacy, p. 213—214; G. Stuart, Latin America and the United States, 1923, Chap. 1.*

³ *Ch. Hughes, Our Relations to the Nations of the Western Hemisphere, Princeton 1928.*

вера¹, находившегося у власти в 1929—1932 гг. Об этом, в частности, говорит Гувер и его биограф Мейерс². С этим не было согласно правительство Франклина Рузвельта³ (1933—1945), а следом за ним многие историки, писавшие в годы его правления и позже⁴.

В основе разногласий лежит то обстоятельство, что апологетам американской политики выгодно говорить не только о том, что политика США в Латинской Америке хороша вообще и все улучшается, но особенно о том, насколько она доброжелательна и выгодна для народов Латинской Америки именно в данный момент. Поэтому с течением времени и передвигалось наступление «новой эры».

Та же причина обусловила тенденцию, явно обнаружившуюся к 40-м годам, делить новейшую историю латиноамериканской политики США (при сохранении общей схемы эволюционного развития «добрососедства») на два периода: «ликвидация империализма»⁵ (от Гардинга до Гувера) и само «добрососедство» (от Франклина Рузвельта). Дело в том, что правительство Рузвельта, во-первых, дало официальное хождение термину «добрый сосед», во-вторых, оно находилось у власти более 10 лет, а следовательно, длительный срок пропагандировалось, что именно оно достигло наивысшей ступени в политике «добротного соседа». В определенной мере этому правительству имело смысл отмежеваться от особо неприглядных акций предшествующих правительств. Оно это и делало, создавая таким образом внешнюю разделительную грань между своей политикой в Латинской Америке и политикой своих предшественников.

¹ *L. Lears*, *American Foreign Policy*, New York 1935; *B. Williams*, *American Diplomacy*, New York 1936.

² *H. Hoover*, *Memoirs*, vol. 1—2, New York 1952; *W. Myers*, *The Foreign Policies of Herbert Hoover 1929—1933*, New York 1940.

³ «White Book of the United States Foreign Policy: 1932—1942», New York 1942, p. 21; «Adresses and Messages of F. D. Roosevelt», London 1943, p. 5; *L. Leonard*, *Elements of American Foreign Policy*, New York 1953, p. 438—442.

⁴ «...Каждое из последующих правительств в Вашингтоне делало объявление об отказе от империализма», — признается один из авторов сборника «Экономическая оборона Западного полушария» («The Economic Defence of the Western Hemisphere», Washington 1941, p. 25).

⁵ Таково, например, название специальной главы в цитировавшейся нами неоднократно книге Бемиса; см. также *B. Williams*, *American Diplomacy*, New York 1936, p. 80.

Повод выделить политику Рузвельта давало также то обстоятельство, что развитие национально-освободительного движения в странах Латинской Америки вынудило правящие круги США пойти на максимальную маскировку своих экспансионистских целей. Желая использовать воспоминание об этих чертах политики Рузвельта в интересах сегодняшней политики США, американские государственные деятели и историки, открыв после Рузвельта, как обычно, «новую эру», все же в большинстве своем изображают эту эру не столько этапом в общей истории придуманных ими «добрососедских» отношений, сколько этапом в «добрососедских» отношениях установившихся при Рузвельте.

Рассмотрим политику президента Кулиджа, а главным образом Гувера, при которых, по утверждениям американских историков, «ликвидация империализма» проявилась особенно наглядно¹.

В интересах укрепления своего влияния в Никарагуа Соединенные Штаты с 1926 по 1933 г. вели войну против народа этой маленькой страны, не желавшего жить в полуколониальной зависимости от США².

В 1928 г. в разгар этой агрессивной войны упоминавшийся нами Юз говорил на VI панамериканской конференции: «Мы не хотим территории... Мы не стремимся управлять... Мы просто желаем мира, порядка, стабильности...»³ Через 15 лет Бемис писал: «Соединенные Штаты не претендовали ни на территорию, ни на независимость Никарагуа, они желали здесь мира и стабильности...»⁴

В 1928 г. Юз оправдывал интервенцию в Никарагуа тем, что, как он утверждал, Соединенные Штаты будто

¹ Приведем для примера выдержку из цитировавшейся выше книги Херринга: «Хотя наибольшие успехи были достигнуты при правительстве президента Рузвельта, лучшие дни начались с Кулиджа и продолжались с успехом и сочувствием при Герберте Гувере» (*H. Herring, America and the Americas*, p. 1. См. также: «*Our Southern Partners...*», p. 33; *F. Dulles, America's Rise to World Power*, p. 156; *E. Guerrant, Modern American Diplomacy*, p. 107).

² См. *Л. И. Зубок*, Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900—1939; *В. Иванович*, Почему Соединенные Штаты воюют с Никарагуа, М.—Л. 1927.

³ «Sixth International Conference of American States». Report of the Delegates, Washington 1928, p. 13—15.

⁴ *S. Bemis. The Latin American Policy of the United States*, p. 213.

бы имели на нее право и что она даже была их обязанностью, поскольку на карту были поставлены американские интересы, которым угрожало отсутствие стабильности в соседней республике. В этих условиях, заявил Юз, вооруженное вмешательство США не может даже считаться интервенцией в общепринятом смысле, тем более что США не собираются оккупировать Никарагуа навечно или присоединять их к своей территории. Действия Соединенных Штатов в Никарагуа он определил термином «интерпозиция». Этот термин был подхвачен создателями и приверженцами теории «ликвидации империализма» в качестве подтверждающего ее довода. Этот термин был внесен даже в действующее американское право¹.

Однако совершенно очевидно, что любая интервенция в какой бы то ни было форме, а тем более вооруженная интервенция, под каким бы предлогом и на какое бы время она ни осуществлялась, не перестает быть интервенцией, незаконным вмешательством в дела другого государства, даже будучи окрещенной «интерпозицией» или каким угодно другим наименованием.

Другим доводом в подтверждение теории «ликвидации империализма» служит в американской историографии опубликование в 1930 г. меморандума Кларка, названного по имени его составителя — одного из помощников государственного секретаря. Этот меморандум представлял собой новое толкование доктрины Монро, которое якобы возвращало ее ко времени, когда она выражала мысль: «Соединенные Штаты — против Европы, а не против Латинской Америки»².

Американские буржуазные историки (как это в свое время делали американские государственные деятели) утверждают, что согласно меморандуму Кларка США отказывались от той полицейской опеки, которую осуществляло правительство США над соседними странами, деспотически присвоив себе «право» на это, ссылаясь на доктрину Монро. Действительно, в меморандуме можно найти многообещающие слова об отказе от этого «права», «кроме того случая, — говорится, однако, в ме-

¹ См. Ч. Хайд, *Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки*, т. 1, стр. 399—400.

² Текст меморандума см. в кн.: *J. Cantenbein, The Evolution of Our Latin-American Policy*.

морандуме,— когда эти страны оказываются вовлеченными в соглашения с европейскими правительствами, угрожающими безопасности Соединенных Штатов». Право же определять, когда имеет место подобный случай, оставлялось за госдепартаментом, а следовательно, и возможность в любой момент истолковать действия латиноамериканских стран, связанные с их отношениями с европейскими государствами, как опасные для США, и следовательно, дающие право на вмешательство в их политическую и экономическую жизнь¹. При внимательном рассмотрении меморандум Кларка оказывается не очень веским доводом в пользу теории «ликвидации империализма».

В качестве еще одного довода якобы подтверждающего теорию ликвидации империализма американские буржуазные историки пытаются использовать особенности политики правительства Гувера по вопросу о признании правительств латиноамериканских стран, приходивших к власти в результате государственных переворотов².

В 1913 г. президент Вильсон опубликовал декларацию о признании Соединенными Штатами только «конституционных» правительств, т. е. пришедших к власти в результате установленной конституцией процедуры. Он сделал это с целью ускорить свержение генерала Уэрты, находившегося у власти в Мексике и оказавшегося неугодным американским монополистам. Но

¹ Смысл издания меморандума в свое время откровенно раскрыла «The New York Times», которая определила его как ход, «рассчитанный на его успокаивающее влияние на латиноамериканские страны» (4.III.1930). Латинская Америка в те годы была действительно неспокойна: в ней кипело глубокое возмущение против той империалистической политики США, которую «ликвидируют» ее адвокаты.

Очень показательна реакция на меморандум в Латинской Америке. Аргентинская газета «La Prensa» писала в апреле 1930 г., что меморандум Кларка является всего только «причудливой интерпретацией слов президента Монро» и что отношения между США и странами Латинской Америки не наладятся, пока США вовсе не отбросят доктрины Монро. Чилийская газета «El Mercurio» заявляла по тому же поводу: «Если они хотят продолжать практику интервенций, доктрина Монро излишня, так как факты красноречивее слов; если они хотят нашей симпатии, то самое лучшее, чтобы они рассматривали свою доктрину 1823 г. как исторический сувенир» (цит. по «The New York Times», 28.IV.1930; «L'Europe Nouvelle», 13.IX.1930).

² См., например. *J. Latané and D. Wainhouse, A History of American Foreign Policy*, p. 672.

вая политика признания правительств де-факто, объявленная президентом Гувером, открыто служила интересам тех же монополистов, хотя ее и пытались выдать за возвращение к традициям первых лет американской демократии¹.

Сущность указанной политики заключалась в том, что в годы мирового экономического кризиса (1929—1933), совпавшего по времени с правлением Гувера, Соединенные Штаты в борьбе за сохранение своих позиций в Западном полушарии в условиях обострения всех противоречий капитализма стимулировали и поддерживали многочисленные перевороты, происходившие в Латинской Америке и не имевшие ничего общего с революциями. Таким путем американские монополисты добивались установления режимов, которые обеспечивали им сохранение прибылей, выгодные условия для борьбы с конкурентами².

В качестве еще одного подтверждения теории «ликвидации империализма» американские историки обычно ссылаются на приказ Гувера о выводе войск из Никарагуа. Но это был сугубо предвыборный маневр. Примечательно, что, несмотря на шумиху вокруг этого решения, официально о выводе американских войск было объявлено лишь в январе 1933 г., т. е. после избрания нового президента, который должен был сменить Гувера на его посту. Но не это главное. Перед тем как вывести свои войска из Никарагуа, США закрепили здесь свои позиции. Американцами была создана национальная гвардия, служившая интересам правящих кругов США и доказавшая им свою верность, в частности убийством вождя национально-освободительного движения Никарагуа генерала Сандино³.

¹ Тогда США, отстаивая свое право на независимое существование, заявляли о законности возникновения и существования правительств, возникших в результате революции.

² Подробнее см. *Л. И. Зубок*, Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, 1900—1939; *Л. Ю. Слѣзкин*, Политика США в Южной Америке (1929—1933 гг.), М. 1956.

³ Мотивы вывода войск из Никарагуа довольно хорошо объяснил один из сенаторов, который при обсуждении в 1930 г. вопроса о выводе войск из Никарагуа заявил: «Нет особой разницы, будем ли мы вести борьбу в джунглях силами американских моряков или никарагуанских национальных гвардейцев под командованием наших морских офицеров» («The New York Times», 22.IV. 1930).

Немалое значение авторы теории «ликвидации империализма» придают поездке Гувера в страны Латинской Америки «с миссией доброй воли» (после избрания его президентом в ноябре 1928 г.). Но что практически принесла эта поездка странам Латинской Америки? Интервенция в Никарагуа продолжалась. А вскоре политика, проводившаяся США в Латинской Америке во время мирового экономического кризиса, уничтожила все иллюзии, которые могли возникнуть в связи с «миссией доброй воли». США не только не оказали экономической помощи странам Латинской Америки в чрезвычайно трудное для них время, но всячески отягощали их бедствия, вплоть до стимулирования в них войн и вооруженных конфликтов ради сохранения прибылей американских капиталистов. Борьба США за рынки Латинской Америки явилась одной из главных причин междоусобной войны в Бразилии (1932 г.), вооруженного конфликта между Колумбией и Перу (1932—1933 гг.), войны между Боливией и Парагваем (1932—1935 гг.)¹.

Таким образом, ни о какой ликвидации империализма не может идти и речи². Теория «ликвидации империализма» — пропагандистская теория, призванная служить прикрытием империалистической политики США 20-х годов нашего столетия. Одновременно она составляет часть концепции американской историографии о «прогрессирующем добрососедстве», подготавливая читателя к соответствующему восприятию последующих событий.

Политика «доброе соседство»

Перейдем теперь к изложению политики США по отношению к Латинской Америке в тот период, который именуется в американской историографии периодом политики «доброе соседство». Как упоминалось, этот период определяется американскими историками со времени вступления на пост президента Франклина Рузвельта.

¹ Подробно см. Л. Ю. Слёзкин, Политика США в Южной Америке (1929—1933).

² Следует напомнить, что в течение всего так называемого периода «ликвидации империализма» американские войска оккупировали республику Гаити.

Несомненно, имеются признаки внешне в известной мере отличающие политику этого президента в Латинской Америке от политики его предшественников. При нем были выведены, наконец, после многолетней оккупации американские войска из Гаити. США отказались от поправки Платта. На межамериканских конференциях американские делегаты уже не пропагандировали, как в свое время Юз, американскую интервенцию. Изменилось поведение американских дипломатов: оно стало более корректным.

Однако, чтобы иметь основания для утверждения о наступлении новой эры в отношениях между США и Латинской Америкой, нужно выяснить по крайней мере два обстоятельства: было ли правительство США движимо в своей политике действительно доброй волей и какие практические результаты принесла эта политика странам Латинской Америки?

Проблема политики «доброе соседство» в годы правления Франклина Рузвельта еще ждет внимательного исследования в нашей исторической науке. В настоящей статье мы сможем коснуться лишь основных моментов, характеризующих эту политику.

Прежде всего следует напомнить, что после вступления Рузвельта в Белый дом в качестве президента, когда еще бушевал мировой экономический кризис, несмотря на сделанную Рузвельтом декларацию о добрососедстве, его правительство осуществляло открытую интервенцию во внутренние дела Кубы — военную, экономическую, политическую и дипломатическую¹. Позже, отказавшись от поправки Платта, оно тем не менее сохранило за собой на Кубе военно-морскую базу Гуантанамо и укрепило власть послушного воле США правителя².

При Франклине Рузвельте Соединенные Штаты продолжали следовать гуверновской политике признания или непризнания новых правительств в Латинской Америке

¹ См. Э. Л. Нитобург, Американский империализм — душитель демократического движения в Кубе (1933—1934 гг.), «Вопросы истории» № 6, 1952 г.

² Даже автор панегирика латиноамериканской политике Рузвельта, сотрудник госдепартамента Геррант вынужден был признать, что «кубинская политика Рузвельта имела большую тенденцию к интервенции, чем к неинтервенции». При этом он добавлял, что США отменили поправку Платта, «не пожертвовав ничем жизненно важным» (E. Guerrant, Roosevelt's Good Neighbor Policy, p. 6).

в зависимости от своих политических и экономических интересов. Это можно проследить на примере Кубы (1933—1934 гг.), Сальвадора (1934 г.), Боливии (1943—1945 гг.), Аргентины (1943—1945 гг.). Соединенные Штаты продолжали закулисно участвовать в войне за нефтеносную землю Чако, которая шла между Боливией и Парагваем до 1935 г. Соединенные Штаты открыто покровительствовали реакционным диктаторским режимам Трухильо (Доминиканская республика), Убико (Гватемала), Самоса (Никарагуа).

В области идеологии, несмотря на многословное выражение добрососедских чувств, и в годы правления Рузвельта не была отброшена империалистическая теория о «праве» США при известных условиях (определяемых, разумеется, самими Соединенными Штатами) на интервенцию в страны Латинской Америки. Сторонники этого «права» утверждали, что интервенции «при определенных условиях неизбежны» и «потенциально необходимы»¹. Таким образом, «право» Соединенных Штатов на интервенцию резервировалось для оправдания будущих действий США в Латинской Америке, противоречащих суверенным правам латиноамериканских республик. Все это очень напоминает язык правительства Гувера и защитников его интервенционистской политики.

Большинство приведенных выше фактов относится к первому сроку правления Рузвельта. Явления, подобные интервенции на Кубу, не имели места в последующее время, а из Никарагуа и Гаити американские войска были выведены. Однако опасность для Латинской Америки со стороны США не исчезла, хотя о ней и умалчивает американская историография, используя то обстоятельство, что опасность эта была скрытой.

Признаки этой опасности нетрудно обнаружить. Еще до второй мировой войны в США заговорили о том, что независимость и суверенитет — устаревшие и ненужные понятия. На первых порах это относилось к странам Карибской Америки. «Связи Соединенных Штатов и Карибских стран стали теперь столь прочными, что только в техническом смысле о них можно говорить как об

¹ См., например, *Ch. Chapman, Republican Hispanic America, A history, New York 1938, p. 165.*

иностранных отношениях»¹. Автор этих строк придумал и новый термин для изобретенных им связей — «взаимозависимость», — который, как и «интерпозиция», должен был маскировать истинное положение вещей — зависимость стран Карибского бассейна от Соединенных Штатов.

Духом указанной теории о «взаимозависимости» проникнута американская историография латиноамериканской политики США периода второй мировой войны и последующего времени.

Во время войны усиленное проникновение американского империализма и укрепление позиций США в Латинской Америке шло под лозунгом «обороны Западного полушария» и «всеамериканского фронта». Укреплению этих позиций служила, кроме прочего, специальная литература. При внимательном рассмотрении даже в ней можно обнаружить, что за упомянутым лозунгом скрывались экспансионистские цели правящих кругов США. По мнению, например, Гэрланда, автора книги «Война и Америка», изданной в 1941 г., Соединенным Штатам в интересах, как он выражается, защиты американского континента должно было быть полностью предоставлено руководство обороной как в экономической, так и в военной областях², а следовательно, все природные ресурсы, экономика, вооруженные силы и людские резервы³. При этом многие авторы нисколько не скрывают того, что они имеют в виду под «обороной», «защитой» и т. п. американского континента.

Эгоистические экспансионистские цели политики США довольно цинично определил хорошо о них осведомленный военный корреспондент газеты «New York Times». Он писал в своей книге: «Мы не будем предпринимать похода в Южную Америку для спасения действительных или мнимых демократий или для какой-либо иной цели, кроме сохранения нашей собственной шкуры. Оборона Западного полушария должна подразумевать не альтруизм, а реализм»⁴. Так раскрывается одна из

¹ Ch. Jones, *Caribbean since 1900*, New York 1936, p. 467.

² J. Garland, *War and the Americas*, New York 1941, p. 481—490.

³ Этому вопросу посвящена обширная литература. Часть названий приведена нами на стр. 250 (сноска 6).

⁴ H. Baldwin, *United we stand!* New York 1941, p. 83.

сторон так называемой обороны Западного полушария под руководством Соединенных Штатов. Была у нее и другая сторона. Ее довольно ярко осветил автор упоминавшейся книги «Война и Америка». «Когда мы говорим об обороне Западного полушария,— разъяснял он,— мы имеем в виду не только территорию Северной, Центральной и Южной Америки и непосредственно прилегающие острова. Мы включаем сюда право... использования Атлантического и Тихого океанов»¹. В этих словах раскрываются действительные устремления американских империалистов. Под «обороной Западного полушария» мыслилось, с одной стороны, его полное подчинение Соединенным Штатам, а с другой стороны, превращение его в плацдарм дальнейшей экспансии.

Остановимся на рассмотрении некоторых аспектов политики «доброего соседа».

Президентство Франклина Д. Рузвельта охватывает 1933—1945 гг. Это было время, когда усилившееся во время мирового экономического кризиса движение в Латинской Америке против интервенционистской политики Соединенных Штатов вынудило американское правительство все больше считаться с этим движением, особенно в условиях активной борьбы народных масс всего мира против всякого рода интервенции, борьбы, направленной против растущей агрессии держав оси. Это были годы все усиливавшейся экспансии Германии, Италии и Японии в Западное полушарие, экспансии, которая начинала серьезно угрожать экономической и политической позициям Соединенных Штатов. Чтобы не потерять этих позиций, правительство США было вынуждено, особенно во время второй мировой войны, не восстанавливать против себя правительства и народы Латинской Америки, а также заручиться их поддержкой в качестве союзников. В создавшихся условиях насильственное вмешательство, обеспечив, может быть, на время американские интересы в одном месте, вызвало бы острое недовольство в остальных частях Латинской Америки. Подобное вмешательство могло даже толкнуть правительство какой-либо латино-американской страны в ла-

¹ J. Garland, War and the Americas, p. 481; см. также G. Kirk, The Monroe Doctrine Today, New York 1941, p. 30—32.

герь держав оси, которые старались придать себе вид защитников латиноамериканцев от империализма США. Некоторые правительства в Латинской Америке высказывали намерение сблизиться с державами оси. В этих условиях США были вынуждены предельно ограничить свои интервенционистские действия, что в значительной мере разрядило напряжение, существовавшее в отношениях между США и странами Латинской Америки в годы мирового экономического кризиса.

Но под прикрытием обороны Западного полушария и необходимости взаимодействия шло усиленное проникновение США в Латинскую Америку¹. Когда война окончилась, ее народы увидели, что в руках «доброего соседа» оказались по существу все ключевые позиции в экономической, политической, военной и идеологической областях жизни их стран. На территориях этих стран США владели военными базами и не торопились оставлять их. США главенствовали в армиях, в промышленности, торговле и сельском хозяйстве этих стран. «Добрый сосед» хотя и был вынужден воздерживаться от неумеренного употребления «большой дубинки», но преследовал империалистические цели. Более того, как мы видели, уже в годы войны Латинская Америка рассматривалась как будущая база для притязаний и вне пределов Западного полушария. США намеревались стать соседом не только народов Латинской Америки, но и, перешагнув Тихий и Атлантический океаны, народов Азии, Европы и Африки. Атомные бомбы, сброшенные для устрашения буквально перед окончанием войны на Хиросиму и Нагасаки, свидетельствовали о том, что это соседство не обещает быть добрым.

¹ Вот что пишет по этому поводу историк Вильгус: «...Необходимость в координации обороны Америки явилась источником другой формы империализма, более скрытого, чем все предыдущие. Это было военно-морское, военное господство и господство в воздухе, осуществляемое вооруженными силами Соединенных Штатов в отдельных районах испано-американских стран» (*A. Wilgus, The Development of Hispanic America*, p. 700—701).

Герант следующим образом характеризует, например, военное соглашение США с Доминиканской республикой: «Для вооруженных сил Соединенных Штатов это была поистине свобода рук для использования территории Доминиканской республики по своему собственному усмотрению» (*E. Guerrant, Roosevelt's Good Neighbour Policy*, p. 155).

Латинская Америка и «холодная война»

После войны американские политические деятели¹, а за ними и историки стремятся, как мы говорили выше, распространить на современную политику США в Латинской Америке название политики «доброе соседство» (ее теперь именуют также политикой «доброе партнерство»). Однако некоторые авторы при этом отмечают, что после 1945 г. до настоящего времени американская политика по отношению к Латинской Америке «значительно отличалась от той, которая проводилась правительством Рузвельта»². Другие авторы говорят о целесообразности «придерживаться принципов, выдвинутых президентом Рузвельтом»³. Третьи хлопочут о мерах по «оживлению политики доброго соседа»⁴. Это те историки, публицисты и экономисты, которые вольно или невольно признают, что после войны народы Латинской Америки, убедившись, что их бывший союзник был далеко не бескорыстным и использовал их доверие для укрепления своих империалистических позиций, выступают с удвоенной энергией против тиранической гегемонии США в Западном полушарии. Есть, с другой стороны, такие авторы, которые утверждают, что в послевоенное время США лишь продолжали и укрепляли политику «доброе соседство»⁵. Более того, некоторыми из них нынешняя политика США в Латинской Америке объявляется высшей формой добрососедства (в соответствии с неоднократно подмечавшейся нами общей линией американской историографии).

Такие авторы обычно много пишут об индустриализации Латинской Америки, которую якобы стимулируют и поощряют морально и экономически Соединенные Штаты. Главным же образом они ссылаются на «новый дух» доктрины Монро и панамериканизма, формулируя это, например, следующим образом: «Доктрина Монро,

¹ См. речь государственного секретаря Ачесона в кн.: *L. Leonard, Elements of American Foreign Policy*, p. 457.

² *E. Guerrant, Roosevelt's Good Neighbour Policy*, p. 18.

³ *L. Duggan, The Americas*, p. VIII, а также *E. Tomlinson, Battle for the Hemisphere*, chap. 6.

⁴ *J. Houston, Latin America in the United Nations*, New York 1956, p. 295; *W. Daniels (ed.), Latin America in the Cold War*, p. 12.

⁵ *G. Stuart, Latin America and the United States*, 1955, p. 6, 7, 457.

наконец, стала доктриной континентальной безопасности, принятой добровольно и единодушно»¹.

Рассуждения американских авторов об индустриализации стран Латинской Америки при содействии США² — не очень хитрая попытка использовать тот факт, что в результате второй мировой войны в промышленности латиноамериканских стран (в связи с сокращением импорта и другими конъюнктурными факторами) обнаружился некоторый рост (главным образом в обрабатывающей промышленности), и выдать американские монополии за движущую силу экономического прогресса Латинской Америки.

Смысл рассуждений об индустриализации сводится примерно к следующему. Страны Латинской Америки вступают в стадию индустриализации. Это происходит в связи с ростом американских капиталовложений в эти страны. Чем шире последние раскроют ворота для американских капиталов, тем быстрее пойдет процесс индустриализации. Отсюда вывод: дорогу американскому капиталу!

Таким образом, рассуждения об «индустриализации» служат пропаганде американской экономической экспансии, маскировке колонизаторской сущности этой экспансии, являются оружием, направленным против движения народов Латинской Америки за экономическую независимость от американского финансового капитала.

На деле американский финансовый капитал в своей империалистической политике всеми мерами и способами препятствует экономическому развитию стран Латинской Америки, стремясь сохранить отсталый, однобокий характер их экономики, что делает их выгодным рынком сбыта товаров, дешевым поставщиком сырья, местом выгодного вложения капиталов. Это давно доказанный факт. Увеличение размеров американского капитала в странах Латинской Америки (которому сопутствует рост их зависимости от США) задерживает экономический прогресс этих стран. Американские капи-

¹ *G. Stuart*, *Latin America and the United States*, 1955, p. 73; см. также *P. Horn and H. Bice*, *Latin-American Trade and Economics*, New York 1949, p. 232.

² См., например, *G. Wythe*, *Industry in Latin America*, New York 1945; *L. Hughlett* (ed.), *Industrialization of Latin America*, New York—London 1946.

талы в латиноамериканских республиках непрерывно растут уже в течение десятилетий, а эти республики и поныне остаются слаборазвитыми сельскохозяйственными странами. Именно эту взаимосвязь и пытаются замаскировать апологеты американского империализма, выдав конъюнктурный рост промышленности в некоторых латиноамериканских странах за индустриализацию, которой способствуют якобы Соединенные Штаты. Весь процесс промышленного развития стран Латинской Америки, и, в частности, рост промышленности этих стран в военные и послевоенные годы протекают в обстановке ожесточенной борьбы с американской экспансией — главным препятствием на пути этого развития.

В период между первой и второй мировыми войнами американская буржуазная историография обнаруживала стремление отделить доктрину Монро от концепции панамериканизма и даже в некотором роде противопоставить их друг другу. Принципы доктрины Монро, старались доказать читателю авторы книг, — это те принципы, которыми руководствуются США и право на интерпретацию которых также принадлежит только США; положения панамериканизма являются, напротив, общими для всех стран Западного полушария¹. Такое разделение имело место потому, что в указанное время доктрина Монро, служившая долгие годы орудием американской интервенционистской империалистической политики, ни в каком толковании не могла уже явиться знаменем, за которым бы вслед за США пошли и страны Латинской Америки. Поэтому в своей политике США использовали главным образом панамериканизм, объединявший якобы страны американского континента на основе равенства, сходства исторических судеб, политических институтов, на основе американской исключительности и т. д. В Панамериканском союзе гегемония США в известной мере скрывалась под ширмой «общих» решений, «общих» мнений и т. п. Во время второй мировой войны и после нее в американской историографии заговорили о слиянии доктрины Монро и панамериканизма.

Следует отметить, что и ранее уже делались попытки создать схему, согласно которой доктрина Монро пред-

¹ См., например, W. Sweet, *History of Latin America*, p. 267; J. Locke, *Essays in Pan-americanism*, Berkeley 1939, p. 143—145.

стала бы как составная часть панамериканизма. Еще в 1919 г. Свит писал: «Было разумно предложено, чтобы вместо осуществления доктрины Монро одними Соединенными Штатами она осуществлялась Панамериканским союзом в полном его составе»¹. Однако завершение этой схемы и воплощение ее в жизнь приходится на период после второй мировой войны. Суть этой схемы состоит в том, чтобы убедить, что во время войны, когда страны Латинской Америки и США вместе противостояли державам оси, доктрина Монро в результате совместной обороны постепенно превратилась из односторонней доктрины США в многостороннюю оборонительную политику всех стран Западного полушария. Доктрина Монро, таким образом, была, согласно утверждениям авторов этой схемы, поглощена панамериканской системой, потеряв даже малейшие черты агрессивности в отношении латиноамериканских стран, которые были присущи ей прежде. Весь этот процесс получил свое конкретное выражение в межамериканском договоре о взаимопомощи, подписанном в Рио-де-Жанейро в 1947 г., а окончательное организационное оформление — в создании в 1948 г. (на базе Панамериканского союза) Организации американских государств (ОАГ). Последняя, как заявляют историки США, имеет самые альтруистические, бескорыстные задачи, и все ее участники пользуются в ней полным равноправием².

Подобная схема, во-первых, призвана замаскировать господствующее положение США в Западном полушарии и, во-вторых, представить политику США как политику всех стран американского континента. Однако маскировка эта довольно прозрачная. В современной американской литературе среди длинных рассуждений о «равенстве» можно встретить очень характерные выражения, раскрывающие суть дела. Говорится, например, что «статут Соединенных Штатов как великой державы» является «доминирующим фактором» в межамериканских отношениях, что США — «единственная великая держава.., которая может эффективно помочь или по-

¹ *W. Sweet, History of Latin America*, p. 263; см. также *G. Stuart, Latin America and the United States*, 1923, p. 51—55.

² *Ch. Fenwick, The Inter-American Regional System*, New York 1949; *W. Daniels* (ed.), *Latin America in the Cold War*, p. 27, 34, 63—65.

вредить» странам Латинской Америки¹. При этом авторы очень сокрушаются о том, что ОАГ все еще зиждется на базе «правовых отношений между отдельными суверенными государствами»², т. е. о том, что с этим суверенитетом правящим кругам США приходится все-таки в определенной мере считаться.

Иллюстрацией к приведенным словам, вскрывающим истинное назначение ОАГ в межамериканской системе, может служить отношение этой организации к республике Гватемала. В 1954 г. с санкции ОАГ и под эгидой США было совершено вторжение в эту республику, народ которой хотел освободиться от ига американской монополистической компании «Юнайтед фрут К^о» и добиться демократических свобод³.

В сфере международных отношений роль этой организации столь же неблагоприятна и определяется интересами и претензиями США. Она является по существу дополнением к упоминавшемуся договору 1947 г.⁴ А это был договор, оформивший первый после войны военный блок, созданный Соединенными Штатами. Этот блок создавался под предлогом все той же обороны Западного полушария, но на этот раз, как утверждали его американские вдохновители и пропагандисты, от «опасности коммунизма»⁵. При этом линия «обороны» выносилась далеко за пределы Западного полушария⁶. Доктрина Монро, растворившаяся якобы в панамерика-

¹ А. Whitaker, Development of American Regionalism, New York 1951, p. 164; А. Whitaker, The United States and South America, p. 152, 194.

² Ch. Fenwick, The Inter-American Regional System, p. 75.

³ См. Г. Торизельо, Битва за Гватемалу, М. 1956; Народ Гватемалы и «Юнайтед фрут компани», М. 1954.

⁴ Некоторые американские авторы констатируют тот факт, что ОАГ «является военным союзом» (А. Whitaker, Development of American Regionalism, p. 161).

⁵ Наиболее откровенные проповедники «холодной войны», не маскируясь общими формулами об «опасности коммунизма», недвусмысленно пишут о том, что пакт, заключенный в Рио, имеет антисоветскую направленность (см., например, P. Horn and H. Vise, Latin-American Trade and Economics, p. 232), что ОАГ после ее создания проявила себя наиболее ярко ни чем иным, как антикоммунистической деятельностью (см., например, А. Whitaker, Development..., p. 123).

⁶ «Со времени атомной бомбы и бактериологического оружия мысль об обеспечении безопасности на региональной основе является абсолютным заблуждением», — доказывал, например, Даггэн (L. Duggan, The Americas, p. 122).

низме, распространяется ныне на весь мир. Если «оборона Западного полушария» как мы видели еще в годы войны предусматривала «право использования Атлантического и Тихого океанов», то после ее окончания линия этой «обороны» намечается стратегами «холодной войны» в Европе и в Азии, в Африке и Австралии, на Северном полюсе и в Антарктиде. У них это называется принять меры для укрепления обороны Западного полушария¹. Так, претензия на мировое господство прикрывается разговорами о существующей якобы необходимости оборонять Западное полушарие от коммунизма.

Еще в 1945 г., вскоре после своего вступления на пост президента, Трумэн заявил, что после победы в минувшей войне США встали перед лицом «постоянной и жгучей необходимости руководства миром». Этот претенциозный по форме и агрессивный по своей сущности тезис с добавлением антикоммунистических и антисоветских выпадов вошел и укрепился в современной американской литературе, касающейся политики США в Латинской Америке. Появились рассуждения о том, что «позиция США обуславливается взятием на себя ответственности за руководство миром»². Целые главы посвящаются теме: «Ответственность Соединенных Штатов: программа политики и лидерства»³. Многие из этих книг находятся в арсенале американских «полководцев» «холодной войны». В этих книгах Латинская Америка рассматривается как покорный и безропотный вассал, как тыловая база в проектируемой войне против стран социализма. «Эта огромная область,— говорится, например, в одной из книг,— не только лежит более или менее на стороне, противоположной той, которой мы обращены к России, что делает ее логической тыловой базой... Но ее сказочные минералы, металлы и продукты питания были бы опорой, на которую мы могли бы опереться в крупном конфликте с европейской или азиатской державой»⁴.

Как доктрина Монро растворилась в панамериканизме первых послевоенных лет, так панамериканизм

¹ См. речь бывшего президента США Гувера («Правда», 23 декабря 1950 г.).

² «Our Southern Partners...», p. 5; A. Whitaker, The United States and South America, cover.

³ E. Tomlinson, Battle for the Hemisphere, chap. V.

⁴ Там же, суперобложка.

растворяется в общей системе военных блоков, направленных против социалистических государств и государств, не желающих подчиняться диктату США. Витейкер в своей книге «Идея Западного полушария» пишет, например: «Антиевропейская направленность идеи Западного полушария уступила дорогу концепции, по которой Западная Европа является естественным и необходимым союзником Америки...»¹ Против кого? Опять же против коммунизма. Доктрина Монро (распространенная на весь мир) панамериканизм (включающий и «обороняющий» территории, далеко отстающие от американского континента); притязания на «руководство миром» — это звенья той цепи, которой американские империалисты хотят сковать свободолюбивые народы и подчинить своему господству под видом борьбы с коммунизмом.

Однако при всем размахе своих стратегических планов мальбруки «холодной войны» отнюдь не уверены в своем латиноамериканском тыле. В книгах послевоенных лет мы находим сожаления о том, что среди многочисленных организаций, имеющих в Латинской Америке, нет «ни одной проамериканской народной организации»², о том, что «окончание второй мировой войны было отмечено более сильным развитием янкофобии, чем это было четверть века назад»³. В этих книгах появляются признания в том, что к тому же времени «стали обнаруживаться трещины в межамериканском сотрудничестве»⁴. Выражаются опасения, что латиноамериканские страны могут отойти от США в ООН или потребовать у них экономических уступок за поддержку США в этой организации⁵. Проявляется беспокойство, как бы вооружение латиноамериканских стран Соединенными Штатами в один прекрасный момент не сделало их опасными для самих Соединенных Штатов⁶. С грустью констатировалось, что «мнение о Трумэне никогда не

¹ A. Whitaker, *The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline*, New York 1954, p. 173; см. также J. Pratt, *A History of United States Foreign Policy*, p. 780.

² S. Ross, *Communism in Latin America*, p. 14.

³ «Latin — American Affairs», New York 1946, Preface.

⁴ L. Duggan, *The Americas*, p. 101.

⁵ J. Houston, *Latin America in the United Nations*, p. 295.

⁶ E. Tomlinson, *Battle for the Hemisphere*, p. 226.

было высоким в Латинской Америке», что кандидаты в президенты США, «будь то от республиканской или демократической партии, не вызывают сколько-нибудь живого интереса в Латинской Америке»¹, что вообще в Латинской Америке и в ее отношениях с США уже с 1944 г. «что-то неладно»².

Однако в большинстве книг, в которых приводятся эти и другие подобные факты, напрасно искать глубокое и правдивое их объяснение. В лучшем случае авторы отваживаются назвать в качестве причин отмеченных ими явлений некоторые трудности, возникающие в результате экономической политики США в Латинской Америке и недостаточного знания Соединенными Штатами латиноамериканской специфики³. Иногда в качестве причины этих явлений называют чрезмерную занятость США «руководством мира», что отвлекает якобы их внимание от Латинской Америки⁴. Главной же причиной обычно называется угроза коммунизма.

Жупел коммунизма служит для американских монополистов прикрытием гегемонии США в Латинской Америке и используется ими для борьбы с антиимпериалистическим движением, как это ярко выявилось во время интервенции в Гватемалу. Он был использован для создания межамериканского военного блока, являющегося составной частью системы военных блоков, обеспечи-

¹ R. Josephs, *Latin America*, p. 490.

² L. Duggan, *The Americas*, p. 109.

Большое беспокойство вызывала в США политика Аргентины после войны, когда ее правительство нередко фрондировало по отношению к США. Особенно раздражало правящие круги США заключение Аргентинской торговой соглашения с Советским Союзом, что представлялось чуть ли не как превращение Аргентины в форпост коммунизма в Америке (см., например, O. Smith, *Jankee Diplomacy*, Dallas 1953; A. Whitaker, *The United States and Argentina*, Cambridge Mass. 1954; R. Alexander, *The Peron Era*, New York 1951).

³ G. Stuart, *Latin America and the United States*, 1955, p. 8; J. Houston, *Latin America in the United Nations*, p. 295; S. Cabot, *Toward Our Common American Destiny*, New York 1954; W. Daniels (ed.), *Latin America in the Cold War*; R. Alexander, *Communism in Latin America*.

⁴ Эта мысль, хотя и облаченная в замысловатые стилистические обороты, нашла отчетливое выражение в одной из статей журнала «Foreign Affairs», где было написано: «Когда мы обратили наше внимание на другие части света, невеста из Рио-де-Жанейро почувствовала, что она была покинута почти сразу же по выходе из алтаря» («Foreign Affairs» July 1955); см. также W. Daniels (ed.), *Latin America in the Cold War*, p. 3; R. Alexander, *Communism in Latin America*, part III, chap. XVIII.

вающих военную гегемонию США в капиталистическом мире. Жупел коммунизма используется империалистами США как прикрытие их стремления к мировому господству, угрожающего безопасности всех свободолюбивых народов.

Проследив на конкретных примерах то, как в американской социально-экономической, в частности, исторической литературе освещается политика США в Латинской Америке, мы можем теперь ответить на вопрос, возникший у нас в начале статьи: не проявляется ли в этой литературе намерение навязать читателю определенные взгляды?

Да, проявляется, и очень явственно. Это концепция «добрососедства». Она является доминирующей концепцией американской историографии новейшего времени по вопросу о политике США в Латинской Америке. По своей сущности, как мы видели, она служит восхвалению и оправданию политики господствующих классов США, политики американского правительства в Латинской Америке. Эта концепция представляет собой идеологическое оружие американского империализма и приспособливает историю к нуждам американских правящих кругов. Это — концепция, фальсифицирующая историю, превращающая в «доброего соседа» хищный и жестокий американский империализм, принесший столько горя и несчастий народам Латинской Америки.

НОВЕЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «НОВОГО КУРСА» Ф. РУЗВЕЛЬТА

В. Л. МАЛЬКОВ, Д. Г. НАДЖАФОВ

Область исторической науки является одним из важнейших объектов непримиримой идеологической борьбы, которая идет между двумя лагерями — социалистическим и империалистическим. В ходе этой борьбы, достигшей ныне невиданной остроты, наибольшую активность в защите капиталистических институтов и политики империализма проявляет буржуазная наука и пропаганда в Соединенных Штатах Америки.

Это далеко не случайно. Особая активность американских буржуазных пропагандистов на идеологическом фронте тесно связана с той ролью центра мировой реакции, которую играют в современном мире империалистические круги США, являющиеся злейшими врагами народов. «Агрессивные империалистические круги США, проводя так называемую политику с позиции силы, стремятся добиться господства над большинством стран мира и пытаются помешать поступательному движению человечества в соответствии с законами развития общества»¹.

Недавно состоявшийся XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, противопоставивший политике агрессии и гонки вооружений в капиталистическом мире величественную программу строительства комму-

¹ Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий», М. 1957, стр. 8.

низма в нашей стране, вновь подчеркнул, что «основным источником военной опасности продолжает оставаться агрессивный курс американского империализма, отражающий стремление капиталистических монополий США к мировому господству»¹.

Буржуазные историки США, выполняя социальный заказ господствующего класса, ведут широкую и изодня в день усиливающуюся пропагандистскую кампанию в пользу американского империализма, пытаются, несмотря на неоспоримые преимущества социалистической системы над капитализмом и рост влияния идей коммунизма среди трудящихся масс всего мира, доказать жизнеспособность капиталистического строя в США, исторически обосновать притязания американских монополий на главенствующее положение на нашей планете.

На примере новейшей американской буржуазной историографии, целиком поставленной на службу империалистическим целям, еще раз подтверждается ленинское положение о том, что империализм означает усиление реакции по всем линиям, во всех отношениях². Насколько далеко зашла современная буржуазная историография США в подчинении интересов объективного научного исследования агрессивному курсу американского империализма, политике «холодной войны» и подготовки агрессии против социалистического лагеря и национально-освободительного движения народов, свидетельствует то, что не только новейшая, но и вся мировая история рассматривается буржуазными историками под углом зрения «борьбы» между «материализмом Востока» (ныне это «коммунизм», «Россия», «красный Восток» и т. п.) и так называемой «западной цивилизацией», «христианской цивилизацией». Этот лейтмотив в той или иной степени, в той или иной форме слышится во всей буржуазной историографии наших дней³.

С позиций защиты и обоснования империалистических планов монополий США буржуазные историки усердно переписывают (в прямом смысле этого слова) историю Америки. Они подвергают новой интерпретации

¹ «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», М. 1959, стр. 158.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 273, 283.

³ Н. Aptheker, History and Reality, New York 1955, p. 23—24.

буквально все вопросы американской истории, выскивая в ней то, что, по их мнению, «было здоровым в прошлом Америки, является прочным в современной Америке и обнадеживающим в будущей Америке»¹. Даже та слабая критика некоторых сторон американского капитализма, которая содержалась в книгах либеральных буржуазных исследователей, уступает место безудержному восхвалению всего того, что связано с монополистической буржуазией². В таком духе излагается представителями так называемой «новой школы» во главе с А. Невинсом история американских монополий, литература о которых занимает видное место в современной буржуазной историографии США³. Под флагом «оживления», «подкрепления» и «обогащения» исторической литературы предпринято издание «Чикагской истории американской цивилизации», предусматривающее выпуск двух дюжин книг по самым различным вопросам истории США (некоторые из них уже вышли в свет).

За последние годы в США наблюдается повышенный интерес к политике «нового курса» президента Ф. Рузвельта, которая проводилась им в 30-е годы. Интерес к личности Ф. Рузвельта и его политике объясняется, по утверждению самих американских буржуазных историков и публицистов, тем, что в заслугу Рузвельту ставится «спасение демократии в Соединенных Штатах» и руководство страной в период, когда США стали «мировым лидером» (т. е. господствующей державой не-социалистической части мира)⁴.

¹ *H. H. Bellot*, *American History and American Historians*, London 1952, p. 22—35; *H. S. Commager*, *American Mind. An Interpretation of American Thought and Character since the 1880's*, London 1950, p. 433.

² Этот процесс сползания либерального направления в американской историографии на позиции реакционного субъективизма и идеализма можно проследить на примере Ч. Бирда, эволюция взглядов которого разобрана в статье И. Деметьева (см. *И. П. Деметьев*, *Об исторических взглядах Чарльза Бирда*, «Вопросы истории» № 6, 1957 г.). Американский буржуазный историк Е. Ф. Голдмэн, вынужденный отметить наличие этой тенденции в современной исторической науке США, осторожно пишет: «После второй мировой войны американские историки стали заметно более благожелательны к явлениям американской жизни» (см. *American Historical Review*, October 1955, p. 143).

³ См. *Г. Антекер*, *Лауреаты империализма. Монополистический капитал переписывает историю Америки*, М. 1955.

⁴ *T. Gunter*, *Roosevelt in Retrospect: A Profile in History*, New York 1950, p. 6.

В чем же существо политики «нового курса», история которого занимает одно из первых мест в трудах буржуазных авторов в США?

Под «новым курсом» разумеют политику президента США Франклина Д. Рузвельта в 1933—1945 гг., а точнее — комплекс законодательных мероприятий, осуществленных его правительством в 1933—1938 гг. с целью преодоления серьезных экономических и политических затруднений, которые переживал американский монополистический капитализм в 30-е годы. «Новый курс» был реакцией американской буржуазии на обострение классовой борьбы в США в этот период, на рост рабочего и демократического движения в стране.

На протяжении всех 30-х годов на США сказывались последствия самого острого и глубокого в истории капитализма мирового экономического кризиса перепроизводства 1929—1933 гг., с наибольшей силой поразившего именно США — главную страну современного капитализма. Положив конец временной, частичной стабилизации американского капитализма и обнажив его внутренние противоречия, кризис нанес жестокий удар по апологетам «американского образа жизни», по лживой буржуазной пропаганде и реформизму в рабочем движении, в течение длительного времени насаждавших веру в вечность «процветания» и в «американскую исключительность». Американский колосс, который еще недавно его защитниками рекламировался как непреходящий пример прочности и устойчивости капитализма, неожиданно оказался развенчанным: он обнаружил перед миллионами американцев бессилие, неспособность предпринимателей управлять производительными силами общества. Проводники буржуазного влияния в рабочем классе США в лице реформистских профсоюзных лидеров, являющиеся главной опорой буржуазии в рабочем движении, уже не могли старыми методами и приемами удержать рабочих от активных выступлений против эксплуататоров.

Убеждение в непогрешимости капитализма и незыблемости капиталистических порядков в США было поколеблено. Американские трудящиеся, которые в годы мирового экономического кризиса особенно остро испытывали превратности судьбы в капиталистическом обще-

стве, постепенно приходили к мысли о необходимости решительной борьбы для отстаивания своих интересов. Усилилось рабочее и массовое демократическое движение; значительно расширилась деятельность Коммунистической партии США, которая отражала коренные интересы трудящихся. Большую роль в революционизировании масс сыграли успехи Советского Союза в выполнении первого пятилетнего плана, которые мобилизовали революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма. Это был период, когда «впервые в американской истории большинство американского народа начало возлагать ответственность за безработицу и кризис на социальную систему и правительство. Народ ясно дал понять, что в дальнейшем о правительстве и системе будут судить по их способности гарантировать людям работу и безопасность от кризиса»¹.

Американские прогрессивные историки Р. О. Бойер и Г. М. Морейс, характеризуя обстановку в США на президентских выборах 1932 г., во время которых на пост президента от демократической партии баллотировался Ф. Рузвельт, пишут: «Катастрофа, полный крах казались все более неизбежными. Кандидат демократической партии, знакомясь с сообщениями, поступавшими со всех концов страны, понимал, что перспектива вооруженной революции американского народа будет вполне реальна, если немедленно не принять меры к тому, чтобы облегчить народные страдания последних трех лет»².

Много лет прошло с того времени, но и по сей день политические руководители и идеологи американского империализма с нескрываемым страхом говорят об экономическом кризисе 1929—1933 гг. 6 июня 1950 г., т. е. спустя 18 лет после кризиса, президент США неизвестный Г. Трумэн сделал красноречивое заявление: «В 1932 году система частного предпринимательства была близка к катастрофе. Существовала реальная опасность того, что американский народ изберет себе другую систему. Если мы хотим выиграть борьбу

¹ Г. Грин, *Забытый враг*, М. 1958, стр. 91.

² Р. О. Бойер и Г. М. Морейс, *Нерассказанная история рабочего движения в США*, М. 1957, стр. 433.

между свободой (так буржуазные деятели в пропагандистских целях именуют капиталистический строй насилия и угнетения трудящихся.— *Авт.*) и коммунизмом, мы должны быть уверены в том, что никогда больше не допустим такой депрессии (т. е. кризиса.— *Авт.*)»¹. Небезынтересно отметить, что спустя две недели после вышеприведенного заявления Г. Трумэна, американский империализм развязал позорную войну против героического корейского народа, войну, которая, по многочисленным признаниям в США, существенно повлияла на состояние американской экономики, испытывавшей удары кризиса в 1948—1949 гг.

Ф. Рузвельт, пришедший к власти в итоге выборов 1932 г., был представителем либеральных кругов буржуазии, убежденным сторонником капитализма, вся политика которого имела своей целью сохранение и укрепление капиталистической системы в США. Его мероприятия по «новому курсу» в экономическом плане, отразившие усиление государственно-монополистических тенденций, были направлены преимущественно к тому, чтобы поставить ресурсы буржуазного государства на службу крупным монополиям, опиравшимся на эту помощь правительства для преодоления кризиса 1929—1933 гг. и его последствий. В политическом плане — и это было главным в «новом курсе» — Ф. Рузвельт стремился путем реформ и уступок удержать под контролем буржуазии трудящиеся массы, предотвратить их самостоятельные политические действия². «Если бы он не сделал этих уступок,— пишет почетный национальный председатель Коммунистической партии США Уильям З. Фостер,— то массы, исполненные боевого духа, вероятно, пошли бы дальше влево и в открытой борьбе добились бы от предпринимателей и правительства гораздо более существенных реформ»³. В результате осуществления политики «нового курса» американскому капитализму удалось временно преодолеть трудности и упрочить свои позиции.

¹ Цит. по В. Перло, *Американский империализм*, М. 1951, стр. 284.

² W. Z. Foster, *History of the Communist Party of the United States*, New York 1952, p. 294.

³ Уильям З. Фостер, *Очерк политической истории Америки*, М. 1953, стр. 595.

Таким образом, политический смысл обращения буржуазных историков к «новому курсу» состоит в том, чтобы, с одной стороны, опереться на опыт проведения политики Рузвельта для упрочения нынешнего положения американских монополий, испытывающих все растущие затруднения внутри и вовне США, а с другой — пропагандировать способности буржуазного государства решать острые проблемы современности. Вновь выдвигая пресловутую теорию американской «исключительности», защитники капитализма в США, искажая исторические события и факты, стремятся доказать возможность искусственного создания «новых социальных отношений и ценностей» в США, идеализируют политику «нового курса», в которой они ищут «основные идеи для современного общества».

Реакционная пропаганда в Соединенных Штатах открыто провозглашает классовые цели апологетической кампании, развернувшейся вокруг истории «нового курса». В марте 1957 г. журнал «Atlantic» писал, что изучение «эпохи Рузвельта» и использование результатов этого изучения явятся лучшей гарантией существования сложившихся в США политических институтов¹. Известный своей реакционностью журнал «United States News and World Report», поместивший на своих страницах текст выступления сенатора О'Махони о политике «нового курса», с удовлетворением подчеркивает, что «Рузвельт только пытался сохранить традиционную свободу Америки и ее демократическую форму правления посредством реформ, предпринятых им. Ныне... возврат к философии Рузвельта является наилучшей защитой против коммунизма»².

С подобными же призывами следовать примеру Ф. Рузвельта, обращенными к американским руководителям, выступают многие историки и публицисты.

Р. Д. Тагвелл, ныне профессор политэкономии Чикагского университета, а в 30-е годы один из деятелей рузвельтовского «мозгового треста» (в который входили доверенные лица из окружения Ф. Рузвельта, участвовавшие в разработке мероприятий по «новому курсу»), пишет, что лидеры современных Соединенных

¹ «Atlantic», March 1957, p. 72.

² «U. S. News and World Report», 11.11.1955, p. 82.

Штатов, сталкивающиеся с большими и многочисленными проблемами, «могут извлечь пользу из изучения рузвельтовских методов»¹.

Буржуазная историография отводит «новому курсу» центральное место в общей схеме капиталистического «прогресса» в США. Как утверждают буржуазные пропагандисты, стремящиеся отвлечь рабочий класс США от борьбы против его смертельного врага — буржуазии, американский капитализм наших дней — это не тот капитализм со всеми его язвами и пороками, о котором писал К. Маркс. Например, в коллективном сборнике «США. Перманентная революция» редакторы известного буржуазного журнала «Fortune», выражающего мнение крупных монополистов, пишут, что американский капитализм претерпел самые большие качественные изменения, результатом чего явилась якобы замена господства монополий Уолл-стрита контролем простого народа, «человека с улицы». По их мнению, США достигли в своем развитии такой стадии, когда американский капитализм стал подлинно «народным капитализмом»². При таком «демократическом» социальном строе антагонистическим классам, заявляет буржуазный историк А. Шлезингер-младший, ничего другого не остается, как лишь заниматься «искренним соревнованием», а государству — «устанавливать твердые правила игры»³.

В плане этой насквозь фальшивой, антинаучной концепции прогрессивной эволюции капитализма и буржуазного государства в США «новый курс» рассматривается как ее «кульминационный момент»⁴. Буржуазные историки Л. М. Хэккер и Г. С. Захлер в книге «Соединенные Штаты в XX веке» сравнивают политику «нового курса» с революционными войнами американского народа за свое освобождение от английского колониального господства в XVIII в. и против рабства в гражданской войне 60-х годов прошлого столетия; они называют эту политику «третьей американской революцией»

¹ R. G. Tugwell, *The Democratic Roosevelt. A Biography of Franklin D. Roosevelt*, New York 1957, p. 11.

² «U. S. A. The Permanent Revolution». By the Editors of «Fortune» in Collaboration with R. W. Davenport, New York 1951, p. 66—67.

³ Цит. по Н. Aptheker, *History and Reality*, p. 126—127.

⁴ H. S. Commager, *Twelve Years of Roosevelt*, «American Mercury», April 1945, p. 392.

в интересах трудящихся¹. Отметим, кстати, что многие авторы более ранних исторических работ о «новом курсе» были значительно более сдержанны в оценке политики Ф. Рузвельта, рассматривая, например, реформы в области трудового законодательства лишь как абсолютно необходимый минимум, достижение которого позволяло «привести трудовые отношения в США в соответствие с уровнем большей части цивилизованного мира»².

Утверждение, что политика правительства Ф. Рузвельта отвечала интересам прежде всего народных масс, является исходной позицией для подавляющего большинства буржуазных историков. Так, американский историк Фостер Ри Даллес в книге о рабочем движении в США называет американский капитализм 30-х годов «демократическим», а политику «нового курса», направленную против коренных интересов пролетариата, — «прорабочей»³. А отсюда уже совсем недалеко до глубоко реакционных рассуждений и выводов, которые делает У. Б. Хесселтайн, «исследующий» историю самостоятельных политических действий рабочих и фермеров США. Этот историк, с удовлетворением подчеркивающий умиротворяющее действие буржуазного реформизма «нового курса», пропагандирует тезис о ненужности политических выступлений американских трудящихся, о якобы полной невозможности достигнуть единства рабочего класса и фермерства США из-за противоречий между ними. Хесселтайн заключает книгу призывом к массам оставаться в рамках буржуазной двухпартийной системы⁴.

Новейшая историография «нового курса» находится под сильным влиянием прагматизма, пронизывающего все стороны современной американской буржуазной науки об обществе. Г. Коммейджер, один из крупнейших буржуазных историков США, характеризуя значение прагматизма для общественных наук в США в XX в.,

¹ L. M. Hacker and H. S. Zahler, *The United States in the 20th Century*, New York 1952, p. 380.

² S. High, *Roosevelt—And Then?* New York—London 1937, p. 180; см. также C. W. Ruskowski, *Is Roosevelt an Andrew Jackson?* Boston 1939, p. 49 и др.

³ F. R. Dulles, *Labor in America. A History*, New York 1949, p. 287.

⁴ W. B. Hesseltine, *The Rise and Fall of Third Parties: From Anti-Masonry to Wallace*, Gloucester (Mass.) 1957.

пишет: «Прагматизм восторжествовал над конкурирующими философиями не столько благодаря своей превосходящей логике, сколько из-за его большей уместности и полезности...»¹ В конкретном применении к истории «нового курса» субъективно-идеалистическая философия прагматизма, ставящая знак равенства между истинным и полезным, приводит к грубой фальсификации, к забвению и умышленному затушевыванию объективных законов исторического развития. Буржуазные историки, рассматривающие «новый курс» как результат эволюции различных буржуазно-либеральных идейных течений дорузвельтовского периода, фактически игнорируют основные факторы исторического процесса — развитие и изменение производительных сил, классовую борьбу, массовые народные движения.

Разумеется, эту «концепцию» нельзя признать необычной и свойственной лишь авторам наиболее поздних работ по «новому курсу». Уже в 30-х и 40-х годах в американской буржуазной исторической литературе не было недостатка в фальшивых аргументах в пользу тезиса об отсутствии «классовых мотивов» у американского избирателя и пассивности трудящихся масс США, якобы разбуженных Ф. Рузвельтом и призванных им к активной политической деятельности². Этот «новый подход» к освещению исторических событий 30-х годов все более и более утверждался в американской историографии. Среди пионеров этого «нового подхода» выделялась фигура Ч. Бирда. В третьем томе своей работы «Подъем американской цивилизации» супруги Бирд, характеризуя внутривнутриполитическую обстановку в США в 1932 г., писали: «В 1932 г. не было таких бурных стачек, какие имели место на железных дорогах Пульмана в 1894 г. или в Питсбурге в 1877 г. и которые могли бы испугать политических деятелей типа Джона Хейса или Генри Лоджа. Наоборот, странное спокойствие воцарилось повсюду, как будто бы память о Сэме Адамсе, Даниэле Шейсе и Джоне Олтгелде исчезла с лица земли»³. Ту

¹ *H. S. Commager, American Mind. An Interpretation of American Thought and Character since the 1880's*, p. 408.

² *P. J. O'Brien, Forward with Roosevelt*, Chicago 1936; *S. High, Roosevelt—And Then? и др.*

³ *Ch. A. Beard and M. R. Beard, America in Midpassage*, New York 1939, p. 143.

же версию по существу отстаивали в своих работах Рой Никольс, а позднее Ф. Р. Даллес, Д. Вектер и другие буржуазные историки¹.

В действительности дело обстояло как раз наоборот, и это вынуждены были признать авторы некоторых научных исследований и публицистических работ, написанных по свежим следам исторических событий. В них можно найти знаменательные признания буржуазных авторов, оценивавших реформы 30-х годов как реакцию правящих кругов США на решительный протест американского народа против реакционной политики монополий в годы кризиса².

Известный американский буржуазный экономист и публицист Роджер Бэбсон, близко стоявший в свое время к правящим кругам США, указывал в 1934 г. на наличие твердого убеждения у членов правительства Ф. Рузвельта, что проводимые ими мероприятия необходимы для класса капиталистов и позволяют «провести бескровную революцию вместо ожидания того, что через несколько лет произойдет кровавая революция»³. Тот же Бэбсон делал следующий примечательный вывод в своей книге: «Определяющим для новой эры, в которую мы ныне вступаем, является конфликт вокруг проблемы перераспределения национального годового дохода. Этот конфликт в свою очередь выражается в прямом конфликте между капиталом и трудом, между частной собственностью и правительственной собственностью»⁴.

Пропагандистская кампания в США вокруг личности Ф. Д. Рузвельта и его политики «нового курса» особенно усилилась после 1950 г., когда группа американских историков получила доступ к материалам так называемой библиотеки Ф. Д. Рузвельта в Гайд-парке (Нью-Йорк). Архивные фонды этой библиотеки служат основным источником для авторов последних книг о Рузвельте, что дало повод одному из американских историков

¹ J. P. and R. F. Nichols, *The Republic of the United States. A History*, vol. II, New York—London 1942; F. R. Dulles, *Twentieth Century America*, Boston 1945; D. Wecter, *The Age of the Great Depression, 1929—1941*, New York 1948.

² См., например, D. L. Dumond, *Roosevelt to Roosevelt*, New York 1937.

³ R. W. Babson, *Washington and Revolutionists*, New York 1934, p. 4, 5.

⁴ Там же, стр. 329.

охарактеризовать эти книги как «документальный детерминизм»¹.

Идея создания этой библиотеки принадлежит самому Рузвельту и была высказана им еще до второй мировой войны. В феврале 1938 г. в письме на имя профессора Гарвардского университета Самуила Э. Моррисона Рузвельт запрашивал его мнения и совета относительно «до некоторой степени честолюбивого намерения создать хранилище для рукописей, корреспонденций, сообщений и т. д. и т. п., относящихся к данному периоду нашей национальной истории»². Вскоре после этого было объявлено о желании президента передать свои архивы государству, поместив их в специальном здании, построенном на частные средства³. В 1940 г. здание библиотеки, в котором предполагалось сосредоточить его архивы, уже было построено⁴.

После смерти Рузвельта в библиотеку были переданы материалы, находившиеся при нем. Архив Рузвельта, составляющий две трети всех рукописных фондов библиотеки⁵, охватывает период с 1910 г., но его основная часть приходится на материалы, относящиеся ко времени его президентства. В настоящее время открыт доступ к 85% архива Рузвельта, исключая секретную переписку 1942—1945 гг.⁶

Таким образом, разработка материалов библиотеки буржуазными историками началась сравнительно недавно. К настоящему времени наиболее крупные из новых исследований о Рузвельте охватывают период его жизни и деятельности, предшествовавший вступлению на пост президента, и в соответствии с этим освещают исторические события до 1933 г. Таковыми являются прежде всего большое биографическое издание Ф. Фрейделя «Франклин Д. Рузвельт», запланированное авто-

¹ «American Historical Review», October 1955, p. 223.

² «F. D. R., His Personal Letters, 1928—1945», vol. II (Edited by Elliot Roosevelt), New York 1950, p. 761.

³ *Franklin D. Roosevelt, The Public Papers and Addresses*, 1938 vol., New York 1941, p. 629—643.

⁴ *W. G. Leland, The Creation of the Franklin D. Roosevelt Library: a Personal Narrative*, «American Archivist», January 1955, p. 27.

⁵ Остальную часть материалов библиотеки составляют архивы Г. Моргантау, Г. Гопкинса, Д. Виванта, Ч. Тосига и сенатора Э. Томаса («American Archivist», April 1954, p. 158—159).

⁶ Там же, стр. 159—160.

ром в шести томах, и трехтомник А. Шлезингера-младшего «Эра Рузвельта». К настоящему времени опубликованы первые три тома исследования Фрейделя и первый том Шлезингера, изложение в которых доведено до момента вступления Рузвельта на пост президента США в марте 1933 г.¹ Специальные исследования, посвященные деятельности Рузвельта в этот же период, написаны Б. Бэллашем и Д. Фазфелдом². Большинство буржуазных историков в своих книгах также особо выделяют первый период деятельности Рузвельта, рассматривая его как необходимый этап в идеологической подготовке «нового курса»³.

Новейшая американская историческая литература о Ф. Рузвельте, помимо такого хронологического разделения на литературу по первому периоду его жизни и деятельности (до 1932 г.) и по второму периоду (с 1932 по 1945 г.), может быть подразделена и по тематическому признаку. Она включает работы о бывшем американском президенте (С. Розенман, Р. Тагвелл, Д. Гантер), монографии, которые носят биографический характер, но в то же время охватывают весьма широкий круг исторических событий (Ф. Фрейдель, А. Шлезингер, Д. Бернс, Э. Робинсон), многочисленные книги по внешней политике Ф. Рузвельта⁴, модные ныне исследования по истории «либерализма» в США (Э. Голдмэн,

¹ *F. Freidel, Franklin D. Roosevelt: The Apprenticeship*, Boston 1952, охватывающий период до первой мировой войны; *его же, Franklin D. Roosevelt: The Ordeal*, Boston 1954, являющийся вторым томом биографии Рузвельта (1919—1928 гг.); третий том — «*Franklin D. Roosevelt: The Triumph*», изданный в Бостоне в 1956 г., посвящен губернаторству Рузвельта в штате Нью-Йорк в 1929—1932 гг. *A. M. Schlesinger, Jr., The Age of Roosevelt, vol. I. The Crisis of the Old Order, 1919—1932*, London 1957.

² *B. Bellush, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York*, New York 1955; *D. R. Fusfeld, The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal*, New York 1956.

³ См., например, *J. M. Burns, Roosevelt: the Lion and the Fox*, New York 1956; *E. E. Robinson, The Roosevelt Leadership, 1933—1945*, New York 1955 и др.

⁴ Некоторые из работ буржуазных авторов по истории внешней политики правительства Ф. Рузвельта были рассмотрены в историографическом плане в ряде статей советских историков (см. *А. Л. Нарочницкий*, Реакционная американская литература о дальневосточной политике США (1938—1945 годов), «Вопросы истории» № 4, 1954 г.; *Б. И. Марушкин* и *Н. Н. Яковлев*, Историки американской «новой школы» об участии США во второй мировой войне, «Вопросы истории» № 7, 1956 г. и др.).

Р. Хофштадтер, А. Экирч, Л. Харц) и продолжающие выходить мемуары, дневники и т. п. современников Ф. Рузвельта (Г. Икес, Э. Бэркли, Л. Уэйл, М. Экклс и др.). В серии «Американская хроника» выпущены четыре тома под редакцией А. Невинса, авторы которых ставили своей целью дать «глубокий» анализ «нового курса». Среди них можно отметить книгу Д. У. Брогана «Эра Франклина Д. Рузвельта», рассматривающую вопросы политического и экономического развития США в период президентства Ф. Рузвельта¹. Следует упомянуть также издание «Частных писем» Ф. Рузвельта в 1950 г. (в двух томах), содержащее его переписку за 1928—1945 гг.

Историография «нового курса» и деятельности Ф. Рузвельта велика и включает в себя как многотомные обобщающие исследовательские труды, так и небольшие популярные очерки. Общее направление этой литературы апологетическое: в ней явно преобладает точка зрения на Рузвельта как на «творца» истории, спасителя «американской демократии»².

Вместе с тем многие авторы, пытающиеся придерживаться объективности в своих научных исследованиях, или гонящиеся в духе пресловутого американского «паблисити» за сенсационными архивными данными, или даже просто использующие их в целях межпартийной борьбы, так или иначе приводят некоторые факты, показывающие истинные намерения и мотивы сторонников «нового курса»; классовый характер политики Рузвельта. Имеется в послевоенной (не говоря уже о довоенной) рузвельтовской историографии и такое направление, представители которого выступают с негативной оценкой деятельности Рузвельта. На таких позициях, в частности, стоят в интерпретации внешней политики Рузвельта сторонники Ч. Бирда, так называемая «ревизионистская» школа (Ч. Тенсилл, Г. Барнс, Ф. Сэнборн, Г. Моргенштерн и др.). Одной из последних работ, резко критикующих президентство Рузвельта, является

¹ R. L. Watson, Franklin D. Roosevelt in Historical Writing, 1950—1957, «South Atlantic Quarterly», Winter 1958, p. 113.

² Такова, например, книга о Рузвельте журналистки Лорэны Хиккок, находившейся в близких отношениях с семьей Рузвельта в течение многих лет. Это популярный очерк жизни Рузвельта для американской молодежи, вышедший в серии «Имена, которые делали историю» (Lorena A. Hickok, The Story of Franklin D. Roosevelt, New York 1956).

книга Э. Робинсона «Рузвельтовское руководство 1933—1945 гг.». Ее автор, провозглашающий «объективные» цели исследования и свою «беспристрастность», характеризует Рузвельта с крайне правых позиций, используя надуманные обвинения, выдвигавшиеся еще при жизни Рузвельта его политическими противниками из самых реакционных кругов. Робинсон заявляет, что Рузвельт якобы преследовал в своей политике «социалистические цели», что его политическая программа выходила за рамки «американской традиции», т. е. противоречила нормам буржуазной демократии¹. Примечательно, что даже в среде самих буржуазных историков книга Робинсона была отмечена как необъективная и консервативная по своему духу².

* *
*

Вопросы, связанные с происхождением «нового курса», как отмечалось выше, занимают одно из центральных мест в работах буржуазных историков. В целом исследование этой проблемы предпринимается по существу в плане теоретического обоснования преемственности в развитии либеральных идей, составляющих, по мысли многих буржуазных авторов, единственную реальную основу общественного развития в США. Всякое сомнение относительно правильности пресловутой концепции «идеи прогресса» — движущей силы «демократического процесса» в США принято считать еретическим³. Для буржуазных историков существо толкования определенного круга явлений в истории США, составляющих еди-

¹ E. E. Robinson, *Roosevelt Leadership*, p. 263, 386, 404.

² D. Perkins, *The New Age of Franklin D. Roosevelt, 1932—1945*, Chicago 1957, p. 176—181; «*American Historical Review*», July 1955, p. 924—925; R. L. Watson, *Franklin D. Roosevelt in Historical Writing, 1950—1957*, «*South Atlantic Quarterly*», Winter 1958, p. 119—120. Другой пример критики политики Рузвельта с реакционных позиций — третий том мемуаров Г. Гувера, изданный в 1952 г. Гувер, являвшийся политическим противником Рузвельта, всячески поносит его политику, обвиняя Рузвельта в разрушении американского «свободного образа жизни», в намерении установить свою диктатуру, осуждает принятое при нем решение о дипломатическом признании СССР, отвергает почти все мероприятия по «новому курсу» («*The Memoirs of Herbert Hoover. The Great Depression, 1929—1941*», vol. 3, New York 1952).

³ R. Welter, *The Idea of Progress in America*, «*Journal of the History of Ideas*», vol. XVI, June 1955.

ную цель в «демократическом процессе», лежит отнюдь не в анализе демократического движения народных масс, борьбы рабочих и фермеров, антимонополизма мелкой буржуазии города, а в объяснении эволюции буржуазного «прогрессизма» (синоним реформизма) в США. Как следствие этого побудительные причины исторического развития рассматриваются не в сфере экономики и общественных отношений, а в сфере идей, рождаемых идеологами правящего класса американской буржуазии. Значительно реже «прогрессизм» представляется в качестве программы фермерства, как это делают, например, Ф. Фрейдел и Г. Коммейджер¹.

В изображении буржуазных историков — авторов интересующих нас работ личность отдельных «прогрессистов», политические расчеты и комбинации становятся едва ли не решающей силой общественного прогресса². В предисловии издателей к книге Р. Хофштадтера «Век реформ: От Брайана до Франклина Рузвельта» прямо говорится, что автор не ставит своей задачей изучение исторических событий и «забытых программ политических партий», а исследует по преимуществу эмоциональные факторы, воздействовавшие на реформаторов и побуждавшие их социальные и психологические мотивы. В своем изложении Р. Хофштадтер исходит из того, что «прогрессизм» в США всегда основывался на «настроении» его носителей, и, следовательно, его рост и упадок целиком предопределялись этим «настроением»³. Так по существу во имя опровержения непреложного тезиса марксизма о закономерной смене общественных формаций и неизбежной победе социализма над капитализмом ученые адепты американского империализма пропагандируют субъективно-идеалистическую точку зрения на исторический процесс, не имеющую ничего общего с подлинно научным познанием объективных законов развития общества.

¹ *F. Freidel*, *The Apprenticeship*, p. 117; *H. S. Commager*, *The American Mind*, p. 337.

² *H. S. Commager*, *The American Mind*, p. 354, 355. Наиболее явно эта тенденция проступает в мемуарной литературе и в работах, носящих биографический характер. (*A. M. Barkley*, *That Reminds Me*, New York 1954; *F. Perkins*, *The Roosevelt I Knew*, New York 1946; *J. M. Burns*, *Roosevelt: the Lion and the Fox* и др.).

³ *R. Hofstadter*, *The Age of Reform. From Bryan to F. D. R.*, New York 1955, p. 280.

Подавляющая часть буржуазных историков пытается установить последовательную связь в развитии «прогрессизма» в США, который якобы постоянно преобразует американский капитализм, приспособливает его к нуждам народных масс и который способен в случае необходимости вдохнуть в него новые силы. В один ряд ставятся популистское движение конца XIX — начала XX в., «прогрессизм» В. Брайана, Р. Лафоллета, Т. Рузвельта, В. Вильсона, А. Смита и как логическое завершение этого ряда (в рамках определенной исторической эпохи) — «новый курс» Франклина Рузвельта. Сам Ф. Рузвельт в частной переписке, относящейся ко второй половине 30-х годов, т. е. к тому времени, когда политическое положение в стране несколько стабилизировалось, не раз внушал своим корреспондентам, что корни «нового курса» следует искать в «прогрессизме» Т. Рузвельта и в особенности В. Вильсона. В письме к Самуилу Моррисону Рузвельт писал, что история «нового курса» началась сразу же по окончании первой мировой войны¹.

В полном соответствии с этой общепринятой среди новейших буржуазных исследователей «нового курса» схемой Коммейджер пишет: «Запад первым продемонстрировал свою способность воспринимать новые политические идеи — Запад Генри Джорджа, Ллойда, Веблена, Стеффенса и Вильяма Уайта, и именно популисты наиболее полно предвосхитили тот курс, которому должна была следовать американская политическая жизнь в XX столетии. То, что поддерживали сначала Уивер и Доннелли, а затем Брайан и Лафоллет, — приспособление конституционной системы к насущным потребностям современного общества, регулирование экономики политической властью, развитие новых методов в управлении — осуществили Т. Рузвельт и В. Вильсон. По прошествии пятнадцати лет Ф. Рузвельт еще раз принял программу популистов и прогрессистов и проводил в жизнь до ее логического завершения»².

¹ «F. D. R., His Personal Letters», vol. II, p. 761—762.

² H. S. Commager, *American Mind*, p. 337. Необходимо заметить, что буржуазные авторы в целях «пушей» убедительности идут нередко по линии полного отождествления политической карьеры Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта (*J. Gunter, Roosevelt in Retrospect*, p. 8).

Следуя этой концепции, в последнем издании своего двухтомного труда по истории США Моррисон и Коммейджер характеризуют «новый курс» Ф. Рузвельта как прямое продолжение «новой свободы» В. Вильсона. Претворяя в жизнь политическую философию «прогрессизма», заявляют авторы, и В. Вильсон, и Ф. Рузвельт руководствовались стремлением обеспечить за США «историческую роль защитника демократии» в обстановке усиления диктаторских тенденций в Европе¹. В угоду монополиям маститые авторы представляют правящие круги США в роли оплота и носителя принципов буржуазной демократии в эпоху крушения «гуманитаризма» в одряхлевшей Европе. Перманентно прогрессирующие в своем социальном устройстве Соединенные Штаты призваны повести за собой остальной мир, заблудший в противоречиях, открыть перед ним новые горизонты — такова миссия США как защитника демократии. Таким образом, Коммейджер, Моррисон, а вместе с ними и многие другие буржуазные авторы, используя пресловутую идею «прогресса» капиталистического общества в США, оправдывают стремление американского империализма к мировой гегемонии, маскируемое флагом защиты принципов свободы, равенства и братства. Придерживающийся по существу той же точки зрения Э. Голдмэн вместе с тем предлагает считать достижения социальной реформы в США, нашедшие свое наиболее полное воплощение в «новом курсе», реакцией на индустриализацию Америки². Он характеризует «новый курс» как «попурри» из «трех главных политических программ, появившихся в течение предшествовавшего столетия»: «новой свободы» В. Вильсона, «нового национализма» Теодора Рузвельта и даже «ассоциативной деятельности 20-х годов»³.

Теоретической доктриной «демократического прогресса» в США руководствуется и Артур Шлезингер-младший, автор обширной работы «Кризис старого порядка»⁴.

¹ S. E. Morrison and H. S. Commager, *The Growth of the American Republic*, vol. II, New York 1955, p. 584.

² E. F. Goldman, *Rendez-vous with Destiny*, New York 1956, p. VI.

³ Там же, стр. 254.

⁴ Характеризуя работу А. Шлезингера, теперешний лидер демократической партии Э. Стивенсон пишет: «Это — глубокое исследование;

Артур Шлезингер-младший, лауреат премии Пулицера,— весьма заметная фигура среди современных буржуазных историков Соединенных Штатов. В настоящее время он является наиболее крупным «теоретиком» среди той части американских буржуазных историков и социологов, которая называет себя «некоммунистической левой»¹. Шлезингер выступает как «сокрушитель» коммунизма и «реформатор» современного капитализма. Участвуя в качестве соавтора в вышедшей в 1948 г. под редакцией Сеймура Харриса книге «Спасение американского капитализма», Шлезингер предложил реформировать капитализм посредством критики его наиболее неприглядных сторон. Тем самым А. Шлезингер и представляемое им направление предлагают покончить с некоторыми недостатками капитализма во имя торжества самого капитализма. В предисловии редактора к той же книге читаем: «Общим для авторов этой работы является стремление спасти капитализм... Трудности (для капитализма.— *Авторы*) возрастают, по мере того как с развитием экономического хаоса остальная часть мира отказывается от системы частного предпринимательства»². Налицо еще одна попытка хотя бы в теории устранить непримиримые противоречия, препятствующие дальнейшему развитию капитализма, все более и более дряхлеющему и идущему к своей гибели. Реализация рецептов подновления капиталистической системы на практике показала их несостоятельность во времена того же «нового курса», примеру которого призывают последовать Шлезингер и др.

Книгу Шлезингера «Кризис старого порядка 1919—1932 гг.» отличает широкий круг затрагиваемых вопросов и попытка «теоретического» обобщения излагаемого материала. В этом смысле работа Шлезингера представляет самостоятельное явление и заслуживает относительно более подробного разбора. Само название книги призвано не только насторожить читателя, но и

оно показывает, как демократический процесс может преодолеть состояние отчаяния и дать мужественное руководство, которое в свою очередь может определить нужды и приспособить политические институты к изменяющемуся экономическому развитию» (см. суперобложку к книге А. Шлезингера).

¹ *H. Aptheker, History and Reality, p. 115.*

² Там же, стр. 124.

дать в предельно сжатой форме представление о позиции автора. Шлезингер считает невозможным полностью игнорировать действительный исторический процесс с присущей ему на каждой стадии особой формой развития экономических сил и классовых противоречий, как это делает, например, Ф. Фрейдел. Он вынужден (хотя и в завуалированной форме) констатировать некоторые факты, свидетельствующие об углублении внутренних противоречий американского капитализма в эпоху империализма, ведущие, с одной стороны, к экономическим потрясениям, а с другой — к кризису буржуазной идеологии¹. Шлезингер касается таких проблем, как положение рабочего класса, фермерства, отношение труда и капитала, рабочее движение и политика правительства в области трудового законодательства. Но только касается. Попытка автора «Кризиса старого порядка» нарисовать более широкую картину общественной обстановки, характерной для США эпохи монополистического капитализма, не выходит за пределы «возможного» с точки зрения буржуазного исследователя, автор ограничивает себя нанесением лишь бледного фона, на котором «рационально» действуют вожди «прогрессизма» Т. Рузвельт, В. Вильсон, Ф. Рузвельт и др. Историки типа Шлезингера, пропагандисты идеи капиталистического «прогресса» в США, отстаивающие классовую точку зрения буржуазии, не стремятся дать анализ конкретного социально-экономического процесса и установить истинные связи и соотношения между экономикой и политикой, между борьбой классов и буржуазным реформизмом. Для Шлезингера (более чем для кого-либо из современных буржуазных исследователей «нового курса») характерным является формулирование откровенно фальсификаторской версии о нескончаемости «капиталистического прогресса» в США.

Принципиальная схема Шлезингера не отличается оригинальностью. Корни и составные части «демократического процесса» в США он видит в популистском движении, которое «определило конкретную цель движения за реформы для следующего поколения»² (аналогичное утверждение мы встречаем у Коммейджера),

¹ Последнее обстоятельство привлекает особое внимание автора.

² А. М. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 19

и в «прогрессизме» первых десятилетий XX в. По словам автора, питательной средой, поставляющей «идеи прогресса», является либеральная буржуазия, представителями которой у Шлезингера выступают такие «выдающиеся прогрессисты», как Т. Рузвельт, Р. Лафоллет, Г. Моргентау, В. Вильсон, Г. Леман, Р. Вагнер, а также Ч. Бирд, С. Хилмэн и Элеонора Рузвельт. По мнению Шлезингера, даже такие требования реформ в области трудового законодательства, как запрещение детского труда, введение максимума продолжительности рабочего дня и минимума зарплаты, социального страхования, были выдвинуты не под давлением растущего рабочего движения, а родились вне всякой связи с последним в среде буржуазной интеллигенции, у представителей «среднего класса» — «носителя» демократических традиций¹.

Апостолом «прогрессизма» и антимонополистической традиции у Шлезингера выступает Т. Рузвельт. Уподобляя последнего А. Линкольну, Шлезингер стремится уверить читателей, что для Т. Рузвельта, как для выразителя настроений «среднего класса», «национальные интересы являлись направляющей силой в проведении государственной политики»². Стремясь представить Т. Рузвельта выразителем общенациональных интересов, Шлезингер заявляет, что Т. Рузвельт «считал себя выше классово-приверженности»³ и, хотя «война Т. Рузвельта против трестов не была ни очень последовательной, ни очень эффективной», тем не менее «с самого начала своего президентства Т. Рузвельт в битвах отстаивал общенациональные интересы против их наглых внутренних противников — трестов и синдикатов...»⁴ В целом, как утверждает Шлезингер, существо политического мировоззрения Т. Рузвельта распадалось на две равные части: первая — контроль и руководство частнокапиталистическим могуществом со стороны государства, и вторая — «помощь индивидууму, брошенному на произвол судьбы в великом обществе»⁵.

¹ А. М. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 27.

² Там же, стр. 21.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Там же, стр. 25.

Жонглируя двумя-тремя цветистыми фразами, Шлезингер грубо фальсифицирует исторические факты. Однако сокрытие истины в вопросе о политическом мировоззрении Теодора Рузвельта и о его политике не может принести успеха историку, пускающемуся в это предприятие. Слишком заметный след в истории буржуазного государства США оставил Теодор Рузвельт — поборник и идеолог политики империалистических захватов, сторонник самых крайних мер насильственного подавления радикальных и социалистических тенденций в рабочем движении¹, который если и говорил о всеобщем братстве и классовой солидарности в США, то делал это с единственной целью одурачить рабочих. В борьбе рабочего класса, в пропагандистской деятельности его руководителей Теодор Рузвельт, еще будучи полицейским комиссаром и губернатором Нью-Йорка, видел реальную угрозу утвердившемуся в США социальному порядку. Демагогия Т. Рузвельта была предназначена для того, чтобы свести до минимума то самое «острое соперничество», которое, по его же собственным словам, было присуще системе социальных отношений в США².

Дальнейший ход рассуждений Шлезингера следующий. После того как Т. Рузвельт завершил свою политическую карьеру, капиталистический прогресс в США был обеспечен появлением на свет «новой свободы» В. Вильсона, вобравшей в себя в результате известной эволюции важнейшие элементы «нового национализма» Т. Рузвельта. Главное же, разумеется, заключалось в том, что как «новая свобода», так и «новый национализм» защищали «необходимость активного вмешательства в экономическую жизнь со стороны государства»³. Мероприятия Вильсона, проведенные в рамках так называемого экономического «регулирования» в ходе войны, представляются Шлезингером как шаги к осуществлению мечты американского «прогрессизма» о торжестве идеи «кооперативного содружества» (*cooperative commonwealth*)⁴, как выражение движения к высшей

¹ *H. L. Hurwitz, Theodore Roosevelt and Labor in New York State. 1880—1900, New York 1943, p. 261—271; J. M. Blum, The Republican Roosevelt, Cambridge 1954, p. 58, 59.*

² *Th. Roosevelt, The Strenuous Life, London 1903, p. 77.*

³ *A. Schlesinger, The Crisis of the Old Order, p. 36.*

⁴ Там же, стр. 41.

«социальной справедливости»¹. О политике Вильсона Шлезингер пишет: «Он (Вильсон.— *Авт.*) ...выступал за сильное правительство, за правительственное регулирование, за вмешательство в определенных размерах на стороне фермера и рабочего, короче, за конструктивную деятельность федерального правительства с целью обеспечить равенство возможностей»².

Следуя за Шлезингером, читатель должен заключить, что Ф. Рузвельту ничего не оставалось сделать, как воспользоваться рецептами его «прогрессистских предшественников, для того чтобы вывести страну из разрушительного кризиса на основе реализации идей прогресса». Не случайно Шлезингер постоянно подчеркивает духовную близость Ф. Д. Рузвельта и других видных деятелей «нового курса» в начальный период их политической карьеры с «прогрессизмом» Т. Рузвельта и в особенности В. Вильсона³.

Что же в действительности составляло сущность политики поборников и столпов «прогрессизма» Т. Рузвельта и В. Вильсона? Являлась ли эта политика актом веры по преимуществу или выражением реальных интересов определенного общественного класса, чье экономическое, политическое и идеологическое господство

¹ A. M. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 42.

² Там же, стр. 38.

³ Подтверждения этой точки зрения нет в работах других буржуазных авторов, для которых характерна более объективная оценка этого периода политической деятельности Ф. Рузвельта. Говоря о деятельности последнего в качестве сенатора штата Нью-Йорк (1910—1912 гг.), Френсис Перкинс пишет: «Я считаю, что в то время Ф. Рузвельт проявил самый незначительный (если вообще об этом стоит говорить) интерес к специальным социальным реформам. Ничто в его частных беседах или действиях не являлось свидетельством обратного» (*F. Perkins, The Roosevelt I Knew*, p. 10—11).

Примерно так же освещает этот вопрос и Д. Флинн (см. *J. T. Flynn, Country Squire in the White House*, New York 1940, p. 10). По мнению Бернса, если и возможно говорить о либеральных взглядах Ф. Д. Рузвельта в предвоенный период в отношении фермерства и рабочего класса, то отнюдь не в плане приверженности Рузвельта к «новой философии государственного управления», а лишь как о реакции на «специальные проблемы, которые, как это казалось Ф. Рузвельту, требовали специального действия» (*J. M. Burns, Roosevelt: the Lion and the Fox*, p. 46). В другом месте Бернс замечает, что «прогрессизм сенатора Рузвельта по сути дела был продиктован в большей степени политическими соображениями, нежели экономическими и социальными мотивами» (там же, стр. 42).

определяло и определяет содержание правительственной политики в США?

Марксистско-ленинское учение о монополистической стадии развития капитализма дает исчерпывающий ответ на эти вопросы. В. И. Ленин писал, что уже в предвоенные годы на базе достигнутой концентрации производства в передовых в экономическом отношении странах (в их число входили и США) проходил процесс постепенного «соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»¹. Первая мировая война в огромных размерах усилила это перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, внесла элементы регулирования в производство и потребление со стороны буржуазного государства. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что при сохранении частной собственности на средства производства эти шаги в направлении государственного регулирования капиталистического производства «неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения...»²

Процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический был исторически обусловлен не только нуждами военного времени, но и всем предшествующим периодом развития капитализма, вступившего в свою монополистическую стадию. В основе этого процесса лежало стремление хозяев буржуазного государства придать большую устойчивость механизму капиталистической экономики в условиях все обостряющихся в эпоху империализма свойственных ей внутренних противоречий. С конца XIX в. экономические кризисы все более и более основательно потрясали экономику США. Вслед за кризисом 1894 г. последовал денежный кризис 1901 г. (итог спекулятивных махинаций финансовых воротил), затем экономические кризисы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 368.

² Там же, стр. 276—277.

1903—1904 гг., 1907—1908 гг., и, наконец, в 1913 г. наметился новый экономический спад, предвещавший собой начало серьезнейшего кризиса¹. Война в Европе вывела экономику США из затруднений.

Все это заставило идеологов американской буржуазии (Герберт Кроли, Джордж Перкинс и др.) уже в начале XX в. заговорить о необходимости вмешательства сверху для устранения противоречий капиталистического производства. Т. Рузвельт и В. Вильсон предприняли в этом направлении некоторые практические шаги. Во время президентства Т. Рузвельта был учрежден департамент торговли и труда, предприняты мероприятия по контролю за деятельностью железных дорог, расширены права межштатной торговой комиссии и т. д. При В. Вильсоне создается система федеральных резервных банков (1913 г.), организуется Управление военной промышленности, конгресс принимает закон Левра о «контроле над продовольствием, сырьем и топливом» (август 1917 г.), создается администрация по продовольствию и топливу, Военно-торговое управление и устанавливается государственный контроль над железными дорогами (декабрь 1917 г.) и т. д.² Но историческая действительность показывает, что это «регулирование экономической жизни» проводилось реакционно-бюрократическим путем, обеспечивающим усиление эксплуатации трудящихся и получение сверхприбылей для монополистов, а отнюдь не удовлетворение требований рабочих и фермеров и соблюдение «общенациональных интересов», как это силится представить А. Шлезингер.

¹ Если в американских экономических кризисах XIX в. падение добычи угля ни разу не превышало 10%, а чугуна — 30%, то в эпоху империализма положение резко меняется: в ходе сравнительно непродолжительного кризиса 1903—1904 гг. с июня по декабрь 1903 г. выпуск стали упал на 51,1%, примерно за тот же период выплавка чугуна упала на 50,6%; в результате кризиса 1907—1908 гг. производство угля упало на 13,4%, чугуна — на 38,2, стали — на 40%. За период с первого полугодия 1913 г. по первое полугодие 1914 г. выплавка чугуна в США упала с 16 349 тыс. т до 12 402 тыс. т (см. «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I, М. 1937, стр. 65, 66, 249, 321).

² Подробнее см. И. А. Белявская, Внутренняя экономическая политика США (1917—1918), М. 1956; *ее же*, Империалистическая сущность «антитрестовского» законодательства Теодора Рузвельта (1900—1905 гг.), «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. III, М. 1957, стр. 156—214; Л. И. Зубок, Очерки истории США (1877—1918), М. 1956, стр. 267—318, 469—472.

Вот некоторые данные. Реальная заработная плата рабочих, занятых только в обрабатывающей промышленности США, с 1892 г. обнаруживает постоянную тенденцию к понижению (временами весьма значительному). Вплоть до 1916—1918 гг. уровень 1892 г. достигнут не был¹. При этом во всех без исключения отраслях сохранялся чрезвычайно продолжительный рабочий день, достигавший в отдельных случаях 12—13 часов и выше², быстро росла интенсификация трудовых процессов. В то же время только за период с 1909 по 1916 г. доходы корпораций выросли более чем вдвое³.

Таким образом, «прогрессизм» Т. Рузвельта и В. Вильсона — это проявление вызревания государственно-монополистического капитализма в США со всеми вытекающими отсюда последствиями как для монополистической буржуазии, так и для трудящихся масс. Но это одна сторона вопроса.

Другая же заключается в том, что «социальный реформизм» Т. Рузвельта, В. Вильсона и других «прогрессистов» являлся реакцией правящего класса на подъем рабочего и общедемократического движения. В обстановке развивавшегося антимонополистического движения и подъема борьбы рабочего класса появились реальные признаки взрыва двухпартийной системы и образования третьей партии. Выросла политическая сознательность рабочего класса. 1905—1914 годы У. Фостер характеризует как период наивысшего подъема деятельности социалистической партии США⁴. В предвоенные годы в США развернулись ожесточенные стачечные бои рабочих. В 1900 и 1902 гг. бастовали горняки антрацитовых бассейнов. В 1907 г. вспыхивает крупнейшая стачка горняков штата Невада. В 1909, 1910, 1912 гг. наиболее значительные стачки были проведены швейниками Нью-Йорка и текстильщиками Лоуренса. В 1913—1914 гг. внимание общественности США было приковано к героической забастовке горнорабочих компании

¹ P. H. Douglas, *Real Wages in the United States, 1890—1926*, Boston 1930, p. 246—247.

² См. «United States Department of Labor. *History of Wages in the United States from Colonial Times to 1928*», Washington 1934.

³ «Economic Almanac, 1956», New York 1956, p. 424.

⁴ W. Z. Foster, *History of the Communist Party of the United States*, p. 107.

Рокфеллера в Колорадо. С 1900 по 1914 г. общее количество членов профсоюзов в США выросло с 868 500 до 2 716 900¹. В 1905 г. возник основанный на принципах революционной классовой борьбы боевой союз «Индустриальные рабочие мира». Социалистическая партия США, насчитывавшая в первый год своего существования (1901 г.) несколько тысяч человек, по данным Кипниса, имела в 1912 г. примерно 150 тыс. членов². Уже в 1907 г. 330 тыс. членов профсоюзов АФТ выступило в поддержку резолюций социалистической партии. На съезде АФТ в 1912 г. четверть всех делегатов являлись членами социалистической партии³. На выборах 1912 г. кандидат социалистической партии Ю. Дебс получил около 900 тыс. голосов. Руководитель избирательной кампании - демократической партии полковник Харвей считал, что, не будь конкуренции так называемой «прогрессивной» партии Т. Рузвельта, Дебс получил бы дополнительно 500 тыс. голосов⁴. В 1912 г. США вступили в полосу общеполитического кризиса. В статье, посвященной итогам президентских выборов 1912 г. в США, В. И. Ленин писал: «Мировое значение американских выборов состоит не столько в том, что сильно возросло число социалистических голосов; — значение американских выборов состоит в величайшем кризисе буржуазных партий, в поразительной силе, с которой выступило их разложение. Наконец, значение выборов — необычайно ясное и яркое выступление буржуазного реформизма, как средства борьбы против социализма...

Вся программа, вся агитация Рузвельта и «прогрессистов»⁵ ведется вокруг того, как бы спасти капитализм посредством... буржуазных реформ...

— Мы спасем капитализм реформами — говорит эта партия. — Мы дадим самое передовое фабричное законодательство. Мы введем государственный контроль за всеми трестами (в Америке это значит за всей промышленностью!). Мы введем государственный контроль за

¹ Л. И. Зубок, Очерки истории США, стр. 329.

² J. Kipnis, The American Socialist Movement, New York 1952, p. 364.

³ Там же, стр. 343.

⁴ Там же, стр. 368.

⁵ В. И. Ленин имел в виду созданную летом 1912 г. новую «прогрессивную» партию, возглавляемую Т. Рузвельтом.

ними, чтобы не было нищеты, чтобы все получали «приличную» заработную плату. Мы установим «социальную и промышленную справедливость». Мы клянемся и божимся *всеми* реформами... мы не хотим только *одной* «реформы»: *экспроприации капиталистов!*»¹.

«Мнимый героизм» (mock heroics — это определение принадлежит Роберту Лафоллету) «борца» против трестов Т. Рузвельта хотя и был обусловлен все возрастающей напряженностью внутривластной борьбы в США, ростом рабочего и демократического движения, но тем не менее защищал интересы тех же трестов. Это было очевидно для представителей в известном смысле «классических» направлений в американской буржуазной историографии (Ч. Бирд, Д. Коммонс). Д. Коммонс и его сотрудники, например, анализируя развитие АФТ в начале XX в. писали, что «в 1912, 1913 гг. создалось впечатление, что близок глубокий сдвиг в рабочем движении». Далее авторы той же работы констатировали: «Начиная с 1900 г. социализм быстро распространялся в рядах рабочего класса»².

Ч. Бирд, подчеркивая рост рабочего и в особенности социалистического движения в предвоенные годы, отмечал в 1915 г., что «несколько раз во время своего пребывания на посту президента Т. Рузвельт предупреждал капиталистов, что реформы будут той ценой, которую необходимо заплатить, чтобы спасти себя от социалистической революции»³. И в ряде более поздних обобщающих работ американских буржуазных историков проводится та же мысль⁴.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 373—375.

² J. R. Commons and others, History of Labor in the United States, vol. II, New York 1921, p. 523, 532.

³ Ch. A. Beard, Contemporary American History, 1877—1913, New York 1915, p. 303—304.

⁴ R. V. Harlow, A History of the United States, New York 1934, p. 582, 584, и др.; L. M. Hacker and B. B. Kendrick, The United States since 1865, New York 1933; F. A. Ogg, National Progress, 1907—1917, New York 1918; W. E. Walling, American Labor and American Democracy, New York — London 1926, p. 27—52).

Работы ряда буржуазных биографов, опубликованные вскоре после смерти Т. Рузвельта, независимо от их желания, также свидетельствуют о том, что в основе социальной демагогии Т. Рузвельта лежала боязнь растущего рабочего и социалистического движения (H. F. Pringle, Theodore Roosevelt, New York 1931; H. F. MacCaleb, Theodore Roosevelt, New York 1931).

Однако А. Шлезингер предпочитает всего этого не замечать. Хотя он и делает попытку к самостоятельному осмысливанию ряда явлений в историческом развитии США (противоречия в экономике страны, положение трудящихся масс, кризис буржуазной идеологии и т. д.), это не мешает ему следовать по существу по пути, проторенному апологетами американской «исключительности», упорно продолжающими твердить на манер Луиса Харца¹ об отсутствии каких-либо революционных традиций в США, о «монолитном либеральном обществе», о бесплодности на американской почве как консерватизма, так и социализма, о «неодолимости прогрессизма» в США и т. д.

В свое время К. Маркс называл подобные лжетеории о гармонии классовых интересов в буржуазном обществе «мечтательным стремлением возвыситься над классовой борьбой»². Ныне же это «мечтательное стремление» выступает как преднамеренная попытка скрыть эксплуататорскую сущность современного капитализма.

Теория «демократического прогресса» используется новейшими буржуазными историографами «нового курса» еще и потому, что она, по их мнению, позволяет определить как истоки кризиса 1929—1933 гг., так и средства к его преодолению. Наиболее отчетливо это выявилось в работах А. Шлезингера и Б. Бэллаша.

Шлезингер с нескрываемым осуждением описывает «эру бизнеса» (так он именуется период частичной стабилизации капитализма) с ее спекулятивной горячкой, откровенно реакционной налоговой политикой правительства, ростом баснословных прибылей на одном полюсе и низкой покупательной способностью широких трудящихся масс — на другом. Шлезингер утверждает, что благодаря приходу к власти после поражения В. Вильсона республиканской партии и забвению ею принципов «прогрессизма» в системе отношений между частным капиталом и государственной властью произошел коренной перелом — бизнес подчинил себе правительство³. Вину за разрушительный кризис, обрушившийся на страну осенью 1929 г., Шлезингер также возлагает

¹ L. Harts, *The Liberal Traditions in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution*, New York 1954.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 18.

³ А. М. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 59, 63.

на республиканскую партию Кулиджа и Гувера, на политику, которая базировалась, по его мнению, на ошибочных представлениях консервативных лидеров, не потрудившихся направить развитие производительных сил по нужному руслу «регулируемой экономики». Правящая республиканская партия, говорит Шлезингер, в лице ее руководства отстаивала концепцию «твердого индивидуализма» и поддерживала лишь финансовую олигархию. «Результатом явилась классовая и национальная катастрофа»¹. Шлезингер полагает, что «каждый должен признать тот факт, что кризис 1929 г. можно было бы предотвратить путем проведения благоразумной национальной политики»². Здесь утверждения Шлезингера смыкаются с выводами Ч. Бирда о возможности оздоровления капиталистической экономики путем государственного вмешательства³. Жизнь, как известно, показала беспочвенность этих выводов.

Критикуя методы государственного руководства в годы временной стабилизации капитализма, Шлезингер не ставит перед собой задачу пропаганды ниспровержения могущества финансовой олигархии. Отнюдь нет. Критика Шлезингера касается не основ этого могущества, а лишь отдельных неприглядных с точки зрения либерального буржуа его сторон. Сетуюя по поводу неосмотрительности правящей в годы частичной стабилизации капитализма республиканской партии, представляющей интересы финансовой олигархии, и упрекая ее за отсутствие должного благоразумия в экономической политике, Шлезингер недвусмысленно намекает, к каким нежелательным последствиям для господства тех же финансовых магнатов могло повести умножение результатов этой, с его точки зрения недалеконovidной, политики. Цели, которые преследует Шлезингер, осуждая политику правящих кругов США в 20-е годы с позиций «прогрессизма», с достаточной очевидностью демонстрируют реакционный характер этой критики.

По Шлезингеру, причина кризиса 1929—1933 гг. коренилась не в главном противоречии капитализма, порождающем циклические кризисы перепроизводства,—

¹ А. М. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 165.

² Там же, стр. 166.

³ «America Faces the Future», ed. Ch. A. Beard, Boston 1932.

противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения, а в «недалекой» политике лидеров правящей партии. В действительности же эта «ошибочная» политика не являлась монополией лидеров республиканской партии, а отражала (и в определенном смысле безошибочно) интересы господствующего класса. Что касается методов проведения этой политики в период капиталистического «процветания», трудно установить какие-либо различия между лидерами республиканцев, стоявших у кормила власти, и демократов, в том числе и тех, которых было принято считать сторонниками «прогрессизма».

Ф. Рузвельт, ставший к тому времени влиятельным деятелем демократической партии, считал необходимым отбросить все разговоры о реформах¹, ибо само это слово вызывало ненависть магнатов капитала. Принципы политического руководства, изложенные в выступлениях будущего президента США республиканца Гувера, находили у него полное одобрение. Программа демократической партии на президентских выборах 1924 г. ничем не отличалась от платформы республиканской партии. Во время избирательной кампании кандидат демократов Дэвис, по словам Ф. Фрейделя, «соревновался с Кулиджем только в объявлении движения Лафоллета угрозой радикализма»². Ф. Рузвельт также публично включился в этот поход против антимонополистического по своему характеру движения Лафоллета, видя в нем реальную опасность для двухпартийной системы³. «Демократическая партия,— заявил тогда Ф. Рузвельт — ...не является и, я надеюсь, никогда не будет радикальной партией»⁴.

В то время Ф. Рузвельт не более других буржуазных политических деятелей имел представление о грядущей экономической катастрофе в США и не разделял никаких сомнений в отношении устойчивости американской экономики. Это признают и Ф. Фрейдел и Б. Бэллэш⁵. Когда же 24 октября 1929 г. фондовую

¹ *F. Freidel, The Ordeal*, p. 94.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, стр. 182.

⁴ Там же, стр. 204.

⁵ *F. Freidel, The Triumph*, p. 84, 85; *B. Bellush, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York*, p. 126.

биржу в Нью-Йорке охватила паника, Ф. Рузвельт, точно так же как это делали Гувер и Меллон, заявил: «Мне неизвестно в деталях сложившееся положение, но я твердо верю, что основные позиции промышленности и торговли остаются прочными»¹.

Все эти факты лишней раз показывают, что нет оснований принимать тот вывод, к которому пытается подвести читателя Шлезингер, критикуя внутреннюю политику правящей республиканской партии во главе с Кулиджем и Гувером и противопоставляя ей «разумный» политический курс «прогрессизма», проводника которого Шлезингер начинает видеть в демократической партии. В годы временной стабилизации капитализма в США с сопутствующим ей усилением политической реакции, наступлением капитала на права трудящихся и временным спадом рабочего и фермерского движения буржуазный реформизм оказался ненужным и был выброшен за борт не без помощи его былых приверженцев.

Б. Бэллэш не случайно избрал темой своего исследования деятельность Ф. Рузвельта в качестве губернатора штата Нью-Йорк (1928—1932 гг.). Все изложение подчинено основной идее автора: мероприятия «нового курса», в особенности в части социального законодательства, проводились независимо от характера и степени развития классовой борьбы в стране в 30-е годы и якобы представляют собой результат последовательного развития «прогрессистских» устремлений левых лидеров американской буржуазии, т. е. практически следствие того, что В. И. Ленин называл «либеральным реформизмом»². Суть же пропаганды либерального реформизма, как известно, заключается в доказательстве его надклассового характера, возможности в условиях капиталистического общества добиться серьезных социальных реформ без классовой борьбы.

Для подтверждения своего основного тезиса Б. Бэллэш использует далеко не новый прием: он по существу полностью игнорирует реальную обстановку, сложившуюся в стране в результате кризиса 1929—1933 гг. и реакционной политики правительства Гувера. В книге Бэллэша читатель не найдет и сколько-нибудь связного рассказа об экономическом и политическом положении

¹ F. Freidel, The Triumph, p. 86.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 293, 345 и др.

в штате Нью-Йорк, в штате, где в силу объективных условий угроза голода для миллионов безработных была наиболее реальной и где борьба масс приобрела исключительно острый характер. Основное место в работе автор уделяет показу законодательной инициативы губернатора Ф. Рузвельта, в которой он усматривает первые шаги в реализации программы «нового курса» и подчеркивает ее сходство с деятельностью предшественника Ф. Рузвельта на посту губернатора лидера демократов А. Смита. «Семена «нового курса»,— пишет Бэллаш,— были впервые посеяны человеком, прошедшим школу Таммани-Холла.. Альфредом Смитом. Однако в дальнейшем он расцвел под конструктивным и уверенным руководством воспитанника Гарварда, прагматиста, который посвятил свою политическую карьеру задаче стать президентом США»¹.

В качестве окончательного вывода ко всей работе Бэллаш заявляет, что мероприятия «нового курса» Рузвельта, способствовавшие «сохранению системы свободного предпринимательства», «оживившие демократию» в США и остановившие рост радикальных движений в стране, явились прямым продолжением «позитивной программы, развитой Ф. Рузвельтом в течение четырех лет его деятельности на посту губернатора»². Бэллаш стремится убедить читателя, что «конструктивная» программа, проводимая Ф. Рузвельтом в штате Нью-Йорк, уже с 1928 г. являла собой прямую противоположность политике правящей республиканской партии³. Свой вывод Бэллаш аргументирует активностью Ф. Рузвельта в области социального обеспечения и вообще рабочего законодательства, наличием у Рузвельта «динамической фермерской программы»⁴ и проведением в штате тюремной реформы.

¹ *B. Bellush, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York, p. 282.*

² Там же, стр. 284—285.

³ Ряд других авторов придерживается той же точки зрения. Ф. Перкинс, например, пишет, что «избирательная платформа Ф. Рузвельта на выборах 1928 г. была платформой социальной реформы и рабочего законодательства». Это утверждение, оставленное без доказательств, должно, очевидно, приниматься читателями на веру (*F. Perkins, The Roosevelt I Knew, p. 47*).

⁴ *B. Bellush, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York, p. 283.*

Однако факты показывают несостоятельность аргументации Бэллаша. Известно, что платформа демократической партии на выборах губернатора штата Нью-Йорк в 1928 г. была более чем умеренной и почти не отличалась от программы республиканских кандидатов в губернаторы штата и президенты США. Наиболее радикальными пунктами программы Ф. Рузвельта являлись обещания о введении 48-часовой рабочей недели для женщин и детей, занятых на производстве, и «изучение проблемы пенсий по старости». Фермерская часть программы включала лишь «поддержку мероприятий, способствующих сельскохозяйственному просвещению»¹. Остановливаясь на избирательной кампании 1928 г., предшествовавшей выборам губернатора Нью-Йорка и президента США, Ф. Фрейдел во втором томе своего обширного исследования о Ф. Рузвельте отмечает, что соперничающие между собой группы буржуазии не делали различия между республиканцами и их номинальными политическими противниками — демократами. Две влиятельные нью-йоркские буржуазные газеты «New York Sun» и «New York Telegraph» поддерживали с равным энтузиазмом кандидатуры республиканца Гувера на выборах президента и демократа Ф. Рузвельта на выборах губернатора штата Нью-Йорк².

Действительное отношение губернатора Ф. Рузвельта к центральной внутривнутриполитической проблеме США в период кризиса — к вопросу о безработице — также не подтверждает выводы Б. Бэллаша. Вплоть до конца 1930 г. Ф. Рузвельт, будучи губернатором штата, где рост безработицы являлся едва ли не рекордным для США, в вопросе о помощи и социальном страховании по безработице занимал позицию, аналогичную позиции федерального правительства³. На практике это означало принятие тезиса Гувера о том, что помощь безработным входит единственно лишь в компетенцию частной благотворительности и муниципальных властей. В конце 1930 г., после того как по стране прокатилась широкая

¹ F. Freidel, *The Ordeal*, p. 263; B. Bellush, *Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York*, p. 11.

² F. Freidel, *The Ordeal*, p. 257.

³ Об этом весьма авторитетно свидетельствуют материалы, приводимые Ф. Фрейделем (*F. Freidel, The Triumph*, p. 135).

волна демонстраций и митингов безработных, Ф. Рузвельт впервые заявил о необходимости введения системы социального страхования по безработице в штатах путем создания рабочими и предпринимателями объединенных фондов. Но от сочувственных заявлений до проведения конкретных мероприятий было еще далеко. В то время Ф. Рузвельт не показал себя заинтересованным в скором осуществлении подобных мероприятий.

Сложившаяся внутривластная обстановка тогда не вызвала серьезных опасений у Рузвельта и его единомышленников. К началу 1931 г. движение безработных, несмотря на свою массовость, было все еще слабым в организационном отношении, многие крупнейшие профсоюзы еще не определили свою позицию, а реакционное руководство АФТ упорно продолжало настаивать на неприемлемости системы социального страхования для американских рабочих¹. Со своей стороны лидеры обеих буржуазных партий рассчитывали на скорое восстановление деловой активности, на спад движения безработных, что позволило бы, по их мнению, избежать принятия законодательства о помощи и социальном страховании. Не случайно участники созванной в январе 1931 г. по инициативе Ф. Рузвельта конференции губернаторов семи промышленных штатов согласились не предпринимать «никаких акций, связывающих их или представляемые ими штаты с какой-либо программой страхования по безработице»².

И наконец, тот же Б. Бэллэш, владея в противоречие с собственными выводами, приводит факт об отказе Ф. Рузвельта поддержать законопроект о постоянной системе социального страхования по безработице,

¹ «American Federation of Labor. Report of Proceedings of the 51-st Annual Convention held at Vancouver (Canada 1931)», Washington 1931, p. 162.

² «Proceedings of the Conference on Unemployment and other Interstate Industrial Problems by Governors of Massachusetts, Rhode Island, Connecticut, New Jersey, Pennsylvania, Ohio and New York», Albany 1931, p. 101. Что касается руководства демократической партии, то оно сразу же после ноябрьских выборов 1930 г. в конгресс официально заверило Гувера в поддержке внутривластного курса правительства (B. Rauch, The History of the New Deal, 1933—1938, New York, 1944, p. 16.).

внесенный в 1931 г. в Законодательное собрание штата Нью-Йорк сенатором-республиканцем Мاستиком. Бэллэш склонен объяснять этот факт, как и многие другие, интригами руководства республиканской партии в штате¹.

Что же касается организации в марте 1930 г. в штате Нью-Йорк комитета по стабилизации промышленности, в функции которого входило обеспечить работой трудоспособное население штата, то его образование следует поставить в прямую связь с гигантской общенациональной демонстрацией безработных 6 марта 1930 г., в которой приняло участие 1250 тыс. человек. Впрочем деятельность этого комитета была столь же «эффективна», как и деятельность учрежденного в октябре 1930 г. Чрезвычайного комитета при президенте США по вопросам занятости, предоставившего, по словам журнала «Nation», «больше работы для публицистов, бумагопроизводителей... и чернильных фабрикантов, нежели для строительных рабочих»².

Бэллэш пишет о «прагматическом подходе» губернатора Ф. Рузвельта к вопросам помощи безработным в отличие от «сдерживающих» действий консерваторов — республиканцев и наряду с этим приводит факты, которые свидетельствуют о полном банкротстве системы помощи в штате Нью-Йорк, опиравшейся лишь на частную благотворительность³.

В книге в розовых тонах расписывается аграрное законодательство губернатора Ф. Рузвельта, предпринятое, по утверждению автора, с целью «поднять жизненный уровень и доходы фермеров до уровня городских рабочих»⁴. В действительности это законодатель-

¹ *B. Bellush*, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York p. 189, 190.

² «Nation», 17.VI. 1931, p. 657.

³ *B. Bellush*, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York, p. 145, 146. В качестве примера чуть ли не героических усилий губернатора Ф. Рузвельта автор указывает на тот факт, что в 1931 г. 20 тыс. безработных было занято на строительстве дорог, проводимом под наблюдением департамента общественных работ штата. Действительная значимость этой цифры совершенно ничтожна, ибо в штате к этому времени насчитывалось уже свыше 1 млн. безработных (там же, стр. 134, 135, 137, 139).

⁴ *B. Bellush*, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York, p. 102. Автор не замечает, в какое нелепое положение он попа-

ство, касавшееся третьестепенных вопросов и не включавшее ни одного из важнейших требований фермерства¹, никак не могло улучшить положение фермерства штата Нью-Йорк, как это пытается представить Бэллэш². Автор сам, очевидно, не считает правдоподобными эти утверждения, ибо, подводя итог своей работы, он, в частности, замечает, что «динамическая программа» губернатора Ф. Рузвельта «не решала фундаментальных проблем», стоявших перед фермерством³.

В книге Б. Бэллэша, несмотря на противоречивость ряда утверждений, проводится мысль, что у Ф. Рузвельта как у представителя «прогрессистского» направления в отличие от республиканской администрации Гувера уже к началу кризиса в общих чертах сложилась та позитивная программа деятельности, которая впоследствии нашла свое отражение в «новом курсе» и которую он стремился проводить в жизнь, находясь на посту губернатора штата Нью-Йорк. Несоответствие этого тезиса с реальными фактами, его тенденциозность столь очевидны, что его не решается отстаивать тот же Ф. Фрейдел, с похвалой отзывающийся о книге Б. Бэллэша. В третьем томе своего исследования Ф. Фрейдел пишет: «В ходе кампании 1928 г. не существовало большой разницы во взглядах Гувера и Рузвельта, и даже вплоть до кампании 1932 г. как президент Гувер, так и губернатор Рузвельт отстаивали по существу один и тот же принцип ограниченного правительственного вмешательства в ход событий, порожденных кризисом. Вплоть до этого момента (т. е. до

дает, делая подобное заявление. Ведь жизненный уровень рабочего класса США даже в период пресловутого «просперити» был невысок, а в годы кризиса его характеризовали крайняя нищета и последовательная пауперизация. Достаточно сказать, что бродяжничество среди рабочего класса США приняло огромные размеры: в 1932 г., по самым приблизительным подсчетам, число рабочих, уделом которых стало бродяжничество, достигало 2 млн. («Congressional Record,» Senate, 3.VI. 1932, p. 11880).

¹ Сюда относились: мораторий на ипотечную задолженность, аннулирование налоговых недоимок, прекращение принудительных распродаж ферм за неуплату задолженности и т. д.

² *B. Bellush, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York, p. 102.*

³ Там же, стр. 283.

1932 г.— *Авт.*) соперничество между ними проходило в большей степени по линии политических соображений и личных качеств, чем по линии спорных проблем»¹. Бернс в своей книге приходит к аналогичному выводу².

Мы подошли, таким образом, вплотную к вопросу о том, как освещаются в новейших буржуазных исследованиях о «новом курсе» непосредственные побудительные причины обращения правящих кругов США к программе реформ, предусмотренных «новым курсом» Ф. Рузвельта. Практически речь идет о характере и степени развития классовых противоречий в США в годы экономического кризиса, о роли и значении борьбы народных масс в политических событиях, развернувшихся в США в один из самых острых периодов истории страны.

В отображении политической ситуации, сложившейся в США в результате кризиса, в работах буржуазных авторов весьма отчетливо выявляются два метода: первый состоит в неприкрытом искажении или даже в полном игнорировании важнейших исторических фактов и событий, которые определяли остроту сложившейся обстановки в стране, в нежелании показать положение трудящихся масс, их борьбу в защиту своих интересов, а также реакционную политику правящих кругов. Второй метод заключается в том, что хотя исторические события, факты и признаются, но под покровом научной объективности протаскивается мысль об инертности рабочего класса и фермерства, пассивном характере их сопротивления реакционной политике правящих кругов, отсутствии с их стороны самостоятельных действий при отстаивании своих политических и экономических требований.

К числу сторонников первого метода можно отнести Робинсона, Бернса, Фрейделя. Робинсон вообще предпочитает не касаться вопросов, связанных с положением и борьбой трудящихся масс, и утверждает, что

¹ *F. Freidel, The Triumph, p. 323.*

² *J. M. Burns, Roosevelt: the Lion and the Fox, p. 125.*

нет никаких оснований полагать, что «народ или Рузвельт понимали все значение и характер экономического кризиса»¹. Выступления многих тысяч безработных, проходившие ежедневно в городах США, квалифицируются Робинсоном как «незначительные столкновения между коммунистами и полицией»². Ему вторит Бернс. «Годы Гувера, — пишет он, — были периодом социального спокойствия. Казалось, депрессия ввергла народ в состояние политической и экономической инертности»³. В другом месте Бернс заявляет, что «в годы кризиса в США не наблюдалось каких-либо бурных событий. Было очень немного мятежных выступлений и даже стачек. Казалось, американский народ пребывает в состоянии оцепенения. Или, может быть, народ просто ждал — ждал поворота, который всегда случался во время прошлых депрессий, а возможно, ждал своего вождя, чтобы приступить к активному действию»⁴.

Приход Рузвельта к власти и судьба «нового курса» были решены независимо от реального соотношения классовых сил, а единственно лишь в итоге благоприятного для Рузвельта стечения обстоятельств в ходе складывания внутрипартийных комбинаций и развития межпартийной борьбы — таков вывод Бернса. «Совершенно неожиданно для себя самого новый президент выступил в качестве повивальной бабки при возрождении рабочего движения»⁵, — ничтоже сумняшеся, заявляет Бернс. По его словам, именно реформизм Рузвельта побудил рабочих, а равно и все остальное население США к активному действию⁶. «Вождь» пришел.

По Робинсону, все обстояло еще проще: победа Ф. Рузвельта была обеспечена благодаря... расколу в республиканской партии. «Если бы республиканская партия в конгрессе, — заявляет Робинсон, — твердо поддерживала Гувера, общественное недоверие по отношению к последнему было бы уменьшено. Вполне вероятно, что в этом случае страна смогла бы преодолеть кризис... Если бы республиканская партия была бы единой, в

¹ *E. E. Robinson, The Roosevelt Leadership*, p. 69.

² Там же, стр. 52.

³ *J. M. Burns, Roosevelt: the Lion and the Fox*, p. 209.

⁴ Там же, стр. 124.

⁵ Там же, стр. 215.

⁶ Там же.

оппозиционной партии не было бы условий для выдвижения кандидата, основное качество которого заключалось в его политической пригодности. Таким кандидатом был Ф. Рузвельт»¹. Следовательно, политический курс, отстаиваемый Гувером, смог бы восторжествовать и даже разрешить все стоящие перед страной трудности, стоило только «инсургентам» из числа республиканских членов конгресса быть посговорчивее с президентом². Читатель не найдет в книге Робинсона сколько-нибудь подробного и достоверного анализа позиций основных классов американского общества в отношении возникших экономических и политических проблем. Когда же Робинсон приводит высказывания того или иного политического деятеля, характеризующие политическую обстановку в США, то это делается лишь в качестве иллюстраций к описанию острой межпартийной борьбы во время избирательной кампании 1932 г.

Внимание Ф. Фрейделя всецело в сфере политических комбинаций и внутривнутрипартийных интриг. Весь вопрос, связанный с выдвижением кандидатуры Ф. Рузвельта и принятием его программы, освещается Фрейделем именно под этим углом зрения³. Приводя ряд интереснейших документов из архива Ф. Рузвельта, Фрейдел не считает нужным серьезно анализировать их, ключ же для решения всей проблемы он усматривает в «оптимистическом динамизме» идей «прогрессизма», воплотившихся в мировоззрении Франклина Д. Рузвельта.

Несколько более осторожен в оценке предпосылок «нового курса» Д. Перкинс, считающий необходимым учитывать, в частности, «значительные изменения в соотношении сил между наиболее важными группами» в США в этот период. В этой связи Д. Перкинс указы-

¹ *E. E. Robinson, The Roosevelt Leadership*, p. 61.

² По существу это повторение известного тезиса буржуазных историков о наличии непримиримого конфликта между исполнительной властью в лице президента Гувера и законодательной инициативой конгресса. Но обычно дело представляется так, что конгресс смог бы принести облегчение народным массам, если бы не противодействие Гувера. Однако и в том и в другом случае ссылки буржуазных историков на «борьбу» между исполнительными и законодательными органами власти США используются ими лишь для оправдания фактического отказа американских правящих кругов облегчить в какой-либо степени тяжелое положение трудящихся в годы кризиса.

³ *F. Freidel, The Triumph*, p. 291—322.

вает на усиление политических позиций рабочего класса и фермерства¹. Однако это не мешает ему утверждать в категорической форме через две страницы, что на выборах 1932 г. американские избиратели «не показали себя настроенными сколько-нибудь радикально»².

Выше уже говорилось, что в новейшей буржуазной исторической литературе по «новому курсу» различимы два метода в отображении роли народных масс в историческом процессе. Представителем второго метода, совмещающего признание ряда общеизвестных фактов с их предвзятым, а зачастую откровенно ложным, истолкованием, выступает уже известный нам А. Шлезингер. Борьбе самого рабочего класса за его экономические и социальные права Шлезингер отказывает в самостоятельном значении. Он пишет, что если в 20-х годах монополии и шли на уступки рабочим, то лишь под влиянием деятельности таких «друзей» рабочего класса, как «прогрессисты» Д. Норрис, Ф. Франкфуртер, Ф. Лагардиа и др.³ В главах, относящихся к периоду кризиса 1929—1933 гг., Шлезингер хотя и показывает ряд крупных выступлений безработных и констатирует наличие пропасти «между официальным настроением в Вашингтоне и состоянием людей на улицах городов и в деревне...»⁴, тем не менее заявляет, что рабочее движение оказывало самое незначительное сопротивление наступлению капитала⁵. Только в 1932 г., пишет Шлезингер, появились «признаки негодования». Впервые начинали «подниматься горькие чувства (как деликатно выражается Шлезингер!) против богатых и респектабельной публики»⁶. Шлезингера не смущает то обстоятельство, что, делая подобное заявление, он впадает в противоречие с фактами, которые он сам же приводит в других местах. На стр. 264, например, читаем: «Правительство заметило новое беспокойство. В 1931 г. оно выступило против сокращения наземных вооруженных сил, ибо это сокращение могло бы умень-

¹ *D. Perkins, The New Age of Franklin D. Roosevelt*, p. 2—3.

² Там же, стр. 5.

³ *A. Schlesinger, The Crisis of the Old Order*, p. 117.

⁴ Там же, стр. 172, 173.

⁵ Там же, стр. 191.

⁶ Там же, стр. 260.

шить нашу способность поддерживать внутренний мир и порядок»¹.

Искажая характер рабочего движения в годы кризиса путем отождествления его со штрейкбрехерской позицией реакционных лидеров АФТ, Шлезингер дает крайне противоречивую оценку и фермерскому движению. Он приводит многочисленные высказывания различных политических деятелей, свидетельствующие о росте недовольства среди фермеров², и в то же время уклоняется от рассмотрения боевых фермерских выступлений, заявляя, что только меньшинство фермеров было готово принять участие в активных формах борьбы³. Не вызывает сомнения, что сам Ф. Рузвельт был куда более последовательным в оценке фермерского движения, когда осенью 1933 г. писал в частном письме о положении в сельскохозяйственных штатах Запада: «...Запад бурлит в волнениях...» На этом основании Рузвельт считал необходимым проведение радикальных реформ для фермерства⁴.

Характеризуя деятельность Компартии США по организации и руководству борьбой безработных в годы кризиса, Шлезингер, подобно Робинсону, идет вслед за реакционными буржуазными политиками типа Гамильтона Фиша, клеветнически утверждавшими еще в 30-х годах, что коммунисты в своей работе преследуют единственную цель — провокацию кровавых столкновений с полицией. Однако Шлезингер вынужден констатировать определенный рост влияния Компартии в рабочем классе в тот период, в особенности в массах безработных. Он заключает: «В случае неудачи либералов-прагматистов (к их числу Шлезингер относит и Ф. Рузвельта) коммунизм неизбежно привлеч бы на свою сторону все больше и больше людей...»⁵

Стремление уйти от трезвого учета реальной политической обстановки со стороны буржуазных авторов

¹ A. M. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 264.

² Шлезингер приводит, в частности, высказывание президента Национального фермерского союза Симпсона, заявившего в разгар экономического кризиса: «Я чувствую, капиталистическая система обречена. Эта система основывается на принципах жестокости, обмана и жадности» (там же, стр. 274).

³ Там же, стр. 276.

⁴ «F. D. R., His Personal Letters», vol. I, p. 366.

⁵ A. M. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 231.

последних работ по «новому курсу» очевидно, а его классовый смысл понятен, какими бы софизмами и квазинаучными оборотами оно ни прикрывалось. Вскрытие действительных причин обращения правящих кругов США к новому курсу во внутренней политике, к серии мероприятий, объединяемых одним общим понятием буржуазной «социальной политики», неминуемо ведет к объяснению, какие общественные силы стояли за реформизмом Рузвельта, чем была вызвана его необходимость с точки зрения реальных интересов господствующего класса.

Какой же характер носило развитие классовой борьбы в США в период экономического кризиса? Чем он определялся?

Экономический кризис 1929—1933 гг., охватив все области американской экономики, принес небывалое по масштабам обнищание самым широким трудящимся массам страны, в особенности промышленным рабочим, бедным и средним фермерам. Число безработных в промышленности достигло 17 млн. О темпах роста безработицы свидетельствует тот факт, что уже в феврале 1930 г. количество безработных в США составляло 40% мировой безработицы (по данным, которые приводились в конгрессе)¹. Сотни тысяч рабочих семей оказались на грани голодной смерти. По приблизительным подсчетам, в годы кризиса в городах США от 30 млн. до 35 млн. человек (включая членов семей безработных) были полностью лишены средств к существованию и нуждались в немедленной помощи². Положение трудящихся усугублялось еще и тем обстоятельством, что республиканское правительство Гувера, поддерживая монополии, отказалось от введения системы социального страхования по безработице и от оказания сколько-нибудь достаточной прямой помощи семьям безработных. Гувер неоднократно заявлял, что вмешательство федерального правительства в вопрос о помощи нуждающимся противоречит принципам «американского индивидуализма»³.

¹ «Congressional Record», Appendix, 28.IV. 1930, p. 8198.

² «Congressional Record», Senate, 22.XII. 1932, p. 905.

³ «State Papers and other Public Writings of Herbert Hoover», collected and edited by W. S. Myers, vol. I, New York 1934, p.400, 502, 504, 579.

В чрезвычайно тяжелом положении оказалось американское фермерство, которому экономическая катастрофа 1929 г. принесла дальнейшее обострение начавшегося после первой мировой войны аграрного кризиса и усиление гнета монополистических объединений. Валовой доход фермеров в США упал с 13 832 млн. долл. в 1929 г. до 6400 млн. долл. в 1932 г., т. е. более чем наполовину¹. Количество принудительных распродаж фермерской собственности за неуплату задолженности всех видов составляло на каждую тысячу ферм в 1929 г.— 19,5, а в 1932—41,7².

Имеются самые различные свидетельства того бедственного положения, в котором оказался народ США в результате кризиса и реакционной политики монополистического капитала. В феврале 1931 г. корреспондент консервативной лондонской газеты «Daily Telegraph» сообщал из Нью-Йорка: «За всю свою жизнь я никогда не видел такой нужды, какая существует здесь сегодня, нужды среди богатства. Сегодня здесь больше нищеты на квадратную милю, чем в любом другом городе за пределами США»³. Конгрессмен Макгугин заявил в палате представителей в июне 1932 г.: «...человеческое бедствие в Соединенных Штатах достигло такой степени, когда оно стало фактически невыносимым»⁴. Его коллега Эрк, выступая 13 июля 1932 г., говорил, что «Америка находится в состоянии войны, хотя и не слышно треска выстрелов, сверху не падают бомбы и нет кровопролития. Безработица и голод — главные враги Америки в этой войне... Нация оказалась неподготовленной к тому, чтобы совладать с этим бедствием...»⁵ Эрк настаивал на немедленном решении проблемы безработицы, мотивируя это тем, что «если люди работают и получают за это какие-то доходы, ...то возможность восстания против установившегося порядка сводится к минимуму»⁶.

¹ «Agricultural Statistics. 1952», Washington 1952, p. 618.

² C. J. Enzler, Some Social Aspects of the Depression (1930—1935), Washington 1939, p. 13.

³ «Daily Telegraph», 3.II.1931.

⁴ «Congressional Record», House, 12.VII.1932, p. 15164.

⁵ «Congressional Record», House, 13.VII.1932, p. 15276.

⁶ Там же, стр. 15278.

Большое впечатление на общественность США в то время произвели слова председателя Верховного суда Брэндиса, который заявил: «Народ Соединенных Штатов в настоящее время столкнулся с положением, более серьезным, чем война. Нищета распространена по стране, в то время когда у нас избыток всего. Есть люди, которые полагают, что существующее положение угрожает даже самой устойчивости капиталистической системы»¹.

Ф. Рузвельт, всегда весьма осторожно затрагивавший в своих выступлениях вопросы, связанные с материальным положением трудящихся, в предвыборной речи в Детройте 2 октября 1932 г. говорил следующее: «Свыше 6 млн. наших школьников не получают достаточного количества пищи. Многие из них впадают в обморочное состояние прямо за партой. Они становятся жертвой болезней. Их здоровье в будущем находится под угрозой»².

Характеризуя тяжелое положение фермерства, видный член палаты представителей Патман в декабре 1932 г. заявил: «...Мы движемся к революции или к переменам в нашей стране. Вместо того чтобы волноваться по поводу того, будут ли они вновь переизбраны через два года, считая от нынешнего времени, некоторым членам палаты следует серьезно задуматься над тем, удастся ли им выполнить свои функции в течение двух лет, на которые они уже избраны. Мы в США поставлены лицом к лицу перед серьезной ситуацией. Люди голодают. Разве вы не знаете о том, что люди действительно голодают..?»³ По словам другого члена палаты — Ф. Лагардиа, в результате быстрого разорения фермерства, в США «так же как это было в царской России», создавался «класс нищенствующих арендаторов»⁴.

Резкое ухудшение материального положения трудящихся масс, бедствия и страдания, выпавшие на их долю в связи с кризисом и умноженные усилиями ка-

¹ «Congressional Record», Senate, 16.VII. 1932, p. 15625.

² *Franklin D. Roosevelt*, The Public Papers and Addresses, vol. I: The Genesis of the New-Deal 1928—1932, New York 1938, p. 772.

³ «Congressional Record», House, 30. XII. 1932, p. 1134.

⁴ «Congressional Record», House, 7.XII. 1932, p. 136.

питала, стремившегося обеспечить неприкосновенность своих прибылей за счет эксплуатируемых классов, вызвали обострение классовых противоречий в США. Стихийно развившийся на этой основе подъем массового рабочего движения проявился прежде всего в широкой, охватывающей практически все слои промышленного пролетариата борьбе безработных за непосредственные классовые интересы пролетариата — за социальное страхование по безработице, за пенсионное обеспечение, за материальную помощь и т. д. Экономическая борьба дополнялась требованиями рабочих обеспечить общую демократизацию политической жизни в стране, отменить антирабочее законодательство, признать право рабочих на организацию в профсоюзы, прекратить преследование прогрессивных организаций, признать Советский Союз и т. д. Однако борьба рабочего класса США в годы кризиса не охватывала в области политики самого главного и существенного — вопроса о политической власти. Большинство рабочего класса все еще оставалось под влиянием реформистской идеологии.

В годы кризиса движение безработных было преобладающей формой массового рабочего движения в США. В него были вовлечены миллионы американских трудящихся, оно выражало объективные нужды всей страны и носило общенародный политический характер. С развитием кризиса и последовательным ухудшением экономического положения трудящихся движение безработных росло и ширилось, приобретая все более активные формы борьбы против монополий — виновников всех бедствий народных масс¹.

В период с конца 1929 г. примерно до начала 1931 г., т. е. на первом этапе кризиса, когда падение производства и занятости в отдельные моменты замедлялось и еще не достигло своей низшей точки, борьба безработных развивалась от первых стихийных митингов и демонстраций на местах до общенациональных демонстраций

¹ См. подробнее *W. Z. Foster, American Trade Unionism, Principles and Organization, Strategy and Tactics*, New York 1947; *W. Z. Foster. History of the Communist Party of the United States*; *В. Л. Мальков, Движение безработных и борьба за социальное страхование в США в годы мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.)*, «Доклады и сообщения Института истории АН СССР» № 12, 1957 г., стр. 45—67.

(6 марта, 1 августа, 1 сентября 1930 г.) и походов к муниципалитетам в промышленных центрах (конец 1930 — начало 1931 г.) с десятками и сотнями тысяч участников. Основной и по существу единственной организующей силой движения на этом этапе была Компартия США, выдвинувшая лозунг социального страхования по безработице, создавшая первые советы безработных и принимавшая шаги к объединению безработных в национальном масштабе.

Второй этап движения безработных (1931, 1932 гг.), отмечен втягиванием в общую борьбу самых широких слоев рабочего класса. Все большее участие в этой борьбе начинают принимать различные мелкобуржуазные элементы города. Наряду с демонстрациями и выступлениями против выселений из жилищ важнейшей формой движения становятся голодные походы в штатах и в общенациональном масштабе на Вашингтон (первый национальный поход безработных состоялся в декабре 1931 г., поход ветеранов — летом 1932 г., второй национальный поход — в декабре 1932 г. и т. д.). Под давлением масс в поддержку борьбы безработных выступили реформистские профсоюзы, социалистическая партия, «Конференция за прогрессивное рабочее действие», многочисленные общественные организации.

Под воздействием все ухудшавшегося экономического положения и усиливавшейся борьбы безработных уже в первые годы экономического кризиса начался рост массового фермерского движения¹. В 1930 и 1931 гг. сильные фермерские волнения в виде голодных бунтов отмечались в штатах Огайо, Арканзас, Айова, Канзас, Кентукки. Летом 1932 г. фермерское движение в стране вступило в фазу своего высшего подъема. Особо резкие формы приняла борьба фермеров в штатах Среднего Запада. В августе 1932 г. фермеры штата Айова и ряда других штатов Среднего Запада начали забастовку, организованную Национальной фермерской стачечной ассоциацией. Широкий размах приняли такие формы фермерского движения как борьба против принудительных

¹ См. подробнее *Е. Ф. Язков*, Фермерское движение в США в 1932—1933 годах, «Вопросы истории» № 9, 1956 г.; *Th. Saloutos and John D. Hicks*, *Agricultural Discontent in the Middle West 1900—1939*, Madison 1951.

распродаж собственности фермеров за неуплату задолженности. Весной 1933 г. США стояли перед угрозой всеобщей фермерской забастовки¹. Обычно всегда следовавшие в фарватере двухпартийной буржуазной политики лидеры влиятельных и массовых фермерских организаций (Национального фермерского союза, Федерации фермерских бюро и «Нейшнл грэйндж») в своих заявлениях все чаще говорили о возможности возникновения самых серьезных антиправительственных выступлений². Говард, председатель правления Национального фермерского союза, выступая по радио 27 августа 1932 г., говорил: «Если подорвана покупательная способность народа, нет ничего удивительного в том, что голод и голодная смерть смотрят в глаза миллионам и что волнения и недовольство распространены повсюду»³.

С начала кризиса политическая обстановка в стране становилась все более напряженной, что вызывало соответствующую реакцию в правящих кругах США. Эллиот Рузвельт, под редакцией которого вышла переписка Ф. Рузвельта, в предисловии к разделу I тома, охватывающего 1930 г., пишет, что «по вопросам внутренней политики Ф. Рузвельт в своих письмах по мере углубления кризиса все настойчивее рекомендовал прибегнуть к сильной дозе того, что он называл «здравым радикализмом»⁴. Весной 1930 г. в стране произошли, как мы видели, крупные выступления безработных, и уже 12 мая 1930 г. Ф. Рузвельт в письме к Джону Кингсбери утверждал, что «пришло время для США принять весьма радикальный курс по меньшей мере на период жизни одного поколения. История показывает, что там, где это время от времени случается, народы получают возможность из-

¹ С углублением кризиса постепенно стало намечаться сближение между движением безработных и борьбой фермеров. Примеров совместных действий безработных и фермеров становилось все больше. Не случайно в феврале 1933 г. сенатор Томас (от штата Оклахома), выступая в конгрессе, с беспокойством говорил о том, что «по всей территории моего штата фермеры, мелкие предприниматели, торговцы и безработные сегодня организуют советы защиты (councils of defense). Защиты от чего? Читайте газеты и вы получите ответ» («Congressional Record», Senate, 4.II. 1933, p. 3372).

² «Congressional Record», Senate, 22.XII. 1932, p. 899; 2.II. 1933, p. 1360.

³ «Congressional Record», Senate, 22.XII. 1932, p. 901.

⁴ «F. D. R., His Personal Letters», vol. I, p. 98.

бегнуть революции»¹. Нетрудно заметить, как сильно отличаются эти взгляды Ф. Рузвельта от точки зрения, высказанной им в 20-х годах. Тогда же, в мае 1930 г., Франклин Рузвельт выразил свои самые серьезные опасения относительно возможного роста прогрессивных сил в рабочем движении и усиления влияния коммунистической идеологии в стране².

В переписке и публичных заявлениях, относящихся к 1931 г., Ф. Рузвельт говорил о вступлении США в период, представляющий «реальную угрозу нашему типу цивилизации» (т. е. капитализму.— *Авт.*), характеризовал положение в стране как «слишком серьезное с точки зрения национальной и партийной». Ф. Рузвельт выражал свое убеждение в необходимости изменений в политическом руководстве страной (см. Письма к Э. Марбюри, видному деятелю Национального комитета демократической партии, и Б. Баруху)³.

1932 год не принес облегчения. В своей книге Фрэнсис Перкинс пишет о событиях этого года: «Голодные походы безработных проходили по всей стране. Голодные бунты становились все более обычным явлением... Отсутствие безопасности и террор характеризовали положение в сельскохозяйственных районах...»⁴ Свидетельство о настроениях в правящих кругах США находим также у Р. Тагвелла. Он писал: «К концу 1932 г. никто не мог избежать давящего воздействия атмосферы истерии; ее ужасное распространение подействовало даже на большой оптимизм Ф. Рузвельта»⁵. Все большая часть буржуазных политиков начинала понимать, что в условиях обострения классово-борьбы, быстрого роста массового рабочего и фермерского движения продолжение откоро-

¹ *B. Bellush, Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York*, p. 140.

² «*F. D. R., His Personal Letters*», vol. I, p. 119.

³ Там же, стр. 195, 244; «*The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*», vol. I, p. 462.

⁴ *F. Perkins, The Roosevelt I Knew*, p. 183.

⁵ «*Ethics*» № 1, 1953, p. 20. Нет ничего неожиданного в том, что президент Гувер в своем послании конгрессу от 19 декабря 1932 г. характеризовал положение в стране как требующее безотлагательных мер, для того чтобы справиться «с силами, которые угрожают сегодня самым основам цивилизации» («*Congressional Record*», Senate, 25.I. 1933, p. 2471).

венно реакционного курса, проводимого правительством Г. Гувера, чревато самыми опасными последствиями для правящего класса¹. Один из лидеров демократической партии Артур Маллен в частном письме к Ф. Рузвельту от 16 апреля 1932 г. писал: «Мы в США достигли такого положения, когда масса выступает против класса. Те, кто думают, что южная часть Манхэттена (часть Нью-Йорка, заселенная крупной буржуазией.— Авт.) может направлять политику США, имеют ложное представление о сегодняшнем настроении общественности»².

Однако в то время ни Рузвельт, ни те, кто стоял за его спиной, не имели определенной программы действий. Единственное, что для них было ясно,— это необходимость действия во имя предотвращения взрыва горючего материала, который скопился за время кризиса. Все планы преобразований не выходили за рамки «социального эксперимента». «Страна нуждается и... настойчиво требует смелых экспериментов,— говорил Ф. Рузвельт в мае 1932 г.— Здравый смысл подсказывает обратиться к какому-нибудь методу и испытать его; если он окажется неудачным, честно признать это и испытать другой. Но прежде всего надо попытаться что-либо сделать. Миллионы людей, которые сегодня находятся в нужде, не будут вечно молчать...»³

Для того чтобы парализовать активную борьбу рабочих и фермеров и направить ее по рельсам, безопасным для власти монополий, идейные и политические вожди американской буржуазии обращались к реформизму. О безотлагательности социальных реформ и необходимости решительного вмешательства государства в экономическую жизнь говорили влиятельные лидеры в обеих буржуазных партиях, конгрессмены, буржуазные ученые и публицисты, лидеры профсоюзов АФТ, желез-

¹ См. речь Ф. Рузвельта, произнесенную им на съезде демократической партии в Чикаго 2 июля 1932 г. («Nothing to Fear. The Selected Addresses of F. D. Roosevelt. 1932—1945», ed. by B. D. Zevin, Cambridge 1946, p. 2—12).

² F. Freidel, *The Triumph*, p. 270. Фрейдел приводит этот документ из архива Ф. Рузвельта как доказательство остроты фракционной борьбы в демократической партии.

³ *Franklin D. Roosevelt, The Public Papers and Addresses*, vol. I, p. 646.

нодорожных братств, фермерских организаций¹. Полковник Хауз, все еще пользовавшийся большим влиянием в высших политических сферах США, в декабре 1932 г. на страницах журнала «Liberty Magazine» писал, что лишь улучшение экономических условий и реформы могут предотвратить социальную революцию в США². С нескрываемой тревогой за судьбы капитализма в США говорили о том же с трибуны конгресса сенаторы и члены палаты представителей Норрис, Вагнер, Лагардиа, Лафоллет, Бейли, Томас, Брукхарт, Хейнс, Эрк и др. Сенатор Томас, например, комментируя заявления Хауза, говорил в конгрессе: «На выборах 8 ноября 1932 г. народ США лишил власти одну политическую партию, отдав за нее 15 млн., а за ее противников — 22 млн. (Томас имел в виду результаты президентских выборов 1932 г., когда республиканцы получили свыше 15 млн. голосов, а демократы — свыше 22 млн.— Авт.). Однако если победившая партия, имея на руках такой мандат, не сделает ничего хорошего, то народ (таково мое мнение) вновь не облечет доверием эту консервативную партию; в случае если руководство этой партии будет консервативным и если мы не изменим положение к лучшему в течение двух или в крайнем случае четырех лет, то большинство будет против нас. Но кого же оно будет поддерживать? Полковник Хауз полагает, что, возможно, это будет партия Ленина»³ (так Хауз именовал Компартию США. — Авт.). В этих словах сквозило самое большое опасение за судьбу буржуазной двухпартийной системы в США, создающей с точки зрения монополий столь благоприятные условия для политического надувательства трудящихся масс.

Как в демократической, так и в правящей республиканской партиях имелись силы, готовые поддержать по-

¹ Известный буржуазный экономист и социолог П. Вольман заявил в начале 1933 г., что США неизбежно должны прийти к реформам в области рабочего законодательства, а главное — принять систему социального страхования по безработице. Он мотивировал это следующим образом: «Политическая неустойчивость настоящего периода, европейский опыт в области помощи и социального страхования и... пример России — все эти факторы способствуют достижению этой цели» («Proceedings of the Academy of Political Science», vol. XV, № 2, 1933, Columbia University 1933, p. 71).

² «Congressional Record», Senate, 13.I.1933, p. 1746, 1747.

³ Там же, стр. 1747.

литический курс на социальные реформы. Внутри демократической партии образовалась небольшая, но чрезвычайно влиятельная группа (в нее входил и полковник Хауз), выступавшая за изменения во внутривнутриполитическом курсе американского правительства. Эта группа обеспечила успех кандидатуры Ф. Рузвельта на съезде демократической партии в июне — июле 1932 г. В республиканской партии один из ее лидеров — Николас Батлер в конце 1931 г. предложил включить в программу партии пункты о государственной системе социального страхования, сбалансировании бюджета, общественном использовании естественных ресурсов и т. д.¹

Позиция широких масс трудящихся в любой политической кампании периода «бурных 30-х годов» приобретала решающее значение. Эта истина хорошо была усвоена и политиками монополистической буржуазии². Ф. Рузвельт, вступив в избирательную кампанию 1932 г., проявил чрезвычайную заинтересованность в налаживании контактов с профсоюзами и фермерскими организациями. По специальному поручению Ф. Рузвельта его доверенное лицо Л. Уэйл и президент Межнационального союза котельщиков (АФТ) Франклин отправились летом в Вашингтон и добились от руководства АФТ поддержки кандидатуры Рузвельта на президентских выборах 1932 г. Идеологической обработкой рабочего класса с целью завоевания голосов в ходе избирательных кампаний 1932, 1936 и 1940 гг. в руководящих органах демократической партии ведал не кто иной, как Даниэль Тобин — президент влиятельного Межнационального союза водителей грузовых машин и рабочих гаражей³. Так проявилась истинная, а не декларируемая сущность политики «нейтральности» реформистских профсоюзов в США. Известно, какому серьезному обсуждению в руководящих кругах демократической партии в начале 1933 г.

¹ «F. D. R., His Personal Letters», vol. 1, p. 201, 238.

² Ф. Рузвельт, уже будучи президентом США, писал как-то Генри Стимсону: «... Переживаемое нами время не является обыкновенным, народ возбужден и чрезвычайно охотно готов последовать за незнакомым ему идолом. Так обстоит дело во всех странах, в том числе и в нашей» («F. D. R., His Personal Letters», vol. 1, p. 450).

³ L. B. Wehle, *Hidden Threads of History. Wilson through Roosevelt*, New York 1953, p. 107—108; «F. D. R., His Personal Letters», vol. 1, p. 505.

подвергся вопрос о предоставлении представителям профсоюзов места в будущем кабинете Ф. Рузвельта¹.

Все это дополнялось обещаниями введения социального страхования по безработице, организации системы помощи рабочим и фермерам, расширения общественных работ и пр., занимавшими центральное место в предвыборных выступлениях Ф. Рузвельта. Программная речь по фермерскому вопросу, произнесенная в городе Топека осенью 1932 г., специально составлялась Ф. Рузвельтом с тем расчетом, чтобы создать у фермеров впечатление, что ее автор придерживается «левых» взглядов в подходе к проблеме в целом².

Под усиливающимся давлением рабочего класса и фермерства, гонимая страхом перед возможностью серьезных социальных потрясений, американская буржуазия постепенно вступала на путь уступок трудящимся в области трудового законодательства и социальных реформ. И если первый период кризиса и развития классовой борьбы в этом смысле не дал особых результатов³, то начиная с 1931 г. шесть штатов приняли законы о пенсиях по старости, а в ряде штатов были проведены законы о создании специальных фондов помощи безработным⁴. В 1932 г. в штате Висконсин был принят первый в истории трудового законодательства в США закон о страховании по безработице⁵. В марте 1932 г. конгресс США принял закон Норриса — Лагардиа, который вносил определенные изменения в правовое регулирование трудовых отношений и предоставлял рабочим несколько большие права в вопросах организации в профсоюзы и в их деятельности⁶. Закон Норриса — Лагардиа был первым шагом в ряду уступок трудящимся, к которым прибегали правящие круги США.

¹ «F. D. R., His Personal Letters», vol. I, p. 316.

² «F. D. R., His Personal Letters», vol. I, p. 297.

³ К 1929 г. в США лишь пять штатов из 48 имели законы о пенсиях по старости. В 1929 и 1930 гг. еще шесть штатов приняли подобное законодательство.

⁴ «Recent Social Trends in the U.S.», vol. II, New York 1933, p. 849; «U. S. Department of Commerce. The President's Organization on Unemployment Relief. State Legislation for Unemployment Relief», Washington 1932, p. 4, 7, 10.

⁵ «Handbook of Labor Statistics», Washington 1936, p. 819.

⁶ «Documents of American History», 3 ed., vol. II, New York 1945, p. 415—417.

Таким образом, мы рассмотрели ту экономическую и социальную основу, на которой возник новый политический курс американской буржуазии. Буржуазный «прогрессизм» в США, так же как и в любом другом государстве, основанном на господстве эксплуататорских классов, есть лишь косвенное выражение общедемократического подъема, побочный результат классовой борьбы. Это — одно из положений марксизма-ленинизма, подтвержденное самой жизнью. Все приводимые выше факты не могут не быть известными буржуазным историографам «нового курса», и если они замалчиваются последними, то это делается в классовых интересах правящей верхушки американского общества — монополистов, щедро оплачивающих их псевдонаучные «изыскания».

* * *

Для понимания подлинных причин происхождения «нового курса» и его классовой сущности следует обратиться к обстоятельствам провозглашения этой политики. Это диктуется попытками современной буржуазной историографии США доказать, что одной из предпосылок политики «нового курса» было превращение американского буржуазного государства в некий надклассовый институт, регулирующий отношение между классами в капиталистическом обществе. Некоторые буржуазные историки, как мы уже видели, договариваются даже до того, что изображают «новый курс» Рузвельта как политику, отвечавшую интересам трудящихся и направленную на удовлетворение их интересов за счет монополий¹. С этими утверждениями о надклассовом характере современного капиталистического государства солидаризуются и теперешние ревизионисты, антимарксистские взгляды которых нашли концентрированное выражение в программе Союза коммунистов Югославии².

¹ См. например, *D. Perkins*, *The New Age of Franklin D. Roosevelt*, p. 7—8; *L. M. Hacker and H. S. Zahler*, *The United States in the 20-th Century*, p. 380; *H. U. Faulkner*, *American Political and Social History*, New York 1944, p. 702—703.

² См. «Коммунист» № 6, 1958 г., стр. 17—26.

В период «нового курса» в США государственно-монополистические тенденции получили значительное развитие. Но этот факт буржуазные историки используют более чем странным образом, силясь обосновать реакционную концепцию о превращении американского государства при Ф. Рузвельте в надклассовую силу, ссылаясь в подтверждение этого на вынужденные уступки, сделанные в период «нового курса» трудящимся. Не чем иным, как повторением этой концепции являются псевдонаучные измышления югославских и прочих ревизионистов, которые с позиций буржуазно-реформистского лжеучения о мирном вращении капитализма в социализм интерпретируют результаты господства государственно-монополистического капитализма в США и в других развитых капиталистических странах¹. Ревизионисты, выслуживающиеся перед американскими империалистами и нередко поощряемые за это звонкой монетой, из роста государственно-монополистических тенденций, сущностью которых является захват монополиями всех ресурсов капиталистического государства и полное подчинение государственного аппарата монополиям, заключают, что в современном капиталистическом обществе государство якобы становится над классами и ликвидирует власть монополий. Ревизионисты в Американской компартии, например, толкуют об изменении характера современного американского империализма, об исчезновении классовых противоречий, о превращении США в «государство всеобщего благоденствия»². Здоровые силы в Компартии США дали решительный отпор правым элементам, разоблачили грубые измышления ревизионистов, пытающихся вдохнуть новую жизнь в затасканный буржуазный лозунг «народного капитализма».

Главный вопрос, от ответа на который старательно уходят американские буржуазные идеологи и ревизионисты всех мастей при оценке государственно-монополистического капитализма,— это вопрос о том, в чьих интересах осуществляется политика буржуазного правительства, против кого направлена объединенная сила государства и монополий. Государственно-монополисти-

¹ См. «Проблемы мира и социализма» № 2, 1958 г., стр. 47.

² «Political Affairs», January 1958, p. 56—57.

ческий капитализм является следствием и проявлением основных свойств экономики и политики капитализма в эпоху империализма, о которой В. И. Ленин писал как об эпохе перерастания монополистического капитализма в капитализм государственно-монополистический¹. «В капиталистическом государстве,— отмечал Ленин,— государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии и против пролетариата»².

Как же относились к Ф. Рузвельту, к этому «ниспровергателю» основ буржуазного строя (до этого иногда договариваются некоторые буржуазные авторы, теряющие всякое чувство меры) сами американские монополисты, те, против которых якобы была направлена политика «нового курса»? Разве он пришел к власти вопреки их воле и желаниям? Конечно, нет! Факты, относящиеся к началу президентской карьеры Ф. Рузвельта, рисуют такую картину, которая никак не согласуется с писаниями апологетов империализма из числа буржуазных историков и ренегатов рабочего движения — ревизионистов.

Особые условия, характеризовавшие президентские выборы 1932 г., наложили отпечаток на борьбу буржуазных партий и их кандидатов, которые в еще больших масштабах использовали присущие американской избирательной кампании демагогию и либерально-реформистскую фразеологию. В ходе предвыборной кампании Рузвельт не раз публично выступал против «менял в храме», в защиту интересов «забытого человека», которому он обещал проведение «нового курса». Однако подобные «радикальные» выступления Рузвельта не вызывали серьезных опасений у монополистов. За несколько дней до выборов ведущая буржуазная газета США «New York Times» писала: «Уолл-стрит не особенно беспокоится о том, кто окажется победителем на президентских выборах: м-р Гувер или м-р Рузвельт. Раздающиеся иногда аргументы за того или иного кандидата... в значительной мере поверхностны. Финансисты, вероятно, стали бы приветствовать с одинаковым энту-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 382.

² В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 467.

зизмом любых кандидатов»¹. Не лишне отметить и следующий момент: во время избирательной кампании, так же как и после нее, Рузвельт старался воздерживаться от критики в адрес Г. Гувера².

Кандидатура Рузвельта оказалась приемлемой как для либеральной части буржуазии, так и для ее самых реакционных представителей. Рузвельт имел поддержку известного газетного издателя реакционера Уильяма Р. Херста-старшего, лидера зарождавшегося американского фашизма Хью Лонга, босса демократов штата Миссури Томаса Д. Пендергаста (которому в значительной степени обязан своей карьерой Г. Трумэн), мэра города Бостона Джеймса М. Курлей и др. Рузвельт четырежды переизбирался президентом США, но никогда число американских ежедневных и еженедельных газет, выступавших за его кандидатуру, не было столь велико, как на выборах 1932 г.³ Характерно, что к следующим президентским выборам (1936 г.), когда экономическое и политическое положение в США несколько стабилизировалось и непосредственная угроза социального взрыва миновала, многие из сторонников Рузвельта в 1932 г., недовольные его либеральным внутренним курсом, превратились в яростных критиков президента, а Херст дошел до обвинения Рузвельта в том, что он является фактическим кандидатом коммунистов!⁴ Антирузвельтовская кампания второй половины 30-х годов подогревалась и инспирировалась наиболее реакционными кругами монополистической буржуазии, считавшими, что в своих уступках рабочим и фермерам Ф. Рузвельт зашел слишком далеко.

Об отношении монополистов к кандидатуре Рузвельта на выборах 1932 г. можно судить также по тому, как и кто финансировал его избирательную кампанию. Материал, приводимый в рузвельтовской историографии, бросает на это довольно яркий луч света. «Кампания,— пишет Д. Бернс,— требовала денег.., но деньги не были

¹ Цит. по кн.: *Е. Варга*, Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны), М. 1953, стр. 507.

² *F. Perkins*, *The Roosevelt I Knew*, p. 111.

³ *F. L. Mott*, *Newspapers in Presidential Campaigns*, «Public Opinion Quarterly», № 3, 1944, p. 362.

⁴ *H. L. Ickes*, *The Secret Diary of Harold L. Ickes*, vol. 1: the First Thousand Days 1933—1936, New York 1953, p. 684.

серьезной проблемой». В избирательный фонд Рузвельта и демократической партии поступали взносы от Х. Лэмана, Г. Моргентау-среднего, В. Х. Вудина, Д. П. Кеннеди, Р. У. Бингхэма и многих других финансистов, промышленников и торговцев¹.

С середины 30-х годов Рузвельт подвергался ожесточенным нападкам справа, со стороны наиболее реакционных элементов в США, которые обвиняли его в «ненависти» к крупному капиталу, в игнорировании его интересов, в стремлении подорвать положение монополий в стране. Но подобные обвинения были, конечно, далеки от действительности; а во многих случаях носили чисто пропагандистский характер. Ф. Перкинс, одно из наиболее близких к президенту лиц, свидетельствует, что «Рузвельт не питал ненависти к бизнесу; в действительности он относился с большим восхищением к тем, кого он называл хорошими бизнесменами...»² По ее словам, «он даже не был активным антимонополистом... Бизнес не пугал его, как многих других»³. Спустя три года, после того как он стал президентом, Рузвельт говорил: «Никто в Соединенных Штатах не верит более твердо, чем я, в систему частного предпринимательства, в частную собственность и в частную прибыль... Именно наше правительство спасло систему частной прибыли и частного предпринимательства, поставленную на край гибели...»⁴

В работах буржуазных историков о Рузвельте, в том числе в посвященных первому, допрезидентскому периоду его жизни, можно найти немало фактов, которые свидетельствуют о наличии постоянного контакта между Рузвельтом и виднейшими американскими финансистами и промышленниками. Судя по опубликованному двум томам его «Частных писем», среди лиц, с которыми Рузвельт в 1928—1945 гг. вел особенно оживленную переписку, были такие крупные магнаты, как Бернард Барух и Томас Ламонт⁵.

¹ J. M. Burns, *Roosevelt: the Lion and the Fox*, p. 130.

² F. Perkins, *The Roosevelt I Knew*, p. 308.

³ Там же, стр. 332.

⁴ *Franklin D. Roosevelt, The Public Papers and Addresses, 1936 vol.*, p. 534, 587.

⁵ «F. D. R., *His Personal Letters 1928—1945*», vol. I—II.

Первый из них — Бернард Барух в период президентства Рузвельта продолжал выполнять неофициальную обязанность «советника президентов», как его обычно именуют в американских политических кругах. Он был одним из двух (вместе с Джоном Рэскобом) наиболее крупных кредиторов демократической партии. «Но в обмен за свою щедрость,— пишет А. Шлезингер,— они, естественно (!), рассчитывали оказать воздействие на формирование партийной организации и политики»¹. Барух, фигурально говоря, стоял у колыбели «нового курса». Проект речи Рузвельта, в которой он впервые употребил слова «новый курс» (речь по случаю выдвижения его кандидатуры на пост президента от демократической партии на ее съезде в Чикаго в 1932 г.), был предварительно отдан Баруху на просмотр². Мероприятия Рузвельта по «новому курсу» осуществлялись при активном участии Баруха и близких к нему политических деятелей. Член «мозгового треста» и глава Администрации по восстановлению национальной промышленности генерал Х. Джонсон был ставленником Баруха³. К. Хэлл, государственный секретарь США при Рузвельте, называет Баруха «общим другом президента и моим»⁴. Недавно изданный первый том мемуаров Баруха изобилует данными, подтверждающими наличие самых близких отношений между ним и Рузвельтом.⁵

Не менее видной фигурой на политической арене США в рассматриваемый период был Томас Ламонт, про которого известный американский публицист Ф. Ландберг писал: «Томас У. Ламонт, руководивший деятельностью компании Дж. П. Моргана в течение всего послевоенного периода (т. е. после мировой войны. — Авт.) ...пользовался... колоссальной властью в западном полушарии... В политической жизни послевоенного времени Ламонт был фактически первым консулом незримой директории крупного финансового капитала, человеком, с которым советовались президенты,

¹ A. M. Schlesinger, *The Crisis of the Old Order*, p. 280.

² Там же, стр. 417.

³ F. Perkins, *The Roosevelt I Knew*, p. 198—200; D. Perkins, *The New Age of Franklin D. Roosevelt*, p. 18.

⁴ C. Hull, *The Memoirs of Cordell Hull*. In two volumes, vol. I, New York 1948, p. 457.

⁵ B.M. Baruch, *My Own Story*, New-York 1958.

премьер-министры, руководители крупнейших банков, вдохновителем планов Дауэса и Юнга»¹. В одном из частных писем, касаясь советов Т. Ламонта по внешнеполитическим вопросам, Рузвельт отмечал «стопроцентное согласие» между ними².

Среди близких к Рузвельту людей были крупные промышленники. Например, в годы президентства «одним из его лучших друзей» был Майрон Тэйлор, президент «Юнайтед Стейс стил корпорейшн»³. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Сформированный после выборов 1932 г. правительственный кабинет состоял преимущественно из представителей монополистического капитала, из людей, как это пишут сами американские буржуазные историки, весьма далеких от идеалов либерализма. Вот как характеризует некоторых членов кабинета Рузвельта Д. Бернс. Назначению государственным секретарем К. Хэлла, про которого говорили, что «он и «новый курс» никогда не были представлены друг другу», Бернс находит следующее объяснение: «Он мог быть полезен как связующее звено между президентом и консервативными членами конгресса»⁴. О В. Вудине (главе «Американ кар энд фаундри компани»), получившем пост министра финансов, Бернс пишет, что это был человек, который «представлял неопределимое сочетание идей и денег»⁵. Интересно отметить, что Вудина на посту министра финансов сменил Г. Моргентау-младший, миллионер, отец которого также добивался этого назначения при президенте В. Вильсоне, в избрании которого Моргентау-старший принимал активное участие. Но тогда Вильсон в ответ на домогательство Моргентау сказал, что человек, имеющий свыше 10 млн. долл., не может быть министром финансов⁶. Делая вывод о персональном составе правительства Рузвельта, Бернс пишет, что в общем оно было составлено в духе «классической американской традиции»⁷. В органах,

¹ Ф. Ландберг, 60 семейств Америки, М. 1948, стр. 37.

² «F. D. R., His Personal Letters», vol. II, p. 1147.

³ F. Perkins, The Roosevelt I Knew, p. 223.

⁴ J. M. Burns, Roosevelt: the Lion and the Fox, p. 148.

⁵ Там же.

⁶ H. L. Ickes, The Secret Diary of Harold L. Ickes, vol. II: The Inside Struggle 1936—1939, New York 1954, p. 22.

⁷ J. M. Burns, Roosevelt: the Lion and the Fox, p. 149.

призванных претворить в жизнь провозглашенную Рузвельтом политику «нового курса», подвизались такие далекие от либерализма люди, как председатель управленческого совета «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Уолтер Тигл, чикагский делец Роберт Э. Вуд, позднее возглавлявший движение реакционных «изоляционистов» и их организацию «Америка прежде всего», банкир и предприниматель из штата Юта Марринер С. Экклс, уже упоминавшийся нами генерал Х. С. Джонсон и др.

Широкая поддержка американской буржуазией Рузвельта в 1932—1933 гг. в значительной степени объяснялась, как это явствует из вышеизложенного, критическим характером экономической и политической обстановки, сложившейся к этому времени, обстановки, чреватой серьезными последствиями для капиталистического строя в США. Буржуазная историография оказывается бессильной скрыть исторические факты, связанные с выборами 1932 г., рассмотрение которых приводит всякого объективного исследователя к заключению о том, что в тот период американская буржуазия сплотилась для защиты своих классовых интересов, отбросив в сторону внутренние разногласия и противоречия. Эти разногласия отступают на второй план каждый раз, когда реально встает угроза выступления непримиримого врага буржуазии — пролетариата. Выборы 1932 г. могут служить классическим образцом тактики американской буржуазии, сумевшей овладеть положением с помощью двухпартийной системы в момент обострения классовых противоречий. В этом смысле они означали обычную для США смену у власти одной дискредитировавшей себя буржуазной партии, каковой была правящая республиканская партия Г. Гувера, другой буржуазной партией, призванной создать видимость чуть ли не коренной ломки «старого порядка», с тем чтобы помешать самостоятельным политическим акциям трудящихся. Эту роль выполнила в то время демократическая партия и ее кандидат в президенты, причем сама личность Рузвельта представляла в этом отношении второстепенный интерес. Требовался такой деятель, который сумел бы выполнить свою миссию в классовых интересах буржуазии, и к этой роли вполне подходил Рузвельт, персону которого к тому же не внушала никаких опасений монополистам. Стечением различных об-

стоятельств на политическую авансцену был выдвинут Рузвельт, но на его месте вполне мог оказаться любой другой буржуазный деятель, достаточно дальновидный для того, чтобы возглавить американское капиталистическое государство в один из самых острых периодов его истории.

После прихода к власти в марте 1933 г. правительство Рузвельта немедленно приступило к осуществлению широкой программы различных мероприятий в экономической области. Только за первые 100 дней президентства Рузвельта через американский конгресс прошло больше законопроектов, чем за все предыдущие 70 лет, прошедшие со времени гражданской войны в США¹. Однако, разумеется, дело заключалось не в количестве принятых законодательных актов, а в их содержании, в их сущности. Что касается той величайшей поспешности, с которой конгрессмены принимали предложенные правительством законы, то это как раз подтверждает мысль, что мероприятия «нового курса» были реакцией буржуазии на сложившиеся обстоятельства и, таким образом, носили вынужденный характер. Один из американских авторов, касаясь связи политики правительства Ф. Рузвельта с проблемами, перед которыми оно стояло, прежде всего в области экономической, в данном случае не без оснований пишет о «прагматизме нового курса»².

Экономические мероприятия Рузвельта, положившие начало «новому курсу», преследовали две цели. С одной стороны, некоторые из его мероприятий, отражавшие реформистскую сущность «нового курса», означали уступку трудящимся и были направлены на то, чтобы в какой-то степени улучшить их положение и тем самым избежать еще большего обострения классовых противоречий в стране. Поддержка этих мероприятий правительства всей американской буржуазией объяснялась ее стремлением частичными уступками и реформами успокоить возмущение масс.

Следует подчеркнуть в связи с этим, что некоторые ограничительные меры, принятые в 30-е годы под давле-

¹ W. Z. Foster, *History of the Three Internationals*, New York 1955, p. 378.

² R. N. Beck, *The Meaning of Americanism. An Essay on the Religious and Philosophie Basis of the American Mind*, New York 1956, p. 59.

нием антимонополистического движения, не могли, конечно, серьезно ущемить интересы монополий, как это любят утверждать буржуазные апологеты «нового курса». В нашу задачу не входит подробное рассмотрение политики «нового курса» в период ее осуществления. Поэтому мы ограничимся тем, что приведем по этому поводу мнение крупного американского прогрессивного экономиста В. Перло. В своем недавно вышедшем марксистском исследовании «Империя финансовых магнатов», посвященном анализу изменений, происшедших в структуре финансового капитала США за последние 25—30 лет, В. Перло пишет: «По своему существу мероприятия в духе «нового курса» ограничивались выступлениями против отдельных злоупотреблений, не угрожая самой основе централизованного контроля (т. е. экономическому господству монополий.— *Авт.*). Машина крупного капитала, обходя запретные пути, прокладывала себе множество иных, пользуясь густой сетью созданных им переплетающихся связей, и быстро осваивала эти новые, еще более удобные пути»¹.

С другой стороны, многие из мероприятий Рузвельта были осуществлены к прямой выгоде крупных монополий и с целью оказания им помощи в преодолении трудностей, связанных с экономическим кризисом. Понятно, что монополисты с большим энтузиазмом поддерживали те меры правительства, которые отвечали их непосредственным интересам. Более того, они были инициаторами и подлинными авторами наиважнейших мероприятий по «новому курсу».

В качестве примера остановимся на истории принятия закона о восстановлении национальной промышленности (коротко — НИРА), составлявшим основу «нового курса» в области промышленности.

Ф. Перкинс, принимавшая самое близкое участие в выработке и осуществлении НИРА, свидетельствует, что Б. Барух и другие промышленники одобрили «эксперимент Рузвельта в деле планирования восстановления...»² А эксперимент состоял в том, что в промышленности вводились так называемые «кодексы честной конкуренции», регламентирующие производство и реа-

¹ В. Перло, Империя финансовых магнатов, М. 1958, стр. 16.

² F. Perkins, The Roosevelt I Knew, p. 215.

лизацию продуктов к выгоде крупных монополистов. Это было как раз то, чего потребовала в феврале 1931 г. Американская торговая палата¹. Сенатор А. У. Бэркли, бывший во время второго президентства Г. Трумэна вице-президентом США, пишет в своих воспоминаниях, что во время разработки проекта НИРА, в котором он принимал активное участие как член финансовой комиссии сената, находившиеся в состоянии паники предприниматели сами требовали принятия этого закона². В итоге деятельности НИРА мелкие и средние промышленники, поставленные в невыгодные условия, разорались, а за их счет крупные монополии вышли из кризиса и еще более выросли. Концентрация промышленности, явившаяся результатом НИРА, свидетельствовала о том, что правительство Рузвельта, как это признает Г. А. Фолкнер, действовало вопреки и в нарушение антитрестовского законодательства³. Буржуазные авторы, рассматривающие «новый курс» как продолжение «демократических» традиций, умалчивают о том, что принципы НИРА отрицали и игнорировали это традиционное требование антимонополистического движения в США.

Факты, касающиеся осуществления мероприятий по «новому курсу» и их результатов, начисто опровергают излюбленное утверждение многих буржуазных авторов о том, что экономические мероприятия правительства Ф. Рузвельта отвечали интересам широких масс и были направлены против крупных монополий. Но правдой является как раз противоположное. В целом так называемое «государственное регулирование» в промышленности (НИРА) и в сельском хозяйстве (AAA), а также многие другие акты «нового курса» полностью соответствовали требованиям монополий и банков и означали вовлечение в капиталистическое производство дополнительных государственных ресурсов. Что касается экономических уступок, которых добились американские рабочие в период президентства Рузвельта (включая пособия по безработице), то американские правящие

¹ W. B. Hesseltine, *The Rise and Fall of Third Parties*, p. 83; J. T. Flynn, *Country Squire in the White House*, p. 77.

² A. W. Barkley, *That Reminds Me*, p. 148.

³ H. U. Faulkner, *American Economic History*, New York—London 1943, p. 663.

круги пошли на них исключительно под давлением пролетариата. Показательно, что в феврале 1933 г. в финансовой комиссии сената, проводившей специальные заседания с участием многих промышленников и финансистов, банкир М. Экклс, назначенный в 1934 г. главой Федерального резервного совета, заявил в своем выступлении: «Или мы примем какой-либо план, направленный на решение проблемы безработицы в условиях капитализма, или будет принят такой план, который будет осуществляться без капитализма»¹.

Некоторые буржуазные исследователи экономической программы Рузвельта, как например Д. Фазфелд, М. Бернс, объясняют ее появление особенностями процесса формирования мировоззрения Рузвельта, воздействием на него аристократической среды, в которой он воспитывался, а именно влиянием так называемого «noblesse oblige» — великодушного, благородного обязательства, которое, по мнению этих историков, нашло свое отражение в «новом курсе». Сущность «noblesse oblige», как они пишут, — в аристократических традициях оказания «помощи» бедным и слабым. Р. Тагвелл чуть ли не непосредственно выводит «социальную программу» Ф. Рузвельта из лицемерных заветов христианской религии о «братстве», «равенстве» и т. п., с которыми познакомился будущий американский президент в годы учебы в школе². А философствующий Р. Н. Бек в книге «Смысл американизма» утверждает, что мероприятия «нового курса» были не более и не менее как «продолжением идеи добра Локка»³.

Это своего рода наивная, рассчитанная, очевидно, на простаков версия пресловутой концепции «народного капитализма», изображающая «новый курс» как некое благотворительное мероприятие, опровергается самими буржуазными авторами. Так, Д. Гантер пишет о несостоятельности ссылки на «noblesse oblige» для характеристики истоков «нового курса», указывая, что экономические мероприятия Рузвельта в 1933 г. диктовались прежде всего чрезвычайными условиями⁴.

¹ M. S. Eccles, *Beckoning Frontiers: Public and Personal Recollections*, New York 1951, p. 105.

² R. D. Tugwell, *The Democratic Roosevelt*, p. 31.

³ R. N. Beck, *The Meaning of Americanism*, p. 122.

⁴ J. Gunter, *Roosevelt on Retrospect*, p. 5.

Д. Фазфелд в книге «Экономические взгляды Франклина Д. Рузвельта и истоки «нового курса»» заявляет, что ко времени избрания президентом США Рузвельт имел «хорошо разработанную экономическую философию»¹. Но Фазфелд сам же опровергает собственный вывод, отмечая, что «в одной области — в решающей — его (т. е. Рузвельта.— Авт.) познания были слабыми: речь идет о проблемах, связанных с депрессией (т. е. с экономическим кризисом.— Авт.)»². Спрашивается, если в экономическом плане «новый курс» как раз и означал борьбу с кризисом, а, по свидетельству автора, Рузвельт не знал, как это сделать, то о какой целостной экономической программе «нового курса» может идти речь?

Сама история доказывает несостоятельность попыток буржуазных правительств устранить экономические кризисы при капитализме. Знаменательно, что когда в 1937 г. в США начался очередной кризис, воочию показавший банкротство экономической политики «нового курса», правительство Ф. Рузвельта не смогло предотвратить падение производства. И в этом нет ничего удивительного. Нельзя в условиях капитализма успешно бороться с экономическим кризисом, нельзя добиться его предотвращения, так как кризис есть неизбежная форма проявления основного противоречия капиталистического способа производства — между производством и потреблением, которое неустранимо, пока существует капитализм.

Несмотря на многочисленные мероприятия американских правящих кругов в период «нового курса», Соединенным Штатам так и не удалось полностью преодолеть последствия экономического кризиса 1929—1933 гг., а в 1937—1938 гг. они оказались захваченными новым кризисом, и только начавшаяся в 1939 г. вторая мировая война вызволила американскую капиталистическую экономику из полосы затяжных кризисов и депрессии. Это обстоятельство находит известное отражение в книгах буржуазных ученых, занимающихся экономическим аспектом «нового курса». Так, в 9-томном издании «Экономической истории США», последний том

¹ D. R. Fusfeld, The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal, p. 5.

² Там же.

которого, охватывающий период «нового курса», носит примечательный заголовок «Десятилетие депрессии», его автор Б. Митчелл в итоге анализа экономического положения США в 1929—1939 гг. вынужден констатировать, что «экономическое возрождение в Соединенных Штатах датируется началом войны в Европе в 1939 г.»¹

Как известно, политика «нового курса» не исчерпывалась экономическими мероприятиями, и не это было в конечном итоге главным в «новом курсе». Основными целями «нового курса» были цели политические, заключавшиеся в том, чтобы предотвратить дальнейшее полевание трудящихся масс и их открытую борьбу за коренные социальные реформы, удержать рабочих, фермеров и мелкобуржуазные слои города в рамках двухпартийной системы.

И это достаточно отчетливо проявилось еще на выборах 1932 г., когда Ф. Рузвельт умело использовал недовольство американских трудящихся политикой республиканской партии, чтобы не дать развиваться этому недовольству и заполучить голоса избирателей для другой крупнейшей буржуазной партии — демократической. Прекрасно сознавая опасность, таившуюся для буржуазии в социальных последствиях мирового экономического кризиса, он стремился противопоставить старым лозунгам, к которым массы испытывали естественное недоверие, «либеральную» программу, подчеркивая ее противоположность избирательной платформе республиканской партии, хотя существенной разницы между обеими буржуазными партиями, разумеется, не было и не могло быть. Выступая с речью 2 июля 1932 г., Рузвельт говорил: «Да, в этом году народ желает сделать настоящий выбор, а не просто выбор между двумя названиями ради одной и той же реакционной доктрины»². В этой речи Рузвельт усиленно подчеркивал имевшуюся

¹ B. Mitchell, *Depression Decade: From New Era Through New Deal 1929—1941, Economic History of the United States*, vol. IX, New York — Toronto 1947, p. 371.

Не в силах отрицать того, что «новый курс» не смог разрешить экономические проблемы, возникшие в результате кризиса 1929—1933 гг., и некоторые другие американские буржуазные авторы (см., например, S. E. Morrison and H. S. Commager, *The Growth of the American Republic*, vol. II, p. 586).

² «Nothing to Fear. The Selected Addresses of F. D. Roosevelt. 1932—1945», p. 4.

якобы между республиканской и демократической партиями глубокую разницу. «Никогда ранее в новейшей истории,—демагогически заявлял он,—существенные различия между обеими основными американскими партиями не выступали в столь разительном контрасте, какими они являются в настоящее время»¹.

Либерализм «нового курса», нашедший выражение в осуществлении политики некоторых уступок трудящимся США, является главной причиной успехов Рузвельта на выборах, объясняет поддержку его внутренней политики большинством американского народа. Как умный и трезвый буржуазный политический деятель Рузвельт старался постоянно проводить грань между своей либеральной политикой и открыто консервативными элементами, чтобы не потерять контроль над массами, выступавшими с демократическими требованиями. В предисловии к тому собранию своих «Государственных бумаг и обращений» за 1938 г., написанном в 1941 г., Рузвельт изложил свое политическое кредо, наглядно показывающее сущность «нового курса». Как пишет Рузвельт в этом предисловии, очень часто в американской истории ничто, кроме названия, не отличало республиканскую партию от демократической и наоборот. В таких случаях, признает он, «выборы становились бессмысленными», и американский народ не имел возможности принимать действительное решение в избрании правительства. С целью предотвратить кризис двухпартийной системы в обстановке напряженной классовой борьбы в стране Рузвельт считал необходимым, чтобы демократическая партия придерживалась либерального курса; противопоставив себя консерваторам. Либеральная партия, по его мнению, во-первых, должна учитывать волю большинства народа и, во-вторых, в нужные моменты осуществлять правительственное вмешательство для решения возникших проблем. «Я всегда верил и часто заявлял, что моя собственная партия может иметь успех на выборах лишь постольку, поскольку она будет оставаться партией боевого либерализма»²,— заключает Рузвельт.

¹ «Nothing to Fear. The Selected Addresses of F. D. Roosevelt. 1932—1945», p. 12.

² *Franklin D. Roosevelt, The Public Papers and Addresses, 1938 vol., Introduction, p. XXVIII—XXXI.*

Перед нами типичная программа буржуазного либерализма, рассчитанная на то, чтобы осуществить классовую политику буржуазии с помощью уступок и реформ. Как указывал В. И. Ленин, это является одним из двух путей борьбы буржуазии с рабочим движением¹. Реформистский путь борьбы с рабочим движением, так же как и открытое подавление его, попеременно используются буржуазией. «Новый курс» Рузвельта был выражением первого, реформистского пути борьбы с рабочим движением и осуществлялся с помощью американской двухпартийной системы. Таким образом, «новый курс» в его классовом содержании был всего-навсего тактическим маневром американской буржуазии, классическим примером ловкого использования ею двухпартийной системы.

В 1932 г. и в последующие годы в США сложилась объективная обстановка для создания третьей партии, которая представляла бы собой широкую антимонополистическую коалицию различных слоев трудящихся масс. В это время резко усилилось недовольство масс политикой правящих кругов. Даже президент АФТ У. Грин, признававший законность только экономической борьбы рабочих, в 1932 г. говорил о возможной поддержке со стороны АФТ движения за создание третьей политической партии. Многие местные отделения АФТ принимали резолюции в пользу создания независимой рабочей партии². Руководство социалистической партии считало необходимым использовать тенденцию к созданию третьей партии в своей избирательной кампании в 1932 г.³ Идея третьей партии находила все более широкую поддержку в кругах мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции⁴. В этой связи не лишним будет отметить, что сам Рузвельт считал одной из важнейших целей политики «нового курса» устранение «постоянной угрозы третьей партии» путем привлечения с помощью либеральной программы на свою сторону ее сторонников⁵.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 425.

² «Revolt», 1.X. 1932, p. 4.

³ «New York Times», 1.I. 1933.

⁴ P. H. Douglas, The Coming of a New Party, New York — London 1932.

⁵ «F. D. R., His Personal Letters», vol. II, p. 827.

Политическая направленность «нового курса» как средства воздействия на недовольные экономическим кризисом 1929—1933 гг. и его последствиями массы, столь явно выступавшая в словах и делах правительства Ф. Рузвельта, признается в той или иной форме многими буржуазными авторами. Л. Хэккер в книге «Сегодняшние проблемы Америки», изданной до второй мировой войны, писал, что «новый курс можно характеризовать скорее как политический, нежели экономический план»¹. Х. Фолкнер в «Экономической истории Америки» также пишет о политическом смысле мероприятий «нового курса». «Слишком много революций имело место в мире в течение предыдущего десятилетия, и слишком большое изменение произошло в философии правительственных функций,— замечает он, касаясь причин происхождения «нового курса»,— чтобы какое-либо правительство могло проводить политику бездействия»². Наконец, У. Хесселтайн в книге «Подъем и падение третьей партии» высказывается еще более определенно: «Прежде всего очевидно, что в экономической программе «нового курса» было больше политических побуждений, чем экономической философии»³.

Осуществление в период «нового курса» ряда социальных реформ обеспечило Ф. Рузвельту поддержку демократических масс, благодаря чему он является единственным президентом в истории, который четырежды с успехом избирался в президенты США. Этому способствовали и такие акты правительства Ф. Рузвельта, как дипломатическое признание СССР со стороны США в 1933 г., что отвечало требованиям широких слоев американского народа.

В 30-е годы, когда Ф. Рузвельт выступил с программой «нового курса», рабочее и профсоюзное движение в Соединенных Штатах развивалось по восходящей линии, росло влияние американской Компартии, расширялась и активизировалась деятельность всех прогрессивных сил американского народа. Наибольшие уступки, которых добились тогда народные массы, падают на пе-

¹ L. M. Hacker, *American Problems of Today: A History of the United States Since the World War*, New York 1938, p. 204.

² H. U. Faulkner, *American Economic History*, p. 648.

³ W. B. Hesseltine, *The Rise and Fall of Third Parties*, p. 80.

риод после 1935 г., когда общедемократическое движение в США достигло наивысшего размаха.

В то же время ловкое маневрирование, примененное Ф. Рузвельтом в период обострения классовых противоречий в США, сыграло решающую роль в том, что американское рабочее движение в 30-е годы не поднялось до больших самостоятельных политических выступлений, до создания массовой рабочей партии¹. На примере «нового курса», этой реформистской политики буржуазии в рабочем вопросе мы еще раз убеждаемся в глубокой правдивости характеристики американской буржуазии, данной В. И. Лениным, который писал, что она, так же как и английская буржуазия, «по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной на свете»².

Не удивительно, что буржуазные историки громогласно расхваливают политику «нового курса», ставят Ф. Рузвельту в заслугу то, что за период его президентства «американский образ жизни» сохранился, а позиции монополистического капитала, испытывавшего трудности, в результате его деятельности укрепились. Так, Л. Хэккер и Г. Захлер, отмечая поддержку Ф. Рузвельта на президентских выборах американскими массами, не скрывают своего удовлетворения тем, что «это имело место без слома и переустройства национальной партийной системы и без появления политической партии рабочих»³.

* *
*

Рассмотрение исторических фактов и событий, связанных с предысторией «нового курса» Ф. Рузвельта, показывает классовое происхождение, сущность «нового курса» как буржуазной реформистской политики, с помощью которой господствующий класс стремился преодолеть экономические и политические трудности американского капитализма в 30-е годы. К тому же, как справедливо подчеркивает У. З. Фостер, политика «нового

¹ W. Z. Foster, History of the Three Internationals, p. 379.

² В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 333.

³ L. M. Hacker and H. S. Zahler, The United States in the 20th Century, p. 381.

курса» осуществлялась американской буржуазией весьма нерешительно и под сильным давлением трудящихся масс¹. Попытки буржуазных историков представить «новый курс» Ф. Рузвельта как некую надклассовую политику, имевшую цель усилить позиции рабочих и фермеров в ущерб и за счет влияния буржуазии, как «третью американскую революцию» в интересах народа не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики.

Исторические факты решительно опровергают псевдонаучную концепцию «демократического прогресса» в Соединенных Штатах, теорию прогрессивной эволюции американского капиталистического общества, пришедшего якобы в своем развитии к утверждению в современной Америке так называемой системы «народного капитализма», равно как и реакционные измышления буржуазных ученых о растущей гармонии классовых интересов в США и затухании борьбы между эксплуататорами и трудящимися массами. В своем докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев, характеризуя капиталистические порядки, превозносимые политиками и идеологами «свободного мира», говорил: «Так называемый «свободный мир» представляет собой царство доллара, стяжательства и безудержной спекуляции, жестокой эксплуатации миллионов людей во имя обогащения кучки монополистов»².

Фальшивые теоретические построения буржуазных историков, игнорирующих объективные факторы общественного развития, не могут скрыть необратимого характера процесса упадка капиталистической системы в США. Современный американский монополистический капитализм, раздираемый острыми внутренними противоречиями, но все еще поддерживающий равновесие посредством таких крайних мер, как милитаризация экономики и внешнеполитическая экспансия, неизлечим и исторически обречен на полное крушение.

¹ W. Z. Foster, *History of the Three Internationals*, p. 377.

² «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», стр. 76.

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. П. КАЖДАН, Г. Г. ЛИТАВРИН, Э. В. УДАЛЬЦОВА

Общей тенденцией развития человечества является нарастание взаимосвязи народов и стран. Все очевиднее становится единство исторического и культурного развития народов земного шара при всем отличии их судеб на разных этапах истории.

Давно уже разоблачена человеконенавистническая фашистская идеология с ее проповедью вражды между расами, кичливым пренебрежением к «неполноценным» национальностям. С каждым годом все шире распространяется убеждение, что каждый народ внес свой вклад в сокровищницу мировой культуры, что каждый народ по-своему способствовал поступательному движению мировой истории. Однако реакционные тенденции, характерные для идеологии империализма, в настоящее время еще более усилились, находя своих защитников и апологетов в лице буржуазных авторов различных псевдонаучных теорий и построений.

Эти тенденции современной буржуазной историографии проявляются в стремлении противопоставить культуру одного народа культуре другого, в попытках раздробить ее на множество локальных «культурных кругов», каждый из которых будто бы был далек и чужд всем другим, обладая своей спецификой, остававшейся неизменной на протяжении тысячелетий.

В этой связи особое внимание буржуазные историки и социологи уделяют проблеме соотношения западного и византийского миров, «западно-католической» и «византино-православной» культур, всячески стремясь противопоставить их друг другу.

Фальсифицируя историю прошлого, они пытаются доказать, будто бы извечно существовала непримиримость интересов и враждебность народов Восточной и Западной Европы, и в этом ложном тезисе они ищут оправдание агрессивной политики реакционных империалистических кругов по отношению к странам социализма. Естественно поэтому, что вопрос о сходстве путей развития Византии и Запада приобретает особую политическую остроту. Следует отметить, что проблема эта не является, однако, новой. Еще в середине прошлого столетия реакционная германская историография выдвинула псевдонаучную концепцию векового соперничества Запада и Востока, германского и славянского мира. Особое место в этой концепции «векового соперничества» было уделено Византии.

Мюнхенский историк-публицист Я. Ф. Фальмерайер выдвинул положение, согласно которому византийская история не была продолжением истории античного мира; в этом отношении он резко порывал с господствовавшими до тех пор идеями просветителей XVIII в., видевших в Византии лишь видоизмененную, выродившуюся Римскую империю. Для доказательства своего тезиса Фальмерайер произвольно использовал данные источников о славянских вторжениях в Грецию. Он тщетно пытается доказать, что Греция была полностью славянизирована, греческое население растворилось в среде завоевателей, и славяне, которых Фальмерайер называет «нашими вековыми врагами», совершили в Восточной империи то же, что и германцы в Западной¹. Однако это славянское завоевание, по Фальмерайеру, имело отрицательное значение: оно якобы положило начало противоположности и соперничеству между Западом, куда будто бы переселился «греческий гений», и Востоком². Западный мир Фальмерайер изображает носителем жизни и прогресса, Восток — миром косности и неподвижности³. На Западе будто бы господствует филантропия, на Востоке — пустой, бесплодный, не дающий надежды символ веры⁴. Но, продолжает Фальме-

¹ *J. Ph. Fallmerayer, Fragmente aus Orient, Bd. II, Stuttgart und Tübingen 1845, S. 374.*

² Там же, стр. 370.

³ Там же, стр. 304.

⁴ Там же, стр. 308.

райер, этот византизм с присущим ему подчинением религии государственной власти и нивелировкой человеческого сознания содействовал сплочению всех индивидуумов ради материального господства на земле¹. В Константинополе царил деспот, объявивший свои решения божественными законами и поставивший себя выше человеческой критики, почему здесь и не знали ни противоречий, ни социальных проблем, ни сомнений². В этой консолидации и сплоченности видит Фальмерайер силу Востока, византизма, ненавистного для него славянского мира. С истерическим страхом говорит Фальмерайер о «сохранении» в его время «византийской государственной идеи», угрожающей будущему Европы³, и призывает к захвату и разрушению прежней византийской столицы — Константинополя «европейским ареопогом». В этом он видит единственное возможное решение проблемы византийского наследства, способное влить «жизненный сок» в жилы Востока⁴. Конечно, не без лицемерия прибавляет Фальмерайер, это очень жестоко, но иначе невозможно.

Реакционная концепция Фальмерайера, политический смысл которой состоит в том, чтобы создать идущее от истории обоснование агрессии на Восток⁵, была подхвачена рядом католических историков, метавших громы и молнии по поводу византийского цезарепапизма (иными словами, подчинения церкви государством) и противопоставлявших ему «исконную свободу» католического Запада⁶.

Эта концепция извечной противоположности Византии и Запада получила в буржуазной историографии

¹ J. Ph. Fallmerayer, *Fragmente aus Orient*, Bd. I, Stuttgart und Tübingen 1845.

² Там же, стр. 310—312.

³ Там же, стр. 307.

⁴ Там же, стр. 317—319.

⁵ Именно это обстоятельство содействовало переизданию сочинения Я. Ф. Фальмерайера при гитлеровском режиме и повышало интерес к его творчеству среди консервативных немецких историков (см., например, H. O. Ebert, *J. Ph. Fallmerayers Schriften in ihrer Bedeutung für die historische Erkenntnis der gräko-slavischen Kulturkreises*, Kiel 1930; G. von Rauch, *J. Ph. Fallmerayer und der russische Reichsgedanke bei F. I. Tjutčev*, «Jahrbucher f. Gesch. Osteuropas», Bd. I, 1953).

⁶ Особенно см. I. Hergenröther, *Photius, Patriarch von Constantinopel*, Bd. I—III, Regensburg 1867—1869; A. Gasquet, *De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance*, Paris 1879.

новое содержание после Великой Октябрьской Социалистической революции. Если прежде ее питали внешнеполитические, националистические и конфессиональные¹ споры, то теперь на первое место выступила классовая ненависть капиталистического мира к первому социалистическому государству. Естественно, что в трактовке этой противоположности появились некоторые новые черты.

Византинисты XIX в. были последовательными идеалистами и при объяснении особенностей исторического развития обращались прежде всего к определению моральных свойств, будто бы присущих людям на Западе и на Востоке. Единственное, в чем эти исследователи искали объяснение специфики византийской истории, — это характер государственной власти, но они не задумывались над тем, откуда могли возникнуть эти особенности императорского деспотизма в Византии, которым они приписывали столь большое значение.

Развитие историографии в XX в. обусловило — в значительной степени под воздействием марксистской науки — интерес к более существенным сторонам общественной жизни; теперь буржуазные исследователи стали искать истоки противоречий между Западом и Востоком в экономике. Именно в 20-е и 30-е годы нашего столетия становится чрезвычайно распространенным тезис о том, что Византия, Болгария, Россия не знали феодализма, что вообще общественные отношения развивались в Восточной Европе по принципиально отличному от Запада пути². Реакционный румынский историк Г. Брэтиану утверждал, что Византия (а вместе с ней и вся Восточная Европа) развивалась по принципиально иному, если так можно выразиться, «обратному» пути, нежели Запад; западные государства шли в средние века от крестьянской зависимости к свободе, Восток, наоборот, от свободы к крепостному праву³. Классовый и политический

¹ Конфессиональные споры — это споры, порожденные различием религиозных воззрений, в данном случае между историками-католиками и православными (преимущественно историками церкви).

² См., например, *P. Mutafčiev, Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien*, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 30, 1929—1930, S. 389 ff.

³ *G. I. Brătianu, Servage de la glèbe et régime fiscal. Essai d'histoire comparée roumaine, slave et byzantine*. «Annales d'histoire économique et sociale», 1933, № 23; *G. I. Brătianu, Etudes byzantines d'histoire économique et sociale*, Paris 1938, p. 243 sq.

смысл этой концепции достаточно ясен: она должна была служить целям «исторического оправдания» противоположности между Западом и Востоком.

Какие же аргументы выдвигают современные буржуазные ученые, для того чтобы доказать мнимое коренное отличие общественных порядков Византии и средневекового Запада?

Они утверждают, что в Византии аграрные отношения, городской строй и государственная власть принципиально отличались от соответствующих учреждений Западной Европы, что византийские институты были унаследованы от государств древнего Востока и практически оставались неизменными на протяжении средневековья.

Мы постараемся рассмотреть ниже все эти три наиболее существенных аспекта общественных отношений Византийской империи и показать, что это представление о «консервативной Византии», принципиально отличной от государств Запада, не соответствует действительности.

* *

◆

Вопрос о характере аграрных отношений в Византийской империи широко обсуждается в последнее время в буржуазной историографии. Можно выделить следующие основные направления среди ученых, занимающихся аграрной историей Византии:

1. Филолого-юридическая школа, группирующаяся вокруг западногерманского византиноведческого журнала «Byzantinische Zeitschrift», избегающая пользоваться термином «феодализм» и отрицающая наличие качественных перемен в аграрном строе Византийской империи.

2. Формально-правовая школа, признающая существование византийского феодализма — однако лишь в сфере политической надстройки — и отождествляющая в соответствии с этим феодализм с децентрализацией, с распадом государственности.

3. Возникшее, несомненно, под влиянием советской историографии направление, рассматривающее феодализм как определенную систему взаимоотношений между крестьянами и сеньором, т. е. как особый экономический строй; однако и исследователи этого направления не

рассматривают феодализм как качественно новую общественно-экономическую формацию, пришедшую на смену рабовладению.

Наиболее характерная для филолого-юридической школы концепция мюнхенского филолога Ф. Дэльгера сложилась еще в начале 30-х годов и была сформулирована в 1933 г. в его статье «Проблема поземельной собственности в Византии»¹. Основная идея, проходящая через эту статью, — это стремление доказать неизменность общественных порядков Византийской империи, что отражает по сути дела страх перед возможностью революционных перемен. Дэльгер не только не признавал перехода от рабовладельческой формации к феодальной², но и отрицал вообще какую-либо эволюцию в аграрном строе империи: по его мнению, в Византии всегда существовало как свободное крестьянство, так и крупное поместье³, и вся история византийской деревни сводится лишь к количественным колебаниям: то к некоторому росту крупной собственности, то к относительному укреплению крестьянского землевладения⁴. Эта теория, кстати сказать, не нова: она восходит к концепции английского филолога начала XX в. У. Эшбернера⁵.

Развивая этот тезис, Дэльгер стремился доказать, что в Византии неизменно господствовала римская частная собственность⁶, параллельно с которой существовала община⁷, что зависимые крестьяне — парики не от-

¹ F. Dölger, Die Frage des Grundeigentums in Byzanz, «Bulletin of the International Committee of Historical Sciences», vol. 5, 1933, p. 1; F. Dölger, Byzanz und die europäische Staatenwelt, Speyer am Rhein 1953, S. 217 f.

² Учение о формациях Дэльгер называл прокрустовым ложем для исторического исследования (см. его рецензию на книгу «Aus der byzantinischen Arbeit der DDR», Berlin 1957, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 50, 1957, S. 437), разделяя тем самым общие для буржуазной историографии антинаучные взгляды.

³ F. Dölger, Byzanz und die europ. Staatenwelt, S. 222.

⁴ Там же, стр. 218, 225.

⁵ W. Ashburner, The Farmer's law, «Journal of Hellenic Studies», vol. 32, 1912.

⁶ F. Dölger, Byzanz und die europ. Staatenwelt, S. 218.

⁷ См. F. Dölger Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, Leipzig-Berlin 1927, S. 65 f. Здесь Дэльгер, сводя воедино различные данные, делал из них лишь тот вывод, что в существовании общины не приходится сомневаться. Однако вопрос о характере, о формах византийской общины, поднятый уже некоторыми русскими буржуазными исследователями, он даже не ставил.

личались в принципе от римских колонов и энапографов¹, что такой институт, как эпиболе (обязанность соседей принимать на себя уплату государственных налогов умершего или бежавшего землевладельца), сохранялся на протяжении всей византийской истории² и т. д.

Однако изучение конкретных фактов истории аграрных отношений в Византии неоднократно приводило Дэльгера к выводам, противоречившим собственной концепции. Так, в 1939 г. он писал: «Мы можем представить себе поместные отношения средне- и поздневизантийской эпохи по аналогии с Западом (*ähnlich wie im Westen*)». Поместье, по словам Дэльгера, состояло из барского двора, домениальной земли и крестьянских наделов; домен обрабатывался частично трудом дворовых, частично же — при помощи обязанных барщиной крестьян³. Дэльгер не ставит вопроса о том, как такая типично феодальная (пользуясь марксистской терминологией) система производства уживалась с принципами римской частной собственности на землю.

Отрицали существование феодализма в Византии также и некоторые французские историки. Л. Брейе, уделивший изучению социальной структуры византийского общества довольно много внимания, тем не менее попросту игнорировал вопрос о феодализме. По утверждениям Брейе, в Византии всегда имела место крупная собственность на землю и мелкая крестьянская собственность⁴ всегда в поместьях знати жили рабы и колоны, позднее названные париками и практически не отличавшиеся от рабов⁵. Брейе рисовал картину вечного застоя,

¹ F. Dölger, *Byzanz und die europ. Staatenwelt*, S. 226.

² Там же, стр. 223. Ср. *его же*, *Das Fortbestehen der Epibole in mittel- und spätbyzantinischer Zeit*, «*Studi in memoriam A. Albertoni*», vol. I, 1934. В последнее время это воззрение защищал ученик Дэльгера И. Караяннопулос (*J. Karayannopoulos*, *Die kollektive Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit*, «*Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*», Bd. 43, № 4, 1956), который со всей решительностью выступил против представления о коренных сдвигах в развитии социальных институтов в Византии и допускал только медленное и постепенное их видоизменение (там же, стр. 321 f.).

³ F. Dölger, *Zum Gebührenwesen der Byzantiner*, «*Etudes dédiées à la mémoire d'A. Andréadès*», Athènes 1940; *его же*, *Byzanz und die europ. Staatenwelt*, S. 253, A. 75.

⁴ L. Bréhier, *La civilisation byzantine*, Paris 1950, p. 152 sq.

⁵ Там же, стр. 163.

сопровождающегося то некоторым увеличением, то некоторым уменьшением числа свободных собственников¹.

Однако с середины 40-х годов XX в. в зарубежной историографии все шире стала распространяться другая концепция, развитая в трудах представителей формально-правовой школы. Появился ряд статей, авторы которых были вынуждены признать существование в Византии феодализма. Датский историк И. Данstrup утверждал, что корни византийского феодализма восходят к X в., а деятельность императора Мануила Комнина (1143—1180) значительно способствовала укреплению феодальных тенденций; Никейскую империю он безоговорочно называл феодальной. Важнейшим средством распространения феодальных порядков согласно его концепции являлись пожалование иммунитета и развивавшаяся с XI в. система проний, отождествляемая с западноевропейскими бенефициями². Вслед за Данstrupом к этим же выводам вынуждены были придти некоторые американские византилисты (К. Сеттон, П. Харанис и др.)³, ряд греческих историков⁴. Даже Дэльгер был вынужден заговорить о византийском феодализме⁵.

Впрочем, и эта теория отнюдь не была новой. Признание некоторых византийских учреждений феодальными встречается у ряда русских дореволюционных историков⁶. О византийском феодализме говорили еще

¹ См. М. Л. Абрамсон, Рецензия на книгу Л. Брейе, «Византийский временник», т. VI, 1953, стр. 310 и сл. По существу те же взгляды развивает и другой французский историк — П. Лемерль, который не только отрицает наличие качественных перемен в аграрной истории Византии (P. Lemerle, *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes*, «Revue historique», t. 219, 1958, p. 74), но и прямо отвергает выводы советских ученых о феодальном характере византийского общества; употребление в советской историографии термина «феодальный» он называет «произвольным» (там же, стр. 267).

² J. Danstrup, *The state and landed property in Byzantium to c. 1250*, «Classica et mediaevalia», vol. 8, 1946, p. 229 f.

³ Особенно см. E. H. Kantorowicz, *Feudalism in the Byzantine empire*, «Feudalism in History», Princeton 1956.

⁴ D. A. Zakythenos, *Le processus de féodalisation*, «L'Hellénisme contemporain», vol. 2, 1948; A. Diomidis, *Δουτικὸς καὶ βυζαντινὸς φεουδαλισμὸς*, «Νέα Ἔστια», т. 50, 1951.

⁵ F. Dölger, Заметка о работе Д. Закифиноса, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 49, 1956, S. 498.

⁶ См. П. А. Яковенко, Рецензия на книгу О. Тафрали, «Византийский временник», т. XXI, вып. 3—4, 1915, отд. 2, стр. 183; К. Н. Успенский, *Очерки по истории Византии*, ч. I, М. 1917, стр. 9.

в XIX в. некоторые исследователи на Западе¹. Подобно своим предшественникам, И. Данstrup, П. Харанис и другие сторонники византийского феодализма рассматривали феодализм не как социально-экономическое, но лишь как правовое явление: раздача государственных земель крупным собственникам (посредством проний, харистикиев, экскуссии) и составляла, по Харанису, основное содержание процесса феодализации². Именно поэтому они отождествляли феодализацию с децентрализацией и относились к феодализму не как к закономерному и прогрессивному на определенном историческом этапе общественному строю, а как к язве, разъедающей государственный организм.

Несмотря на эту принципиальную ошибку формально-правовой школы в изучении византийской аграрной истории, следует отметить одно обстоятельство: сторонники этого направления охотно проводили аналогии между византийскими и западными социальными отношениями³, а это содействовало более правильному пониманию сущности общественного строя Византии.

Третье из названных нами направлений представлено в первую очередь работами Г. Острогорского, который рассматривал феодализм не как систему политических отношений, характеризующуюся иерархической структурой власти (как подавляющее большинство западных историков), но как совокупность определенных социально-экономических факторов: поместье, населенное крестьянами, рассматривается им как основная ячейка феодального общества⁴.

¹ *A. Rambaud*, *L'empire grec au X-e siècle*, Paris 1870, p. XII sq; *A. F. Gfrörer*, *Byzantinische Geschichten*, Bd. III, Graz 1877; *H. Gelzer*, *Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte*, in: *K. Krumbacher*, *Geschichte der byz. Litteratur*, München 1897, S. 976.

² *P. Charanis*, *The aristocracy of Byzantium in the XIIIth century*, «*Studies in Roman economic and social history in honor of A. Ch. Johnson*», Princeton 1951, p. 339 f. Харистицием называется передача церковных владений светским феодалам в пожизненное пользование, экскуссия обычно отождествляется с западноевропейским иммунитетом.

³ *P. Charanis*, *The monastic properties and the state in the Byzantine empire*, «*Dumbarton Oaks Papers*», vol. 4, 1948, p. 93; *K. M. Setton*, *On the importance of land tenure and agrarian taxation in the Byzantine empire*, «*American Journal of Philology*», vol. 74, № 3, 1953, p. 253 f, 259.

⁴ *G. Ostrogorski*, *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine*, Bruxelles 1956, p. 8, Ср. *Г. Острогорский*, *Византийские писцовые книги*, «*Byzantinoslavica*», vol. IX, 2, 1948; *G. Ostrogorski*, *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*, Bruxelles 1954, p. 259—368. Следует при-

Казалось бы, западная историография постепенно приближается как к пониманию характера феодализма, так и к признанию существенного сходства между аграрным строем западноевропейских средневековых государств и Византии. Однако в действительности это не так: как раз в литературе самых последних лет мы наблюдаем резкие выпады против «феодальной теории», против признания аналогии в развитии Запада и Византии. Это объясняется тем, что теория византийского феодализма была детально обоснована в последние годы в работах историков Советского Союза и стран народной демократии. Последовательное применение этой теории тесно связано с признанием феодализма как определенной общественно-экономической формации и, следовательно, подрывает тезис об извечном консерватизме, о неизменности социального строя Византии.

В рецензиях на книгу Г. Острогорского о византийском феодализме, вышедшую в 1954 г., был поставлен под сомнение основной тезис, выдвинутый им. Французский византист Р. Гийан писал: «Еще нужно доказать, правомерно ли говорить о феодализме, по крайней мере, если придавать этому слову точный и в своем роде технический смысл, и устанавливать тесный параллелизм между Византией и Западом»¹. Более развернутую критику теории византийского феодализма предпринял затем на страницах западногерманского журнала М. Младенович². Наиболее последовательно против воззрений Острогорского выступил в обширной рецензии на его книгу о византийском крестьянстве ученик Дэльгера И. Караяннопулос³. Рассуждения Караяннопулоса

знать, что Г. А. Острогорский в целом далек от марксистских взглядов: мы не найдем в его работах, например, должной оценки роли классовой борьбы; в статье «К истории иммунитета в Византии» («Византийский временник», т. XIII, 1958) не вскрыта роль иммунитета как орудия внешнеэкономического принуждения и т. д.

¹ R. Guiland, Рецензия на указанную книгу Острогорского, «Byzantinoslavica», vol. XVI, 1955, p. 352. Ср. также A. Abel, Рецензия на книгу Г. Острогорского, «Le Moyen âge», vol. 61, 1955, p. 506 sq.

² M. Mladenović, Zur Frage der Pronoia und des Feudalismus im byzantinischen Reiche, «Südostforschungen», Bd. 15, 1956, S. 123 f.

³ J. Karayannopoulos, Рецензия на книгу Г. Острогорского, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 50, 1, 1957. Рецензии Ж. Бомпера (J. Bompaire, Revue historique, vol. 218, 1957, p. 127 sq.) и П. Хараниса (P. Charanis, «Speculum», vol. 32 N 3, 1957, p. 596 f.) вовсе не ставят вопроса о феодализме.

чрезвычайно характерны для того отказа от «феодальной теории» (даже в ее непоследовательном варианте, который наблюдается в современной буржуазной историографии), поэтому необходимо остановиться на них подробнее.

Караяннопулос начинает рецензию с утверждения, что Острогорский в упомянутой выше книге не рассмотрел систематически проблему феодализма в Византии, поэтому и сам он не будет останавливаться на этом вопросе. Рецензент только бросает вскользь упрек, будто определение Острогорского является субъективным¹. Однако этот упрек совершенно необоснован. В книгах Острогорского мы находим достаточно материала для постановки упомянутой проблемы, центральной в его работах. Но Караяннопулос не в состоянии открыто полемизировать по этому основному вопросу и отделяется от него несколькими общими фразами. Свой удар он сосредоточивает на нескольких частных вопросах, стремясь таким путем подорвать теорию византийского феодализма.

Одно из интереснейших наблюдений Острогорского, сделанных в рецензируемой Караяннопулосом книге, приводит к выводу, что государственные крестьяне в Византии X в. по своему положению были феодально зависимыми людьми с той только особенностью, что их повинности шли непосредственно в пользу государства, а не того или иного феодального сеньора. «Их отношения с государством,— писал Острогорский,— не отличались по существу от тех связей, которые соединяли сеньориального парика с его господином»². Караяннопулос отвергает этот тезис, утверждая, что государственные крестьяне (димосиарии) — это не зависимые люди (парики), а просто лица, обязанные платить налоги в казну³.

Этот спор имеет принципиальное значение. Если бы действительно признать, что государственные крестьяне X в. не были феодально зависимыми людьми, то неминуемо придешь к выводу о коренном различии общественных порядков раннего средневековья на Западе и в Византии, к выводу в духе Брэттиану о принципиальной

¹ J. Karayannopoulos, указ. соч., стр. 168.

² G. Ostrogorski, Quelques problèmes, p. 18.

³ J. Karayannopoulos, указ. соч., стр. 171.

противоположности развития Западной Европы и Византийской империи. Караяннопулос умышленно умалчивает об этом, однако забывать этого нельзя.

Рассуждения Караяннопулоса весьма не убедительны. Он начинает с филологических замечаний, утверждая, что димосиарий и парик-димосиарий (*δημοσιάρχος πάρις-ικος*) — это не одно и то же¹. Не говоря уже о том, что средневековая терминология вообще и византийская в частности никогда не были настолько строги, чтобы оправдать подобную аргументацию, вывод Караяннопулоса противоречит известному факту: византийские чиновники нередко использовали одно прилагательное вместо прилагательного с существительным [например, прилагательное «царские» (*βασιλική*) — вместо развернутого «царские люди» (*βασιλική ἄνθρωποι*)] Поэтому употребление прилагательного димосиарий (*δημοσάρις*) вместо развернутого димосиарий-парик (*δημοσάριος πάριςικος*) вполне соответствовало характеру византийской терминологии. Между прочим, Караяннопулос намеренно умалчивает о том, что его учитель Ф. Дэльгер отождествлял димосиариев с димосиариями-париками и считал их государственными париками (*Staatsparoiken*)².

С этим связано другое положение Караяннопулоса: он ставит вопрос о пронии³ и приходит к выводу, что передача в пронию не меняет статуса тех, кто был пожалован прониару. Следовательно, рассуждает он, переданные прониару крестьяне и под пронией могли оставаться свободными людьми — они вовсе не должны были быть зависимыми крестьянами государства, переданными феодалу⁴. Однако рассуждения о том, кем могли бы быть лица, передаваемые прониару, бесплодны: у нас нет источников, которые бы освещали этот вопрос, во всяком случае для X—XII вв.

Чтобы решить вопрос о димосиариях, нужно обратиться к рассмотрению реального положения государственных крестьян, и тогда можно будет определить, были ли они феодально зависимыми людьми или сво-

¹ *J. Karayannopoulos*, указ. соч., стр. 170.

² *F. Dölger*, *Byzanz und die europ. Staatenwelt*, S. 219.

³ К стати говоря, все документы, касающиеся пронии, относятся к более позднему времени, а не к X в.

⁴ *J. Karayannopoulos*, указ. соч., стр. 172.

бодными плательщиками налогов, как утверждает Караяннопулос. Здесь следует обратить внимание на три обстоятельства: византийское государство было верховным собственником земли, вплоть до права конфискации; государственный налог не отличался здесь в принципе от сеньориальной ренты, государственные крестьяне были прикреплены к земле и в силу круговой поруки должны были отвечать за повинности беглых или умерших общинников. Именно так ставится вопрос в работах советских византинистов, на которые Караяннопулос ни разу не счел нужным сослаться. И только в том случае, если бы удалось опровергнуть все эти три тезиса, можно было бы считать вывод Караяннопулоса обоснованным. Он, однако, даже и не пытается это сделать.

Крестьянин, земля которого была собственностью государства, который платил государству феодальную по своей природе ренту, который, наконец, не обладал свободой перехода,— такой крестьянин не может быть объявлен свободным плательщиком налогов.

Важнейшим моментом истории византийского феодализма XI—XII вв. является, по Острогорскому, переход значительной массы государственных крестьян в сферу вотчинной эксплуатации, причем государство на первых порах сохраняет контроль за количеством переданных сеньору париков. Острогорский считал, что максимальное количество париков, допускаемое для того или иного поместья, обозначается техническим термином «арифмос»¹. И этот тезис вызывает возражения Караяннопулоса, который придает ему не социальный, а чисто фискальный смысл: по мнению Караяннопулоса, в документах речь идет не о числе париков вообще, а о числе свободных от обложения париков². Следовательно, полагает он, передачи государственных париков феодальным сеньорам в это время не было — императорские дипломы говорят лишь о пожаловании крупному собственнику права экскурсии, распространяющегося на то или иное количество его крестьян.

Но обратимся к источникам. В хрисовуле (жалованной грамоте) императора Алексея Комнина от 1104 г., не использованном Караяннопулосом (хотя у Острогор-

¹ G. Ostrogorski, *Quelques problèmes*, p. 26 sq.

² J. Karayannopulos, указ. соч., стр. 174.

ского есть ссылка на эту грамоту) ¹, идет речь об обмене владениями между казной и лаврой св. Афанасия: у лавры было отнято поместье Варзаханий и отданы взамен два владения — Асмала и Лоротом. В хрисовуле прямо сказано: «Так как мы узнали из принадлежащих монастырю документов, что он владел в Варзахании арифмосом восьмидесяти париков, то моя царственность даровала монастырю право поселить (ἐνοικήν) в своих владениях такой же арифмос» ². Речь идет совершенно недвусмысленно о поселении париков, а не об освобождении их от уплаты государственных налогов, как произвольно предлагает Караяннопулос. Далее в хрисовуле сказано, что император дарит монастырю 10 полнонадельных крестьян (зевгаратов), которые должны были быть свободными от обложения, подобно «парикам всех владений монастыря» ³. Следовательно, в состав арифмоса включались не все парики сеньора; они могли быть (и нередко были) свободными от обложения, но не это обстоятельство являлось определяющим.

В 1176 г. один из чиновников фиска получил приказ наместника области Милассы и Меланудия расследовать права владения Латрского монастыря. «Если ты установишь,— писал наместник,— что монастырь владеет столькими париками, сколькими и следует согласно его документам, оставь его владеть ими, как и прежде. Если же нет, передай (лишних) казне» ⁴. И этот чиновник, действительно, немало париков передал казне, записав их в государственных описях ⁵.

Если бы в действительности дело обстояло так, как это изображает Караяннопулос, то наместник области Милассы и Меланудия распорядился бы перевести часть париков Латрского монастыря из числа свободных от обложения в разряд облагаемых: однако грамота 1176 г. говорит явно о другом. Монастырю принадлежало определенное количество париков, строго ограниченное доку-

¹ G. Ostrogorskij, Quelques problèmes, p. 29 sq.

² G. Rouillard—P. Collomp, Actes de Lavra, Paris 1937, № 51. 1, 79—81.

³ G. Rouillard—P. Collomp, Actes de Lavra, № 51, 82.

⁴ F. Miklosich—J. Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi, Vindobonae, 1871, vol. IV, p. 317, 30.

⁵ Там же, стр. 318, 9. См. В. Г. Васильевский, Материалы для внутренней истории Византийского государства, «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 210, 1880, стр. 105 и сл.

ментами. Недаром специальным постановлением императора Мануила Комнина было запрещено дарить париков без указания их количества¹. И только значительно позднее, в XIII—XIV вв., в жалованных грамотах перестали указывать число передаваемых крестьян — теперь они принадлежали сеньору со всем своим потомством, как бы велико оно ни было.

Один из наиболее важных выводов Острогорского заключался в том, что в характере византийской парикии проявляется «двойственность, или, точнее говоря, антиномия, характерная для поземельных отношений феодального общества»². Иными словами, Острогорский пришел к правильному пониманию дуализма феодальной собственности. И этот вывод подвергается критике со стороны Караяннопулоса. Прежде всего он заявляет: «До тех пор покуда это понятие не обследовано в полном объеме, было бы правильнее воздержаться от обобщения»³. В действительности же для Караяннопулоса «было бы правильнее» согласиться с тем, что нельзя игнорировать те работы советских и болгарских византологов, в которых рассматривается этот вопрос. Тогда бы он, вероятно, не стал утверждать, что право отчуждать свою землю и есть верховная собственность (*dominium directum*), или наивно удивляться, как это крестьянин мог продавать господину землю, которую он держал от этого сеньора⁴. Совершенно не представляет себе Караяннопулос и природы свободы в феодальном обществе, несмотря на то что этот вопрос тщательно

¹ «Jus Graeco-Romanum», ed. C. E. Zachariae a Lingenthal, vol. III Lipsiae 1857, p. 444, l. 39.

² G. Ostrogorskij, Quelques problèmes, p. 62.

³ J. Karayannopulos, указ. соч., стр. 182.

⁴ О двойственности феодального права на землю в Византии см. А. П. Каждан, Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., М. 1952, стр. 110—113; Г. Г. Литаврин, Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв., «Ученые записки Института славяноведения», т. 14, 1956, стр. 242; Д. Ангелов, Принос към поземлените отношения във Византия през XIII век, ч. I: Мала Азия и Егейските острови, «Държавен ун-т — София. Годишник на филос.-истор. фак.», кн. 2, 1952, стр. 71 и сл.; *его же*, За зависимото население в Македония през XIV в., «Исторически преглед», год 13, 1957, № 1, стр. 40 и сл.; *его же*, Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в., «Византийский временник», т. XI, 1956, стр. 146.

⁴ J. Karayannopulos, указ. соч., стр. 180.

рассмотрен и в русской дореволюционной и в советской исторической литературе¹.

Но вернемся к аргументации Караяннопулоса. Он полагает, что никакой двойственности права собственности византийское общество не знало: там были крестьяне-собственники, крестьяне-арендаторы и, наконец, промежуточная форма — крестьяне-ипостатики (ὑποτάκται), которые на одной части используемой земельной площади были арендаторами, а на другой — собственниками. Поэтому согласно его концепции крестьянин является собственником земли, которую он продает господину². Вся эта аргументация не опирается на источники, а является чисто умозрительной, причем Караяннопулос исходит не из практики феодального права, а скорее из норм римского права. Более того, эти рассуждения прямо противоречат показаниям источников.

В описи деревни Мамицона (вернее, той ее части, которая принадлежала Хиландарскому монастырю) перечислены земли париков, полученные ими по наследству, приобретенные в приданое или купленные³. Разумеется, эти земли не могли быть занесены в опись владений Хиландарского монастыря, если бы было правильным утверждение о том, что монастырь не имел на них никаких прав.

Еще более показательным в этом отношении является хорошо известный Караяннопулосу факт покупки земельного участка Малиасином, феодалом и чиновником, который для основания монастыря Новой Петры купил землю в деревне Дрианувена, в частности в стаси крестьянина Архонтицы. Малиасин заявил — и это заявление было занесено в купчую грамоту, — что он мог бы без всякого вознаграждения взять землю Архонтицы, ибо является господином Дрианувены, однако он решил купить ее и заплатил за этот участок 12 перперов⁴.

¹ *J. Karayannopoulos*, указ. соч., стр. 181. О понятии свободы в раннее средневековье, см. *П. Виноградов*, Средневековое поместье в Англии, СПб 1911, стр. 223, и особенно *А. И. Неусыхин*, Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., М. 1956, стр. 33.

² *J. Karayannopoulos*, указ. соч., стр. 179.

³ *L. Petit*, Actes de Chilandar, 1, «Византийский временник», т. XVII, 1911. Приложение № 92.

⁴ *F. Miklosich—J. Müller*, Acta et diplomata, vol. IV, p. 397 sq.

В этой сделке отчетливо проступает перед нами именно феодальное право: собственность на землю принадлежит феодалу Малиасину, тогда как в руках крестьянина (Архонтицы) лишь владение, защищенное не правом, а традицией. С помощью искусственной категории «ипостатиков», введенной Караяннопулосом, здесь ничего нельзя объяснить.

Итак, работа Караяннопулоса, написанная чрезвычайно претенциозно¹, имела своей задачей опровергнуть представление о феодальном характере византийского общества; при этом автор делает вид, что он не затрагивает вопроса о византийском феодализме, а занимается только частными вопросами. Основная тенденция его статьи состоит в стремлении показать, что особенности византийского общества определялись не социальными, а чисто фискальными (податными) факторами. Причем все эти попытки предприняты без достаточного знания источников и литературы вопроса и без понимания существа феодального права.

Немногим ранее рецензии Караяннопулоса появилась другая работа, посвященная проблеме византийского феодализма. Автор ее Н. Г. Своронос подошел к вопросу несколько иначе, нежели Караяннопулос. Если рецензия Караяннопулоса пестрит ссылками на источники, то у Свороноса они отсутствуют почти совершенно. Однако, если Караяннопулос пытается тщательно завуалировать свои общие взгляды и представить себя лишь добросовестным собирателем фактического материала, чуждым стремления к синтезу (в действительности это отнюдь не так), то теоретические построения Свороноса гораздо более развернуты. Он формулирует их следующим образом. «Проблема, которую необходимо решить,— пишет он,— состоит в следующем: имел ли и в какой степени социально-экономический строй Византии ту же самую природу (или структуру), какая была на феодальном Западе, или же там образовалось, как и в мусульманском мире, особое общество — со своими законами, своими традиционными нор-

¹ Чего стоит, например, его напыщенное заявление: «Час синтеза в области внутренней истории Византии еще, к сожалению, не пришел» (*J. Karayannopoulos*, указ. соч., стр. 182) или иронизирование по поводу того, что Острогорский «потратил столько труда для доказательства, что парики — это парики» (там же, стр. 172).

мами и со своими собственными проблемами»¹. Этот вопрос обычно решали, заявляет Своронос (как и Караяннопулос, он игнорирует советскую историческую литературу²), лишь применительно к сфере юридических или социальных отношений, он же намеревается рассмотреть «экономическую реальность»³.

Переходя к анализу конкретного материала, Своронос подчеркивает прежде всего устойчивость римских традиций: византийское общество, по его мнению, разделялось на рабов и свободных, причем положение византийских рабов ничем не отличалось от положения рабов в Риме⁴. Условная собственность была здесь сравнительно мало распространена, и господствовал аллод — старая полная (так называемая «квиритская») собственность римского права⁵.

При решении этих вопросов мы, однако, должны провести четкое разграничение между теми нормами, которые сохранялись в рецепированных памятниках римского права, и теми, которые на практике определяли общественные отношения. Конечно, в многочисленных византийских юридических руководствах мы найдем определения собственности, почерпнутые из сочинений римских юристов, но это не значит, что византийская собственность была собственностью квиритской.

Здесь следует обратить внимание на следующие обстоятельства: не только прония, но и всякое вообще земельное владение в Византии, во всяком случае теоретически, считалось собственностью государства (как совокупности класса феодалов) и в качестве такового могло быть беспрепятственно конфисковано. Наличие — бок о бок с феодальной *собственностью* — крестьянского *владения* на тот же самый земельный участок (о чем уже говорилось выше) ни в коей мере не совместимо с римскими представлениями о земельной собственности. В соответствии с этим и терминология понятий «собственность» и «владение» оказывалась в Византии

¹ N. G. Svoronos, Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance: petite et grande exploitation, «Annales», vol. 11, № 3, 1956, p. 326.

² См. прежде всего М. Я. Сюзюмов, Проблемы иконоборчества в Византии, «Ученые записки Свердловского государственного педагогического института», вып. 4, 1948.

³ N. G. Svoronos, Sur quelques formes, «Annales», vol. 11, p. 326.

⁴ Там же, стр. 327.

⁵ Там же, стр. 328.

весьма непоследовательной: разнообразные термины греко-римского права приобрели постепенно феодальный оттенок и на практике стали обозначать «держание». Наконец, даже ценообразование в Византии приобрело феодальный характер: цена земли определялась здесь, как и обычно в феодальном обществе, не только реальными качествами надела, но и социальным статусом контрагентов¹. Для того чтобы опровергнуть тезис о существовании в Византии феодальной собственности, Свороносу следовало бы прежде всего опровергнуть указанные факты. Однако он, разумеется, не смог это сделать.

Во второй части работы Своронос рассматривает вопрос о соотношении домениальной и надельной земли и приходит к выводу, что на Западе домен составлял значительную часть вотчины, тогда как в Византии мы находим «прямо противоположную картину». Здесь, по его мнению, крупные владения, обрабатываемые наемными батраками, рабами и барщинниками-париками, были крайне незначительными, тогда как основная масса вотчинной земли находилась в руках крестьян². Сославшись всего на два примера (практик Ивирского монастыря от 1301 г. и хиландарские владения в Мамичоне), Своронос делает далеко идущий вывод: в преобладании мелкой обработки земли коренится объяснение того факта, что «византийский мир оказал явное сопротивление политическим формам феодализма, даже в ту эпоху, когда определенные учреждения оказывали влияние на процесс феодализации в Византии»³.

Это положение Свороноса явно ошибочно. Далекое не всегда и далеко не повсюду на Западе домен преобладал над надельной землей. Об этом свидетельствуют в частности обширные материалы, приведенные в работе

¹ А. П. Каждан, Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 160 и сл.

² N. G. Svoronos, Sur quelques formes, p. 329 sq.

³ Там же, стр. 335. Следует отметить, что в другой работе Своронос, анализируя некоторые черты политической надстройки в Византии, приходит к признанию феодального характера присяги на верность (начиная с XIII в.), устанавливавшей личные связи между сюзереном и подданными (N. Svoronos, Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle, «Revue des études byzantines», vol. 9, 1952, p. 135 sq. Эта работа в сокращенном виде была опубликована первоначально в «Actes du VI-e Congrès Intern. d'Études byzantines», vol. I, Paris 1950).

академика Е. А. Косминского¹; рассмотрение данных относительно английского манора (а именно он является изученным в наибольшей степени) показывает картину необычайного разнообразия его структуры, особенно в Восточной и Северной Англии. И тем не менее маноры самого различного типа необходимо признать феодальными вотчинами. Следовательно, вывод Сворноса не является научно обоснованным и должен быть отвергнут.

В такой же мере неубедительно использование им фактического материала. Выводы, сделанные на основании двух примеров, относящихся к одному и тому же району и к одинаковому периоду, Сворнос считает правомерными по отношению ко всей территории огромной империи в течение всего тысячелетия ее существования. Уже одно это является нарушением элементарных принципов методики исследования. Больше того, Сворнос игнорирует высказанные в литературе взгляды, противоположные его точке зрения, равно как и источники, на которых основывались авторы этих взглядов. Уже Дэльгер обратил внимание на то, что в поместье Варис (опись 1073 г.) примерно четыре пятых земель составлял домен²; согласно расчетам Острогорского, во владениях Хиландарского монастыря в домене было в 5 раз больше земли, чем у крестьян, а во владениях Зографского монастыря в 1320 г.— чуть ли не в 12 раз³. Из описи метоха Стомий, принадлежавшего Ксенофонову монастырю, следует, что 2100 модиев земли составляли домен и только 70 были в руках париков⁴. Картина таким образом вырисовывается совсем не такой, какой ее пытается представить Сворнос. В горных районах Византии, где преобладало садоводство и виноградарство, домениальные земли, естественно, могли быть незначительными; в других же местах они, напротив, достигли очень больших размеров. Коротче говоря, нет никаких оснований для вывода, что

¹ Е. А. Косминский, Исследования по аграрной истории Англии XIII в., М.—Л. 1947, стр. 121 и сл.

² F. Dölger, Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 221.

³ Г. Острогорский, Византийские писцовые книги, «Byzantinoslavica», vol. IX, 2, 1948, стр. 239.

⁴ Б. Т. Горянов, Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв., «Византийский временник», т. X, 1956, стр. 129. Один модий составлял примерно 0,08 га.

система землепользования в Византии была принципиально отлична от той, какая существовала в средние века на Западе.

Рассмотрение ряда новейших работ по аграрной истории Византии свидетельствует, таким образом, что выступления современной буржуазной византистики против теории о существовании в Византии феодальных отношений не имеют серьезного научного значения, основаны на случайном материале и противоречат действительности.

Отрицание византийского феодализма тесно связано с другой концепцией, широко распространенной в современной буржуазной историографии, а именно с отрицанием качественного перехода от античности к средневековью на территории Восточной Римской империи. Модная в свое время теория австрийского медиевиста А. Допша об «отсутствии цезуры» (т. е. об отсутствии качественных изменений) между древностью и средними веками в Западной Европе настолько резко противоречила данным источников, что она не смогла утвердиться в буржуазной историографии, несмотря на те соблазнительные политические выводы (отрицание революционного перехода), которые в ней содержались. В настоящее время коренное различие между общественными и экономическими порядками Римской империи и ранне-средневековой Европы признается подавляющим большинством западных историков и споры идут лишь о том, к какому времени относить переход от древности к средневековью и какими причинами его объяснять: известно, например, что бельгийский экономист А. Пиренн безуспешно пытался датировать этот переход VIII в. и связывать его с установлением арабского господства на Средиземном море.

Иное дело — история Восточной Римской империи. Используя то обстоятельство, что источники для истории Восточного Средиземноморья в раннее средневековье дошли до нас в относительно меньшем количестве и изучены еще далеко не достаточно, буржуазные историки охотно выдвигают представление, что в отличие от Запада Восток не пережил крушения римской государственности и сохранил традиционные общественные порядки; Римская империя здесь продолжала существовать, она лишь несколько трансформировалась.

Из этого весьма распространенного в современной буржуазной историографии тезиса делается вывод, имеющий, несомненно, сугубо реакционный политический смысл. Буржуазные историки полагают, будто способность к творческому развитию присуща только «западному миру», тогда как на Востоке господствует застойность, консерватизм, приверженность к традиционным формам общественной и идеологической жизни. Рассматривая мировую историю под углом зрения развития идей, западногерманский историк Г. Штейнакер пытается отрицать наличие в Византии какого бы то ни было развития как в материальной, так и в духовной области. Соединив унаследованное от античности мировоззрение с христианским, Византия, по словам Штейнакера, не внесла в отличие от Запада в сокровищницу идей чего-либо нового и оригинального¹.

Нельзя сказать, однако, что все современные буржуазные историки совершенно отрицают наличие качественных изменений, которыми сопровождался переход от античности к средневековью на востоке Средиземноморья. Среди ученых Запада широко распространено представление о переломном периоде в истории позднеримской империи, о существенных преобразованиях, приведших к появлению *нового* государства — Византийской империи. Однако этот перелом трактуется буржуазными историками в чисто субъективистском плане. Например, английские историки Н. Г. Бэйнз и Г. Ст.-Л. Б. Мосс связывают переходный период с деятельностью императора Константина, которому якобы удалось «привести во взаимодействие» языческую культуру, римскую традицию и христианство, комбинация которых и «породила» Византийскую империю².

Еще более выпукло эта точка зрения выражена в работе западногерманского историка И. Фохта. Фохт говорит о глубоком кризисе, охватившем империю в первые века нашей эры. Диоклетиан, однако, сумел задержать процесс распада, силой наведя порядок, но не меняя основ существующего строя. И лишь Константин, «великий преобразователь», открыл «новую эру»,

¹ H. Steinacker, Weltgeschichtliche Einordnung des Frühmittelalters. «Historia mundi», Bd. 5, Bern 1956, S. 474—475.

² N. H. Baynes and H. St.-L. B. Moss, Byzantium, An introduction to East Roman civilization, Oxford 1948, p. XVIII.

«завершив» историю античности, и «положил начало» христианскому средневековью, совершив тем самым «подлинную революцию»¹.

Сторонники такого рода «революции» Константина нашлись у Фохта и в Англии. Английский историк К. В. Превитэ-Ортон идет еще дальше Фохта, утверждая, что Константин совершил не одну, а целых две революции: первая заключалась в перенесении столицы в Византий, а вторая — в принятии христианства в качестве официальной религии².

Так проблеме перехода от античности к средневековью было придано в буржуазной историографии узко субъективистское, идеалистическое понимание. Понятие «революции» в устах буржуазных историков было лишено всякого социального содержания и низведено до реформаторской деятельности одной личности.

Если воззрения Фохта и Превитэ-Ортона отличаются откровенно выраженным идеализмом и субъективизмом в объяснении причин перехода от античности к средневековью в Восточном Средиземноморье, то все же в буржуазной историографии можно встретить другие концепции, имеющие, во всяком случае по видимости, более объективный характер. Это так называемые фискальная и демографическая теории.

Первая из них получила особенное распространение в 20-е годы и в настоящее время встречается сравнительно редко (во всяком случае, в своем чистом виде)³. Суть ее заключается в том, что двигателем общественного развития объявлялись интересы государственной казны (фиска — отсюда и наименование этой теории): изменение методов и форм взимания податей, согласно утверждению сторонников этой теории, привело к за-

¹ *J. Vogt, Constantin der Grosse und sein Jahrhundert, München 1949.*

² *C. W. Previté-Orton, in «The shorter Cambridge medieval history», vol. I, Cambridge 1952, p. 1.*

³ Несостоятельность фискальной теории показал уже американский византист П. Харанис (*P. Charanis, On the social structure of the Later Roman empire, «Byzantion», vol. 17, 1945, p. 47 f*), который, однако, критиковал ее с идеалистических позиций, полагая, что история Византии определялась двумя факторами: войной и религией. Позднее под влиянием критики советских ученых П. Харанис стал обращать все более внимание на действие экономических факторов, особенно см. *P. Charanis, Economic factors in the decline of the Byzantine empire, «Journal of Economic History», vol. 13, № 4, 1953, p. 413 f*).

крепощению колонов в IV и последующих столетиях, а новое изменение — к освобождению крестьянства в конце VII—VIII вв.

Демографическая теория, особенно детально развитая в статье П. Лемерля¹, явилась своеобразным приложением мальтузианства к истории Восточной Римской империи: по мнению Лемерля и других сторонников этой теории, уменьшение народонаселения было причиной закрепощения колонов, тогда как вторжение «варваров» и, в частности, расселение славянских племен привело к появлению большого числа новых «рабочих рук» на территории империи и тем самым устранило как кризис, так и необходимость в прикреплении колонов к земле.

И фискальная, и демографическая теории обладают двумя общими коренными пороками: во-первых, в них игнорируется то обстоятельство, что внутренние причины общественного развития коренятся не в таких явлениях, как фискальная политика или изменение количества рабочих рук (эти обстоятельства сами нуждаются в объяснении), — эти внутренние причины нужно искать в закономерностях социально-экономического развития общества, которые раскрывает нам только марксистское учение о формациях; во-вторых, развитие, о котором говорят сторонники этих теорий, по сути дела оказывается «топтанием на месте»: за закрепощением колонов следует их освобождение и, следовательно, возвращение к прежним порядкам.

Иначе говоря, если буржуазные историки допускают, что на Западе в эпоху раннего средневековья сложилось новое общество, коренным образом отличавшееся от римского, то они отвергают мысль о возможности качественных перемен на Востоке.

Эта мысль лежит в основе работы английского историка Г. Ст.-Л. Моссена, который попытался обобщить господствующие в современной буржуазной историографии взгляды на условия возникновения Византийской империи и ее значение в мировой истории. Речь идет о главе «Историческое значение Византии», написанной Моссом для четвертого тома обобщающей работы западно-

¹ P. Lemerle, Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, «Revue historique», t. 219, 1958.

германских историков — Всеобщей истории (*Historia mundi*).

Мосса уже не удовлетворяет признание «революции», пусть даже в том искаженном смысле, в каком это допускали Фохт и Превитэ-Ортон. Исходным пунктом анализа своеобразия Византии Мосс объявляет изучение «трехликой природы» этого государства. Византийское государство — римское по законам и управлению, греческое по языку и культуре, христианское по вере и нравам — сложилось, пишет Мосс, в эпоху от Константина до Ираклия — в эти три «творческих столетия». Развитие допускается при этом Моссом только в области государства, идей, культуры, права. В «творческие» века, по его словам, произошло лишь объединение, «взаимопроникновение» разнородных элементов, появление многих из которых относится к гораздо более раннему времени. Так, например, «вселенская идея», возторжествовавшая в Византии, «родилась с Александром Македонским», когда рухнул партикуляризм городов-государств; римское право и управление утверждалось на востоке еще со времени завоевания Римом эллинистических государств; идеал верховного правителя-самодержца, процветавший в эллинистических монархиях, был перенесен на римского императора. Христианство лишь облегчило процесс объединения в одно целое этих разнородных идей. Религия, монархия (*Reich*) и цивилизация стали, по мнению Мосса, столпами новой империи до конца ее дней.

Мосс говорит и о тяжелом кризисе, пережитом империей в V в., о недостатке рабочей силы, переменах в сельском хозяйстве и производстве, о падении стоимости денег. Но причину всех этих явлений Мосс усматривает лишь во вторжениях германских народов и гражданских войнах. Все это, по его мнению, давало себя знать уже при Диоклетиане и Константине, все это непосредственно и вызвало их законодательство в социальной и хозяйственной областях. Мероприятия этих императоров «задали тон» для организации империи, для создания такой системы, которая и спасла Византию от гибели. Основные черты этой системы Мосс усматривает в комбинации централизованного контроля и местного самоуправления. Мосс считает эту систему жизненной и совершенной, так как она не только позволяла ис-

пользовать все военные и гражданские силы государства, но, оказывается, обеспечивала еще и «равновесие классов». Погубило империю крупное землевладение, лишившее императорскую власть ее центрального положения, нарушившее «равновесие классов» и давшее простор «феодалным тенденциям», под которыми Мосс понимает феодальную раздробленность.

В конце своей работы, которую он заканчивает гимном в честь Византии, Мосс откровенно обнажает политическую направленность всех своих построений. Он «отлучает» от культуры Запада и от культурного наследия Византии большинство населения Восточной Европы, заявляя, что «духовная близость» с Западом существует только у одних «православных верующих России», которых связывает с Западом «вопреки всем различиям» общее наследие из Греции, Рима и Палестины»¹.

Утверждения буржуазных историков о незыблемости античных порядков и эллинистических традиций в Византии не выдерживают критики. Как и на Западе, в общественной и хозяйственной жизни Восточной Римской империи произошли глубокие изменения, принципиально близкие к тем, которыми был ознаменован переход от античности к средневековью и в Западной Европе. Политический смысл концепций буржуазных историков о незыблемости общественного и политического строя Византии заключается (независимо от субъективной позиции того или иного из них) также в проповеди неизменности, извечности существования эксплуататорского общества, в попытках отыскать исторический пример «идеального государства», обеспечившего «социальную справедливость» и не знавшего революций. Это явно несостоятельная тенденция, противоречащая хорошо известным фактам истории периода перехода от рабовладельческого строя к феодальному на востоке империи.

Изучая вопрос о переходе от рабовладельческого общества к феодальному, мы неминуемо придем к постановке огромной по важности проблемы о роли народных масс в этом процессе, проблемы, которая игнорируется буржуазным византиноведением. Элементы нового общественного строя, хотя и возникли в недрах старого

¹ *H. St.-L. B. Moss, Die geschichtliche Bedeutung von Byzanz, «Historia mundi», Bd. 4, Bern 1956, S. 542—555.*

общества и проявились как глубокая и закономерная тенденция развития, победили, однако, не сами собой, а в условиях ожесточенной классовой борьбы, слившейся с вторжением «варваров», и благодаря этой борьбе.

Революционное движение народных масс в этот переходный период в буржуазной историографии обычно или замалчивается, или со свойственным ей пренебрежением толкуется как «беспорядки», не имевшие существенного значения в ходе развития общества. В лучшем случае западные исследователи старательно регистрируют факты классовой борьбы, но отказываются дать им оценку, объяснить их причину и значение в истории. Так поступают, например, Ж. Руйар¹ и Э. Демужо². Некоторые историки (Л. Брейе, Э. Штейн, Ст. Мосс и др.) вопреки фактам прямо отрицают существование классовой борьбы в Византии, утверждая, что здесь царили «социальный мир» и «равновесие классов».

Переход от античности к средневековью, как и на Западе, сопровождался на Востоке ожесточенной классовой борьбой. Отживающий класс на востоке империи сохранил в своих руках мощное орудие подавления народных масс — государство и мобилизовал все свои усилия на укрепление основ гибнущего строя. Тенденция прогрессивного развития пробивала себе дорогу в борьбе с рабовладельцами. Колонат сам по себе в той или иной его форме не мог вывести хозяйство империи из тупика. Чудовищный фискальный гнет, неоднократные попытки закрепить колонов и других мелких землевладельцев, ограничить их имущественную правоспособность, а иной раз попытки низвести колона вновь на положение раба, ростовщичество, лихоимство чиновной знати, насилия крупных земельных собственников — все это делало неустойчивым мелкое самостоятельное хозяйство, которое как раз и было носителем прогресса. Не случайно источники того времени сообщают о заброшенных землях, опустевших деревнях, бегстве населения, упадке интенсивного земледелия, обнищании народных масс.

¹ G. Rouillard, *La vie rurale dans l'Empire byzantin*, Paris 1953, p. 39—44, 60 sqq.

² E. Demougeot, *De l'unité à la division de l'Empire romain* (395—410). Paris 1951.

Колонат так и остался переходной формой от рабства к феодализму, показателем разложения старого способа производства и незрелости нового.

Социальная и политическая история этой эпохи ознаменована восстаниями рабов и колонов, городских низов и свободных земледельцев; не раз торжествовала рабовладельческая реакция, но дни ее были сочтены. Движение угнетенных слилось с вторжениями «варваров» и положило конец рабовладельческому способу производства.

Ст. Мосс видит особенности судеб Византии в том, что ее якобы не коснулись в такой мере, как Западной Римской империи, нашествия «варваров», сводя все дело к различиям в направлении «варварских» вторжений¹. Но он забывает при этом, что именно Византии пришлось выдержать первый удар «варваров», в том числе и германцев (готов), и что в последующем она подверглась вторжениям, едва ли менее интенсивным, чем Западная империя.

Как на Западе рабовладение рухнуло под ударами угнетенных народных масс, объединившихся с «варварами», главным образом германцами, так и на Востоке оно было ликвидировано благодаря выступлениям эксплуатируемых низов, поддержанных массами вторгнувшихся в империю народов, преимущественно славян.

Нет необходимости приводить здесь всем хорошо известные факты о борьбе рабов, колонов и городских низов совместно со славянами, готами, аварами, арабами и т. д. против рабовладельческой империи. Советские историки М. В. Левченко², Е. Э. Липшиц³, Н. В. Пи-

¹ N. H. Baynes and H. St.-L. B. Moss, *Byzantium*, p. 1—32.

² М. В. Левченко, К истории аграрных отношений в Византии в VI—VII вв. по документам византийского Египта, «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 1—2, 1935 г.; *его же*, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», М.—Л. 1945; *его же*, Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи, «Византийский временник», т. 2, 1949.

³ Е. Э. Липшиц, Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма, «Византийский временник», т. I (XXVI), 1947; *его же*, Византийское крестьянство и славянская колонизация, «Византийский сборник», М.—Л. 1945; *его же*, Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э., сб. «Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М. 1952.

гулевская¹, А. П. Дьяконов², З. В. Удальцова³, А. Д. Дмитриев⁴ и др. показали огромное значение этих событий для дальнейших судеб империи. Вторжения «варваров» завершились заселением огромных территорий империи, они вели к разделу (как и на Западе) имений крупных земельных собственников, облегчили положение византийского крестьянства, нанесли сильнейший удар рабовладельческому полису. Лишь в результате появления этой массы нового трудового населения, жившего сельскими общинами, процесс перехода к феодализму стал реальностью и для Восточной Римской империи. Сельская община стала основной ячейкой формирования новых производственных отношений.

Любопытно, что Лемерль признает огромное значение для истории Византии вторжения «варваров», он даже называет его «единственным большим изменением, изменением первостепенной и неочтенной (в историографии) важности» («непонятно, почему «неочтенной», — ведь здесь же Лемерль дает ссылки на соответствующие работы советских ученых). Это изменение, пишет Лемерль далее, не могла осуществить никакая реформа⁵. Но вывод, сделанный Лемерлем, тут же свидетельствует, что важность этих событий он видит лишь в количественном увеличении трудового населения империи, в решении проблемы «рабочих рук». Вторжение так называемых варваров, в том числе славян, Лемерль изображает как медленный и мирный процесс⁶, не приведший к качественным изменениям, ибо экономические и государственные институты, по его мнению, остались старыми, римскими. Эволюция, заявляет Лемерль, обращаясь к

¹ Н. В. Пигулевская, Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке, «Вопросы истории» № 3, 1953 г.; *её же*, К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке, «Вопросы истории» № 4, 1950 г.

² А. П. Дьяконов, Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков, «Вестник древней истории» № 1, 1946 г.

³ З. В. Удальцова, Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, «Византийский временник», т. V, 1952.

⁴ А. Д. Дмитриев, Движение скамаров, «Византийский временник», т. V, 1952; *её же*, Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, «Вестник древней истории» № 1, 1950 г.

⁵ P. Lemerle, Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, «Revue historique», vol. 219, p. 14.

⁶ Там же, p. 63.

советским историкам, имела место, но не было революции¹. Лемерль не признает Византию феодальным государством, пытается не замечать происходивших в ней глубоких экономических и политических преобразований, оставаясь тем самым в плену старой реакционной доктрины, утверждающей, что Византия — лишь простое продолжение Римской империи. Сама «эволюция» сводится у Лемерля лишь к некоторым преобразованиям в фискальной и военной системе. «В отношении к Западу, — заканчивает Лемерль первую часть своей работы, — ранее обозначившиеся противоположности остались в силе (и теперь)». Они состояли, по Лемерлю, в сохранении традиции, которая якобы не понесла существенного ущерба, и в могуществе и эффективности государственного аппарата².

Таким образом, работы не только тех историков Запада, которые отрицают наличие непреходимой грани между Позднеримской империей и Византией, но и тех, которые признают переходный период, заполненный изменениями и преобразованиями, отнюдь не способствуют пониманию важнейших явлений в жизни раннесредневекового общества. По утверждению этих историков, все изменения сводятся к деятельности великих людей либо же объясняются стечением обстоятельств, неожиданными событиями, развитием, комбинацией и «взаимопроникновением» тех или иных идей.

Однако Византия — это не простое продолжение Позднеримской империи, а новое общество, возникшее на качественно иной социально-экономической базе. Византия выстояла как государство, опираясь на свои материальные ресурсы, но она превратилась в государство феодальное. Революционное движение и вторжение «варваров» привели к широкому распространению сельской общины, мелкого крестьянского землевладения, ускорившего складывание феодального способа производства.

* * *

Вторым аргументом в пользу теории о принципиальном отличии исторических судеб Византии от государств

¹ P. Lemerle, *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance* «*Revue historique*», vol. 219, p. 69.

² Там же, стр. 74.

Западной Европы является широко распространенная в зарубежной исторической литературе теория о коренном различии судеб города и, если брать шире, об отличиях в самом характере товарного производства на Западе и в Византии в период раннего средневековья. В буржуазном византиноведении принято считать, что если на Западе раннее средневековье принесло с собой упадок городской жизни, то в Византии город оставался определяющим экономическим и культурным фактором на всем протяжении ее существования. Эта точка зрения, мимоходом высказанная еще в работах ученых прошлого столетия¹, была детально развита в 1917 г. А. П. Рудаковым, всячески подчеркивавшим консерватизм и застойность общественных порядков Византийской империи². Как представитель русской буржуазно-дворянской интеллигенции он искал в этой теории подтверждение своей иллюзии о незыблемости социального устройства и, следовательно, аргументы против возможности коренного революционного переворота в России.

Еще далее Рудакова пошел в этом вопросе немецкий экономист Л. Brentano, который в довольно поверхностном обзоре экономики Византийской империи заявил даже, что в византийских городах (даже в раннее средневековье) существовала капиталистическая система хозяйства, которая, как он полагает, как раз и отличала византийскую экономику от хозяйственной жизни западного средневековья³.

Представление об экономическом процветании Византии раннего средневековья и, более того, о капиталистическом характере ее экономики присуще работам большинства современных буржуазных экономистов, занимающихся этими вопросами. Здесь в первую очередь следует назвать работы американского экономиста Р. С. Лопеса, являющегося в настоящее время одним из наиболее крупных буржуазных специалистов по истории торговли и ремесла в Средиземноморье.

¹ Например, *E. Pariset, Histoire de la soie*, vol. II, Paris 1865.

² См. А. П. Рудаков, *Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии*, М. 1917, стр. 371—372, 109—110; ср. также *K. Dieterich, Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels*, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 31, 1931, S. 37 f.

³ См. Л. Brentano, *Народное хозяйство Византии*, Л. 1924, стр. 24, 66 и др. (немецкий оригинал: *L. Brentano, Die byzantinische Volkswirtschaft*, «Schmollers Jahrbuch», Jg. 41, H. 2, 1917).

Он собрал значительный материал для характеристики экономического развития Византии и смежных с ней областей. Несомненно, плодотворны его попытки выяснить внутренние, экономические корни тех или иных общественных явлений. Так, например, Лопес справедливо упрекает тех исследователей, которые обращали внимание лишь на церковные связи между раннесредневековыми государствами, но забывали о «коммерческом аспекте» этих связей¹. Если обычно ухудшение качества золотой византийской монеты X—XI вв. объясняют чисто политическими факторами или даже субъективными качествами византийских императоров², то Лопес был, пожалуй, единственным на Западе исследователем этого вопроса, который считал необходимым искать решения проблемы в экономических явлениях, в тех переменах, которые переживало в ту пору все хозяйство Средиземноморья³.

Однако метод трактовки экономических явлений средневековья, присущий ему как буржуазному ученому, по существу ведет к искажению явлений действительности. Прежде всего это модернизация прошлого, т. е. рассмотрение его в категориях и понятиях современности. Лопес не видит в организации византийского ремесла чего-то отличного от современной экономики, наоборот, он обнаруживает в Византии черты, характерные для капиталистического общества, капиталистической системы хозяйства.

Наиболее отчетливо указанная тенденция к модернизации византийской экономики проявилась в большой статье Лопеса о «шелковой промышленности» в Византийской империи⁴. Здесь автор прямо и недвусмысленно отождествляет «монопольное производство драгоценных тканей» с существующими в настоящее время монополиями⁵. Контроль за производством дорогих тканей, по словам Лопеса, был почти таким же могущественным оружи-

¹ R. S. Lopez, Le problème des relations anglo-byzantines du septième au dixième siècle, «Byzantion», vol. 18, 1946—1948 (1948), p. 151.

² См., например, Ph. Grierson, The debasement of the bezant in the XIth century, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 47, 1954, p. 379, 386, 390.

³ R. S. Lopez, La crise du besant au X-e siècle et la date du Livre du Préfet, «Mélanges H. Grégoire», vol. II, Bruxelles 1950, p. 413.

⁴ R. S. Lopez, Silk industry in the Byzantine empire, «Speculum», vol. 20, 1945, № 1.

⁵ Там же, стр. 2.

ем в руках византийских императоров, как обладание основными стратегическими материалами — нефтью, углем, железом в руках американского и британского правительств¹. Легко можно увидеть всю натянутость этой аналогии: действительно, что может быть общего между шелкоткацким производством, обслуживавшим лишь узкую верхушку феодального класса, и существующим в наши дни крупнокапиталистическим производством. Лопес пытается обнаружить в Византийской империи и такое характерное явление современного капиталистического мира, как конкуренция². Эта модернизация явлений далекого прошлого широко используется в современной буржуазной историографии для обоснований антинаучного вывода об исконности и извечности, иначе говоря, о незыблемости капиталистических порядков.

Подобная модернизация чрезвычайно характерна для подавляющего большинства работ, посвященных упомянутой теме. Американский исследователь А. Р. Льюис в большой работе, посвященной средиземноморской торговле в VI—XI вв., приходит к выводу, что с начала VIII столетия торговые связи в этом районе значительно сократились: в 716 г. в Южную Галлию пришел последний транспорт восточных товаров³. Льюис, естественно, ставит вопрос о причинах этого весьма важного явления. Почему, например, спрашивает Льюис, поднимали в то время восстания копты, составлявшие, как он выражается, «сельский и деловой класс» египетского населения? И отвечает: причиной их недовольства была организованная Византией экономическая и морская блокада Египта⁴. Византийская империя, по Льюису, направляла торговые пути того времени в соответствии со своими собственными интересами. Результатом этого была «экономическая депрессия» в Испании и Египте, полное захирение городов Южной Франции, Северо-Западной Италии, Кипра и северного побережья Африки, упадок старых торговых путей по Красному морю и долине Роны, взамен которых появились новые торговые пути — по Ад-

¹ R. S. Lopez, Silk industry in the Byzantine empire, «Speculum», vol. 20, 1945, № 1, p. 1.

² R. S. Lopez, La crise du besant au X-e siècle p. 413.

³ A. R. Lewis, Naval power and trade in the Mediterranean, A. D. 500—1100, Princeton 1951, p. 93.

⁴ Там же, стр. 96.

риатическому морю, По и Рейну, путь из «варяг в греки», дорога из Трапезунда в Месопотамию и т. п.¹ Иными словами, и для Льюиса, как и для Лопеса, торговая конкуренция, борьба за рынки, экономическая блокада оказываются нормальными формами экономической жизни Византии в VII—XI вв.

Но так ли это?

Для большей четкости необходимо выделить две стороны вопроса:

1. Есть ли какие-либо основания, для того чтобы допустить наличие капиталистических форм хозяйства в византийском городе в *раннее* средневековье?

2. Есть ли какие-либо основания говорить о принципиальном различии в развитии раннесредневековых городов на Западе и в Византии?

Прежде всего следует отметить, что ни в одном историческом источнике нет сведений о существовании в Византии в этот период капиталистической мануфактуры. Техника производства, которая существовала в ту пору, была типично средневековой, непосредственный производитель работал примитивными орудиями труда. Даже мельницы в городах приводились в движение, как правило, животными. Простая кооперация имела место только в строительном деле: обычно в мастерской (эргастрии) трудился мастер при содействии членов своей семьи и мистия — наемного подмастерья. Последовательного отделения ремесла от сельского хозяйства не произошло: как и на Западе, граждане нередко были владельцами садов и полей. Цеховая организация ремесла, существовавшая в Константинополе, Солуни и, по-видимому, в других центрах империи, также ничего общего не имела с капиталистической организацией производства².

Наиболее существенной предпосылкой капиталистиче-

¹ A. R. Lewis, *Naval power and trade in the Mediterranean, A. D. 500—1100*, Princeton 1951, p. 130.

О конкурентной борьбе применительно к этому времени говорили и другие исследователи (см., например, J. Danstrup, *Manuel I's coup against Genoa and Venice in the light of byzantine commercial policy*, «Classica et mediaevalia», vol. 10, f. 2, 1949, p. 196).

² Вопрос о характере ремесла детально исследован в советской историографии (см., например, М. Я. Сюсюмов, *Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в.*, «Византийский временник», т. IV, 1951; Е. Э. Липшиц, *К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв.*, «Византийский временник», т. VI, 1953).

ского производства является отделение непосредственно-го производителя от средств производства и образование класса наемных рабочих, вынужденных продавать свою рабочую силу, чтобы прокормить себя и свою семью. Такой класс наемных рабочих в византийских источниках не засвидетельствован: непосредственными производителями в византийском ремесле были мелкие хозяйчики-ремесленники, владевшие своими орудиями производства, рабы, открывавшие мастерскую в интересах своих хозяев, невольники в государственных мастерских, мистии.

Короче говоря, буржуазные историки оперируют различными категориями, присущими капиталистической системе хозяйства, хотя они не доказали (и, разумеется, не могут доказать) наличия в Византии ни капиталистической мануфактуры, ни основных классов капиталистического общества. Они уверяют, что политика византийского государства определялась такими факторами, как конкурентная борьба и экономическая блокада, но они игнорируют то обстоятельство, что производство товаров не было организовано в Византии по капиталистическому образцу.

И конкурентная борьба, о которой так много пишут и Лопес, и Льюис, и некоторые другие современные буржуазные историки и при помощи которой они пытаются объяснить определенные явления экономической жизни Византии, является результатом чистого вымысла. Прежде всего, нет никаких оснований говорить о массовости византийского вывоза: товары, которые проходили через византийские порты, были по преимуществу предметами роскоши, предназначенными для потребления крайне узкого круга высшей феодальной знати. Как это уже отмечал ряд исследователей, константинопольская торговля X в. не только не была рассчитана на «завоевание рынков», но имела потребительский характер, т. е. ставила своей целью удовлетворение потребностей городского населения¹. Продажа ряда товаров иностранцам была су-

¹ См., например, *H. Gehring*, *Das Zunftwesen Konstantinopels im X. Jahrhundert*, «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*», III. F., Bd. 38, 1909, S. 594, и особенно рецензию Ф. Л. Гансхофа на книгу К. Макри («*Byzantion*», vol. 4, 1927—1928, p. 659). Эти наблюдения были развиты М. Я. Сюзюмовым («*Ремесло и торговля в Константинополе*», «*Византийский временник*», IV, 1951, стр. 33 и сл.). Пассивный характер византийской международной торговли признавал даже и А. Р. Льюис (*A. R. Lewis*, *Naval power and trade*, p. 176).

рово ограничена: «Книга епарха» — сборник цеховых статутов — запрещает продавать иностранным купцам золото и серебро, шелковые ткани, а также рыбу — один из основных продуктов питания жителей византийской столицы¹. Этим объясняются те трудности, с которыми столкнулся в Константинополе посол германского императора Оттона I, епископ Кремонский Лиутпранд, когда он в 968 г. пытался купить драгоценные византийские ткани². По-видимому, значительная часть византийского шелка уходила за границу не в результате торговли, а в качестве даров иностранным правителям и послам³. О запрещении вывоза византийских товаров говорят и другие памятники. В «Василиках», своде римско-византийского права конца IX в., было сохранено древнее постановление, запрещающее вывозить в «варварские» страны такие товары, как вино, масло, оружие, железо⁴.

Вместе с тем византийское правительство заботилось о привлечении в Константинополь иноземных купцов и создавало им известные удобства. Для этого в городе были устроены специальные помещения — «митаты», в которых размещались приезжие: тут же производилась и закупка привезенных ими товаров⁵. Русские купцы, прибывавшие в Константинополь, обеспечивались провизией на время своего пребывания в столице и получали право мыться в греческих банях, сколько им будет угодно⁶.

В хрисовуле Василия II от 992 г. были установлены размеры пошлин, которые должны были платить венецианцы в константинопольской гавани: за ввоз они платили 2 номисмы с корабля, за вывоз — 15 номисм⁷. Это

¹ См. «Книга епарха», II, 4; IV, 1 и XVII, 2.

² *Liutprandus, Legatio* (ed. cum *Leone Diacono, Historia*, Bonnae 1828), p. 366. Ограничивает возможность закупки «паволок» и договор с Русью от 944 г. (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 49).

³ *Constantine Porphyrogenitus, De administrando imperio*, Budapest 1949, p. 54, l. 8—17 et passim; id. *De cerimoniis aulae byzantinae*, Bonnae 1829, vol. I, p. 661, l. 13.

⁴ «Василики», XIX, 1, 83—84.

⁵ См. «Книга епарха», V, 2 и VI, 5.

⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 30 и сл. См. *Б. Д. Греков*, Киевская Русь, М. 1953, стр. 455 и сл.; *М. В. Левченко*, Очерки по истории русско-византийских отношений, М. 1956, стр. 122 и сл.

⁷ *F. Dölger, Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*, München—Berlin 1924, № 781; ср. также *М. Lombard, L'or musulman du VII au XI siècle, «Annales»*, vol. 2, 1947, p. 154. Иные цифры приве-

соотношение (2 : 15) в грубых чертах выражает отношение византийского правительства к ввозу и вывозу: оно поощряло ввоз в Константинополь и ограничивало вывоз из него.

Специфика константинопольской торговли состояла в том, что местные купцы не вели активных операций, не ездили в далекие страны, но, используя географическое преимущество своего города, на месте закупали привозные товары, нужные как для столичной знати, так и для городского населения вообще.

Аналогичное положение существовало, по-видимому, и в других городских центрах империи. Насколько можно судить, многие из них, во всяком случае до X в., были в большой мере административными центрами (и в лучшем случае транзитными пунктами), чем центрами ремесленного производства. Иоанн Камениата, описывая солунскую торговлю на рубеже IX и X вв., подчеркивает потребительские цели и нерегулярность торговых связей. «Если земля,— говорит он,— породит недостаточное количество плодов, море доставит их жителям Солуни»¹. Он говорит далее о том, что Солунь лежит на важном торговом пути и это дает возможность ее жителям приобретать всякие хорошие вещи от проезжавших через город купцов²; он подчеркивает, что в результате торговли солуняне получали золото, серебро, драгоценные камни, шелковые ткани³. Но нигде Камениата не говорит об *экспорте* продуктов солунского ремесла.

Те же самые мысли мы встретим и в «Житии Иакинфа Амастридского», принадлежащем перу Никиты Пафлагона: он говорит лишь о том, что благодаря своему положению город не испытывает недостатка в товарах⁴, т. е. рассматривает город лишь как центр потребления.

дены у арабского ученого начала XII в. Марвази: по его словам, купцы, прибывавшие в Византию, должны были отдавать $\frac{1}{7}$ своих товаров, а уезжающие из империи — $\frac{1}{9}$. (V. Minorsky, Marvazi on the Byzantines, «Mélanges H. Grégoire», vol. II, Bruxelles 1950, p. 462 f.) Однако вопрос о том, в какой мере достоверны сообщаемые Марвази цифры, еще недостаточно выяснен.

¹ *Joannis Cameniatae De excidio Thessalonicensi*, in: *Theophanes Continuatus*, Bonnae 1838, p. 500, l. 79.

² Там же, стр. 500, l. 13—17.

³ Там же, стр. 500 и сл.

⁴ «Patrologiae cursus completus, Series graeca», ed. J. P. Migne, t. 105, col. 421. D.

Таким образом, если придерживаться источников, то мы не сможем найти в византийских городах, во всяком случае до XIV—XV вв., даже зачатков капиталистической системы хозяйства и конкурентной борьбы за завоевание рынков: организация ремесла и торговли носит здесь типично средневековый характер, и задачей византийских торговцев является в первую очередь обеспечение населения предметами потребления. Все это заставляет нас отвергнуть ту вымышленную картину жизни капиталистического общества, которую рисуют на основании аналогии с современностью Лопес, Льюис и некоторые другие буржуазные историки.

Более запутан второй из поставленных нами вопросов.

Тезис о том, что византийские города в раннее средневековье не пережили того процесса аграризации, через который прошли западноевропейские городские центры, является в буржуазной историографии господствующим. Буржуазные историки ставят знак равенства между античными и византийскими городами. Однако это положение не соответствует действительности.

Советский специалист М. Я. Сюзюмов, изучая общественные отношения в восточных провинциях поздней Римской империи, указал на наличие глубоких изменений, которые происходили в городах того времени¹. Эти изменения состояли в ломке основного устоя рабовладельческого общества — античного полиса². Как совершалась эта ломка и происходило формирование нового средневекового города, требует еще выяснения. Однако общим для советской византиологии является признание отличия византийского (средневекового) города от античного полиса.

Привлечение археологического и нумизматического материала позволяет проследить судьбы византийского города в период формирования феодальных отношений и лучше изучить эту еще недостаточно исследованную проблему.

Уже в 20-е годы были сделаны первые попытки использовать нумизматические материалы для выяснения судеб

¹ См. М. Я. Сюзюмов, Еще раз о юридических источниках для истории колоната, «Вестник древней истории»; 1951, № 4, стр. 85.

² См. М. Я. Сюзюмов, Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века, «Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького», вып. 11, 1952, стр. 124.

экономического развития Византии, причем исследование шло по двум параллельным и независимым путям. Прежде всего был отмечен факт, что в соседних с Византией странах (Закавказье, области по Дунаю и т. д.) обнаружено много византийских монет V—VI вв., тогда как с VII—VIII вв. византийская монета в этих областях исчезает и появляется затем лишь с X—XI столетия¹. Эти наблюдения, основанные на разнородном нумизматическом материале, в какой-то мере подкрепляются свидетельством западноевропейских письменных источников².

Как же объяснить этот факт? Исследователи, занимавшиеся изучением локальных находок византийских монет, державшие в поле своего зрения лишь один конкретный географический район и находившиеся под воздействием уже известных нам традиционных представлений об экономическом могуществе Византийской империи на всем протяжении ее истории, были склонны объяснять этот факт чисто политическими причинами. Так, по мнению венгерского археолога Д. Чалланы, вторжение протоболгар на Балканы в VII в. отрезало области по Дунаю от Византийской империи и прервало экономические связи между ними³. Впрочем, объяснение Д. Чалланы основано на недоразумении: как показал Г. Фехер, протоболгары не могли прервать связи Византии с придунай-

¹ Еще Е. А. Пахомов («Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа», Баку 1926, стр. 22, 26) отметил, что с VIII в. византийская монета в Закавказье вытесняется арабским диргемом, тогда как с XI в. снова много византийской меди и вогнутых золотых монет; для Румынии подобное явление отметили К. Моисил и Э. Кондураки, а в последнее время — О. Илиеску (*O. Iliescu, Despre tezaurile monetare și viața economică în secolele III—XIV pe teritoriul țării noastre*, «Studii. Revistă de istorie și filosofie», vol. III, an. 5, 1952, p. 184), для Венгрии — Д. Чаллань («Византийские монеты в аварских находках», «Acta Archaeologica Acad. Scientiarum Hungar», t. 2, 1952).

² R. S. Lopez, La crise du besant, p. 412; ср. M. Bloch, Le problème de l'or au moyen âge, «Annales d'histoire économique et sociale», vol. 1933, № 19, p. 14 sq.

³ См. Д. Чаллань, Византийские монеты в аварских находках, стр. 241 и сл. Аналогичным образом объясняли уменьшение находок византийских монет на территории по Дунаю К. Моисил и Э. Кондураки (*C. Moșil, Sur les monnaies byzantines trouvées en Roumanie*, «Acad. Roumaine. Bulletin de la section historique», vol. 11, 1924, p. 209 sq.; *E. Condurachi, Les trésors monétaires de la région carpatho-danubienne et leur importance pour l'histoire des Roumains*, «Balcania», vol. 7, 1944, p. 38).

скими областями, так как они, во-первых, не заняли ни одного пункта на торговых путях Константинополь — Белград и Солунь — Ниш и, во-вторых, сами вели торговлю с империей¹.

Одновременно был установлен ряд других фактов. Раскопки в Коринфе, Афинах и Херсоне дали обильный нумизматический материал, свидетельствующий о резком уменьшении монетного обращения в этих городах с конца VII в. и о постепенном возрастании его начиная с середины IX в.² Эти данные, относящиеся к собственно византийской территории, совпадали в общем и целом с первой группой фактов, однако, несмотря на это, в течение длительного времени рассматривались изолированно от них и опять-таки объяснялись преимущественно внешнеполитическими факторами. Объединяя обе эти группы фактов, можно констатировать, что с конца VII в. действительно имело место уменьшение чеканки византийской монеты, что отражало в какой-то степени сокращение товарного производства³.

Археологические данные — там, где они имеются, — подтверждают этот вывод: значительное число визан-

¹ См. Г. Фехер, Аваро-византийские сношения и основание Болгарской державы, «Acta Archaeologica Acad. Scientiarum Hungaricae», t. 5, 1954, стр. 55 и сл. Г. Фехер (там же, стр. 57) объясняет уменьшение монетных находок прекращением уплаты дани аварам. Но, как он сам констатирует, Византия платила в это время дань болгарам, однако и на их территории византийские монеты начиная с VII в. практически не встречаются.

² На это обратил внимание уже Дж. Финлей (*J. H. Finlay, Corinth in the Middle ages, «Speculum», vol. 7, 1932, p. 499*). Ср. А. Л. Яковсон, Средневековый Херсонес, «Материалы и исследования по археологии СССР» № 17, 1950 г., стр. 12; Л. Н. Белова, Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII, «Материалы и исследования по археологии СССР» № 34, 1953 г., стр. 259; М. Thompson, Coins, «The Athenian agora», vol. II, Princeton 1954, p. 4 f.

³ См. А. П. Каждан, Византийские города в VII—XI вв. «Советская археология», т. XXI, 1954 г. Румынский нумизмат И. Димиан также связывает уменьшение числа византийской монеты в обращении начиная с VII в. не с вторжением протоболгар, а с внутренним экономическим развитием империи и, в частности, с процессом феодализации (*I. Dimian, Csteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul RPR «Studii și cercetări de numismatică», vol. I, 1957, p. 207*). Наконец, П. Харанис полагал, что уменьшение монетных находок в Афинах и Коринфе было результатом ослабления торговли в Средиземноморье (*P. Charanis, The significance of coins as evidence for the history of Athens in the VIIth and VIIIth centuries, «Historia», Bd. 4, 1955*). Ср. его рецензию на названную выше книгу М. Томсон — «Byzantinoslavica», vol. 17, 1956, p. 366 f.

тийских городов (как на Балканах, так и в Малой Азии) аграризировалось в VII—VIII вв. Сюда относятся Афины, Коринф, Стоби, Пергам, Корик и ряд других¹.

Изучение истории византийского ремесла также подтверждает данные нумизматики. Хорошо известно, что в восточных областях поздней Римской империи обработка драгоценных металлов была весьма развитой; многочисленные памятники ювелирного производства V—VII вв. неоднократно обследовались и изучались². В отличие от них памятники VIII столетия крайне скудны³. Только с середины IX в. прослеживается некоторый подъем ювелирного ремесла, достигающего расцвета в X—XI столетиях⁴. Именно на эти столетия приходится и наивысший подъем эмальерного производства в Византии⁵.

То же самое явление мы можем наблюдать и в керамическом производстве. Расцвет константинопольского производства керамики приходится на вторую половину IX и первую половину X в.⁶ Провинциальные города переживают этот подъем еще позднее: древнейшая византийская керамика из Коринфа датируется концом IX в., при этом так называемая коричневая керамика местного производства оставалась сравнительно несовершенной⁷. Расцвет гончарного производства в провинциальных центрах приходится на XI—XII вв. Этим временем датируются лучшие образцы керамики из Коринфа, Спарты,

¹ Аграризацию значительной части позднеримских городов (помимо так называемых городов-эмпориев) подчеркивает и М. Я. Сюзюмов («Роль городов-эмпориев в истории Византии», «Византийский временник», т. VIII, 1956, стр. 29), но и эти эмпории, как он справедливо отмечает, были иными, нежели античные полисы (см. выше, стр. 419 прим. 2).

Представление об аграризации византийских городов с VII в. и превращении их в замки феодального типа было развито сравнительно недавно Э. Кирстенем (E. Kirsten, *Die byzantinische Stadt*, «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress», München, 1958).

² L. Matzulewitsch, *Byzantinische Antike*, Berlin—Leipzig 1929.

³ O. M. Dalton, *Byzantine art and archaeology*, Oxford 1911, p. 544.
Ср. L. Bréhier, *La sculpture et les arts mineurs byzantins*, Paris 1936, p. 37.

⁴ L. Bréhier, *La sculpture et les arts mineurs byzantins*, p. 37 sq.

⁵ См. Н. Кондаков, *История и памятники византийской эмали*, СПб 1892, стр. 93.

⁶ R. B. K. Stevenson, *The pottery. 1936—1937*, «The Great Palace of the byzantine emperors», Oxford 1947, p. 58.

⁷ Ch. H. Morgan, *The byzantine pottery*, «Corinth», vol. 11, 1942, p. 36.

Афин, Олинфа, Родоса и из некоторых малоазийских центров¹; в это время константинопольское керамическое производство переживает уже некоторый упадок: по данным Р. Стивенсона, до 70% константинопольской посуды конца XII в. составляли изделия из грубого теста, смешанного с дресвой,— по форме преимущественно простые кувшины².

В IX—X вв. совершенствуется не только производство посуды, но и изготовление глиняных ламп: теперь их стали делать на гончарном круге и покрывать, как остальную керамику, поливой³. Подъем стеклоделательного производства также может быть отнесен к X—XI вв.⁴

Византийское шелкоткацкое производство переживало в VIII—IX вв. известный упадок⁵, сменившийся в X—XII столетиях полосой расцвета. При этом с X в. оно распространяется в провинции, преимущественно в греческих городах, оттесняя на задний план столичные мастерские. Уже в X в. в Спарте жила колония евреев — ткачей по шелку, о чем свидетельствует житие Никона Метаноита⁶. Еще больше данных о провинциальном ткачестве сохранили памятники XII в. Сатирический диалог «Тимарион» свидетельствует, что изделия беотийских и

¹ Помимо уже цитированной работы Ч. Моргана, можно назвать: R. M. Dawkins—J. R. Droop, Byzantine pottery from Sparta, «Annual of the British School at Athens», vol. 17, 1910—1911, p. 23 f. H. Megaw, Byzantine architecture in Mani, «Annual of the British School at Athens», vol. 33, 1935, p. 148; M. A. Frantz, Middle byzantine pottery in Athens, «Hesperia», vol. 7, 1938; K. M. Setton, The archaeology of medieval Athens, «Essays in medieval life and thought», New York 1955, p. 245 (К. Сеттон характеризует афинскую керамику VII—IX вв. как «совершенно выродившийся позднеримский тип»); A. Xyngopoulos, Byzantine pottery from Olynthus, «Excavations at Olynthus», vol. 5, 1933, p. 285 f.; A. K. Orlandos, Βυζαντινὰ ἀγγεῖα τοῦ μουσείου Ρόδου. «Ἀρχαῖον τῶν Βυζαντιῶν Μνημείων Ἑλλάδος», т. 6, 1948, 288 ἐξ. Th. Wiegand—H. Schrader, Priene, Berlin 1904, S. 491 f.

² R. B. K. Stevenson, The pottery, p. 47 f., 52.

³ O. Broneer, Terracotta lamps, «Corinth», vol. 4, part 2, 1930, p. 122 f.

⁴ O. M. Dalton, Byzantine art and archaeology, p. 614. Единственная известная до сих пор византийская стеклоделательная мастерская датируется XI—XII вв.— G. R. Davidson, A mediaeval glass-factory at Corinth, «American Journal of Archaeology», vol. 44, 1940, № 3.

⁵ Это можно заключить на основании изучения тканей VIII—IX вв. из сокровищницы в Сансе (O. von Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei, 3. Aufl., Berlin 1936, S. 25 f.; ср. L. Bréhier, La sculpture et les arts mineurs byzantins, p. 53).

⁶ См. А. П. Рудаков, Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии, стр. 148.

пелопоннесских шелкоткачей продавались на солунской ярмарке¹. Немецкий хронист Оттон Фрейзингенский упоминает о ткачах по шелку в Фивах, Коринфе и Афинах².

Фивы XII в. были одним из крупнейших центров шелкоткачества³. Еще в конце XII в. фиванские мастерские были знамениты: они снабжали императорский двор шелковыми одеждами, и сельджукские правители требовали уплаты дани именно фиванскими одеяниями⁴. По-видимому, крупным центром шелкового производства в это время была и Солунь: во всяком случае византийский писатель Евстафий Солунский говорил об изобилии находившихся там тканей, которые могли бы по тонкости соперничать с паутиной⁵.

То же самое обстоятельство отмечают и исследователи истории византийской архитектуры: после оживленной строительной деятельности в VI в. наступает период относительного упадка, и только с середины IX в. вновь строительство становится массовым⁶. Это можно видеть даже на примере Константинополя, где сохранилось большое количество ранневизантийских церквей (церковь св. Ирины, св. София, церковь Сергия и Вакха, церковь Андрея в суде и др.), тогда как памятники монументальной архитектуры VII — начала IX в. известны очень плохо: с некоторыми сомнениями сюда можно отнести, пожалуй, церковь св. Феодосии (Гюльджами) на берегу Золотого рога⁷. В то же время Н. И. Брунов насчитывает девять сохранившихся церквей, построенных во второй половине IX—XII вв.⁸

¹ А. Ellissen, *Analekten der mittel-und neugriechischen Literatur*, Bd. IV, Abt. 1, Leipzig 1860, S. 18 f.

² Otto Freisingensis, *De gestis Frederici I*, lib. 1, cap. 33, ed.: L. A. Muratori, *Rerum italicarum scriptores*, vol. V, p. 668.

³ M. Th. Schmitter-Picard, *Sericarii*, «Mélanges Ch. Picard», Paris 1949, vol. II, p. 953. Ср. А. К. Орландос, *Γλοπτά τοῦ μουσείου Θεβῶν, Ἀρχαῖον Βυζαντινῶν Μνημείων Ἑλλάδος*, т. 5, 1939—1940, σελ. 119 εε.

⁴ *Nicetae Choniatae*, *Historia*, Bonnae 1835, p. 608. 23—609. I.
⁵ *Eustathii Thessalonicensis Opuscula*, ed. Th. L. F. Tafel, Francof., a. M. 1832, p. 304, 67—71.

⁶ См. Н. Мавродинов, *Византийската архитектура*, София 1955, стр. 108, 121.

⁷ Датировка Гюльджами колеблется от конца VII до второй половины IX в. (R. Janin, *La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin*, 1-er partie, t. III, Paris 1953, p. 152). Сам Р. Жанэн склоняется в пользу последнего предположения.

⁸ См. И. Н. Брунов, *Архитектура Константинополя в IX—XII вв.*, «Византийский временник», т. II (XXVII), 1949, стр. 151.

В Солуни известны некоторые здания, датируемые VIII в.¹, однако число их очень невелико и не может идти ни в какое сравнение с количеством ранневизантийских сооружений или памятников XI и последующих столетий (Казанджилырджами, церковь св. Пантелеймона, базилика св. Евфимия, церковь св. Екатерины и др.)².

Но если в Константинополе и Солуни (а также в некоторых больших малоазийских центрах: Анкира, Никея) каменное зодчество сохранилось в VII — начале IX в., хотя и значительно сократившись в сравнении с предшествующими столетиями, то в других местах строительство почти совершенно затихает. Наоборот, со второй половины IX в. замечается оживление строительной деятельности по всей территории Византийской империи. Особенно больших успехов провинциальное зодчество достигает в XI—XII столетиях: этим временем датируется большое число крупных и мелких церквей в различных местностях Пелопоннеса, Средней Греции, Фессалии, Македонии и т. д.³

Суммируя собранные данные, необходимо сказать, что традиционное представление о сохранении городской жизни в раннесредневековой Византии, будто бы отличающее ее коренным образом от Запада, нуждается в очень серьезных коррективах: свидетельства различных источников (прежде всего археологических и нумизматических, только еще входящих в научный оборот) позволяют предполагать, что в VII — начале IX в. Византия переживала серьезный экономический переворот, выразившийся, в частности, в уменьшении товарности производства; во всех областях ремесленной деятельности, доступных нашему изучению (ювелирное, керамическое, стеклоделательное производства, шелкоткачество, каменное зодчество), мы наблюдаем спад. Это не значит, конечно, что товарное производство вовсе исчезло или что все города империи перестали существовать, но ведь отдельные ремесленные

¹ *M. Kalliga*, Die Hagia Sophia von Saloniki, Würzburg 1935.

² *Ch. Diehl—M. Le Tourneau—H. Saladin*, Les monuments chrétiens de Salonique, Paris 1918, p. 237 sq; *S. Pelekanides*, Byzantine researches in Northern Greece, «Archaeology», vol. 2, № 1, 1949, p. 47 f.

³ *A. Frantz*, A province of the empire. Byzantine churches in Greece, «Archaeology», vol. 5, 1952, p. 236 f.; *H. Megaw*, The chronology of some middle-byzantine churches, «Annual of British School at Athens», vol. 32, 1934, p. 90.

и торговые центры, как известно, сохранялись и на Западе¹. Это не значит, далее, что мы должны полностью отождествлять византийские и западноевропейские города средневековья: в структуре цеха и особенно в характере взаимоотношений между цехом и государством в Византии имелись свои и весьма существенные особенности, изучение которых, несомненно, является очень плодотворным². Важно лишь подчеркнуть, что между развитием города на Западе и в Византии не было той непроходимой грани, которую пытаются найти буржуазные исследователи, рассматривающие византийские учреждения как косные и неизменные.

Переходя к изучению поздневизантийского хозяйства, буржуазные ученые не находят там ничего, кроме упадка и разложения, и в этом также видят принципиальное отличие Византии от Западной Европы, где в XIV—XV вв. формировались предпосылки развития капиталистического общества. Однако и это утверждение ошибочно. В последние годы в советской исторической литературе и в историографии стран народной демократии появились работы, в которых всесторонне рассматриваются проблемы экономического развития Византии в последние века ее существования. Внимание историков было обращено на факты, разоблачающие традиционные концепции буржуазной историографии о полном экономическом упадке и деградации Византии³. Картина запустения, упадка и полного разорения, которая зачастую рисуется буржуазными исследователями, крайне упрощает действительное положение дел в Византии XIV—XV вв. и никак не может определить значение тех торговых операций продуктами сельского хозяйства, которые вели с итальянскими торговцами крупные землевладельцы импе-

¹ F. L. Ganshof, Notes sur les ports de Provence du VIII-e au X-e siècle, «Revue historique», vol. 183, 1938, p. 30 sq.; J. Lestocquoy, The tenth century, «The Economic History Review», vol. 17, 1947, № 1, p. 2 f.

² См. в этом отношении работы М. Я. Сюзюмова, показавшего, что наряду с обычными средневековыми городами в Византии существовали крупные города — эмпории (Константинополь, Солунь), близкие по своему характеру к итальянским патрицианским республикам типа Венеции.

³ См. З. В. Удальцова, О внутренних причинах падения Византии в XV веке, «Вопросы истории» № 7, 1953 г.; *еже*, Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания, «Византийский временник», т. VII, 1953.

рии, и тот хозяйственный подъем, который переживали в этот период некоторые ее города¹. Факты заметного оживления в экономике Византии XIII, а особенно XIV—XV вв. несомненны: значительно возросло производство товарных продуктов сельского хозяйства, главным образом хлеба; византийское поместье теснее связывается с рынком, втягивание деревни в торговлю вело к ускорению процесса расслоения крестьянства и концентрации земельной собственности. Серьезным аргументом, доказывающим факт быстрого развития товарно-денежных отношений в деревне, является преобладание в XIII—XV вв. денежной ренты. В феодальной вотчине росло число наемных работников — «батраков», утративших свои наделы, развивались арендные отношения. Появились феодалы, сдававшие значительную часть своих земель, а иногда и всю землю в аренду мелким и крупным арендаторам. Критский поэт и землевладелец XV в. Стефан Сахликис сдавал в аренду, как он пишет сам, всю свою деревню вместе с мельницей². Еще более интересен другой факт. В 1421 г. между Ивирским монастырем на Афоне и семьей Аргиропулов возникла тяжба. Аргиропулы сняли в аренду монастырский сад, который до этого монахи эксплуатировали обычным феодальным способом с помощью своих крестьян, взимая с них феодальную ренту. Аргиропулы использовали сад на совершенно новых началах. Затратив крупные средства на наем 100 рабочих ежедневно, они провели большие мелиоративные работы, а затем сдали сад мелкими участками крестьянам — субарендаторам. Затраты оправдали себя. Арендная плата в пользу Аргиропулов вдвое превысила ренту, получавшуюся некогда монастырем. Монастырь постарался ликвидировать договор с Аргиропулами с помощью патриарха³. Как в первом случае с Сахликисом, так и во втором с Аргиропулами наблюдается чрезвычайно любопытное и, несомненно, новое явление — эксплуатация

¹ Об этом, в частности, свидетельствуют счетные книги венецианского купца Джакомо Бадоера — II Libro dei conti di Giacomo Badoer, Roma 1956.

² См. С. Д. Пападимитриу, Стефан Сахликис и его стихотворение 'Αφῆγησις παράξενος, «Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете», VI, 1897, стр. 155.

³ F. Dölger, Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, München 1948, № 24, № 102 (от 1421 г.).

земли нефеодальными способами. Между феодалом-землевладельцем и непосредственным производителем появляется новая фигура — арендатор-посредник, располагающий денежными средствами, решительно идущий на крупные затраты в целях повышения доходности земли и пользующийся при этом наемным трудом.

Не была единообразно мрачной картина жизни и поздневизантийского города.

Румынский историк Э. Франчес в небольшой работе о завоевании Константинополя «латинянами» в 1204 г.¹ поставил чрезвычайно интересный вопрос о разнице в положении византийских городов в начале XIII в., когда они почти безо всякого сопротивления сдались западным рыцарям, и в первой половине XV в., когда горожане оказали отчаянное сопротивление туркам.

Ответ на этот вопрос Франчес попытался дать в другой своей работе². В отличие от XII в. в конце XIII, а особенно с XIV в. в византийских городах появилось новое социальное движение, направленное против засилья феодалов в городах, окрепла торгово-ремесленная оппозиция. К середине XIV в. появляется реальная основа для освобождения города. Апогеем борьбы городских элементов против произвола и феодального гнета было восстание зилотов. Уже в начале XIV в. центральная власть была вынуждена идти на некоторые уступки городам, представляя привилегии городскому купечеству. Правда, одновременно такие же привилегии раздавались и феодалам, с успехом конкурировавшим с торговыми элементами городов. Хрисовулом 1319 г. городу Янине жаловалось даже право иметь свой суд и свою милицию, но вместе с тем запрещалось беглым парикам селиться в городе. Последнее обстоятельство, по мнению Франчеса, является показателем соотношения сил между феодалами и «нарастающей буржуазией». Это соотношение было еще явно не в пользу городских элементов. Но хрисовул 1319 г. свидетельствует о стихийном процессе разорения деревни и бегстве зависимого крестьянства в город, что, по всей вероятности, было выгодно торгово-промышленным городским верхам. Эти круги вели борьбу за право

¹ E. Frances, Sur la conquête de Constantinople par les Latins, «Byzantinoslavica», XV, 1, 1954.

² E. Frances, La féodalité et les villes byzantines au XIII-e et au XIV-e siècles, «Byzantinoslavica», XVI, 1, 1955.

использования свободного труда беглых париков, и весьма важно, что иной раз города добивались этого права. Так, Франчес рассматривает чрезвычайно интересное свидетельство хрисовула Феодора II от 1442 г. в пользу города Монемиасии. Хрисовул разрешал городу свободно селить в нем париков. Франчес справедливо расценивает это явление как явно антифеодальное.

Исследование Франчеса продвигает вперед решение сложного вопроса об экономике Византии накануне ее завоевания. Оно вместе с тем помогает лучше понять причины и ход политической борьбы в византийских городах этого периода. Нарастание антифеодального движения и борьбы вокруг унии с католической церковью, ожесточенная ненависть к итальянскому купечеству — все это находит теперь более глубокое объяснение в экономическом развитии Византии последних столетий ее существования.

Причины враждебности населения греческих городов к выходцам с Запада объясняются социальными условиями жизни византийского города, а именно тесными и взаимовыгодными связями итальянского купечества с византийскими феодалами, которые вели через посредство их крупную торговлю продуктами своего хозяйства¹.

Таким образом, в прогрессивной историографии византийская действительность XIV—XV вв. предстает перед нами гораздо более сложной и многообразной, чем это пытались и пытаются представить буржуазные историки.

Возникают вопросы, какой характер носил экономический подъем в Византии в два последних столетия ее существования, укладываются ли в рамки классической феодальной вотчины такие явления, как случай с Аргиропулами, прав ли Франчес, когда он говорит о «зарождающейся буржуазии» в византийских городах, и справедливы ли предположения некоторых советских историков² о зарождении в византийской деревне элементов капиталистического развития. Решение этих вопросов наталкивается на большие трудности, связанные прежде всего с недостатком источников.

¹ *H. Evert-Kappesowa*, Une page de l'histoire des relations byzantino-latines. Le clergé byzantin et l'Union de Lyon, «Byzantinoslavica», XIII, 1952; *ее же*, La fin l'Union de Lyon, «Byzantinoslavica», XVII, 1, 1956.

² См. *З. В. Удальцова*, О внутренних причинах падения Византии в XV веке, «Вопросы истории» № 7, 1953 г.

Развитие капиталистических отношений состоит прежде всего в отделении непосредственного производителя от средств производства и в освобождении ремесла и торговли от феодального гнета и ограничений. Как далеко зашел этот процесс в Византии, какие масштабы приняло развитие новых форм производства в деревне и в городе — вопросы, пока не решенные, а потому и вывод о зарождении капиталистических отношений в поздней Византии может считаться лишь рабочей гипотезой. Во всяком случае эти отношения были еще слабы, они зародились и развивались в крайне неблагоприятных условиях безраздельного экономического и политического господства феодалов и конкуренции итальянского купечества, в обстановке непрерывных иноземных нашествий и кровавых междоусобий, приводивших к массовому разрушению производительных сил. Поэтому они не могли сыграть решающей роли, что и отразилось самым роковым образом на судьбе империи. Теория о косности и застое в экономике поздней Византии как о специфической ее черте в отличие от хозяйства Западной Европы не выдерживает критики и должна быть отброшена.

* *
*

Третья проблема, которая и раньше привлекала и теперь продолжает привлекать внимание буржуазных византиноведов, — это характер императорской власти в Византии.

Однако, прежде чем перейти к анализу существующих в буржуазной историографии концепций о характере византийского государства, следует оговориться, что буржуазным авторам совершенно чужда постановка вопроса о классовой природе государства как органа насилия класса эксплуататоров над классом угнетенных. Они рассматривают вопрос об императорской власти, ее регалиях и официальных доктринах, о ее взаимоотношениях с церковью, о придворном церемониале и т. п., но власть императора и государственный аппарат неправильно изображаются ими как некая надклассовая самодовлеющая сила, независимая в своем действии от породившего ее класса.

Необходимо разобраться и в этих идеалистических теориях об императорской власти, поскольку их авторы ус-

матривают и здесь одно из коренных отличий Востока, одну из главных причин его «извечной противоположности» Западу. Именно в природе власти византийских вассалов (императоров) искали разгадку особенностей общественного строя Византийской империи как те историки, которые, подобно Фальмерайеру, клеймили константинопольский цезарепапизм, противопоставляя ему католическую «свободу»¹, так и те, которые в мощи византийского государственного аппарата находили объяснение политического и культурного расцвета империи в раннее средневековье². Следовательно, при всем различии моральных оценок византийского «абсолютизма»³ византинисты прошлого столетия сходились на том, что именно самодержавие, неограниченность императорской власти составляла характернейшую черту политического устройства Византии, определявшую все особенности ее истории. Правда, уже в конце века некоторые историки, преимущественно русские, обратили внимание на ряд фактов, свидетельствовавших об известной ограниченности византийского «абсолютизма»⁴, но эти наблюдения на первых порах не привлекли к себе достаточного внимания.

¹ См., например, *A. Gasquet, De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance, Paris 1879.*

² Особенно ярко это проявилось в книге *A. Rambaud, Etudes sur l'histoire byzantine, Paris 1912, p. 313.*

³ Как пример различия в оценке одного и того же факта можно указать следующий момент. Исследователи XIX в. отметили, что в Византии не существовало наследственности императорского престола: наследственные права старшего сына императора на престол не считались само собой разумеющимися. В этом отсутствии твердого порядка престолонаследия А. Рамбо находил один из существеннейших пороков византийского строя, ускоривший падение империи (*A. Rambaud, L'empire grec au X-e siècle, Paris 1870, p. 23*), тогда как В. Зиккель считал это положительной чертой государственного строя Византии, открывавшей дорогу к власти людям, не принадлежавшим к императорской династии (*W. Sieckel, Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jhd, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 7, 1898, S. 513*).

⁴ См. *Н. А. Скабаланович, Византийское государство и церковь в XI веке, СПб 1884, стр. 132 и сл.*; *В. Сокольский, О характере и значении Эпаногоги, «Византийский временник», т. 1, 1894, стр. 33.* Воззрения этих авторов определялись в первую очередь их конфессиональными убеждениями, стремлением «освободить» православную церковь от упреков в цезарепапизме; ср. также *Г. Вернадский, Византийские учения о власти царя и патриарха, «Recueil Kondakov», Prague 1926*; *Г. А. Осипов-Горский, Отношение церкви и государства к Византии, «Seminarium Kondakovianum», vol. 4, 1931.*

Все эти тенденции, наметившиеся уже к началу XX в., получили дальнейшее развитие в современной буржуазной историографии. Мы можем наметить три основных направления в трактовке вопроса об императорской власти в Византии.

Первое из этих направлений представлено по преимуществу работами американских и западногерманских византистов. Именно в этих работах мы находим наиболее резкое противопоставление политической структуры Византийской империи (а вместе с нею и славянских государств, которые рассматриваются как преемники византийских традиций) и Запада. Наиболее отчетливо подобные идеи были высказаны в 1953 г. мюнхенским историком А. В. Циглером. Циглер начинает свою работу с критики понятия цезарепапизма, однако критика эта ведется с чисто формальных позиций. Циглер считает неудачным самый термин «цезарепапизм». Он отмечает, что в древности вообще не было представления о разделении властей и соединении религиозных и политических функций казалось совершенно естественным, что император вовсе не стремился стать папой¹ и т. д. Когда же Циглер переходит к существу дела, то он в духе католических традиций XIX в. говорит об «автократическом направлении»², о «тоталитарном волеизъявлении правителя»³, о том, что византийское самодержавие препятствовало развитию гражданских свобод⁴ и провозглашенной христианством идее эмансипации религиозной сферы от политической власти⁵. Эти византийские традиции, по словам Циглера, легли в основу концепции самодержавия и в Московской Руси⁶.

Еще более реакционные выводы из этой антиисторической концепции сделаны в работе польского эмигранта, нашедшего себе приют в США, О. Халецкого⁷. Халецкий

¹ A. W. Zigler, Die byzantinische Religionspolitik und der sorgen. Cäsaropapismus, «Münchener Beiträge zur Slavikunde», hrsg. von E. Koschmieder und A. Schmaus, München 1953, S. 81 f.

² Там же, стр. 90.

³ Там же, стр. 95.

⁴ Там же, стр. 92.

⁵ Там же, стр. 90.

⁶ Там же, стр. 97.

⁷ O. Halecki, Imperialism in Slavic and East European history, «The American Slavic and East European review», vol. 11, № 1, 1952, p. 1—26.

резко противопоставляет Запад и Восток. Западу, по его мнению, вообще чуждо стремление к империализму, и все западные империи (вплоть до Наполеона и Гитлера) рушились очень быстро; наоборот, на Востоке всегда существовали устойчивые империи (при этом Халецкий ссылается на пример Византии и России), и здесь якобы всегда были действенными «империалистические тенденции».

В статье Халецкого находят, пожалуй, предельно яркое выражение попытки противопоставить Восток Западу, которые, как мы видели, проходят красной нитью через работы современных буржуазных историков. Нигде, пожалуй, не открываются так откровенно и политические корни этого противопоставления: Халецкий стремится при помощи ссылок на византийские традиции и вообще на седую древность объявить Восток извечным носителем империалистических тенденций в противовес «смиренному» Западу. Было бы нелепо отрицать, что Юстиниан, Василий II или Иоанн Комнин стремились к захватам на Востоке и на Западе, но нельзя забывать и того, что не византийские катафракты заняли Париж, а крестоносцы — Константинополь, что Карл Анжуйский проявлял куда больше агрессивных намерений в отношении византийской территории, чем его современники — византийские василевсы в отношении его земель; что генуэзцы хозяйничали в Галате, а не византийцы на берегах Лигурийского моря. Мы уже не говорим о том, что в политической истории средневековой Германии одним из существенных моментов была борьба ее правителей за создание и поддержание империи¹, что универсалистские тенденции (этот термин подходит к средневековью гораздо лучше, нежели используемый Халецким термин «империализм») были присущи на определенном историческом этапе и английским Плантагенетам, и Карлу V, и Филиппу II. Впрочем, работы Халецкого и Циглера не являются исследованиями: эти авторы, игнорируя данные источников, проводят произвольные и антинаучные аналогии современности с далеким прошлым. Напрасно было бы вести с ними научную полемику.

¹ См. об этом А. И. Неусыхин, *Итальянская политика германской империи X—XIII вв. в современной фашистской историографии*, «Против фашистской фальсификации истории», М.—Л. 1939, стр. 156 и сл.

Авторы, примыкающие к другому направлению, в большей степени используют источники и гораздо более сдержанны в своих выводах.

Критические замечания, сделанные в адрес теории цезарепапизма, приняты во внимание сторонниками этого направления, среди которых мы встречаем В. Энслина, А. Альфэльки, Ф. Дэльгера. Эти историки не придерживаются той концепции, которую развивал Циглер, и отмечают известную противоречивость византийской теории императорской власти. В. Энслин, анализируя природу императорской власти в позднеантичную эпоху (он датирует ее концом III — началом VII в.¹), отмечает существование определенных ограничений императорского самодержавия. Он указывает, что церковь могла оказать существенное сопротивление императору², что цирковые партии ограничивали самодержавие, а василевс должен был считаться с законами³ и при выборах давать определенные обещания, которые позднее превратились в присягу при коронации⁴, что церемониал, наконец, связывал императора системой форм и формул⁵. Энслин говорит о превращении под влиянием христианства «божественного» императора в императора «божьей милостью»⁶.

К идеям Энслина чрезвычайно близка и точка зрения И. Караяннопулоса. Согласно его утверждениям, официальная политическая доктрина Византии признавала два источника императорской власти: во-первых, император рассматривался как поставленный богом правитель и вместе с тем как народный избранник⁷, отсюда вытекало представление об обязанностях императора, которому надлежало быть слугой божьим и соблюдать христианскую мораль, а также заботиться о народе⁸; во-вторых, император был выразителем «общего блага

¹ W. Ensslin, Der Kaiser in der Spätantike, «Historische Zeitschrift», Bd. 177, 1954, H. 3, S. 450.

² Там же, стр. 464.

³ Там же, стр. 465.

⁴ Там же, стр. 466.

⁵ Там же, стр. 467.

⁶ W. Ensslin, Gottkaiser und Kaiser von Gottesgnaden, «Sitzungsberichte der Bayer. Akad. der Wiss.», Philos.-hist. Abt., № 6, 1943.

⁷ J. Karayannopoulos, Der frühbyzantinische Kaiser, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 49, 1956, H. 2, S. 372 f.

⁸ Там же, стр. 377 f.

(*κρίνον ἀγαθόν*)»¹. Его обязательства перед народом носили реальный характер, и это обстоятельство ограничивало самодержавие василевса². Однако, по мнению Караяннопулоса, эти «демократические» черты императорской власти значительно ослабли, после того как Юстиниан разгромил восстание Ника³. Впрочем, как и Энслин, Караяннопулос занимается изучением лишь ранневизантийского периода.

В чем же смысл разбираемой концепции? Энслин и его сторонники признают ограниченность императорского самодержавия и в этом отношении отвергают теорию цезарепапизма. Однако в работах Энслина и особенно в статье Караяннопулоса силы, якобы ограничивающие василевса, выступают в довольно неопределенном виде: это христианская мораль и так называемая ответственность перед народом, т. е. скорее отвлеченные этические категории, нежели реальные политические учреждения. По сути дела вопрос об ограниченности императорской власти переносится в этих работах в мистико-сверхчувственную сферу. Именно в силу этого в книгах последних лет придается такое большое значение церемониалу двора, инсигниям и одежаниям как форме выражения императорской власти. А. Альфöldи, который в ряде работ рассматривал этот вопрос, утверждал, что церемониал позднеримского и византийского дворов содействовал созданию мистического, эмоционального воздействия на подданных, формированию внутренних связей между повелителем и подданными⁴. Но если отбросить эту идеалистическую словесную шелуху относительно мистической связи византийского императора с подданными, то он и в изображении сторонников этого направления предстанет по сути дела таким же неограниченным самодержцем, как и под пером Гаскэ и Циглера.

¹ Ср. *K. M. Setton*, Christian attitude towards the emperor in the 4th century, New York 1941, p. 51.

² *J. Karayannopoulos*, Der frühbyzantinische Kaiser, S. 383.

³ Там же.

⁴ *A. Alföldi*, Insignien und Tracht der römischen Kaiser, «Mitteilungen des Deutschen Archäol. Instituts. Röm. Abt.», Bd. 50, 1935, S. 68 f.; ср. *его же*, Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe, «Mitteilungen des Deutschen Archäol. Instituts». Röm. Abt., Bd. 49, 1934; *O. Treitinger*, Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung in höfischen Zeremoniell, Jena 1938 (2. Aufl. — Darmstadt 1956).

В этой связи было бы полезно рассмотреть ход одной дискуссии, развернувшейся, правда, еще в конце 30-х годов, но весьма показательной для характеристики основных тенденций этого направления и для методов аргументации его сторонников. На первый взгляд эта дискуссия может показаться имеющей очень узкое значение — речь шла о церемонии возложения на императора специальной короны-модиолоса, но, как будет показано далее, за этим частным вопросом скрывалась весьма существенная проблема.

Константин Багрянородный в «Книге церемоний» следующим образом рассказывает о коронации императора Льва I (457 г.): «Ему (т. е. императору) подносит первый из синклитиков (πρῶτος τῶν συνκλιτικῶν) вместе с градским эпархом золотой модиолос»¹. П. Харанис, рассматривая это известие, пришел к выводу, что поднесение синклитом модиолоса имело конституционное значение и существовало наряду с патриаршей коронацией императора². Против концепции Хараниса выступил с краткой заметкой Дэльгер, который заявил, что Харанис просто спутал с коронацией передачу модиолоса; последняя не имела конституционного значения, а была лишь актом выражения верноподданнических чувств (Devotionsbezeugung)³. В ответ на это последовали возражения П. Хараниса⁴, вызвавшие подробную рецензию О. Трейтингера — одного из наиболее близких учеников Дэльгера⁵. Трейтингер, начав с ряда не относящихся к делу замечаний, попытался далее аргументировать взгляды своего учителя, сущность которых сводится к представлению о подчиненности византийской церкви императорской власти⁶ и, более того, об отсутствии в Визан-

¹ *Constantinus Porphyrogennitus, De cerimoniis aulae byzantinae, Bonnae 1829* (далее: *De cer.*), p. 414, l. 16—17. Модииолос—золотой венец в отличие от диадемы (*De cer.*, p. 432, l. 15).

² *P. Charanis, The imperial crown modiolus and its constitutional significance, «Byzantion», vol. 12, 1937, p. 189 f.*

³ «*Byzantinische Zeitschrift*», Bd. 38, 1938, S. 240.

⁴ *P. Charanis, The crown modiolus once more, «Byzantion», vol. 13, 1938, p. 377 f.*

⁵ «*Byzantinische Zeitschrift*», Bd. 39, 1939, S. 194—202.

⁶ См. также *O. Treitinger, Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken, «Leipziger Vierteljahrschrift für Südosteuropa», Bd. 4, 1940, и заметку F. Dölger, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 42, 1942, S. 283 f.*

тии конституционной ограниченности императорской власти¹.

Рассмотрим, однако, аргументацию Трейтингера. Он прежде всего указывает, что «Пасхальная хроника» под 416 г. также упоминает о передаче императору золотого венца эпархом города и синклитом, и на основании этого отвергает представление Хараниса, будто возложение модиолоса при коронации Льва I в 457 г. было нововведением². Далее он детально анализирует рассказ Константина Багрянородного и старается показать, что Византийский церемониал не знал коронации императора патриархом³. Центральным моментом его аргументации является анализ одной фразы из «Книги церемоний», где сказано: *ἐὰν δὲ θέλει καὶ συνάγεται, καὶ ἀναχωρεῖ ἐπιτιθέεντος αὐτῷ τὸν στέφανον τοῦ ἐπισκόπου, κατὰ τὸ ἔθος τῶν προχέσσω τῆς ἐκκλησίας ῥογεῖται τοῖς κληρικοῖς*⁴.

Трейтингер переводит это место следующим образом: Император, *если он того хочет*, позволяет епископу вновь возложить ему корону на голову»⁵. Однако этот перевод был получен Трейтингером лишь в результате насилия над текстом: нетрудно увидеть, что Трейтингер произвольно объединил выражение «если захочет» (*ἐὰν δὲ θέλει*) с родительным самостоятельным и что в действительности речь идет не о милостивом разрешении императора возложить ему на голову корону, но о том, что император, если хочет, допускается (видимо, в алтарь, где на так называемом святом престоле лежит его корона) и уходит, «после того как епископ возложил на него венец».

Далее Трейтингер ссылается на «Книгу церемоний» (De cer., стр. 416, 20), где будто бы подтверждается его мысль. Однако в этом месте речь идет совсем о другом, а

¹ В этой связи Дэльгер стремился доказать, что «Эпанагога» (византийский сборник законов конца IX в.), в которой говорится о «двух властях» (царской и патриаршей), не имела конституционного значения (см. его заметки в «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 36, 1936, S. 273 и Bd. 39, 1939, S. 523 f., а также статью его ученика И. Шарфа (J. Scharf, Photios und die Epanagoge, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 49, H. 2, 1956).

² «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 39, 1939, S. 194. Будь он даже прав в данном случае, это обстоятельство не опровергает тезиса о наличии «святской коронации».

³ Там же, стр. 196 и сл.

⁴ De cer., p. 415. 10—13.

⁵ «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 39, 1939, S. 197.

именно о созыве консистория, куда все приходят в белых одеждах и обуви.

Наконец, Трейтингер стремится доказать, что император никогда не давал патриарху перед коронацией обязательств¹. Зная, что этот вывод противоречит известному рассказу хроник об обязательствах Иоанна Цимисхия патриарху Полиевкту, на которые, в частности, ссылался Харанис, Трейтингер объявляет Цимисхия цареубийцей и считает этот случай исключительным. Однако хорошо известно, что число цареубийц на византийском престоле было достаточно велико², и это обстоятельство никак не могло влиять на характер императорской коронации и во всяком случае не могло считаться исключением. Нет, следовательно, никаких оснований считать византийского императора монархом, не связанным никакими ограничениями. Как и на Западе, власть монарха в Византии была в известной мере ограничена и, как будет показано ниже, в интересах господствующего класса.

Эта концепция сущности императорской власти в Византии, сложившаяся и развитая, что весьма существенно, в условиях гитлеровского тоталитарного режима, когда господствующий класс стремился демагогическими фразами завуалировать классовую роль всякого государства, исходила из представления о неограниченности власти василевса, связанного лишь туманными обязательствами по отношению к народу. Именно с этой концепцией связано стремление представить императора защитником православия³ и абстрактных государственных интересов, заступником мелких собственников и трудящегося люда⁴. Тем самым абсолютная власть самодержца идеализируется, объявляется благом. По существу только в этом пункте школа Дэльгера — Энслина расходится с Халецким: если последний осуждает Византий-

¹ «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 39, 1939, S. 198. Как мы видели, В. Энслин признает возможность того, что император приносил клятву при вступлении на престол.

² По расчетам Р. Гийана, из 88 императоров 30 умерли насильственной смертью (*R. Guillard, La destinée des empereurs de Byzance*, «Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν», т. 24, 1954).

³ См., например, *A. N. Diomidis, Πηγὴ καὶ ἔκστασις αὐτοκρατορικῆς ἐξουσίας εἰς τὸ Βυζαντινόν*, «Byzantina Metabyzantina», vol. I, pars 2, 1949.

⁴ См., например, «Byzantium, an introduction to East Rome Civilization», Oxford 1948, p. 68.

скую империю, противопоставляя ее «свободному» Западу, то для многих западногерманских историков, также говорящих о коренных отличиях монархии на Западе и в Византии, «тоталитарный» режим византийских василевсов и по сей день остается привлекательным и мистически-сверхчувственным образом, связанным с «народными» интересами.

Третье направление, в известной мере противоположное двум первым, сложилось преимущественно во французской историографии. Французские историки начиная с Ш. Диля¹ подчеркивали наличие в Византии учреждений (прежде всего цирковые партии и синклит), которые ограничивали (реально, а не мистически) императорское самодержавие². Против концепции «божественности» василевса выступал Л. Брейе, который, хотя и признавал наличие в Византии своего рода «монархической религии»³, в то же время подчеркивал относительную простоту византийского этикета, который якобы к тому же постоянно нарушался демократически настроенными императорами, не брезгавшими в одиночестве бродить по ночному Константинополю, приглашать подданных к столу и самим обедать у них⁴. Попытки церкви признать за императором священническую власть остались, по словам Брейе, напрасными, и византийский император был в отношении церкви простым подданным, обладающим лишь фикцией привилегий⁵. Односторонне подбирая факты, Брейе не замечает, что не в этих деталях заключается существо официальной византийской доктрины императорской власти — доктрины, поднимавшей императора на недостижимую высоту и отделявшей его непроходимой стеной от всех подданных.

В известном смысле к воззрениям Брейе близок и другой французский византинист — Р. Гийан; по его мнению, официальное византийское учение об императоре

¹ Ch. Diehl, *Le Sénat et le Peuple Byzantin au VII-e et VIII-e siècles*, «Byzantion», vol. 1, 1924.

² Cp. G. I. Brătianu, *Les assemblées d'États en Europe orientale au moyen âge et l'influence du régime politique byzantin*, «Actes du VI-e Congrès Intern. d'Études Byz.», vol. I, 1950.

³ L. Bréhier et P. Battifol, *Les survivances du culte impérial romain* Paris 1920, p. 73.

⁴ L. Bréhier, *La civilisation byzantine*, Paris 1950, p. 62 sq.

⁵ L. Bréhier, «ΙΕΡΕΥΣ ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΥΣ», «Mémorial L. Petit», 1948, p. 45.

как о земном боге ($\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ $\epsilon\pi\acute{\iota}\gamma\epsilon\iota\varsigma$) служило источником *слабости* императорской власти, ибо считалось, что император правит лишь до тех пор, покуда он находит поддержку бога небесного; если же бог перестал его поддерживать или нашел лучшего избранника, права императора на престол исчезают¹.

Таким образом, если американские и западногерманские историки всячески подчеркивают абсолютизм византийских василевсов, то французские византинисты, наоборот, старались обнаружить «демократические черты» в характере императорской власти в Византии.

При всем внешнем различии этих концепций им всем присущи общие пороки. Это прежде всего отсутствие историзма в подходе к проблеме. Буржуазные историки провозглашают, что официальная византийская доктрина императорской власти не оставалась застывшей и неизменяющейся², но этот теоретически правильный принцип оказывается в конце концов лишь общей декларацией, как правило, не находящей применения в конкретном исследовании. И у Брейе, и у Дэльгера, и у Халецкого власть василевсов оказывается неизменной на протяжении всей истории Византийской империи, не говоря уже о том, что все они далеки от понимания самой сущности императорской власти.

Можно назвать лишь несколько работ, авторы которых стараются проследить эволюцию если не природы императорской власти в целом, то во всяком случае отдельных ее элементов³.

Другой существенный методологический недостаток буржуазных концепций императорской власти — это формальноюридическая трактовка проблемы. Еще Г. Острогорский правильно критиковал Трейтингера за чисто юридический подход к вопросу о соотношении патриаршей и императорской власти; Острогорский подчеркивал при этом, что церковное влияние на императоров могло быть

¹ R. Guiland, Le droit divin à Byzance, «Eos», vol. 42, 1947, f. 1, p. 143.

² См., например, J. Karayannopoulos, Der frühbyzantinische Kaiser, S. 369.

³ G. Ostrogorsky, Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im spätbyzantinischen Kronungszeremoniel, «Historia», Bd. 4, 1955, H. 2/3, S. 249 f., 253 f.; N. Svoronos, Le serment de fidélité, p. 116 sq.

различным в разное время¹. В этой связи необходимо вспомнить, что арабский ученый конца XII в. Марвази, хорошо осведомленный о византийских делах, писал, что в империи ромеев патриарх выше императора². Эти слова Марвази, как бы критически ни воспринимать их, противоречат традиционным представлениям о византийском абсолютизме.

Чтобы преодолеть формальноюридический подход к проблеме, необходимо обратиться к методологии марксизма-ленинизма. Прежде всего необходимо вскрыть диалектическую противоречивость явлений, показать классовую сущность византийского государства и самой официальной доктрины императорской власти.

Общеизвестно, что в Византии признавалась божественность императорской власти³; этот принцип особенно четко был сформулирован Константином Багрянородным, который писал: «Бог ставит императора на престол и дает ему власть над всем»⁴. Наместник божий на земле, император, согласно этому принципу по самой своей сущности был воплощением законности и носителем общего блага⁵, идеальным государем⁶, справедливым отцом, который в равной мере любит своих детей⁷. Именно эти моменты официальной теории используются в буржуазной историографии для идеализации константинопольских монархов. Но в официальной теории византийского государственного строя была и другая сторона, которую обычно не замечают восторженные поклонники автокритического режима. Апологеты византийского самодержавия рассматривали императора не только как «отца народа» и как воплощение законности, но и прежде

¹ G. Ostrogorsky, Рецензия на книгу О. Трейтингепа, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 41, 1941, S. 212 ff. О реальном влиянии церкви на коронацию императора см. также N. Scaronos, Le serment de fidélité, p. 128 sq.

² V. Minorsky, Marvazi on the Byzantines, «Mélanges H. Grégoire», vol. II, 1950, p. 458.

³ W. Sickel, Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert, S. 511.

⁴ Constantine Porphyrogenitus, De administrando imperio, p. 44, l. 5—6.

⁵ См. «Эпанарога», II, 1.

⁶ Theophanes Continuatus, p. 314 sq.

⁷ «Jus Graeco-Romanum», ed. C. E. Zacharia a Lingenthal, vol. III, Lipsiae 1857, p. 297, l. 4.

всего как «господина»¹, все подданные которого были «рабами»².

Однако власть этого «господина», окруженного божественным поклонением, в известной мере была ограничена. Вплоть до X в. в Византии не существовало наследственности царского престола: отсутствие твердого порядка престолонаследия было отмечено соседними народами. В Житии Константина-философа рассказывается о его спорах с хазарами, которые выставили против него «моужа лоукава и заскопива (хитроумного)», упрекавшего ромеев: «Како вы золь обычаи имеете, ставите царь инь во иного мѣсто отъ иного рода? Мы же по родоу се дѣемъ»³. Константин-философ не отрицал отсутствия в Византии наследственности императорской власти, но защищал этот порядок ссылками на авторитет библии. Точно так же и болгарский писатель X в. Иоанн Экзарх, говоря о народах с твердым порядком престолонаследия, называет болгар и хазар, однако не упоминает византийцев⁴. Еще дальше идет Марвази, который утверждает, что император, потерпевший неудачу, лишается царской власти и на его место назначается другой⁵.

Институт соправителей, существовавший в Византии, также не мог не приводить к ограничению византийского самодержавия. Любопытно в этой связи, что более поздний памятник — роман-сказка «Каллимах и Хрисороя» — резко осуждает «общность царской власти» и указывает, что совместное обладание царским престолом приводит к смутам и столкновениям (стк. 54—56).

Тот строгий порядок местничества, приветствий, процессий и т. п., который так детально описан в «обрядниках» византийского двора IX—X вв., по существу сковывал свободу императора распоряжаться чиновниками и придворными: каждый из них занимал определенное ме-

¹ De cer., p. 496, l. 6; *Theophanes Continuatus*, p. 363. 2 и др.

² De cer., p. 47, l. 16, 373, l. 12, 483, l. 8. В соответствии с этим царская служба именовалась «рабством» [δουλεία (De cer., p. 522, l. 16) или δούλωσις (De adm. imp., p. 210, l. 112)].

³ П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, «Труды славянской комиссии», т. I, Л. 1930, стр. 13.

⁴ См. Ю. Трифонов, Сведения на старобългарския живот в Шестоднева на Иоана Экзарха, «Списание на Българ. АН», т. 35, кл. ист.-фил., 1926, стр. 14 и сл.

⁵ V. Minorsky, *Marvazi on the Byzantines*, p. 460.

сто в издавна существующей сложной системе, и император был не в силах изменить установленные традиционные порядки. Окруженный божественными почестями византийский василевс оказывался рабом традиций, закрепленных в не менее «божественном» церемониале¹. Титулы вельмож являлись в Византийской империи пожизненными: раз пожалованный титул не мог быть отнят у его носителя².

Все эти факты показывают сложность и противоречивость официальной византийской теории императорской власти. С одной стороны, византийское право рассматривало императора как наместника бога, как обладателя всей полноты власти в стране, как полновластного господина своих «рабов» — подданных. С другой стороны, оно ограничивало его отсутствием наследственности престола, вводило институт соправителей, подчиняла василевса строгой традиции церемониала. Византийское право провозглашало, что император не подчиняется законам³, и вместе с тем устанавливало, что ему необходимо повиноваться нормам естественного права, священному писанию и постановлениям святых синодов⁴.

Разрешение этого противоречия заключается в следующем. «Божественным» и полновластным является не каждый данный конкретный император, но василевс «вообще», иными словами, самый принцип императорской власти «Божественным» и полновластным император оказывается лишь постольку, поскольку он представляет интересы господствующего класса и стоит на страже этих интересов, используя для этого централизованный государственный аппарат. В лице василевса как бы персонифицируется многоликое, составленное из представителей правящего класса высшее чиновничество Византийской империи, поднимаемое тем самым на необычайную высоту и отделяемое от народа.

Иными словами, реальное управление империей принадлежало не василевсу, а совокупности высших чи-

¹ См. *Н. Скабаланович*, Византийское государство и церковь в XI в. стр. 143 и сл.

² *J. Bury*, The imperial administrative system in the 9th century London 1911, p. 133, l. 24.

³ «Василики», II, 6. 1; ср. «Synopsis Basilicorum», В. III. 1. См. также «Василики», II, 6.2.

⁴ «Василики», II, 6.9; ср. «Эпанагога», II, 4.

нов, бюрократическому аппарату, столичной знати, т. е. верхушке господствующего класса страны. Императорская власть лишь по видимости стояла выше вельмож и архонтов, в действительности же была теснейшим образом связана с интересами господствующего класса. Императорская власть прикрывала своей мнимой божественностью и надклассовостью своекорыстие византийского чиновничьего аппарата. Византийское самодержавие — это не самостоятельная сила, противостоящая архонтам и вельможам, но лишь средоточие и центр бюрократического аппарата феодального государства, стоящего на страже интересов этих самых архонтов и вельмож. Но именно потому, что императорская власть как таковая являлась краеугольным камнем этого аппарата угнетения, личность каждого отдельного императора для класса господ в целом не имела по существу особого значения.

Таким образом, официальная концепция императорской власти, сложившаяся еще в IV—VI вв. и господствовавшая в IX—X вв., отражала политические воззрения столичной знати. Формирование феодальных отношений и усиление провинциальной феодальной знати порождали критическое отношение к этой концепции. Мы встречаем подобную критику уже у писателя второй половины IX в. патриарха Фотия. В «Амфилохиях» он развивает мысль о том, что политическая власть не является божественным учреждением. Христос, говорил Фотий, заботится о спасении душ людей, об освобождении человека от страстей и внушении ему стремления к высшему благу, но он не ставит своей целью телесное или политическое благополучие человека. Конкретизируя это положение применительно к политическому устройству, Фотий говорит: «Ты слеп и глуп и спишь таким глубоким сном., что не понимаешь того положения, что спаситель наш, господь, не predetermined типов государств и их устройства. Ясно ведь, что люди обладают достаточным опытом для этого (т. е. для устройства государства)»¹.

Из этих рассуждений должен был последовать вывод, что императорская власть не является божественной по своему происхождению и нуждается в подкреп-

¹ «Patrologia graeca», t. 101, col. 625. C-D.

лении со стороны патриаршей. Это учение, как известно, было развито Фотием при редактировании «Эпанагоги»¹.

Фотий прямо заявляет себя сторонником ограничения императорской власти и в своих письмах осуждает «жестокость тиранов»². В «Библиотеке» он не один раз возвращается к этому вопросу о царской власти. В кн. 60 он передает содержание сочинения Геродота, которое оказывается в его интерпретации историей четырех персидских царей: Кира, Камбиса, Дария, Ксеркса. Особое внимание Фотий уделяет сравнительно второстепенному эпизоду — захвату власти самозванцем Смердисом, выдававшим себя за брата Камбиса. «Мага Смердиса, — говорит Фотий (и эти слова резко противоречат официальной концепции императорской власти), — не следует причислять к ним (к персидским царям), так как он был тиран и захватил обманом власть, которая ему не принадлежала»³. Следовательно, используя Геродота, Фотий старается обосновать необходимость ограничения императорской власти.

Идеи, высказанные Фотием, были развиты в политической и идейной борьбе X в. Сторонником ограничения императорской власти выступал, в частности, патриарх Полиевкт. По-видимому, к XIII в. в Византии формируется новое представление о характере императорской власти, — в работах Г. Острогорского и Н. Своронса исследуются отдельные моменты этого процесса. Эта новая концепция отражала политическую идеологию не столичной, а провинциальной феодальной знати. Вместе с византийским феодализмом крепла и феодальная идеология.

Таким образом, мы можем видеть, что по сути дела не существовало какого-то специфически византийского учения об императорской власти, принципиально отличного от западных политических учений. В Византии складывались различные представления о характере власти василевса: в течение длительного времени господствовала, если так можно выразиться, «самодержавная теория», выражавшая идеологию столичной знати и объ-

¹ В. Сокольский, О характере и значении Эпанагоги, «Византийский временник», т. I, 1894 г. стр. 34 и сл.

² «Patrologia graeca», t. 102, col. 836. С.

³ «Patrologia graeca», t. 103, col. 113. С.

являвшая василевса божественным, коль скоро он персонифицировал государственный аппарат империи; другая концепция, исходившая из кругов провинциальной феодальной аристократии, стремившейся целиком подчинить центральный аппарат своим своекорыстным интересам, в известной мере «очеловечивала» государя, лишала его ореола божественности, но зато придавала первостепенное значение принципу наследственности императорской власти. Именно этому учению суждено было в конечном итоге восторжествовать.

В заключение следовало бы сделать одно замечание. Наряду с теорией полной противоположности Византии и Запада в современной буржуазной историографии распространяется и иная, казалось бы, совершенно отличная концепция. Некоторые исследователи (особенно Ф. Дворник) подчеркивают в последнее время единство Византии и Запада, более того, единство Западной и Восточной Европы в средние века. Дворник и некоторые другие католические ученые, поддерживающие его концепцию, занимаются преимущественно внешнеполитической и церковной историей; они стремятся показать, что в IX в. между Византией и Западом не произошло разрыва, что известие о фотианской схизме не более чем легенда¹. Дворник подчеркивает, что Русь X—XIII вв. не была оторвана от Центральной Европы: об этом, по его мнению, свидетельствует, в частности, проникновение в русскую церковь культа некоторых западнославянских святых².

Почему же в определенных, преимущественно в клерикальных, кругах распространяется в настоящее время указанная концепция, признающая единство Востока и

¹ *F. Dvornik, The Photian schism. History and legend, Cambridge 1948.*

² *F. Dvornik, The making of Central and Eastern Europe, London 1949, p. 242 f.* Однако противоположная точка зрения о том, что уже в XI в. Европа разделилась на два мира—западный и русско-византийский — встречается чаще (*Iw. Mirtschuk, Rom, Byzanz und Moskau im Kampfe um die geistige Führung im osteuropäischen Raum, «Münchener Beiträge zur Slavenkunde», München 1953, S. 24. f.; G. Vernadsky, A history of Russia, 4 ed., New Haven 1954, p. 15).*

Запада, стремящаяся доказать сильное влияние католицизма на Восточную Европу и на Русь? ¹. Какой политический смысл этих идей?

В работе Дворника и других буржуазных византологов замаскированный смысл этих идей не проступает с той отчетливостью, какую мы можем наблюдать в сочинениях католических или белогвардейских публицистов, использующих выводы «объективных» исследователей для откровенной антисоветской пропаганды. Так, американская католическая писательница Мэри Джаст в своей весьма поверхностной книге утверждает, что первоначально Русское государство было тесно связано с папским престолом, а затем порвало с ним и это якобы явилось причиной всех несчастий русского народа. Книга завершается прямым призывом к ...ниспровержению Советской власти, «восстановлению единства Запада и Востока» и установлению католицизма в СССР ². Белогвардейский журналист В. Вейдле утверждает то же самое, что и Джаст. Россия, по его словам, — «неотъемлемая составная часть европейско-христианского мира, временно выделенная из него» в XIII—XVII вв. ³ Если унаследованная от Византии задача России состоит в том, чтобы «стать частью христианской Европы» ⁴, то задача Запада — «воссоединить» Россию, которую большевики якобы направили на ложный, «азиатский», путь, с христианской Западной Европой ⁵. Как у Джаст, так и у Вейдле христианские заповеди становятся оправданием агрессии против стран Восточной Европы, против СССР.

Когда советские ученые говорят о единстве Востока и Запада, то имеют в виду нечто совершенно иное: они имеют в виду, что история всего человечества развивается по определенным законам, что эти законы действуют и на Западе, и на Востоке, что прошлое человечества не может служить основанием для пропаганды розни между народами и расистских теорий о превос-

¹ См., например, *M. de Taube, Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars*, vol. I, Paris 1947.

² *M. Just, Rome and Russia. A tragedy of errors*, Westminster, Maryland 1954, p. 172 f.

³ См. *В. Вейдле, Задача России*, Нью-Йорк 1956, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 12.

⁵ См. там же, стр. 37.

ходстве одних народов над другими. В прошлом мы не можем найти никаких обоснований той непримиримости Запада и Востока, которую тщатся установить в настоящее время идеологи империализма, выступающие против миролюбивой внешней политики Советского Союза, направленной на мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем.

Рассмотрение основных положений этой распространенной в настоящее время в буржуазной историографии концепции показывает, что она игнорирует исторические факты. Тезис о том, что Византия не пережила падения рабовладельческого общества, не знала феодализма и вечно топталась на месте, сгибаясь под властью самодержца, постоянно стремившегося к империалистическим захватам, в то время как Запад был средоточием «свободы, прогресса и мира», является антинаучным, ложным и крайне реакционным. На самом деле развитие Византийской империи не отличалось в принципе от развития средневековых государств Западной Европы, хотя, разумеется, наряду с общими закономерностями исторического развития византийские города, византийская деревня, государственный аппарат в Византии имели свои особенности; но эти особенности вполне могут быть поняты в пределах феодальной общественно-экономической формации. Следовательно, стремление буржуазных фальсификаторов доказать противоположность исторического развития Запада и Востока является лженаучным и игнорирующим реальную историческую действительность. Распространение этих порочных концепций имеет своей главной целью оправдание противоречащей интересам народов агрессивной политики реакционных империалистических кругов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. М. Даллин, А. М. Некрич, Н. Н. Яковлев.</i> ИСТОРИЯ В «МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ». (О некоторых концепциях новейших буржуазных «всемирных историй»)	3
<i>Е. А. Косминский.</i> РЕАКЦИОННАЯ ИСТОРИОСОФИЯ АРНОЛЬДА ТОЙНБИ	67
<i>Л. Н. Кудашев, В. И. Попов.</i> КАК БУРЖУАЗНО-РЕАКЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ США ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ ИСТОРИЮ КАНУНА И НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	140
<i>Л. Ю. Слѣзкин.</i> КОНЦЕПЦИЯ «ДОБРОСОСЕДСТВА» В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	248
<i>В. Л. Мальков, Д. Г. Наджафов.</i> НОВЕЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «НОВОГО КУРСА» Ф. РУЗВЕЛЬТА	309
<i>А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, Э. В. Удальцова.</i> ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	381

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Редакторы: *Г. Новикова, Н. Попов, В. Керов*

Художник *Л. Ларский*
Художественный редактор *В. Кузяков.*
Технический редактор *О. Чепелева.*
Корректор *Г. Ефимова*

Сдано в набор 21 апреля 1959 г. Подписано в печать 26 августа 1959 г. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Бумажных листов 7. Печатных листов 22,96. Учетно-издательских листов 24,7. Тираж 10 тыс. экз. А05260. Цена 11 р. 40 к. Заказ № 3052.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуевая, 23.

11р. 40к.

СОЦЭКГІЗ - 1959

СОЦЭКГИЗ - 1959